

СИЯ КЕЙС

ВЕТУВЬЯР

КНИГА 1

Ланфорд Карцелл с детства принадлежит к ордену Истинного Лица, где его готовили к службе камарила — охотника на особых магических существ — ветувьяров.

Ветувьяры непредсказуемы и опасны, они — люди-оборотни, имеющие два равносильных лица.

Пятьсот лет назад глава ордена Истинного Лица поклялся истребить всех ветувьяров, но чем меньше их становится, тем сложнее до них добраться.

Ланфорду достается практически невыполнимое задание: уничтожить двоих последних ветувьяров — короля и принцессу соседнего государства, смерть которых может обернуться крупнейшей войной за всю историю...

Глава 1. Кирация. Анкален

Непонятно, для чего нужна была люстра. Она висела над столом замысловатой кованой громадиной и могла бы вместить в себя столько свечей, что их света хватило бы на весь зал. Но при подготовке пира про нее наверняка никто даже не вспомнил, поэтому на стенах горели факелы, и было в этом что-то дикое и первобытное, переносящее в те времена, когда народ Кирации жил бесконечной войной и разбоем.

Кто-то сказал бы, что сейчас мало что изменилось. Возможно, и так. Джеррет перевел взгляд с люстры над головой на длинный стол, простирающийся перед ним. Со всех сторон доносились пьяные или просто подвыпившие голоса, громыхали тарелки и кружки, пахло жареным мясом, пивом, вином, какими-то травами. Зубастые рты, спрятанные в лохматых бородах, с наслаждением поглощали разодранное руками мясо и запивали его чем-то из глиняных кружек, расплескивая пойло прямо на столешницу и себе на штаны, залиvisto при этом ругаясь и тут же переходя на громкий хохот.

Скорее всего, именно так их предки-варвары и отмечали свои победы, вернувшись из чужих земель. Прошло лет восемьсот — а пиры не изменились. Даже факелы остались прежними — они отбрасывали причудливые тени склонившихся над столом пирующих на каменные стены, увешанные трофеями и оружием. Джеррет с удовольствием использовал бы слово “жрущих”, потому что оно подходило к сидящим за столом господам гораздо больше. Еще каких-то полчаса назад этот стол ломился от еды, теперь же огромные блюда до неприличия опустели, и слуги едва успевали менять их на новые.

Дам на пир — что было весьма разумно — не пригласили. Негоже столь впечатлительным созданиям любоваться на подобное варварство, хотя от общества какой-нибудь послушной красавицы Джеррет бы не отказался. Может, не сейчас, а чуть позже, когда он будет окончательно сыт и доволен жизнью. Да, нужно будет обязательно заглянуть к кому-нибудь, пока не явилась сестрица и не начала читать ему мораль.

Впрочем — какая она ему сестрица!? Успокаивать эту безумную следовало Тейвону, но никак не ему.

Джеррет откинулся на высокую мягкую спинку и лениво посмотрел на соседа. Престон за обе щеки уплетал достойное королей угощение и даже не замечал, что за ним кто-то наблюдает. Они с Джерретом сидели во главе стола и постоянно ловили на себе чьи-то взгляды, так что игнорировать чужое любопытство было единственным верным решением.

— Джер, чего не ешь? — Донеслось справа словно в подтверждение того, что глаз с него действительно не спускают. Хорошо, что хоть Эйден, а не какой-нибудь придворный шаркун.

— Ем, — Джеррет вернулся к тарелке, — Просто отвлекся.

И вправду, что это он ерундой страдает!? Джеррет сунул в рот приличный кусок мяса и отхлебнул вина. Еда здесь была не в пример лучше той, которой он довольствовался восемь месяцев. Нет, не то что бы на “Королеве Этиде” было нечего жрать, просто вся эта засушенная гадость и безвкусное месиво не доставляли и сотой доли того удовольствия, которое он получал от творений придворных поваров. Все же Тейвон не дурак, хоть и король...

— Для человека, — Булькнуло слева, — прошедшего много месяцев в море, у вас не самый хороший аппетит, адмирал.

Джеррет смерил собеседника взглядом, если тот бесформенный мешок сала, закутанный в меха, который развалился в широком кресле, конечно, им был. Страшно представить, что этот человек считал хорошим аппетитом...

— Просто иногда я думаю о высоком, — Ухмыльнулся Джеррет, отхлебывая еще вина. На трезвую голову говорить с этим слизняком было невозможно.

— Да ладно вам, господин Лукеллес, — Вклинился в разговор Престон, — Этот сожрать и выпить может не меньше меня, хотя по виду и не скажешь...

— Действительно, — Маленькие заплывшие глазки словно ощупывали Джеррета, — Я уж начал переживать, не заболел ли мой дорогой шурич чем-нибудь.

— Так это не ко мне, — Не упустил возможности поддеть “родственничка” Джеррет, — а к Тейвону.

На самом деле, сваливать удовольствие от общения с этим ничтожеством на Тейвона тоже было не честно. Честно было заявиться к Лукеллесу домой, дать ему в морду, взять бедную Калисту за руку и увести оттуда навсегда. Но ни Тейвон, ни Джеррет этого не делали — Кирация требовала жертв. И жертвой была всего лишь женщина.

Тем не менее, Джеррет ощутил, как руки непроизвольно сжались в кулаки. Он мысленно возвал к душевному спокойствию, а потом заметил на себе пристальный взгляд Эйдена. Они с Престоном знают, чем все это может закончиться, и не дадут ему выйти из себя.

Иногда Джеррету становилось их жалко — терпеть не только его, но и Тейвона! Кто из них двоих был невыносимей, можно было только гадать...

— Я человек простой, — Лукеллес разорвал толстыми, залитыми жиром пальцами внушительный кусок мяса, — И буду лжецом, если скажу, что разделяю вас.

“А стоило бы” — озлобленно подумал Джеррет. Эйден не раз говорил, что Тейвон переносит встречи с зятем гораздо спокойней. Ну так все верно — Тейвон не адмирал флота, он не носит с собой целый арсенал оружия, не водит дружбу с моряками и даже, наверное, не дрался ни разу по-настоящему...

— Вы похудели за время плавания, голубчик, — Ехидно подметил Лукеллес.

— Верно, это же война, — Сухим голосом сообщил Джеррет, сдерживаясь из последних сил, — А не заседания торговой гильдии...

Под ребра в тот же миг врезался локоть Престона. Эйден тоже казался готовым в любой момент осадить пыл друга.

— Да и слава богу! — Подхватил разговор, запнувшийся на адмиральской колкости, Престон, — Жри он на “Королеве” как здесь, черта с два я бы его с этой зиеконской галеры вытащил!

— Да будет тебе приbedняться! — Хмыкнул Джеррет, искоса посмотрев на широкие плечи и здоровенные ручищи друга. Сам он всегда был если не в половину меньше, то на четверть уж точно.

— А ты бы попробовал пробежаться по палубе с мужиком на плече! Ты, Джер, со своим ростом пушинкой все равно не станешь. Так бы и остался там, если бы не я...

— Странно, — Вновь влез Лукеллес, про которого Джеррет пытался забыть, — А я слышал, что именно “Королева Этида” под командованием Джеррета принесла нам победу...

— Ну правильно, — Кивнул Престон, и до Джеррета дошло, что друг если и не пьян, то непривычно весел, — Он же потом очухался!

— Дурак я, — Насупился притихший Эйден, — В моряки нужно было идти, а не здесь полы протирать!

— А за столицей, значит, смотреть не нужно? — Окончательно расслабившийся Джеррет расстегнул камзол и лениво потянулся. Может, перед походом к красотке лучше сначала выспаться?

— Да что за ней смотреть? Двадцать лет ничего не происходит!

Если бы Джеррет выпил на несколько бокалов меньше, он бы заострил внимание на досадливом тоне и недовольстве Эйдена собственной должностью. Другу было легко судить со своей колокольни — что он знал о городских восстаниях двадцатилетней давности? Лишь то, что не поленились записать монахи и секретари.

А Джеррет видел все это своими глазами, глядя с балкона на пылающую площадь, слыша крики и вдыхая запах дыма. Но самым страшным было не это, а то, о чем он думал в тот момент... Положение казалось безвыходным, оно таким бы и стало, если бы не тот, на кого он сейчас не хотел поднимать глаза и которого всем сердцем ненавидел. Шерод Лукеллес — глава торговой гильдии. Продажная мещанская мразь, почуявшая выгоду и уникальную возможность приблизиться к трону. Да уж, толстяк не продешевил, когда попросил у Тейвона в обмен на деньги принцессу...

Воспоминания всплывали перед глазами ожившими картинками, но вино неплохо помогало отгонять их. Джеррет и не заметил, как опустошил очередной бокал, чтобы тут же налить еще. Он слышал, что многие от вина звереют, но обыкновенно вспыльчивый и несдержанный Джеррет наоборот становился все добрее и терпимей с каждым глотком. Именно поэтому он пропустил слова Эйдена мимо ушей и с одобрением плюхнул руку ему на плечо:

— Так может, потому и не происходит, что ты всех в узде держишь?

Эйден имел дурацкую привычку принижать свои собственные заслуги — то ли в силу своей застенчивости, то ли из-за того, что случилось с его семьей... В любом случае, друг был ответственным и справлялся со своими обязанностями начальника столичной гвардии лучше некуда, да еще и успевал согреть постель сестрицы, причем уже много лет.

Раньше Джеррет гадал — что она в нем нашла? Нет, Эйден, конечно, отличный парень, но первой красавице королевства он не ровня. Из красивого в нем были только пышные золотые кудри, а в остальном... Зубы здоровущие, брови облезлые, а раньше ведь еще был тощий, как жердь, с возрастом хоть немного выправился. Ржать как конь он, конечно, не перестал, но это то же самое, как если бы сам Джеррет прекратил беситься на каждую мелочь.

— И правда — у тебя, дружище, не забалуешь! — Престон пил и улыбался — то ли он был пьян, то ли тоже соскучился по Эйдену, — Видели мы твоих ребят...

Договорить адмиралу помешал грохот внезапно открывшихся парадных дверей, который друзья бы и не услышали в общем шуме, если бы не сидели так близко, пусть и спиной. Удивленный наглостью какого-то непрошенного гостя, Джеррет повернулся.

Гвардейцы — из числа тех самых ребят Эйдена — безропотно пропустили в зал высокую белесую фигурку, которой явно было здесь не место. Ну что могла забыть столь изящная дама среди грубых изрядно подвыпивших мужчин?

Вот только дама была настроена весьма решительно — у Джеррета было всего несколько секунд на то, чтобы осознать всю незавидность своей участи, взглядываясь в разъяренное лицо и сжатые кулачки стремительно приближавшейся гостьи.

— Сестрица! — С наигранной радостью взвыл он, понимая, что голос его гораздо пьянее, чем недавно казалось, — Зачем ты здесь?

— Не называй меня сестрицей, наглец! — Разъяренная дама явно боролась с желанием отвесить пьяному мерзавцу пощечину.

— Согласен, нечего отнимать эту привилегию у Тейвона...

— Ремора, — Позвал Эйден, естественно, безуспешно.

“Сестрица” бегло оглядела всех сидящих за столом и снова вернулась к Джеррету. Он был готов поклясться, что половина присутствующих вообще не заметила ее вторжения, как сама Ремора не замечала своего любовничка Эйдена.

— Так и знала, что у тебя нет совести! — Обрушилась она на Джеррета, — Вставай! Живо!

Он хотел бы подчиниться, лишь бы не слушать эту истерику и неизбежно последующие за ней тирады, но понял, что если встанет прямо сейчас, то на ногах устоит вряд ли. Нужно было все-таки рассчитывать свои силы — пил Джеррет не больше, чем раньше, но не зря же даже торгаш Лукеллес это заметил: похудел он не то что бы сильно, но все же ощутимо, а значит, и пьянел быстрее, а за подобное Ремора его точно загрызет.

— Да что такое!?! — Джеррет попытался собрать последние остатки трезвости.

— А то ты не догадываешься?

Нет же, он давно уже догадался. Точнее, знал наверняка — Реморе от него нужно только одно, и это — Тейвон.

— У меня еще четыре полноправных месяца! — Поднял палец обороняющийся Джеррет, — Может, я хочу пожить в свое удовольствие?

— Ненавижу тебя! — Пылко бросила Ремора. Казалось, она сейчас закипит от злости — обыкновенно бледное лицо буквально горело, волосы были взлохмачены, руки едва не тряслись, — Живо пошел со мной!

Не дожидаясь очередного вялого протеста, “сестрица” схватила Джеррета за руку, не оставив ему никаких путей к отступлению. Пальцы ее были ледяными, но сжимали так крепко, что стало даже страшно — сколько силы таилось в этом хрупком тельце?

Выбора у Джеррета не было, и он все же поднялся, как-то умудрившись даже не качнуться и в последний момент успев схватить свою треуголку, чтобы водрузить ее на голову. Упрямая рука тянула его прочь из теплого, пропахшего вкусной едой и вином зала, прочь от друзей и ненавистного Лукеллеса, в прохладный коридор с гвардейцами вдоль стен, в ликующий город, опьяненный известием о его, адмирала Джеррета Флетчера, — не Тейвона! — победе, и во мрак, куда этому самому победителю придется кануть...

Престон что-то сказал Эйдену, и оба рассмеялись. Уходящий Джеррет шутку уже не слышал.

*

Ремора тащила эту пьяную никчемность за собой, даже брезгуя на него оборачиваться. Честь поганцу делало разве только то, что ему хватило совести не пререкаться еще и здесь, при гвардейцах и прочей мелочи, которая не упустит возможности перемыть кости и адмиралу, и принцессе, и королю.

Добравшись наконец до безлюдного коридора, Ремора остановилась и развернулась к этой морской гадине лицом. Высказать ему хотелось многое, но это терпело, в отличие от королевства, которое в короле как раз нуждалось неотложно.

— Давай, — Принцесса прожигала бесстыжую пьянь глазами.

Джеррет заметно похудел, но жалко его не было — эта зараза с детства громыхала костями, но при этом проявляла такие чудеса силы и выносливости, что на ней можно было пахать. Вот и сейчас щеки у него хоть и провалились, но лицо было бронзовым от загара, какой никогда не получишь в их пасмурных холодных краях. Адмирал даже казался посвежевшим и помолодевшим, глаза блестели, хотя... глаза могли блестеть и от количества выпитого.

— Что “давай”? — Уже не в первый раз прикинулся дураком “братец”.

— Мне нужен Тейвон. Прямо сейчас.

— Что!? Нет!

Ремора была не в том расположении духа, чтобы терпеть его капризы — не раздумывая ни секунды, она влепила Джеррету пощечину и уставилась в хитрющие зеленые глаза, в которых не было ничего родного или даже близкого.

— Давай хотя бы не здесь, — Адмирал с видом обиженного мальчишки потирал ушибленную щеку. Может, было даже хорошо, что он сейчас пьян — иначе так просто она бы не отделалась, — До замка рукой подать...

— А ты стесняешься? — Вздернула бровь Ремора.

— Хочу попроситься.

Он был неисправим, и на этот раз Ремора отступила. Она и сама понимала, что нужно добраться до замка, до покоев Тейвона, где можно было сесть и поговорить наедине, высказать все то, что накипело, и решить, что делать дальше. К счастью, Джеррет шел быстро, и на месте они оказались уже минут через десять, за которые принцесса успела несколько раз продумать, что скажет брату.

Покои Тейвона по ее приказу тщательно убрали все восемь месяцев, но комнаты все равно успели стать нежилыми, опустевшими. В просторной гостиной с высоким потолком каждый шаг отдавался эхом, даже несмотря на увешанные гобеленами стены и дорогой зиеконский ковер на полу.

Войдя, Ремора прикрыла за собой дверь, повернулась и увидела, что Джеррет уже развалился в кресле, закинув ногу на ногу. Снять треуголку в помещении он тоже не удосужился, зато камзол растянул, отчего показался Реморе еще более пьяным и растрепанным.

— Я жду, — Ремора медленно прошла по комнате, не сводя глаз с упрямого негодника.

— Недолго же ты меня терпела... А я надеялся, что ты соскучилась, — Джеррет ухмыльнулся тонкими губами, отчего его длинное лицо сделалось еще хитрее.

Он всегда чем-то напоминал лиса — вертлявого, коварного и опасного. Наверное, из-за рыжих волос, которые обычно доходили до плеч, но сейчас отросли до середины спины и были стянуты в низкий хвост на затылке. Хотя... эти тонкие, мелкие черты лица тоже подходили пушистому хитрецу.

— По Тейвону. Не по тебе, — Пожала плечами Ремора.

Больше он не произнес ни слова, хотя принцесса ожидала чего-то еще. Невидящим взглядом она уставилась на адмирала, на какое-то мгновение забывшись, и вернулась в реальность лишь тогда, когда увидела, как губы Джеррета почти беззвучно шепчут до боли знакомые слова.

Всю жизнь Ремора пыталась поймать этот момент — вот и сейчас она пристально смотрела на адмирала, надеясь, что ее глазам удастся уловить тот миг, когда один ветувьяр сменится другим, но снова потерпела фиаско. Вот она видит, как сосредоточенный и

печальный Джеррет, теряя сознание, оседает в кресле — и вот уже перед ней, на том же самом месте, расположилось безвольное, словно спящее, тело единственного родного человека.

Ветувьяры легко меняют тела — через пару минут брат придет в сознание самостоятельно, но Ремора все же решила его поторопить и легонько похлопала по щекам. Спустя мгновение Тейвон дернулся, словно от испуга, и распахнул глаза, ошалело уставившись на сестру.

Принцесса по себе знала — в этот момент лучше ничего не говорить, а дать бедняге прийти в себя. Пусть вспомнит, что было перед тем, как он провалился во тьму, став другим человеком.

— Сестрица, — Раздался негромкий, слегка хриплый голос, такой непохожий на визгливый тенор Джеррета.

— Восемь месяцев, — Опережая его вопрос, ответила Ремора, — Так что я жду извинений.

Тейвон хотел запустить руки в волосы, но помешала злополучная треуголка. Каким-то неуклюжим движением брат стянул с головы шляпу и задумчиво повертел ее в руках:

— У него были на то причины?

— К сожалению, да. Канхольм. Он там, кстати, победил.

Тейвон поморщился — то ли от досады, то ли у него просто болела голова, но Ремора могла его понять. Первые минуты — даже дни — после долгой тьмы всегда были ужасны: ты просто сидишь и слушаешь, что вытворял твой ветувьяр, пока тебя временно не существовало.

— Так где мои извинения? — С ухмылкой переспросила принцесса.

— Я же оставил тебе письмо. Я точно помню.

— И даже не соизволил попроситься, — Напомнила она, — Хорош братец! Бросил на меня королевство, а сам отправил в море эту скотину!

— Да неужели он настолько плох? — Тейвон медленно поднялся и тут же скукожился — одежда Джеррета явно была ему не по нраву. Да и не по размеру, — Никто кроме тебя не говорит о нем ничего такого уж гадкого!

— Он забирает у меня тебя, — Честно призналась Ремора, — И не может править Кирацией. Этого достаточно для моей неприязни.

— И поэтому ты не дала ему четыре месяца?

— Нет, — Покачала головой Ремора, — Дело срочное, и обсуждать его с Джерретом не было смысла.

— Ладно, поверю, — Улыбнулся брат, — Но для начала переоденусь. Спроси у него как-нибудь — он вообще что-нибудь жрет!?! Какого черта он такой тощий!?

Ремора засмеялась, наблюдая за тем, как Тейвон из последних сил сражается с тесным камзолом, натянувшейся на плечах рубашкой и чересчур тугим для него ремнем. Брат скрылся в дебрях гардеробной, выпутываясь из чужой одежды и не переставая что-то недовольно бормотать. Ремора решила развеять его сомнения:

— Жрет он не меньше тебя, а пьет и того больше.

— А еще фехтует и дерется, мне говорили, — Донесся приглушенный голос, — Жизнь порядком поинтересней моей.

— Прекрати, — Буркнула Ремора, — Ты король.

— Именно этим я и недоволен, — Тейвон вышел из гардеробной, и теперь все

окончательно встало на свои места.

Каждый раз, когда Ремора видела брата в его привычном обличье, ей становилось спокойно и уютно. Наверное, из-за ответственности, которая тут же перепрыгивала с ее плеч на его.

Король вернулся, а значит, принцесса могла отступить в тень.

— Я весь внимание, — Тейвон подошел к туалетному столику и открыл небольшую узорчатую шкатулку, — Что за дело?

Сколько раз она отрепетировала эти слова? Десять? Двадцать? А они все равно не желали срываться с языка. Ремора замялась, постукивая ногтями по гладкой столешнице. Тейвон неожиданно выругался, но адресовано это негодование было не ей.

— Ты посмотри — вот же мерзавец! — Брат протянул принцессе клочок бумаги.

На обрывке угловатым почерком было выведено:

Прости!

У меня не было выбора — либо твой рубин, либо новый такелаж.

Джер

— И после этого ты будешь утверждать, что он не такой уж и плохой? — Ухмыльнулась Ремора, разрывая записку пополам.

— В любом случае, он делал это для Кирации, — Тейвон вытащил из шкатулки несколько колец и с деловым видом натянул три на одну руку и два — на другую, — Хотя перстень мог бы и выкупить...

Ремора не понимала маниакальной любви брата к кольцам — она ни разу не видела, чтобы он появлялся без них на людях, словно отсутствие этих гаек на пальцах заставляло его чувствовать себя голым. Сама она колец никогда не носила — ни обычных, ни обручальных — да и не собиралась, как бы Эйден не старался...

У нее остался месяц, чтобы побыть с ним, а потом исчезнуть. И почему каждый раз это воспринималось как маленькая смерть?

Кому из них сложнее принять ее естество? Эйдену? Каково это — любить женщину, а потом терять ее на целый год, и так каждый раз? Или ей? Ведь это очень больно — падать во тьму, возвращаться и видеть, что на его бледном лице появились новые морщины, в то время как ты постарела всего на один день.

Став ветувьяром, королева Этида не получила божественную силу. Она себя прокляла, хоть и вряд ли это осознавала. Таким эгоистам, как она, понять подобное не под силу, им плевать на тех, кто рядом.

— Эй, сестрица, — Окликнул Тейвон, — Ты так и не сказала, что случилось.

И правда — как приятно жалеть себя, даже когда твои проблемы намного меньше чужих! Если кому-то и надо было страдать, так это Тейвону, но пока что он ничего не знал, оттого и улыбался, как мальчишка, думая, что несмышленная младшая сестра дернула его из-за ерунды.

— Тейвон, — Ремора взволнованно потеряла ключицу, скрытую под платьем, — Ингерду убили.

В первые дни после того, как это случилось, она тоже не могла принять этот факт, вот и Тейвон явно отказывался верить. Он мотнул головой, словно испуганный конь, обтянул рукава камзола и нервно вздохнул.

— Нет... А Мерелинда?

А он привел мысли в порядок быстрее, чем Ремора рассчитывала. Разве что глаза были

раскрыты чуть шире, чем обычно — так и не скажешь, что между ним и покойницей что-то было.

— В порядке, но не желает никого видеть.

— Ничего. Меня пожелает, — С какой-то злобой отчеканил Тейвон, бросаясь к двери.

Ремора успела остановить его уже у самого порога.

— Она тебя не пустит.

— Ты сама только что говорила, что я король. Мне нужно знать...

— Я говорила с ней, — Ремора оборвала брата на полуслове, положив руку ему на грудь.

Все-таки он сдерживался — принцесса чувствовала под пальцами поистине бешеное сердцебиение, — Вряд ли она скажет тебе больше, чем мне.

— Естественно, она же меня “ненавидит”!

— Сядь и выслушай, что я думаю, — Попросила Ремора.

Тейвон через силу подчинился и устало опустил в кресло, закинув ногу на ногу точно так же, как совсем недавно сделал его ветувьяр на этом же месте. Какими бы разными эти двое не были, иногда сходство между ними откровенно бросалось в глаза. И дело не только в длинных волосах, которые у одного были рыжими, а у другого — практически белыми, но и в жестах, которые оба то и дело демонстрировали.

Раньше Ремора завидовала тому, что Тейвон с Джерретом с детства были почти одного роста и схожего телосложения — разве что адмирал был чуточку ниже и худее, но издалека этого не увидеть — ведь ей досталась Калиста, которая даже после голодовки не влезла бы ни в одно ее платье. Впрочем, кто из них был красивее, Ремора никогда ни у кого не спрашивала.

Отбросив мысли о Калисте, принцесса облокотилась о стол и принялась рассуждать вслух:

— Ее убили в одном из нижних парков. На территории замка. Тело нашли монахи.

— Где была охрана!? Ферингрей, Эйден? — Встревоженно дернулся Тейвон.

— Геллиус приказал мне ничего не рассказывать им.

— Он здесь!?

— Приехал на следующий день. Сам понимаешь: убийство ветувьяра — дело серьезное.

— Тогда я тем более не понимаю, для чего он держит это в тайне.

— Не хочет паники, — Пояснила Ремора, — Его люди уже занялись поисками... Если еще и горожане начнут подозревать всех подряд, начнется то, что уже было двадцать лет назад. После смерти отца.

— Вы думаете, это камарилы?

Ремора кивнула:

— Возможно, всего один. Зачем отправлять нескольких, когда целей всего три..?

— Шесть, — Поправил Тейвон.

— Зависит от везения, — Пожала плечами принцесса, — Я усилила охрану, спасибо, предлог нашелся.

— Что еще? — Невесело хмыкнул брат.

— Старания Джеррета. После победы у Канхольма к нам пожаловал двисетский посол. Скорее всего, хочет продлить союз с нами, но я его еще не принимала...

— Вот вроде и моряки, а такие трусы! — Осудил двисетцев Тейвон, — Чуть империя подняла голову, так они засуетились!

— Тебе надо будет принять его в ближайшее время. И Престона с собой возьми, а то

вдруг этот милый старикашка думает, что у вас с Джерретом одна память на двоих...

Глава 2. Эделосс. Линтхалас

В столице даже воздух ощущался как-то по-другому. Пока Ланфорд ехал от главных ворот до большой арены, он никак не мог надышаться запахами дома — ароматом крупных ярких цветов у торговок, сидящих по краям дороги, легким шлейфом аппетитной еды из приоткрытой двери соседней таверны и едва заметным присутствием в воздухе прибитой дождем дорожной пыли.

Здесь все было правильно, все на своих местах — и телеги на мощеной дороге, и безликие мещанские домишки с прямоугольными окошками и покатыми крышами, и сами люди — занятые, сосредоточенные, пусть временами и излишне крикливые. Они встречали камарила восторженными и любопытными взглядами, девицы с длинными косами не сводили с него глаз, а местные мальчишки бежали вслед за ним с радостными криками. Камарила — клинки ордена Истинного Лица — были для них кем-то вроде посланников божьих, и это, признаться, придавало немало сил.

Линтхалас казался таким родным и милым после того, что Ланфорду пришлось повидать в четырех днях езды отсюда — в Кидессе. Городок, о котором он до недавнего времени даже не слышал, оказался сущей деревней, а именно самым худшим, что деревня могла из себя представлять. Там на него глазели все, начиная перешептываться еще до того, как Ланфорд скрывался из виду. Там воняло грязью и навозом, а покосившиеся домишки, брошенные в чистом поле, казались чьей-то неудачной насмешкой над этими ущербными, убогими людишками.

И в этом аду откуда-то взялся человек, связанный с орденом Истинного Лица! И не просто связанный, а, как оказалось, прямой наследник камарила! Тот камарил, правда, жил лет двести назад, но пользы принес немало — на его счету оказалось целых пять ветувьяров! Этим он и заслужил покровительство ордена для всех своих потомков, на которых природа явно решила отдохнуть — вот и забросила этих мелких пустых людишек в жалкий гадюшник, чтобы двести лет спустя “господин” Питрес позорил память своего предка, держа убогий постоялый двор и влезая в долги из-за своего пьянства.

Долги, страдать из-за которых почему-то пришлось Ланфорду.

Воспоминание было не из приятных, но молодой человек часто к нему возвращался — потому что именно тогда он впервые осознал, что был для родного ордена не только славным воином, но и пешкой, которой всемогущий глава двигал по своему усмотрению.

До того дня Нэриус никогда не вызывал к себе Ланфорда лично, и уже один этот факт должен был насторожить, но камарил почему-то решил, что глава ордена хочет сообщить ему хорошую весть или дать важное поручение, оттого и рванул в орденские сады со всех ног, чтобы разочароваться уже в первую минуту беседы со стариком.

— Наш орден несет милосердие, — Издалека начал Нэриус, перебирая вполне еще бодрыми пальцами крупные бусины четок.

— Мне это известно, великий, — Чуть склонил голову Ланфорд. Говорить с высшими лицами ордена надлежало иначе, чем с простыми людьми, это всем камарилам вдалбливали в голову с первого года обучения.

— Наша рука помогает всем, кто в этом нуждается, — Возвышенно продолжил церковник. В саду было тихо, как в склепе, хотя в это время всегда всюду поют птицы и громко шуршат под ногами листья. Нэриус же своим смиренным видом еще сильнее наводил

тоску.

— Мы хотим, чтоб ты стал рукой ордена, сын мой, — Сами по себе эти слова могли бы обрадовать, но то, как они были произнесены, заставило Ланфорда понять — от него будет требоваться что-то другое.

— Что нужно делать? — Заставил себя произнести он.

— Вчера я получил письмо, — Нэриус сложил руки в праведном жесте, — Один человек просит нашей... поддержки. Ему известно о милосердии нашего ордена и о том, что все на свете должно быть взаимно.

Больше всего Ланфорду хотелось оборвать витиеватые разглагольствования Нэриуса словами “к чему ты клонишь?”, но камариллов учили лиц ордена не перебивать, а этих самых лиц, в свою очередь, натаскивали долго, красиво и бессмысленно говорить, так что одному из собеседников пришлось уступить.

— Беда несчастного в том, что ему нечего предложить взамен, — Вот, кажется, он наконец перешел к сути! — Кроме своей единственной дочери.

— Я не совсем понимаю, великий, — Настороженно вмешался Ланфорд.

— Несчастный готов передать девушку в благочестивые руки ордена.

— Но ведь к ордену Истинного Лица могут присоединиться только мужчины, — Зачем-то напомнил Ланфорд. Все же он был несдержан.

— Безусловно, сын мой. Об этом не могло быть и речи, но девушка — потомок камарила.

Ланфорд на мгновение замер, уловив намек Нэриуса. Такое могло присниться разве что в кошмаре.

— От ее брака с камарилом на свет появятся величайшие воины или непревзойденные дипломаты. Иначе говоря, будущее Эделосса, — В голосе смиренного старика наконец-то мелькнула сталь, и Ланфорд вспомнил, что говорит не с простым священником, а с главой ордена.

— Почему ваш выбор пал на меня? — Не стал ходить вокруг да около он, — Я — не единственный камарил в ордене.

— Чтобы сделать этот выбор, я посоветовался с вашим наставником. Ответ сына моего Биркитта был однозначен.

Этому Ланфорд не удивился. Биркитт, несмотря на свою суровость, уже несколько лет не скрывал, что Ланфорд — лучший из его учеников.

— Завтра ты отправишься в путь, сын мой. С поручением от ордена.

Ланфорд сразу понял, что от этого “поручения” ничего хорошего ждать не придется, но все оказалось еще хуже. Камарил еле выдержал несколько дней в доме Питреса, считая часы до отъезда, и теперь он с ужасом думал о том, что когда-нибудь ему придется туда вернуться.

Подъезжая к большой открытой арене — сердцу Линтхаласа еще с древних времен — Ланфорд отбросил эти мысли подальше. В ближайшем будущем ему следует волноваться не о свалившейся на голову женитьбе...

Огромное круглое сооружение с ареной под открытым небом видело еще древних королей Оствэйка — его построили раньше, чем зародился орден Истинного Лица, и даже до того, как чертова сука королева Этида возжелала невозможного и превратила себя в отродье тьмы — ветувьяра.

Внешние стены охраняла городская стража, не пускавшая излишне любопытных простолудинов дальше, чем им положено. В любом случае они смогут увидеть только фасад

древней арены, потому что все самое важное будет происходить внутри.

Люди расступались перед копытами его коня, и Ланфорд довольно скоро добрался до центрального входа — огромных каменных ворот высотой с одноэтажный дом. Скульптуры на воротах изображали древних королей — здесь был и Рейгал Мореход, и Толин Язычник, а чуть позже к ним добавилось и изваяние поновее — Италд Набожный, величайший из королей Эделосса, под началом которого и был создан орден Истинного Лица.

Здесь уже собрался почти весь орден — такую толпу вооруженных до зубов воинов можно было увидеть разве что в самом Доме камариллов. Ланфорд спешил и двинулся к красующимся возле входа товарищам, которые все никак не могли довести свое облачение — кто-то поправлял ножны и ремни, кто-то перебирал кинжалы, кто-то пристегивал плащ серебряной застежкой в виде клинка с двумя лезвиями — “вилкой”, как называли символ камариллов все новобранцы. Все были одеты с иголки, сверкая не только орденскими знаками, но и восторженными улыбками. Особенно светились от счастья восемнадцатилетние мальчишки, которым предстояло впервые полюбоваться на торжественное зрелище.

Ланфорд опустил глаза на свои запыленные сапоги, расправил плащ за спиной и проверил, крепко ли держится “вилка”, пристегнутая к дубленой коже доспеха на плече. Выглядел он, может, и неважно, но времени на то, чтобы привести себя в порядок, все равно не было.

Церковники, что стояли чуть поодаль, сбились в плотную серо-черно-бордовую кучу возле самого входа, искоса поглядывая на приближающегося Ланфорда. Камарил ответил им смиренным кивком и присоединился к своим.

На мгновение он потерялся в водовороте голосов и лиц. Ему жали руку, обнимали, хлопали по плечу, задавали какие-то вопросы, Ланфорд улыбался и бормотал что-то в ответ, но глаза его искали двоих — лучшего друга и давнего наставника.

— Ну что, как все прошло? — Раздался насмешливый голос из-за спины.

Ланфорд обернулся, выхватывая беглым взглядом знакомое лицо. Вот, один найден. Длинные ручищи загребли его в объятия и порывисто отпустили.

— Долго рассказывать, — Признался Ланфорд, отстраняясь от друга.

— Ну я так и подумал, — Почесал рыжеватую бороду Робин, — Но выглядишь сносно — видимо, морду не били и голодом не морили... Только побрейся!

Ланфорд рассмеялся, потрепав друга по плечу.

— Непременно, — Нарочито деловым голосом поклялся он, — Бородач среди нас может быть только один.

— Ланфорд Карцелл! — Крикнули слева.

Несмотря на то, что он и сам собирался найти Биркитта, появление наставника получилось неожиданным. Внушительная фигура словно отогнала от себя всех остальных и теперь с громким лязгом начищенного оружия приближалась к Ланфорду. Биркитт Даирон производил грозное впечатление всем своим видом — высокий рост, окладистая борода, невероятно крепкие для его возраста мускулы — так и не скажешь, что на его счету был всего один ветувьяр.

— Нэриус будет рад, что ты успел к церемонии, — Сообщил он, — Он в любом случае хотел называть тебя, но теперь ты еще и подкрепишь его слова делом. Готов?

Ланфорд покосился на Робина, чтобы поймать его уверенный кивок.

— Конечно.

Биркитт никогда ни с кем долго не разговаривал — он уже отворачивался, спеша покинуть своих подчиненных, но через мгновение словно бы опомнился. Он всегда так делал, для чего — оставалось загадкой.

— Выходите последними. После Кирмута и Тъята, — Бросил он напоследок. Ланфорд даже не успел открыть рот, чтобы задать свой вопрос, как Биркитт скрылся, что, наверное, даже было к лучшему. О том, что он хотел спросить, следовало говорить наедине.

Мальчишки проводили наставника такими взглядами, какими бы смотрели на своего бога фанатичные монахи, если бы тот соизволил к ним спуститься.

— Биркитт как всегда, — Подметил Робин, — Даже интриги не оставил! Ты — и всё тут!

— Да ладно тебе, — Успокоил друга Ланфорд, — Вдруг съезжу впустую? Тогда выберут другого камарила. И в том, что это будешь ты, я даже не сомневаюсь.

На этот раз он врал — не сомневался Ланфорд в другом. В том, что последние три ветувьяра будут на его счету.

*

Ланфорд подавил зевок и потер переносицу. Когда закончится эта бесполезная церемония, он не задержится тут ни минуты — сразу же в Дом камарилов, помыться, поесть и рухнуть в постель! И плевать, что сегодняшним вечером его имя не будет сходить с уст всей столицы.

— Сколько еще перед нами? — Вяло поинтересовался Ланфорд у Робина, обводя ленивым взглядом посыпанную песком арену, где дрались на тупых тренировочных мечах двое совсем юных мальчишек.

Народ на трибунах, конечно же, наблюдал за поединком с восхищением, но горожане с восторгом принимали все, что давал им орден, включая “показуху” камарилов, хотя дрались эти дилетанты не более чем сносно. Каждая атака сопровождалась восторженными воплями и взрывами аплодисментов, а уж про вздохи и взгляды набившихся в нижний ряд юных девиц даже нечего было говорить.

В королевской ложе было поспокойней — с места, на котором сидел Ланфорд было отлично видно блестящую на солнце лысину короля, тяжелые драгоценности на тонкой шее королевы и нервно ерзающего на своем стуле наследника. Вряд ли кто-то из них наслаждался скучнейшим зрелищем учебного поединка.

— Три, — Грохнуло прямо над ухом, заставив Ланфорда чуть отпрянуть.

Голосок у Робина был под стать бороде и двухметровому росту — с тем же успехом можно было рычать в пустую бочку, но друг об этом либо забывал, либо не знал вовсе.

— Долго еще, — Продолжил тоже изрядно заскучавший Робин, — Так что валяй, рассказывай.

Зал ликовал, девицы визжали от восторга, щелкали аплодисменты — и вправду, можно поговорить, в таком шуме даже Робина никто не услышит. Ланфорд поудобнее уселся на жесткой деревянной скамье, истертой сотнями задниц, и невидящими глазами уставился на дерущихся, избегая смотреть при этом на девиц. Уж слишком неприятные воспоминания они на него наводили.

— Как тесть? Как невеста? — Нетерпеливо допытывался Робин.

— Хуже, чем можно себе вообразить.

— Чего, одноглазая что ли? — Усмехнулся друг.

— Лучше бы одноглазая, — Ланфорд раздраженно повернулся к Робину, — Да я такой

дурищи за всю жизнь не встречал!

Память неумолимо возвращалась к тому глупому вечеру, когда он сидел в тесной душной гостиной, замученный мужичок перед ним глушил одну кружку за другой, а его запуганная доченька бегала туда-сюда с тарелками, мозоля глаза и раздражая одной своей постной миной.

Ланфорд так и не спросил, сколько ей лет, но на вид нельзя было дать больше шестнадцати — подержаться не за что, поговорить — и то, не о чем! И ведь сидела весь вечер, как глухонемая, еще и глазищи в тарелку опустила. Если что и пискнула за все время, то только “да, папенька”. Нет, Ланфорд, конечно, ожидал, что вешаться ему на шею никто не будет, но в глубине души надеялся, что девица окажется хоть сколько-то приятной.

— Мне подсунули глухонемую скелетину, которая только и может, что глазами хлопать! — Пожаловался он Робину, — Приданого никакого, один отец, и тот — не просыхает! Нет бы хоть жрать готовить умела, так и тут бог обделил!

Временами Ланфорду казалось, что вкус того жесткого пересоленного мяса, которое приходилось буквально заталкивать в глотку, останется с ним навсегда, но потом камарил вспоминал, что такого наказания он вроде бы еще не заслужил.

Хотя... чем он заслужил себе такую невесту?

— Что? Правда глухонемая?

— Нет, — Буркнул Ланфорд, — Просто молчит постоянно.

— А на лицо-то хоть? Что, тоже страшила?

— Да я и не видел толком. Эта деревенщина даже волосы прибрать не додумалась. А как морду вниз опустила, они все и закрыли. Но нет... бледная такая, как чумная.

— Знаешь что, брат, — Выдохнул Робин, — Тебе бы радоваться, что такую невесту Нэриус удружил! Как бы на какой змее женился, так она бы и трепала нервы всю жизнь, а эта рта не откроет — делай, что хочешь!

— Легко тебе говорить... Не тебя заставили разгрести проблемы ордена!

“Быть рукой” — как бы сказал Нэриус. Какая чушь!

Ладно, может быть, Робин и прав — эта дура в его дела нос совать не будет, и то хорошо.

На душе все равно было противно, слова не спешили срываться с языка, и оставшееся ожидание они с Робинем провели в молчании. Пара смутно знакомых камариллов никак не желала отдавать свою славу еще кому-то — вот и топтались по арене из стороны в сторону дольше других. Когда они наконец закончили, Ланфорд едва ли не засыпал, из последних сил держа глаза открытыми.

— Эй! Наш выход! — Робин потряс друга за плечо.

Ланфорд сделал вид, что задумался, и стремительно поднялся со скамьи под восторженные крики зрителей. Осталось отмучаться совсем немного, а потом можно будет вдоволь выспаться.

Он шел вслед за Робинем, опустив глаза на носки сапог. Над ареной разносились какие-то скандирования и аплодисменты, казалось, зрителей стало в два раза больше, чем вначале. С непривычки эти крики могли бы оглушить, но Ланфорд не был новичком на подобных церемониях уже лет шесть.

Нового камарила для поездки в Кирацию выбирали каждый год. Делал это верховный совет ордена, но для оглашения имени всегда проводили подобное действие, в котором орден показывал, каких виртуозных бойцов он способен подготовить. Другое дело, что уже

двадцать лет подряд все камарилы возвращались домой ни с чем — последней жертвой на счету ордена был Эрвин Кастиллон — король Кирации. Убить этого змея вместе с его не менее изворотливым ветувьяром удалось попытки с десятой, после чего в его королевстве началась едва ли не смута, которую монаршему сыночку каким-то чудом удалось сдержать.

Ветувьяры живут в два раза дольше обычных людей, так что надеяться на то, что кирацийский король в скором времени покинет этот мир от старости и бездетным, не приходилось — сейчас ему, как и его рыжему адмиралу, должно быть не больше тридцати, а его сестре и того меньше.

Слушая скрип песка под ногами, Ланфорд поднял глаза на королевскую ложу и заметил на себе пристальный монарший взгляд. Королева все так же казалась утомленной, принц — нервным, но король наблюдал за ним со всем вниманием. Что ж, разочаровывать его Ланфорд не собирался.

— Ты чего рассеянный такой? Ну-ка, соберись! — Напомнил о себе Робин, уже стоящий с мечом напротив Ланфорда.

И правда, пора прекращать думать о королях и обо всякой дряни. Бой — тем более, с другом — это всегда хорошо. Ты чувствуешь его, он — тебя, и вот уже получается что-то по-настоящему зрелищное.

Ланфорд отбросил подальше все ненужные мысли и вытащил из ножен меч. Вообще-то, камарилы владели почти всем известным оружием, но на церемониях принято было сражаться именно на мечах — в угоду красоте и зрелищности. Под ногами зашуршал побеспокоенный песок, зал замер в ожидании — раздался голос ведущего церемонию церковника, и бой начался.

Робин всегда бросался в атаку первым, Ланфорд спокойно ему это позволял — зачем лишний раз красоваться, если все равно одержишь победу? Камарил с легкостью парировал удар друга и ответил изящным вывертом. Не будь у него в руках меча, это движение напомнило бы танец, впрочем, танцевать Ланфорд тоже любил.

Зрители взрывались аплодисментами после каждой завершенной атаки, Ланфорду это нравилось, но не более того — настоящее мастерство камарила проявляется не здесь, а в Кирации, когда под твоим клинком умирает двуликий демон.

Ланфорд отражал атаки, загонял Робина в угол, ходил вокруг него и уверенно приближался к победе, но все это время он не переставал думать о ветувьярах. Вот что значит усталость — обычно ему с легкостью удавалось отгонять навязчивые мысли и думать только о настоящем моменте. Благо, это никак не влияло на меч в его руке — все движения были точны и стремительны, и вот уже голос церковника на всю арену сообщает о его победе, а Ланфорд все еще его не слышит.

Он должен поговорить с Биркиттом. И чем скорее, тем лучше.

*

Он подорвался от стука в дверь и даже не успел посмотреть в окно, чтобы прикинуть, который час. Голос из коридора не оставлял выбора — нельзя было послать Биркитта к чертям и снова рухнуть в постель, тем более, если собирался с ним поговорить.

Ланфорд поспешно зажег свечу и набросил на плечи рубашку, пальцами приводя в порядок растрепавшиеся от сна волосы. Судя по всему, часов шесть он все-таки провалялся — уже хорошо! Остальным можно было и пренебречь. Пока что...

— Входите! — Бросил Ланфорд, усаживаясь на край разобранной постели. Биркитт такой беспорядок не любил, но он сам не оставил подчиненному никакой возможности

прибраться!

Мощный силуэт ввалился в комнату уже через мгновение и, отринув все приличия с вежливостью, уселся на стуле прямо перед заспанным обитателем комнаты.

— Чем обязан в такой час? — Ланфорд потер глаза.

— Прибыл мой человек из Кирации, — Биркитт и не подумал понизить голос, отчего его грубый рык бил по ушам похлеще Робинового, — Недавно там убили девицу из свиты принцессы. Ветувьяра наследницы Вивер.

Ланфорд моргнул, пытаясь соображать чуть быстрее. Все-таки, думалось спросонья ничуть не лучше, чем засыпая.

— Обеих? — Наконец выдал он.

— В том-то и дело, что нет. Одну, — Мозолистые пальцы сцепились в замок.

— Жаль, — Не стал скрывать свои чувства Ланфорд, — Но мне все равно проще. Пять вместо шести.

— Они усилили охрану, — Не поддержал радость Биркитт, — А король вернулся ко двору.

— О, рыжий наигрался? Быстро...

— Думаю, он возьмется за это дело со всей серьезностью. Сам понимаешь, все подозрения падают на нас. Тебе следует быть осторожней...

— Я понимаю, — Склонил голову Ланфорд, — Можете не сомневаться во мне. Я убью их. Всех троих.

Кажется, впервые за несколько лет губы Биркитта, скрытые под густой бородой, изогнула улыбка:

— До тебя это говорили почти все. Самоуверенности камарилам не занимать...

— Но вы же сами говорили, что я лучший, — Сонливость прошла, и теперь Ланфорд был готов к разговору, которого так ждал, — Я смогу это сделать. Если только... вы поможете мне кое с чем...

— Даже так? — Если Биркитт и удивился его внезапной наглости, то не слишком сильно, — И чего же хочет величайший камарил Оствэйка?

— Я вернусь с тремя ветувьярами на счету, — Поклялся Ланфорд, — А вы поможете расстроить мою свадьбу. Я знаю, что это вам по силам.

— Да уж... Неужто невеста так плоха?

Ланфорд едва не поморщился от норовящих вернуться воспоминаний и страшных видениях о ночах с этой безликой и безголосой воблой.

— Женитьба в мои планы не входит, — Вывернулся он, — Семья — не для меня.

Биркитт задумчиво погладил темную бороду:

— Я смогу, конечно, поговорить с Нэриусом...

— Так ли сильно этот брак нужен ордену? Сомневаюсь, — Продолжил гнуть свою линию Ланфорд, — Да и к тому же, если я убью последних ветувьяров, надобность в камарилах отпадет.

— На свете сыщется другая скверна, — Заверил Биркитт почти церковным тоном, — Всегда найдется, с чем бороться.

Да, ведь в этом и суть их ордена. Они борются. Борются уже пятьсот лет — королевства исчезают и появляются, время движется вперед, а орден Истинного Лица все еще истребляет исчадий зла. И будет делать это вечно.

— Так я... могу на вас рассчитывать? — Этой свадьбы нужно избежать любой ценой.

Ланфорд осознал это почти сразу, но всю важность этой идеи понял лишь разговаривая с Робинсом.

Из одухотворенного и возвышенного Биркитт вновь стал суровым и строгим — между густыми бровями пролегла глубокая морщина, губы сжались в тонкую нить:

— Для начала убей мне всех двуликих. Потом подумаем, как освободить тебя от этой девицы.

Глава 3. Кирация. Анкален

Вся прелесть дипломатии заключалась в том, что она всегда начиналась по расписанию. Перед тем, как приступить к жонглированию перед кем-то туманными фразами и пустыми, но красивыми обещаниями, можно было хотя бы подготовиться.

Больше плюсов у дипломатии не было — разве что всякие пиры и званые ужины, но и там могли сэкономить на вине и подать подгоревшее мясо.

Тейвон поерзал на своем кресле — точнее, троне — и покачал затекшими от долгого сидения ногами. Одно только то, что двисетский посол заставлял столько ждать, уже было неуважением и наводило на определенные выводы, но Тейвон был терпелив. Он ждал и мог прождать еще несколько часов. Другой вопрос — сколько королевское ожидание будет стоить Двисету?

— Как думаешь, может, он умер по дороге? — Предположил Тейвон.

Престон неотрывно смотрел на стоящую возле входа в тронный зал охрану, ожидая, что в любой момент они откроют высокие двустворчатые двери и отступят в сторону, пропуская иностранного посла со свитой.

— Тогда на его место сразу же должен явиться заместитель. И уже быть здесь, — То ли принял шутку, то ли нет, адмирал.

Тейвон расправил ярко-бордовый рукав своего камзола и задумчиво покрутил перстень на пальце. Текли минуты, а двисетца все не было.

— Он испытывает мое терпение, — Буркнул король, — Что ж, я подожду еще.

— Джеррет бы уже все бросил и ушел, — Хмыкнул стоящий возле трона Престон, — У них в Канабелле он так и сделал... Правда, потом ему пришло письмо с извинениями и ящик вина из королевских запасов, так что пришлось господ извинить. Не понимают они, что значит приходить вовремя!

— Джеррету проще, — Протянул Тейвон. Иногда он думал, что будет, поменяйся они с ветувьяром местами: удержит ли вспыльчивый наглец королевство? Сможет ли он сам громить имперские корабли и командовать моряками?

— Опять сравниваешь, да? — Престон с суровым осуждающим видом наклонился к другу, — Себя и его? Может, хватит? Вы оба нужны там, где вы есть, и точка.

Тейвон собирался согласиться, сказать, что ветувьяры на то и разные, чтобы не было желания прожить одну жизнь вместо двух, но тут двери наконец-то распахнулись, пропуская в зал нескольких одетых в синее человек. Впереди семенил блаженного вида старикашка с морщинистым лицом, но, как ни странно, еще не полностью седыми волосами. Когда он наконец доплелся до трона, Тейвон поднялся и ответил на поклон гостя легким уважительным кивком.

— Что за неудобство задержало вас на столь продолжительное время, господин посол? — Усаживаясь на трон, Тейвон закинул ногу на ногу и подпер рукой подбородок. Ему рассказывали, что обычно так сидел Джеррет — пусть старикашка ощутит дежавю — но поза и впрямь приятная — чувствуешь свое превосходство.

Посол с забавным по меркам кирацийцев именем Хильмур Хальтур нахмурил слишком большие для мелкого худого лица брови, отчего Престон за спиной сразу же продублировал:

— Господин посол, вы задержаться продолжительный время какой-то неудобство?

Старик поднял руку, жестом останавливая адмирала:

— Не надо. Я понимать слова Его Величество без вы перевод.

Престон отступил чуть назад, а Тейвон приготовился слушать то издевательство над кирацийским, которое называлось двисетским диалектом. Языки им с сестрой преподавали с раннего детства, но эту тарабарщину Тейвон намеренно обделил вниманием — понять ее особого труда не составляло, другое дело — что-то осмысленно на ней сказать. Джеррет это мастерство постиг с легкостью, но по причине того, что провоевал бок о бок с двисетцами половину своей карьеры.

— Сегодня утро я узнать важный новость, что вы сестра намеренно скрыть от я. Смерть одна девица принцесса...

Вот ведь гнида! Все-то ты пронюхал!

— Вам не сообщили об этом лишь потому, что это дело непосредственно связано с орденом Двух Лиц, но никак не с интересами Двисета, — Склонил голову Тейвон, — Так что давайте перейдем к делу. В чем цель вашего визита?

Задумавшись над услышанным, старикашка выпятил челюсть, которая, кстати, тоже была слишком большой для столь маленькой иссушенной рожи.

— Король Двисет беспокоиться состояние море. Флот империя скоро время пойти на мы.

Ремора была права — станет просить солдат, корабли, полководцев. В том, что Кирация издревле была сильна в войнах, есть и свой минус — в мирное время ее руками хотели уладить свои дела все кому не лень.

— Разве королевский флот Двисета не способен дать отпор зиеконцам? Мне казалось, что королевству, в котором все подчинено морю, это под силу...

— Мы иметь торговый корабли и мирный люди. Это Кирация славиться война.

Тейвон почувствовал, как рука Престона легонько тронула его за плечо, привлекая к себе внимание. Темно-русая голова друга склонилась к его уху:

— Джеррет не дал бы и им и рыбацкой лодки. В Гвойне творится черт знает что...

— Я и не собираюсь. Но и недовольство союзников нам не нужно, — Тейвон повернулся к старикашке, — Насколько мне известно, в бою при Канхольме наши корабли сражались не в одиночку, а бок о бок с вашими...

— Королевские корабли Двисета оказали нам немалую поддержку, — Вступил в разговор Престон, — К тому же, мы уже говорили об этом с адмиралом Датуром. Адмирал Флетчер ясно дал ему понять, что корабли Кирации вернутся в родные воды. Боюсь, вы владеете старой информацией, господин посол. Этот вопрос был улажен еще в Канабелле.

— Я знать, что у Кирация сложный ситуация с свободный остров Гвойн...

— Этот вопрос не должен волновать двисетскую сторону, — Тейвон, желая восстановить дрогнувшее спокойствие, сжал пальцами подлокотник трона, — Наш ответ остается прежним. Флот Кирации останется в ее водах. Это все, что вы хотели сказать?

Казалось, от одного только вида этого нудного посла могут занять все кости. Да еще и мысли об Ингерде зачем-то вернулись... Нет, зря он послушал Ремору и не настоял на встрече с Мерелиндой. Многолетнюю неприязнь можно и потерпеть, зато, может, удалось бы узнать хоть что-то...

— Я не оставлять надежда, что вы решение изменять.

Тейвон отучился закатывать глаза лет в тринадцать, Джеррет мог не сдержаться до сих пор. Иногда так хотелось побыть им!

“Ну вот, опять. Прекращай это” — напомнил он себе совет Престона и вернулся к

созерцанию мерзкого старикашки. Забавно, что королевство лучших моряков на свете избрало своим посланником такого человечешку, похожего на помесь уродливой лошади с тараканом.

— Мое решение окончательно, — Улыбнулся Тейвон. Ремора говорила, что эта улыбка всегда выходит очаровательной, — Вы можете быть свободны.

“А точнее, свободен теперь я” — подумал он, наблюдая за удаляющимися спинами двисетцев.

Не дожидаясь, когда за иностранцами захлопнутся двери, Тейвон вскочил со своего места и прошел к окну, разминая уставшие ноги.

— Он говорил про Гвойн, — Король смотрел на противную нудятину за окном: унылый двор, грязь после обильного дождя, мокрые камни стен, ставшие почти черными, — Ты тоже. Что там?

— Сам не особо знаю, — Престон так и остался там, где стоял, — Говорят, орденские обосновались...

— Истинный Лик давно метил на остров, — Тейвон развернулся, — Это должно было случиться.

— Не думаю, что вождь предоставит ордену весь свой флот. Мы с Джерретом справимся.

Никто из них не любил говорить об ордене — он словно был смертельной болезнью, которая пугала всех даже на словах, потому что Истинный Лик одерживал победу — ветувьяров осталось трое.

Все пятьсот лет они пытались бороться, искали выход, но боги, видимо, отвернулись от ветувьяров, решив, что они и так дали им слишком много. Предшественники Тейвона создали даже схожее с камарильским братство для охраны ветувьяров от ордена Истинного Лика, но затея эта успехом не увенчалась — не прошло и трех лет, как неведомая болезнь скосила всех воинов, поразив их заколдованную древней магией кровь. Тейвон и рад бы был не верить в эту легенду, но раз история Этиды была правдива, то зачем этой быть ложью?

Пауза затягивалась, а Тейвон все еще хотел спросить о том, что напрямую его касалось. Если кто-то и знал ответ на этот вопрос, то только Престон. Сделав шаг к другу, он решился:

— Он не боится? Я не про имперцев — им все равно — а про орденских. Про Гвойн.

Престон задумчиво потер аккуратно подстриженную бородку:

— Поверь, дружище, ты подвергаешь себя не меньшей опасности, чем Джеррет.

— Я видел смерть отца. Он — нет. Если он думает, что сможет справиться с камарилом, скажи ему, что это не так. Они не люди. Они монстры. И могут напасть в любой момент.

— Знаешь, что я заметил, — Настал черед Престона смотреть в окно. Друг медленно подошел к стеклу и оперся могучими руками на подоконник, — Можешь спорить, сколько хочешь, но мне виднее. Все говорят, что ветувьяры — это два разных человека, способных менять одну личину на другую, и я всегда в это верил, пока... пока не узнал вас с Джерретом.

— Да ладно тебе! — Тейвон хлопнул адмирала по плечу, — Мы с ним настолько разные, что нас не спутает даже слепой и глухой сумасшедший младенец.

— Ты пытаешься быть честным, — Продолжил Престон, — Джеррет любит, нет, не приврать — поиграть... Он постоянно играет какие-то роли, притворяется, меняет маски. И он очень любит маску глупого раздолбая! Но я знаю его слишком хорошо, чтобы понимать — он ничуть не глупее тебя. Просто ты свой ум не скрываешь...

— Дурак не выиграл бы столько баталий, — Пожал плечами Тейвон.

— Так к чему я веду... То, что камарилы могут поджидать везде, Джеррету известно не хуже тебя. И страх у него тоже есть... — Внезапная пауза оказалась такой тяжелой, что друг поспешил ее заполнить, — А ты что, боишься начать стареть?

Престон, похоже, сразу понял, что шутка была не слишком удачной, но слов назад не вернуть, поэтому Тейвон все же улыбнулся:

— Я уже начал.

— Да ладно тебе! — Престон пихнул его локтем, — Ты у нас еще ого-го! Кстати, я не понял, что этот сморчок говорил — какую девицу убили?

— Ингерду Пашелл. Ветувьяра Мерелинды, — Скрывать это от Престона не было никакого смысла.

Глаза друга едва не полезли на лоб, но собой адмирал владел вполне сносно, и поэтому быстро справился с излишним удивлением.

— Почему ты сразу не сказал? Мне... очень жаль.

Тейвон вновь уставился на серо-коричневый двор, такой убогий под затянутым тучами небом. Еще никогда весна не казалась ему такой грязной и ничтожной. Все его чувства сейчас были такими же — какие-то замызганные, скукожившиеся, умирающие, никчемные...

— Ты любил ее? — Престон знал, что теперь можно спросить. Тейвон знал, что можно ответить.

— Наверное.

— А она тебя?

— Она хотела быть королевой, — Выдохнул Тейвон, — И смогла бы, а для этого не обязательно любить короля. Но она любила, иначе бы не возвращалась снова и снова, когда я оставлял все ее вопросы без ответа и уходил.

Престон не проронил больше ни слова, словно исчезнув, а Тейвон будто бы поверил, что остался один. Он и сам не заметил, как прижался лбом к холодному стеклу, думая о ней.

Если Ингерда и не была особенной, то она как минимум выделялась среди остальных девиц. В ней было что-то, что Тейвон разглядел кроме нее только в Реморе — какая-то сила, несвойственные даме мысли, решительность.

Если бы у Кирации появилась королева, ей могла бы быть только Ингерда...

Но он медлил, думал, что у них еще есть время, не хотел что-то менять. Обыкновенный слабак, каким он стал со дня смерти отца.

Тейвон закрыл глаза, прикасаясь пальцами к стеклу. Холод слегка покалывал кожу, а воспоминания возвращались, похожие на смазанные чьей-то неосторожной рукой картины.

Тейвон хотел бы отчетливо помнить, что стояло в тот день на столе, что лежало на полу, завял ли цветок в вазе, но все это ускользнуло от его внимания тогда, а потому и не открылось сейчас. Он видел то же самое, что и в тот день — свою спальню, утопающую во мраке, с которым сражалась лишь одна свеча на туалетном столике, закрытые шторы, смятые простыни и ее...

Она не спала, но зачем-то делала вид — закрыла глаза, ровно дышала, не шевелилась. Длинные ресницы практически лежали на ее щеках, темные волосы разметались по белоснежной подушке, а тонкая простыня почти не укрывала обнаженное тело.

Опершись на локоть, Тейвон повернулся к ней, и ресницы Ингерды тут же взмыли вверх.

— Почему не спишь? — Тонкая рука обняла его за плечо и притянула к себе.

— Ты тоже не спишь, — Заметил он.

Тейвон лег рядом, их носы почти соприкасались, а светлые пряди его волос смешались с ее темными. Ингерда переплела его пальцы со своими и накрыла его губы медленным поцелуем, а потом, не размыкая объятий, прижалась щекой к его груди. Тянулись минуты, они молчали, но все еще не спали. В комнате пахло вином и чем-то пьяняще-сладким, а мир за окном словно застыл в одном мгновении — ни скрипа, ни ветерка, ни шороха. Король не знал, сколько времени осталось до рассвета, но спешить им было некуда.

— Так странно... — Ни с того ни с сего заговорила Ингерда, — Я ни разу не слышала, чтобы два ветувьяра любили друг друга. До нас.

— Может, и любили, — Усомнился Тейвон, — Просто скрывали.

— Зачем?

— Возможно, от своих же ветувьяров. Что далеко ходить — всем известно, что Мерелинда меня ненавидит.

— И не только тебя, — Темные глаза Ингерды уставились ему прямо в душу, — Джеррета тоже. Потому что она пустоголовая трусиха.

— Просто вы с ней очень разные...

— Она слабая, — Оборвала его девушка, — Иногда мне стыдно, что у меня такой ветувьяр. Чем я ее заслужила?

Если Тейвон и хотел что-то сказать, то слова эти так и остались мыслями, утонувшими в предрассветной полутьме. А Ингерда смотрела в потолок и вдохновенно о чем-то размышляла.

— Мы знаем, что если один из родителей был ветувьяром, то этот дар передается и ребенку, — Тихо заговорила она, — Но что если ветувьяры — оба?

— Вряд ли в нем будет четыре личности, — Попытался отшутиться Тейвон.

Ингерда не смеялась. Она была предельно серьезна, так серьезна, что приподнялась на локтях и заглянула Тейвону в глаза, не давая ему увильнуть от ответа.

Эти мысли давно поселились в ее голове, и он не знал, как девушку от них отвадить. Ему нравилось быть с Ингердой, нравились ее руки, волосы, лицо, фигура. Нравилась она сама, но к чему-то большему он был не готов.

Наверное, такая нерешительность могла оказаться для короля роковой, но Тейвон ничего не мог с собой поделаться. О женитьбе, а тем более о детях он даже не думал, лишь знал, что когда-то настанет день, когда придется искать наследника. Тогда, быть может, он вспомнит об этом разговоре, но пока все это казалось таким далеким и неважным...

— Я не думаю, что нам стоит с этим торопиться, — Тейвон нежно взял Ингерду за запястье, — Тем более, пока по земле рыскают камарилы.

— Они были всегда. И будут. — Твердо заявила она, — Что было бы с ветувьярами, не останьтесь у вашего отца вы с Реморой?

— Только ты. Одна ты, — Кивнул Тейвон, — Но что ты предлагаешь? Родить десятерых?

— Нет, я предлагаю тебе перестать видеть во мне лишь развлечение. За восемь лет ты мог разглядеть что-то еще. Не игрушку, а королеву.

Он не помнил, ответил ли что-то на эти слова, но догонять ее не стал. Ингерда всегда уходила так же быстро, как и появлялась, и в тот момент Тейвон думал, что в этом их разговоре нет ничего примечательного.

После того, как она ушла, задув за собой свечу, он уснул, а на следующий день пришло письмо от Престона, и короля Тейвона сменил адмирал Джеррет. Прошло восемь месяцев для Джера и два дня для него, но та ночь почти забылась.

А ничем не примечательный разговор оказался последним.

*

Под каменными сводами монастыря умильно журчал фонтанчик, украшающий небольшой внутренний садик. Сквозь серые зубчатые стены проглядывало дымчато-блеклое небо и просачивался промозглый, колючий от неприятной измороси ветер.

Тейвон пожалел, что не надел что-нибудь потеплее любимого камзола, и потер озябшие руки.

— Простынешь, — Посулил устроившийся на краю фонтана Эйден, — Накинул бы хоть плащ...

— Обойдусь, — Бросил Тейвон, прислушиваясь к шагам, что раздались из глубины монастыря.

— Идет что ли? — Эйден поспешно вскочил на ноги, поправляя легкие доспехи и темно-серый плащ за спиной.

— Похоже на то.

Геллиус не стал обременять себя свитой, хотя главе ордена полагались и помощники и, какая-никакая, стража. Он медленно спустился в садик и заговорил, только поравнявшись с Тейвоном.

— Ваше Величество, — Поздоровался он, склонив голову, — Граф Интлер.

Как и положено, Тейвон приложился губами к протянутой холодной руке, после чего то же самое сделал Эйден.

Тейвон помнил Геллиуса с самого раннего детства, он учил их с Реморой не только богословию, но и основам ветувьярского естества, особым правилам и законам, чуждым простым людям и обязательным для потомков королевы Этиды. И все эти годы глава ордена Двух Лиц, кажется, лишенный всего земного и человеческого, удивительным образом не менялся, заставляя думать, что время над ним не властно.

Но сейчас Тейвон посмотрел на своего давнего наставника и понял, что тот наконец-то начал стареть — на бледном лице, похожем на гипсовую статую, появились тонкие морщины, под ясными, но бесцветными глазами пролегли круги, а сухощавое тело под бесформенным черным одеянием стало еще тоньше.

И все же больше сорока ему ни за что не дашь — даже снежно-белые волосы не собьют с толку — хотя по подсчетам Тейвона ему должно быть около восьмидесяти. Видимо, богоугодный образ жизни способен и не на такое...

— Как долго вы еще здесь пробудете? — Поинтересовался Тейвон.

— Не думаю, что больше недели, — Геллиус сцепил тонкие пальцы в замок и медленно двинулся по саду, — Здешний монастырь прекрасен, но я привязан к острову и не могу долго оставаться на большой земле.

— В нашем с Реморой детстве было иначе.

— Тогда я был не в пример моложе, — Пожал плечами странный человек, лишенный возраста, но при этом говорящий о нем, — Вы хотели поговорить об убийстве?

Холодные глаза смотрели не на Тейвона, а на Эйдена, и тот счел нужным объясниться:

— Я все знаю, Ваше Святейшество.

— Я счел необходимым поставить командующего городской гвардией в известность, —

Подхватил Тейвон, — Если камарил еще в Анкалене, он может выдать себя...

— Поначалу я тоже так подумал, — Спокойный голос стал громче и начал чуть больше подходить этому высокому худому человеку, — Но потом мое внимание привлекло кое-что еще...

— Камарилы не оставляют в живых второго ветувьяра, — Подхватил его догадку Эйден, — Для этого их учат древнекирацийскому.

— Когда смиренные братья нашли Ингерду, она доживала свои последние мгновения и пыталась произнести заклятие перехода, — Взор Геллиуса вновь обратился к Тейвону.

— Ремора мне этого не сказала, — Пожал плечами король, хотя новая подробность если и поколебала его уверенность в причастности камарилов, то незначительно, — Но с той же вероятностью ваши люди могли спугнуть убийцу. Камарилы осторожны, как крысы.

— Это дело требует расследования, — Вмешался Эйден, — Я хочу поговорить с вашими монахами. И с Мерелиндой.

— Девица Вивер не пустила к себе даже меня, — Сообщил Геллиус, — С ней говорила Ее Высочество.

— Мерелинда все равно ничего не вспомнит, — С горечью признал Тейвон, — Один ветувьяр не имеет доступа к разуму и памяти другого, не важно, жив он или мертв. Если на месте убийства была Ингерда, она там и осталась.

— Кому еще могло понадобиться убийство ветувьяра? — Растерянно поинтересовался Эйден.

Геллиус, видимо, не мог спокойно стоять на одном месте — он прошел к фонтану и замер, глядя на мирно текущую воду. Сейчас он как никогда сильно походил на статую.

— Быть может, стоит исходить из того, кем еще она была.

— Герцогиня, придворная... — Принялся перечислять Эйден.

Тейвон поймал его взгляд как раз в тот момент, когда друг замялся, подбирая слова. Знал ли Геллиус, что связывало короля с Ингердой? Если месяц назад это еще не имело никакого значения, то сейчас действительно могло что-то значить. Странно, что Тейвон понял это так поздно.

— Моя любовница, — Выпалил он, уставившись на прямую спину Геллиуса.

Человек-статуя никак не реагировал, и Тейвон тут же пожалел о сказанном — возможно, наставник сейчас делает о нем не самые приятные выводы.

— Вы считаете, что это мог быть заговор? — Прервал молчание Эйден.

Геллиус резко повернулся:

— Я не политик, хотя твой отец хотел видеть меня в этой роли, но считаю, что в убийстве замешан кто угодно, но не Эделосс. Нас специально посылают по ложному пути. А тебя, Тейвон, хотят напугать. Убита прежде всего фаворитка короля, а не ветувьяр.

— Это значит, что если они захотят, то доберутся и до тебя, — Закончил мысль Эйден.

— Я боюсь, что следующей в этой цепи может оказаться Ремора, — Вздохнул Геллиус.

Тейвон слушал их слова будто из-под толщи воды, их смысл словно не доходил до него во всей полноте, но король заставил себя вынырнуть на воздух:

— Это исключено. Ремора в безопасности.

— Я поручу Ферингрею усилить охрану замка и докладывать мне обо всем. Без моего ведома в этом городе и муха не пролетит, — Решительно объявил Эйден, ставший похожим на почуявшую добычу собаку.

Еще несколько мгновений постояв у фонтана, Геллиус сложил руки за спиной и

медленно направился прочь из садика к темному зданию монастыря.

— Это верное решение, — Одобрительно кивнул он Эйдену, удаляясь.

Не дожидаясь, когда Геллиус уйдет, друг снова уселся на край фонтана, и Тейвон поспешил к нему присоединиться. Недавний холод почему-то забылся — наверное, его полностью вытеснили напряженные мысли и страх, который никак не получалось заглушить.

Эйден смотрел на воду с невероятно траурным выражением лица. Он казался испуганным потерянным мальчишкой, а не взрослым мужчиной в доспехах и со шпагой в ножнах.

— Я терял слишком многих, — Заговорил он, не сводя глаз с фонтана, — Не хватало еще потерять ее.

— Ты этого не допустишь, — Не раздумывая, выпалил Тейвон, — Я этого не допущу.

Поверил ли ему Эйден? Верил ли себе сам Тейвон? Не сводя печальных глаз с воды, друг наконец заговорил:

— Знаешь, я вот всегда думаю... Почему я, а не они? Какой из меня, черт возьми, граф!?

Почему-то только сейчас Тейвон во всей полноте разглядел, как сильно Эйден изменился — лет двадцать назад он был самым улыбчивым человеком на свете, казалось, его не могло опечалить ничто, но теперь на его место пришел потерянный и сломленный незнакомец.

После смерти отца и пятерых братьев он мог и вовсе наложить на себя руки, но тогда бедняга нашел в себе силы взвалить на себя и графский титул, и опеку над сестрами. Тейвон не знал, хватило бы у него сил поступить так же...

“Ты взял на себя королевство” — напомнил он себе.

— Я часто вспоминаю Хардинга, — Опять заговорил Эйден. Нужно было как-то вытаскивать его из бездны воспоминаний, но внезапно напомнившая о себе совесть не позволяла Тейвону перебить друга, — Он хоть и был третьим, справлялся намного лучше меня.

Король смутно припоминал старшего брата Эйдена — он был полноват и очень серьезен, оттого-то и казался недружелюбным. Тейвон почти не знал его — может быть, зря. Бедняга упал с коня во время охоты — смерть для дворянина довольно глупая и постыдная, но осуждать его и делать выводы Тейвон не брался.

— Так, все, — Мягко осадил друга король, положив руку ему на плечо, — Иначе я сейчас начну вспоминать отца, и мы будем рыдать здесь вместо барышень.

Хоть и неискренне, но Эйден все же улыбнулся.

— Пошли, дел полно, — Тейвон поднялся на ноги, — И есть охота...

— О, это без меня, — Отмахнулся друг, — После пира по случаю возвращения Джера с Престоном я еще долго не проголодаюсь.

— Тогда загляни к Реморе. А то сам не свой.

Глава 4. Эделосс. Линтхалас. Кидесс

— Просыпайтесь! Срочно! — Солдат ордена, совсем еще мальчишка, вломился в комнату, словно ураган, грохнув дверь о стену и споткнувшись о порог.

Ланфорд повернулся в постели, через силу подавив желание запустить в голову нарушителя спокойствия чем-нибудь тяжелым и, желательно, бьющимся. Разлепить сонные веки стоило ему немалых усилий, подняться же и вовсе представлялось невозможным.

Не в два часа ночи...

— Глава камариллов требует вас к себе, господин, — Голос посыльного все еще дрожал, прямо как пламя от свечи, что он держал в руке.

Бойтесь, зараза... И правильно делает — нечего вламываться к камарилам посреди ночи, особенно если наутро им уезжать.

— Тебе известно, что ему нужно? — Смирившись с тем, что разговора с Биркиттом не избежать, Ланфорд отбросил одеяло и сел на краю постели.

Зенки горе-солдата напоминали блюдца, свеча затряслась сильнее:

— Он не объяснил, господин. Просто велел привести вас. Что-то случилось, я не видел, но...

— Так, — Ланфорд поднялся, жестом приказав мальчишке закрыть рот, — Свои умозаключения оставь при себе. Жди за дверью.

Посыльный вышел, и Ланфорд принялся одеваться. Что за срочность заставила Биркитта будить его посреди ночи?

При желании он мог бы облачиться в камарильский мундир и быстрее, но сонливость не желала отступать, да и к тому же пара минут погоды не сделает, даже для Биркитта. Ланфорд вышел в коридор, солдат вздрогнул, задул свою свечу и схватил со стены факел. На узкой лестнице не было больше ни души, а из соседних комнат не доносилось ни звука — у Ланфорда сложилось впечатление, что Биркитт вызвал его если и не тайно, то огласки все же не хотел.

К тому моменту, как мальчишка вывел его из здания и потащил пустынной площадью в сторону собора, Ланфорд окончательно запутался.

— Эй, — Окликнул камарил посыльного, — А не морочишь ли ты мне голову?

Солдат испуганно замер, и Ланфорд схватил его за плечо, разворачивая к себе. Даже в невнятном свете луны на глупой, почти детской физиономии был виден весь первобытный ужас, который парень испытывал перед камарилом.

— Н-н-нет, — Выдавил он, мотая коротко остриженной башкой.

— Тогда почему ты ведешь меня туда? — Ланфорд ткнул пальцем на высокую громадину собора на фоне ночного неба, — Кабинет Биркитта не у церковников.

— Так было п-п-приказано...

Что ж, объяснений более внятных он вряд ли получит, оставалось довериться. Вряд ли сам по себе этот мальчишка мог быть интриганом и заговорщиком, но мало ли чей приказ он исполнял...

Ланфорд отпустил посыльного, слегка подтолкнув его в спину, и тот засеменил дальше, пока сам камарил крепко сжал рукоять меча, приготовившись к любому повороту событий.

Ни в приземистых молельнях, прилегающих к собору, ни на колоннаде наверху не было ни души, но прислушавшись, Ланфорд разобрал далекий цокот копыт и еще какие-то

невнятные звуки, несвойственные для ночи. Прохладный весенний ветерок внезапно донес до камарила запах дыма, укрепив его нехорошее предчувствие.

В витражах собора действительно проглядывал мерцающий свет и не было никаких заговорщиков — в широком проходе стояла лишь внушительная фигура Биркитта и сгорбленный церковник с четками в руках.

— Что произошло? — Ланфорд огляделся по сторонам — в пустом храме над гобеленами с изображениями древних богов горели свечи и был открыт невысокий боковой вход, который использовали только во время крупных церемоний. Посыльный почти сразу же исчез за высокой резной дверью, оставив их с Биркиттом и церковником втроем.

— Поторопись. У нас счет на минуты.

Ланфорд бы подумал, что это чья-то неудачная шутка или розыгрыш, если бы не лицо Биркитта. Обычно невозмутимо-серьезное, сейчас оно казалось непривычно встревоженным. Камарил поравнялся с командиром и церковником, в котором с опозданием признал епископа Сигри. Старикашка взволнованно поглядывал на боковую дверь, явно ожидая появления кого-то еще.

— Что-то случилось? — Повторился Ланфорд.

Биркитт не смотрел на него — еще одна странность. Тревога больно кольнула Ланфорда в самое сердце — произошло что-то нехорошее.

— По ту сторону реки сейчас горит библиотека ордена, — Глаза командира наконец-то взглянули на него.

— Что!?! — Не понял Ланфорд. Иногда его раздражало, что до него все доходит с опозданием. Хотя, может, это Биркитту не следовало говорить намеками? — А Нэриус?

— Предал нас. Я думаю, что по его вине этот пожар и начался.

Всю сознательную жизнь Ланфорд боролся со своей вспыльчивостью, и к двадцати шести годам уже начал думать, что одержал в этой войне победу, но нет — эмоции вновь взяли верх.

— Нет, что за чушь!?! — Выпалил он, запустив бесполезную руку в волосы, — Этого быть не может!

— Епископ Сигри давно предупреждал меня о заговоре, — Биркитт кивнул на старикашку, — Я должен был послушать.

— Его Святейшество Нэриус поддался греховному искушению и дал властолюбию затмить свой взор, — Зачастил церковник, еще быстрее перебирая свои четки, — Я молил богов, чтобы он одумался, но ересь так глубоко проникла в сердце главы ордена, что ее уже ничто не в силах искоренить...

Ланфорд понадеялся, что что-то понял, но больше слушать ничего из уст этого богоугодника не желал — говорил он много, а смысла в этих речах было на грош. Камарил целенаправленно повернулся к Биркитту, требуя объяснений от него:

— Вы считаете, что он поджег библиотеку? Зачем?

— Мне самому пока что известно ничтожно мало. Убито несколько солдат из числа охранников библиотеки и резиденции ордена. Епископ сообщил мне, что Нэриус пытался бежать, заблаговременно выкрыв из библиотеки какие-то рукописи. Это дает основание полагать, что он и его люди вступили в заговор.

— Тогда что это были за рукописи? Чего он вообще хочет!?! — Ланфорд пытался сдерживаться. И это все еще у него не получалось.

Епископ порывался что-то сказать, но к счастью, Биркитт его опередил, чтобы передать

смысл с помощью человеческой речи:

— В библиотеке хранилось множество текстов доорденского периода. Насколько я понял со слов епископа, в последнее время Нэриус проявлял к ним повышенный интерес.

Старикашка согласно закивал, подтверждая сказанное.

В боковом коридоре раздались поспешные шаги и голоса, замелькал свет факелов. Топот приближался, и Ланфорд достал меч. Драться в храме ему еще не приходилось, но все в этой жизни нужно когда-то делать в первый раз.

Биркитт жестом приказал камарилу ждать, и через несколько мгновений в помещение ввалились люди в до боли знакомых мундирах. Среди вооруженных до зубов убийц Ланфорд сразу же приметил высокий силуэт Робина, мысленно призывая себя к спокойствию — если придется драться с другом, оно ему понадобится.

Мало ли на чьей стороне был Робин? Где они вообще, эти чертовы стороны!?

Биркитт взмахом руки успокоил Ланфорда, и тот сразу же убрал меч, глядя на то, как Робин выходит вперед, чтобы отчитаться перед командиром.

— Мы их перехватили, — Доложил друг, на мгновение зацепившись взглядом за Ланфорда. На плече у него болталась сумка, из которой Робин медленно вытащил старинный свиток, — Нэриус бежал, большая часть его людей тоже, но рукопись мы им не отдали.

— Сын мой, позволь взглянуть... — Вмешался Сигри.

— Если сможете, — Хмыкнул Робин, разворачивая свиток.

Ланфорд тоже не удержался — посмотрел. С тем же успехом он мог читать книги на зиеконском.

— Что это вообще такое!? — Потерявший самообладание Биркитт явно сдержался, чтобы не выругаться, — Куры что ли потоптались?

И вправду — старинные письма (если это были они) напоминали следы куриных лап: какие-то палочки, черточки, не имеющие с нормальными человеческими буквами ничего общего.

— Вот и я о том же, — Голосище Робина, казалось, мог обрушить стены этого храма.

— А вы, епископ? — Биркитт повернулся к старикашке, — Вы можете что-то здесь прочитать?

— Это даже не древнекирацийский, — Зачем-то вставил Ланфорд.

— Я впервые вижу подобные письма, — Разочаровал епископ, — Клянусь богами, не ведаю, что за народ мог их использовать!

— У них было только это, — Робин свернул оказавшуюся бесполезной рукопись, — Остальным они решили пожертвовать...

— Что с библиотекой? — Требовательно спросил Биркитт.

— Разве от меня не воняет дымом? — Робин прижал к носу рукав своего мундира, — Странно. Наверное, ветром разметало. Мы опоздали. Когда мы закончили с беглецами, там остались только трупы солдат и пепелище.

— И какой идиот посмел оставить чертову библиотеку деревянной!? — Взревел командир.

— Судьба наша ведома одним богам, — Как всегда некстати вмешался епископ.

Биркитт его не слушал:

— Как долго вы гнали беглецов? — Допрашивал Робина он, — Сколько времени у них пробыл свиток?

— Не так много, чтобы успеть снять копию, — Пожал плечами Робин.

— Сколько у него людей?

— Точно сказать не могу, но треть столичного гарнизона точно. Около сотни ушли с ним. Дерос, — Робин махнул в сторону коренастого парня с уродливым носом, — видел еще отряд человек на пятьдесят у северных ворот. Еще столько же должно было быть у библиотеки.

Биркитт уже не смотрел на друга, повернувшись к Сигри:

— Когда он мог успеть перевести столько людей на свою сторону?

И без того сгорбленный старикашка, кажется, согнулся еще сильнее, нервно потрогав седую козлиную бороду:

— Мысли греховные есть чума. Для того, чтобы им предаться, долгого срока не нужно.

— Если им так нужен этот свиток, они еще за ним вернутся, — Счел нужным вмешаться до этого молчащий Ланфорд. Тупицей ему прослыть не хотелось, вот и высказал то, о чем думал все это время, — Нэриус так просто не отступится.

— Для начала нам следовало бы узнать, что в нем написано, — Нахмурился Робин, — Если это ересь, она должна быть уничтожена.

— Не смей! В этих уродливых письменах может содержаться что-то важное, раз они так понадобились Нэриусу, — Осадил камарила Биркитт, — А вот спрятать этот свиток действительно стоит. Этим и займетесь.

— Я!? — Фыркнул Ланфорд, — Но мне же нужно...

— Ты разве еще не понял, Карцелл!? — Тревога Биркитта сменилась злостью, и Ланфорд понял, что сейчас ему лучше не перечить, — Это раскол ордена. Ордена, существующего полтысячи лет! Избавиться от нелюбимой невесты ты всегда успеешь, но спасение ордена ждать не будет!

Ланфорд ошарашенно отступил на шаг назад, поймав на себе удивленный взгляд Робина. Камарил не ожидал, что Биркитт бросит их вроде бы тайный договор ему прямо в лицо, а друг явно удивился самому существованию этого договора.

— Кстати, это мысль, — Суровое лицо командира улыбнулось какой-то своей идее. Вряд ли это предвещало хоть что-то хорошее, — Никто не станет искать свиток в лапах алкоголика и сопливой девчонки.

— Они могут догадаться, — Возразил Ланфорд, — К тому же свиток останется без защиты.

— У свитка будет хранитель, не заинтересованный в делах ордена, — Казалось, даже сам епископ Сигри удивился тому, что перешел на светскую речь, — Это просто прекрасно!

— Но Ланфорд прав: Нэриус не дурак, — Вступился за друга Робин, — Он легко выйдет на след свитка.

— У нас есть еще один козырь в рукаве, — Биркитт покосился на епископа.

— Вы о короле Торгире?

Ланфорд едва не возразил, что королем этого самозванца во всем Оствэйке признал только Эделосс, и то, со своей выгодой — иметь в союзниках тупоголовых варваров со “свободного острова” Гвойна весьма полезно — но не стал — Биркитт и так был зол на него за возражения.

— Я могу написать епископу Корвину и попросить помощи. Но он ничего не сделает без королевской на то воли, — Объяснил Сигри.

— Пусть спрячет папашу с девчонкой на одном из своих кораблей. Письмо должно быть

готово как можно скорее, епископ.

Старикашка судорожно закивал и поспешил убраться. Без него Ланфорд сразу почувствовал себя как-то уютнее. Робин проводил епископа взглядом и вернулся к командиру.

— Я займусь королем, — Сообщил Биркитт, — Надеюсь, удастся убедить его в измене Нэриуса. Ваша задача — его поймать. После того, как передадите свиток алкоголику с девчонкой и посадите их на корабль.

— А если Гвойн откажет нам в помощи? Если корабля не будет? — Усомнился Ланфорд.

— Вы камарилы или крестьянское ополчение!? — Рывкнул командир, — Значит, найдите, куда их деть!

— Будет исполнено, — Робин осторожно тронул друга за плечо.

— Я даю вам почти всех оставшихся людей, — Биркитт вновь был каменно-спокоен. И как ему это удастся? — Возьмете Нэриуса и привезете его сюда. К тому моменту король будет готов.

Робин вновь отчеканил что-то солдатское, Ланфорда хватило только на то, чтобы кивнуть. Не проронив больше ни слова, Биркитт ушел, оставив их в огромном гулком зале с лицами первых камарил в витражах. Солдаты, с которыми заявился Робин, все еще безропотно стояли возле стены, больше похожие на статуи, друг тоже отчего-то молчал — вероятно, думал.

Ланфорд невидящим взглядом смотрел на изображение бородатого камарила в окне. Какая прекрасная ночь! Библиотека сгорела, его планы рухнули из-за сумасшествия Нэриуса, внезапно ударившегося в ересь, да еще и на горизонте вновь замаячила “долгожданная” встреча с нареченной.

— Не стоит надеяться на варваров, — Вновь не сдержался он, — Они могут не дать нам корабль.

— Прекрати ожидать только плохое, — Прорычал голос друга над ухом, — Представь иначе: вот пришьют эти олухи корабль, уплывет твоя суженая в Гвойн, да и выйдет там за какого-нибудь варвара. И все, ты свободен! И даже за ветувьярами гоняться не придется. Ты ведь об этом договорился с Биркиттом?

Не удержавшись, он все-таки ткнул догадливую заразу локтем:

— Уж больно ты умный стал!

Бородатая рожа наивно вытаращилась на него:

— Ты просто не хочешь верить, что я могу оказаться прав. Прекращай считать себя самым умным, Карцелл!

“И вправду, вдруг тебе хоть раз повезет?” — внезапно задумался камарил.

Уж на кого на кого, а на варваров он так еще никогда не надеялся.

*

— Сиди в комнате. Не выходи, — Повторяла она шепотом, почти про себя, прижимая дрожащие колени к груди.

Надо же — так страшно, а ничего еще даже не началось! То ли еще будет, когда нагрянут непрощенные гости.

Хотя гостей и так уже было полно.

Селин испуганно оглядела комнатку, в которой заперлась. Безопасно ли здесь? Окошко маленькое — взрослый мужчина вряд ли пролезет — а вот дверь такая хлипкая, что выбить

ее — раз плюнуть.

Но ей ведь нечего бояться. Солдатам ордена она не нужна, и отец не нужен. Они нужны только камарилам, которые вот-вот появятся.

А ведь она говорила отцу, что не стоило связываться с этими людьми!

Лучше сидеть в долгах и собирать последние крохи, чем просить денег у ордена, потому что орден в ответ хочет большего. Сначала они захотели ее — и Селин пошла на это, приняла жениха, который пугал ее одним только своим взглядом — теперь же хотят превратить их дом в поле боя. Селин бы никогда этого не допустила, но отец...

Он потерял всякую волю с тех пор, как умерла матушка. Селин знала, на что пойдут те деньги, которые даст им орден — никак не благо постоянного двора. На выпивку. На проклятое пойло в уродливых бутылках, которое продает беззубый мастер Иххис. Она вновь и вновь будет покупать его целыми ящиками и из последних сил тащить домой, а если возразит, то будет лежать и плакать в сыром углу, считая на теле новые синяки и ссадины.

Ради жалких грошей он готов на все — даже отдать родной дом на разграбление. Еще минут десять, и все начнется. Солдаты осторожничать не станут, камарилы — тем более.

Хоть бы не тронули их с отцом, о большем она и не просила.

— Не выходи. Сиди тихо, — Повторяла девушка, пока теснота комнаты грозила ее раздавить, а страх сжимал сердце острыми когтями.

Хотя, у хлипкой двери все же было преимущество — из-за нее было слышно все, что творится снаружи и даже внизу. Когда все закончится, она сразу же услышит. Еще бы отцу хватило гордости и смелости их побыстрее прогнать, ведь у солдатов могло оказаться не только желание отметить победу, но и выпивка...

Селин внезапно удивилась, что ей так страшно. Запираться в этой комнатке девушке не впервой — отцовские собутыльники часто оказывались похотливыми тварями, ищущими хоть какое-то существо женского пола в округе, чтобы удовлетворить свою жажду. Селин не помнила, сколько раз она сидела в углу и молилась, чтобы хлипкий замок выдержал, пока пьяные кулаки молотили в дверь, а голос их хозяина требовал открыть.

Она знала, что живет в аду, но будущее представлялось ей не намного счастливей. Отец, хоть пил и буянил, в трезвости по-своему ее любил, а то существо, которое появилось на пороге пару недель назад, назвалось камарилом и объявило себя ее женихом, на любовь и вовсе было не способно. Глаза его пылали ненавистью и презрением ко всему, что он перед собой видел, оттого Селин и решила избегать его взгляда. Он был силен и не знал своей силе меры — как такому ее не бить?

Ее продали чудовищу за несколько ящиков пойла — Селин поняла это сразу, едва увидев своего суженого. Тогда она проплакала всю ночь, но что это могло изменить?

Теперь же у нее душе воспряла надежда — если среди камариллов будет он, солдаты ордена могут его убить.

Селин никогда раньше не желала никому зла, но жениха возненавидела с первого взгляда. Он способен нести лишь смерть, его душа давно мертва и никогда не возродится. Селин станет свободна, да еще и в ордене что-то случилось. Это значит, что про них с отцом забудут и нового жениха не пришлют.

Но пока что это было всего лишь мечтой...

Внизу загрохотали шаги, Селин прислушалась и поняла, что камариллы показались в поле зрения. Солдаты засуетились, прячась по углам дома, под лестницами и в боковых комнатках — после них что-нибудь из вещей непременно пропадет, они никогда не

брезгают воровством, но это будет волновать отца позже. Пока что орденские отдали ему какие-то приказания и засели в укрытиях, ожидая подхода камариллов.

Тишина окончательно стала гнетущей, Селин принялась шептать себе под нос глупую детскую песенку и почти смирилась с неизбежным, когда дверь внизу наконец распахнулась, раздались новые голоса и тяжелые шаги. Много шагов.

Не прошло и пары минут, как приглушенные дверью разговоры сменились лязгом стали, криками и топотом. На пол то и дело глухо падало что-то тяжелое, слышался треск старого дерева и скрип солдатских сапог. Билось стекло, трещали, казалось, сами стены, весь дом дребезжал и ходил ходуном.

От страха Селин прикрыла глаза. Она пыталась отгородиться от этого шума, подумать о чем-то другом, но предсмертные крики мужчин за дверью держали ее на поверхности, в сознании, не давали ускользнуть от ужасающей реальности.

Надо было молиться, надо было делать хоть что-то, но Селин не смогла пошевелиться, даже когда лязг клинков добрался практически до ее двери. Страх сковал ее по рукам и ногам, а в доме кричали и сражались, незнакомые люди выплевывали стоны и ругательства одно за другим, пока один из голосов, другой и до боли знакомый, не разрушил оцепенение, в котором все это время пребывала девушка.

Не помня себя, Селин вскочила с места и прижалась ухом к двери.

— Нет! Прощу! — Вопил отец. Этот голос она не спутала бы ни с кем — именно так он орал на нее, когда напивался, вот только сейчас ситуация явно была другой, — Отпустите! У меня дочь..!

От страха у нее всегда тряслись руки, но сейчас почему-то перестали. Селин открыла засов и вылетела из комнаты за считанные секунды, и если бы не перила, за которые девушка успела схватиться, она бы свалилась с лестницы, подвернув ногу.

— Папа! — Не узнавая свой голос, взывала она.

Сердце бешено колотилось в груди, Селин смотрела на то, что сделали с ее домом, на незнакомых мужчин, на круглые от злости и страха глаза солдата, держащего кинжал у отцовского горла.

Взгляд метался от одного мертвого тела к другому, пробежался по лужам крови, которые теперь ни за что не отмыть, по сломанным перилам и стульям, разбитым стеклам, перерезанным глоткам и остекленевшим глазам.

Смерть выглядела так ужасно, что от нее в тот же миг начинало тошнить. Селин вцепилась в деревянные перила сильнее, словно они могли удержать ее в реальности, не дать взгляду вновь уцепиться за склизкие тела и вспоротые животы, побелевшие лица и раскинутые в последнем движении руки.

Вместо трупов она взглянула на людей, что стояли внизу. Солдат ордена остался всего один, и тот угрожал убить отца, а камариллов она насчитала аж целых семь и среди них, естественно, был он.

Чудовище посмотрело на нее и усмехнулось. Всего миг — большего она была недостойна — но и этого хватило, чтобы ощутить всю его ненависть. Другие камариллы, такие же — в темно-красных мундирах, с коричневыми плащами и глубокими капюшонами — тоже смотрели на нее, но им было все равно. А он ее ненавидел.

— Отпусти его, придурок, — Чудовище выставило руку и шагнуло к солдату, — Убьешь старика, и что толку?

Солдат отступил назад, волоча своего пленника за собой. Вырваться отец даже не

пытался, лишь безвольно хватался слабыми руками за локти орденского.

— Свиток. Отдавайте свиток! — Потребовал разъяренный солдат.

— Вы организовали засаду, решили застать нас врасплох, — Из тени шагнул другой камарил — высокий, коротко стриженный и бородатый, — Застали?

— Свиток, — Сверкнул глазами обезумевший мужчина, — Или он сдохнет!

Лезвие кинжала вплотную прижалось к шее отца, Селин рванулась вниз, но у первой же ступени замерла. В голову не приходило ни одной связной мысли, лишь страх, страх, страх! Он душил и не позволял думать — Селин могла лишь смотреть.

Смотреть на то, как ее жених смеется солдату прямо в лицо.

— Мне все равно, — Бросил он, — Убивай.

В душе у Селин все похолодело. Впрочем, разве можно было ожидать чего-то другого от Чудовища?

— Ты убьешь его, мы убьем тебя, — Сообщил бородатый, — Ты остался один.

— Нэриус найдет вас, — Брызгал слюной солдат, — Он доберется до свитка!

Внезапный хрип заставил Селин очнуться. Девушка как-то запоздало моргнула, а потом увидела хлынувшую прямо на руки солдату кровь, чье-то стремительное движение, отражение пламени в остро наточенном лезвии.

И вот уже два тела падают на дощатый пол, а сама она летит вниз по лестнице, ноги не слушаются и подгибаются, с губ срывается что-то невразумительное, а перед глазами стоит лицо отца с широко раскрытыми от ужаса глазами.

Чьи-то руки поймали ее уже в самом низу, оторвав босые ноги девушки от залитого кровью пола. Все, что успела Селин — резко повернуться и увидеть хрипящего, захлебывающегося собственной кровью отца и солдатское тело, буквально насаженное на меч, рядом.

— Выпустите! Папа! Нет! — Селин попыталась вырваться, ударила руками в широкую грудь, но хватка ни капельки не ослабла.

Липкие пальцы отвернули ее лицо от отца, и девушка увидела перед собой совсем не старого, но очень сурового из-за густой бороды человека. Он попятился назад, оттаскивая Селин в сторону, а она лишь беззвучно разевала рот — голос отказывался подчиняться, зато слезы полились из глаз фонтаном.

Через мгновение она поняла, что вырваться бесполезно, и тогда сильные руки наконец-то поставили ее на пол, сразу же схватив за плечи.

— Цела? — Грубым голосом буркнул бородач, оглядев Селин с ног до головы.

— Ничего с ней не случилось, — Раздалось из-за его плеча.

Чудовище подошло ближе, лишив Селин возможности спрятать глаза. Все еще пребывая в руках бородача, девушка посмотрела в надменное гладко выбритое лицо, не скрытое под стянутыми в хвост длинными волосами. Лучше бы он прятался за своими патлами, как в прошлый раз.

Как же не вовремя бородач решил ее отпустить! Словно вверив Селин жениху, незнакомец отступил в сторону и обратился к остальным камарилам:

— Обыщите дом. Вдруг какая тварь забилась в угол...

— Чего же ты, невестушка!? — Хмыкнуло у Селин под ухом, — Не признала?

— Отец... — Прохрипела она, вновь опустив глаза. На босых ногах уже откуда-то взялась кровь, — Папенька...

— Он мертв, — Холодно сообщило Чудовище, — Этот придурок успел ткнуть его

кинжалом.

— Вы могли его спасти, — Вырвалось у Селин. На камариллов она все еще не смотрела, но и на кровь любоваться становилось невыносимо.

— Смотри-ка, голосок прорезался! Я уж думал, не услышу тебя.

Она подняла взгляд. Чудовище улыбалось девушке самым пугающим из всех своих оскалов, серые глаза сверкали презрением и ненавистью. Селин едва заметно попятилась, но жениху хватило и этого, чтобы придраться.

— Боишься? Не надо. Я вроде не ветувьяр...

Грубые пальцы схватили ее за запястье и потянули к себе, Селин успела лишь всхлипнуть и чуть не поскользнулась на кровавых разводах.

— Эй, Ланфорд, поаккуратней! — Бородач уже был наверху и осматривал комнаты, куда они с отцом селили гостей.

— Солдат твой папаша пустил? — Чудовище — назвать его по имени Селин не могла даже в мыслях — склонило к ней лицо.

Девушка отвернулась, и взгляд как назло уткнулся в убитого солдата с перерезанным горлом.

— Морду-то не отворачивай, я все равно знаю, что он. Вот и поплатился...

— Зачем мы вам? — Набралась смелости Селин.

— Дело есть. Как знал, что не хотел твоему папаше доверять. Вот, теперь не придется.

— Ч-ч-что я должна делать? — Заглянуть в глаза. Выдержать несколько секунд. Вот, у нее получилось. Почти.

Чудовище не уродлив сам по себе. Его уродует ненависть и злость, а она всегда хуже морщин, шрамов и неправильных черт.

На самом же деле камарилл молод, крепок и статен. Лицо у него мужественное, видное, не простецкое, как у деревенских парней, а вполне аристократическое.

“Радоваться надо, что Нэриус тебе такого жениха подобрал! Все подружки обзавидуются!” — убеждал ее отец, а Селин не оставалось ничего, кроме как покорно кивать и делать вид, что ей не противно от одной лишь мысли об этом человеке.

— С нами поедешь. Сделаешь все, что я скажу. Поняла? — Пальцы на ее запястье сжались чуть сильнее.

— Но... — Запнулась Селин, путаясь в словах и мыслях.

По лестнице застучали шаги, и в поле зрения вновь появился бородач.

— В доме все чисто, — Доложил чудовищу он, — Оставаться здесь нет смысла.

— Значит, едем.

— Это мой дом, — Выговорила Селин, не сдвинувшись с места.

Глаза чудовища в тот же миг опалили девушку гневом, но бородач вмешался вовремя:

— Твой отец мертв, и тут пятнадцать солдатских трупов, — Мягче, чем можно было ожидать от человека с таким голосом и лицом, начал он, — В любой момент сюда нагрянут еще орденские. Что ты собираешься с ними делать?

Селин сглотнула и огляделась вокруг. Внезапно стало так холодно, словно ее затащили в каменный склеп. Бородач прав, но...

Поехать с ними означало привязать себя к этому Чудовищу, что сейчас морщилось от отвращения, искоса поглядывая на нее.

— Да что ты с ней нянчишься, Робин, — Прошипел он, — Поедет, как миленькая, куда денется...

— Здесь ничего не осталось, — Бородатый Робин проигнорировал Чудовище, — Посмотри сама...

Она смотрела. Смотрела и сходила с ума от ужаса, что захватывал сердце и разум. Раньше Селин думала, что у нее ничего нет, но оказалось, что даже это “ничего” можно потерять, что она и сделала.

— Пять минут, чтоб собралась, — Бросило Чудовище, поворачиваясь к двери.

Холодный воздух с улицы ударил в лицо, едва только камарил вышел, а Селин все стояла на месте. Ноги словно приросли к полу, а взгляд вцепился в безжизненное тело отца.

Не надо было смотреть, чтобы потом не видеть это в кошмарах, но она смотрела, пусть и совершенно бездумно. Чувств словно не осталось, все их перекрыл собой страх.

— Ты прости его, — Бородач кивнул на дверь, — Он вспыльчив, как последний идиот. Я с ним поговорю, он переменится.

Нужно было поблагодарить, возразить, сказать хоть что-то, но она молчала.

— Давай я помогу тебе, — Камарил протянул руку, — Твоя комната наверху?

Селин кивнула, не поднимая глаз.

Крепкая теплая ладонь обхватила ее пальцы и потянула за собой. Не так, как Чудовище — мягко, спокойно.

— Кто ж тебя так запугал? Папашка или жених?

Пристально смотря под ноги, Селин пробиралась к лестнице, перешагивая лужи крови и страшные разводы. Колени дрожали, грозясь подогнуться, но все же выдержали, пока Робин продолжал говорить с ней:

— Ты еще узнаешь Ланфорда. Он не так плох, как кажется. Просто... он очень решительный и требует того же от других. Ты с ним посмелее, он и смягчится. Он таких любит. Но я ему все равно скажу, чтоб за языком следил...

Селин была уже на пороге своей комнаты. В последний раз. Как бы она не ненавидела это место, сейчас стало больно, да еще и слова бородача отдавались в голове неприятным эхом.

Поняв, что сейчас ей и вправду нечего терять, девушка обернулась:

— Не утруждайтесь, это лишнее. Мне все равно.

Глава 5. Гвойн. ка-Гвойн

И для чего мужику вешать на себя столько железа? Нет, Рауд мог понять и серьги, и кольца, и даже всякие там ошейники — но не цепочку, идущую от уха к ноздре, да еще и с какими-то бубенцами! А еще ведь эта тряпка на башке — тяжело ведь, да и смысла никакого!

Естественно, Рауд не слышал ни слова из того, что вещал на ломаном гвойне этот обернутый в дорогушие ткани почтенный гость, но он сидел здесь и не для этого. Чтобы отвечать и улыбаться, здесь были дядюшка с Гурдом, который еще и успевал что-то записывать.

Любимый родственник как раз собирался что-то сказать, и Рауд напряг извилины, чтобы вникнуть. Да и выражение лица, глядишь, поумнее станет.

— Дипломатия подразумевает обдуманые просьбы и взвешенные решения, а следовательно, полную непредвзятость. Давайте еще раз, господин Шариат, по порядку — опишите причины вашего поражения от двисетского флота при Канхольме.

Вот же загнул! Нет, Рауд такие слова тоже знал и даже когда-то учился их применять, вот только выходило всегда прескверно, но в дипломаты он не подался не поэтому. Основная причина состояла в том, что “ваш внешний облик, дорогой племянник, не слишком располагает к светским беседам”. Так говорил дядюшка, “внешним обликом” тоже, по сути, не блещущий, но в дипломатии отчего-то преуспевший, и все же причину “рожей не вышел” на тот момент юный Рауд с радостью принял и все свои таланты направил в иное русло.

И сидел он здесь из-за этих самых талантов...

От скуки хотелось если не повеситься, то взвыть уж точно. Рауд уныло взглянул на гобелен, что расположился аккурат за дядюшкиной спиной — огромный вышитый герб Гвойна, принятый первым правителем свободного острова Тьорном Остроскалым. Над кличкой Рауд в детстве посмеивался, да и Гурд этим не брезговал, за что мальчишки всегда получали от дядьки заслуженный подзатыльник, вот только на одного наказание возымело действие, а на другого — нет.

Гурд продолжал что-то старательно записывать, хотя по делу говорил только дядька — ну да этот всегда найдет, что припомнить и подметить. Оттого и стал к тридцати годам лыс, как колено.

— Двизет! — Гремя бубенцами на роже, воскликнул имперец, — К щертям Двизет! Езли бы нэ кырацийцы, пабэда была бы нажа!

— Это нам известно, — Дядюшка учтиво сложил руки перед собой, — После вступления в бой флагмана кирацийского флота все пошло наперекосяк.

— Флэтшер, — Имперский павлин щелкнул белыми-белыми (особенно на фоне загорелой морды) зубами, — И нэ он адын.

— Мы слышали об адмирале Флетчере. В бою сталкиваться еще не приходилось.

— Он псих.

Рауд не сдержался — хмыкнул. О Флетчере он думал часто, и почти всегда эти мысли приходили только к одному — им нужно встретиться в море. И выяснить, кто лучше. А пока он не знал наверняка, все рассказы о том, какой кирациец безумный и непобедимый, казались трусливым бредом.

— З ным был ишо Хелдер. Два, — Для пущей убедительности имперец зачем-то показал

два пальца, — Два карабля прэвратыли маю армаду в ништо!

— Так ли хороша армада, если ее способны разбить два флагмана? — Не выдержал Рауд. И кто делает таких дураков адмиралами!? Как вообще Зиэкон смог стать империей, держа в армии таких трусов?

— Маладой щеловек, — Имперец держался неплохо, но Рауд видел по глазам, что в душе он хочет перегрызть ему глотку, — Зиэкон — ымпэрия, и можэт пазволыть сэбе лучшые караблы.

— Тогда, может, дело в командовании? Рыба гниет с головы...

— Господин Шариат, — Оборвал Рауда дядька, хотя племянник, в общем-то, уже все сказал, — Адмирал Орнсон не имел дела с кирацийцами, но в пределах Северных морей пользуется авторитетом, поэтому оценивает ситуацию со своей точки зрения.

— Этому маладому щеловеку, — Имперец пронзил Рауда взглядом, — ны за што нэ справытса с Флэтщером.

— А вам-то откуда знать? — Сверкнул глазами “молодой человек”, — Флетчер вроде бы даже... моложе меня, хотя кто этих ветувьяров разберет...

А вот с Хельдером они вроде были ровесниками. С ним Рауд тоже страшно хотел потягаться, но вот с двоими сразу...

— Флэтщер хитер, каг дужына лысиц.

— А еще у него два лица, — Напомнил Рауд, — И что с того? Он человек, а потому... смертен.

— Хатя... мнэ дажэ нравытца ваш настрой. Вы ведь хатыте начать вайну с Кырацыэй?

— Наконец-то наш разговор перестал крутиться вокруг да около, — Дядюшка улыбнулся, потрогав окладистую бороду, — Что вы можете нам предложить?

— Мой кароль хочэт мэсти. Он прэдаставит караблы.

— А что должны будем предоставить мы?

— Чэловека, апароцившего маю щесть и щесть маего караля. Адмырала Флэтщера.

На месте дядюшки Рауд бы врезал кулаком по столу, но родственничек не только сдержался, но и хитро улыбнулся:

— Надеюсь, вы помните, господин Шариат, что адмирал Флетчер еще и король Кирации Тейвон Первый Кастиллон?

— Канещно помню, — Кивнул имперец, — Развэ это нэ лучшые для вас? Аоставить Кырацыю бэз галавы.

— Вот только Гвойн отнюдь не заинтересован во всей Кирации. Нас интересуют лишь северные прибрежные земли и основные порты близ Талаара.

— Господа, вы, должно быть, забыли, — Голос сидящего поодаль за отдельным столом Гурда звонким эхом отразился от каменных стен, — Без правителя Кирация не останется даже в случае смерти Флетчера и короля. Во время пребывания Тейвона в облике адмирала королевством правит его сестра, принцесса Ремора.

— Жэнщына нэ спасобна пабэдыть в вайнэ, — Возразил имперец.

— Вы плохо знаете эту женщину, господин Шариат, — Дядюшка был спокоен, как море в штиль, — Осмелюсь напомнить вам о событиях двадцатилетней давности. Сомневаюсь, что король Тейвон смог бы удержать Кирацию без помощи сестры. Королевство тогда рассыпалось на части!

— Принцесса издала указ о снижении налогов и прекратила чеканку денег прежнего образца в силу ее затратности, — Каждый раз, когда Гурд решал блеснуть своей ученостью,

он склонял голову набок. Вот так, как сейчас, — Помимо этого она внесла поправки в...

— Дастатошно, — Поднял смуглую руку имперец, — Я понял, што вы баитесь.

— Отнюдь, — Чмокнул губами дядька, — Мы выжидаем. Кирация сейчас не так слаба, как нам бы хотелось, поэтому пока мы ограничимся Талааром.

— Флэтщера можна захватить на морэ, а сэстру убить в стальще.

— Этим пусть занимаются камарилы. А мы не собираемся гоняться за двумя зайцами. Гвойн не так богат, чтобы выбрасывать деньги в море.

Имперец Шариат задумчиво закусил губу над редкой треугольной бородашкой и забарабанил пальцами по столу, должно быть, отстукивая какой-нибудь из пафосных военных маршей. В Зиеконе любят бессмысленную браваду и самолюбование — проигрывают раз за разом, а радости, будто весь Оствэйк захватили!

— Ладно, — Шариат махнул головой, и бубенцы вновь звякнули, — З нашей стараны я абеспэчу нэскалька караблэй для нападэния на Талаар.

— Командование флотом будет у адмирала Орнсона, — Напомнил дядюшка.

— Галеон “Черная змея” к вашим услугам, — С поклоном, но не без доли язвительности объявил Рауд.

— Думаю, вы найдете общий язык, господа, — Дядька обращался к имперцу, но смотрел исключительно на племянника, — Адмирал Орнсон, как-никак, тоже потомок зиеконцев.

— О да, я заметыл, — Неожиданно улыбнулся Шариат, — Чорные волосы — рэдкае явлэние для здэшных мэст.

Рауд едва удержался, чтобы не схватить лежащую рядом треуголку и не спрятать под ней свои патлы от глаз этого дурака.

— Полагаю, на этом все. Господин Шариат, у вас остались какие-то вопросы?

— Нэт, — Звякнули бубенцы, и имперец поднялся из-за стола, осторожно придерживая поистине бабский подол своего одеяния.

Наблюдая за тем, как придурок плетется к выходу, топая по каменному полу тонкими сандалиями, Рауд вернулся к изначальному вопросу — на кой черт мужикам носить на себе всякие цепи и юбки вместо штанов? Тут уж неудивительно, что Флетчер его разбил — в штанах, да безо всяких тряпок на голове воевать поудобнее будет.

Высоченная дверь захлопнулась за имперцем, и Рауд смекнул, что дядька собирается что-то сказать. Правду сказать, без дипломатии и лицемерия.

Что ж, если для того, чтобы начать разговор, нужно было сделать первый шаг самому, то почему бы его не сделать?

— Он идиот, — Объявил очевидное Рауд, закидывая ногу в начищенном сапоге на колено, — Только испортит мне всё развлечение.

— Так не позволяй, — Дядька церемониться не собирался, — Учить что ли надо?

— А в “развлечении” ты уверен? — Гурд поднялся из-за стола и сгреб свои бумаги в кучу, — Тебе в лучшем случае достанется Хельдер.

— А в худшем? Флетчер? Тогда хочу худший.

— В худшем — оба, — Непреклонно заявил Гурд, — Шариат, конечно, идиот, но не думаю, что все его капитаны ему под стать. А кирацийцы смешали их с...

— Меня не так просто смешать с тем, с чем я смешиваю других, — Хмыкнул Рауд.

Гурд и не думал улыбаться. Даже дядька, кажется, немного смягчился, но это лысое колено оставалось с каменным лицом — и ведь не скажешь даже со стороны, что лучший

друг!

— Ты излишне самоуверен.

— А ты мнителен, — Рауд качнулся на стуле, не сводя глаз с Гурда.

— Тебя не переубедить, — Вздохнул он, — Значит, будь по-твоему... Кстати, Торгир, скажем сейчас?

Дядька повернулся к своему советнику и секретарю. Хотя, там, наверное, должностей было еще больше — родственничек не упускал возможности переложить свои обязанности на кого-нибудь еще, тем более если этот кто-то страдает от излишней честности. Гурд же страдал не только от нее, но еще и от большой ответственности, которая даже по ночам не давала ему жить спокойно.

Оттого и выглядел бедняга в свои тридцать пять лет на десять старше — нечего было менять меч на перо. А ведь лет пятнадцать назад девицы бегали за ним ничуть не меньше, чем за Раудом — не все сходили с ума от длинных черных волос молодого моряка — многим нравился широкоплечий высокий блондин с цепкими глазами. Сейчас же от тех светло-медовых волос не осталось ничего, плечи ссутулились, а глаза глубоко ввалились на исхудавшем лице.

Нет, Рауд, конечно, понимал, что и он уже не тот двадцатилетний парень, но при нем до сих пор оставались и волосы, и лицо, да и телосложением, слава богу, удался не в дядюшку — иначе сверкал бы пузом так же, как Гурд лысиной — лет с тридцати.

— А чего скрывать-то? Даже письмо можешь показать, — Разрешил дядька.

— Опять интриги плетете без меня? — Ухмыльнулся Рауд.

На дела, которые друг с дядькой вели у него за спиной, он никогда не обижался, потому что мог поставить себя на их место. Вот есть у тебя какая-нибудь тайна, а ты возьми и разболтай ее по старой дружбе такому болтуну и задире! Он сначала за бутылкой всем разболтает, а потом еще и прибьет кого ненароком, если кто чего-нибудь не то брякнет. И там и там убытки, выгоды никакой, да и тайна прахом пошла.

— Если кто-то и плетет, то не мы, — Пожал плечами Гурд, — Нас за уши тащат.

— Я думал, имперцы уже затащили.

— Нет, еще Эделосс подтянулся.

— А северянам чего? — Удивился Рауд. Уж эти вообще сидели себе и морду не высывывали...

— Истинный Лик приказал долго жить, — Выдохнул дядька.

— Не понял, — Рауд поочередно смотрел то на друга, то на родственничка, — Нэриус что ли окочурился?

— Если бы, — Гурд вытащил из кучи бумаг какой-то лист и протянул Рауду.

Оказалось, письмо, да и немаленькое — на целую страницу. Написано на гвойне, но почерк неаккуратный — то ли спешили, то ли так вышло с непривычки.

Торгиру Фиррисону,

правителю свободного острова Гвойна

Божественный путь шлет рабам земным много испытаний, и тяжесть их порой непреодолима для одного народа, одного королевства...

Тьфу, ну и бредятина! Прочитать все это сможет либо праведник, либо такой упрямец, как Гурд. И что ж за богоугодник такое написал?

Рауд бросил ленивый взгляд на последнюю строчку:

Епископ ордена Истинного Лика Сигри

Спустя мгновение письмо было жесточайшим образом отброшено на стол, а о личности некоего Сигри сделаны соответствующие выводы.

— Гурд, ты же не думаешь, что у меня хватит сил это дочитать? Тут же ни одного человеческого слова!

Теперь эта зараза получила то, что хотела — улыбка была до ушей:

— Так и знал, что ты это скажешь.

— Хочет-то этот ангел божий чего? — Невозмутимо продолжил Рауд.

Прижавшись бедрами к столу, друг сложил руки на груди и покосился на опальное письмо:

— Насколько я понял, он говорит о расколе ордена и просит нас поддержать их сторону.

— Их — это чью?

— Собственно, этого епископа и главного камарила — Биркитта Даирона.

— А Нэриус?

— Он и спровоцировал раскол — попытался стащить какую-то дрянь из орденовской библиотеки, а камарилы перехватили. Епископ уверен, что это ересь.

— Этим епископам только дай слово — все ересью объявят! От нас-то чего хочет? — Желал знать Рауд, которого все эти религиозные дразги не просто не интересовали, но даже не забавляли.

— Опять же, если я правильно понял...

— Рожай, Гурд!

— Хотят, чтобы эту дрянь, за которой охотится Нэриус — вроде, свиток — мы спрятали у себя. Сначала хотя бы на корабле.

— То есть, на “Черной змее” — Сделал вывод Рауд, поворачиваясь к дядьке, — И что, мы в деле?

— Новость о расколе когда-нибудь обязательно дойдет до народа. Нам нужно делать выбор, а учитывая то, что мы собираемся развязывать войну с Кирацией, логичнее поддержать сторону камариллов.

— Я понял, — Кивнул Рауд. Когда дело касалось приказов, он старался не рассуждать. Это на “Змее” он был полноправным хозяином, а на суше полагалось подчиняться. Да и не с его настроенными на войну мозгами самодурствовать.

— Они будут ждать в Эхоре. Просят взять на борт свиток и кого-то там в сопровождение, — Подытожил Гурд.

— Так уж и быть, заскочу по пути, — Облизнул зубы Рауд, — Сколько у меня времени?

— Думаю, встанешь там на якорь, — Предположил дядька, — От Линхаласа до Эхоры путь неблизкий.

— Черт с вами, подожду немного. Но я не собачонка и не верная жена. И кстати, что нам за это будет? Камариллы должны понимать, что это политика, а не дружеская попойка.

— Даже если и должны, то либо не понимают, либо прикидываются, — Хохотнул дядюшка, — Но дадим им время опомнится. Если и дальше станут молчать — продадим свиток Нэриусу.

Рауд улыбнулся. Он должен был догадаться, что дядька вывернет все именно так. Что камариллы могли предложить им за помощь? Если казна ордена осталась в руках Нэриуса, свиток в любом случае попадет к нему — дядюшка ни за что не продешевит.

— Все, ступайте, — Махнул рукой родственник, и обрадованный тем, что эта скукотища

закончилась, Рауд вскочил с места.

— Оба? — Гурд вернулся к своим бумажкам и принялся перекладывать их с такой нежностью, с какой следовало прикасаться разве что к дамам. И то, не ко всем.

— Да! — Рывкнул дядька, — Ты мне тоже надоел!

Подошедший Рауд хлопнул друга по плечу, схватил за локоть и вывел в коридор, грохнув за собой дверью.

— Он бывает невыносим, — Буркнул Гурд.

— Он всегда невыносим. Не представляю, как ты его терпишь, — Рауд выглянул в окно.

В грязном дворе копошились слуги, солдаты, лошади — все замызганные, как свиньи, а судя по свинцовым тучам, скоро грязи станет еще больше, и в лужах можно будет утопиться. И все же покинуть дом дядьки хотелось — здесь, кажется, сами стены за тобой следили и грозились донести родственнику.

Да и вообще быть на суше ему оставалось несколько дней, а значит, их надо провести если не с пользой, то с удовольствием.

— Пойдем-ка проветримся, — Рауд повернулся и заговорщически подмигнул Гурду.

— Знаю я твое “проветримся”! Я после этих развлечений сутки лежу пластом!

— А раньше почему-то не лежал. Теряешь квалификацию, дружище...

Гурд устало потер переносицу:

— Ты неисправим. Может, уже пора отпустить нашу молодость? Она закончилась, Рауд.

— Это ты так считаешь. А меня, вон, имперец на полном серьезе молодым человеком величал! Льстец проклятый!

— Он назовет и таракана бабочкой, лишь бы получить то, что хочет, — Мрачно заметил Гурд.

— Нет, это просто ты такой угрюмый, — Рауд взял друга под руку и потащил прямо по коридору, — Ну глянь на себя! Во что ты превратился под дядюшкиными бумажками!? Вон, усох весь, исхудал, круги под глазами! Ты когда в последний раз у дамы бывал?

Ухмылка Гурда вышла вымученной, но в глазах все же загорелся какой-никакой огонек:

— Ты, черт, кого угодно уговоришь.

— Я не черт, я грешник, — Рауд лихо соскочил вниз по ступеням и обернулся на спокойно спускающегося друга, — И похлеще ветувьяров...

Глава 6. Кирация. Анкален

Перед глазами до сих пор стояла кровь. Это сейчас было страшно, а в тот момент Ремора всего лишь удивилась — как ему удалось миновать такое количество охраны?

С каждой секундой, пока она жалась к стене своей гостиной и смотрела на затянутую в серую орденскую рясу спину лекаря, становилось все страшнее — приходило осознание, что она была на волоске от смерти, что еще немного — и Тейвон бы остался один.

Не успеет Ферингрей вовремя, на одного ветувьяра стало бы меньше, а безумный камарил, которого едва уgomонило пятеро гвардцев, стал бы знаменит на весь Оствэйк.

— Как он, брат Дарис? — Принцесса шагнула к монаху, согнувшемуся над креслом с бесчувственным Ферингреем.

А ведь Ремора даже не сразу заметила, как короткий клинок, выскользнувший из рукава безумца, полоснул по капитану, так отчаянно ее защищавшему.

— Это обморок. Рану я обработал. Пару недель покоя — и, даст бог, все будет в порядке.

С этими словами монах откупорил какую то склянку и сунул под нос раненому. Ферингрей дернулся, распахнул глаза, и непривычное расслабленное выражение лица вновь сменилось сосредоточенным и напряженным.

— Ваше Высочество, — Капитан рванулся, чтобы встать, но принцесса осадила его жестом.

— Со мной все в порядке. А вот вам следует отлежаться.

Монах незаметно откланялся и ушел, необычайно бледный Ферингрей проводил его взглядом и вновь попытался подняться на ноги:

— Я должен доложить Его Величеству и коменданту.

— Его Величеству доложу я, — Отрезала Ремора, отходя к окну. На улице было тихо, словно никто еще не знал, что несколько минут назад могло случиться непоправимое...

А сердце, оказывается, все еще стучало в груди быстрее обычного — надо же, а она уже стала думать, что разучилась бояться! Двадцать лет назад это чувство казалось естественным, необходимым, а теперь... стало лишним.

Ферингрей за спиной все же поднялся — ну что за человек!? Не хватало еще, чтобы бедняга рухнул в обморок прямо здесь. Повязка туго стягивала его раненую левую руку, и ему явно нужно было отлежаться хотя бы денек, чтобы не ухудшить свое состояние.

Ремора развернулась как раз в тот момент, когда дверь покоев распахнулась, и в комнату влетел мертвенно-бледный и при этом запыхавшийся Эйден. Круглыми от испуга глазами он оглядывал помещение, надолго замерев взглядом на принцессе.

— Господин комендант, — Рванулся к нему шатающийся на нетвердых ногах Ферингрей, — Я должен доложить...

— Ваше Высочество, — В таких знакомых карих глазах плескалась едва сдерживаемая тревога. Еще секунда, и он бросился бы к ней, словно мать к испуганному младенцу.

— Я в порядке, — Отмахнулась она, — А вот капитан — нет. Ему нужен отдых. Если бы не Ферингрей, неизвестно, чем бы все закончилось...

На мгновение потупив голову, Эйден уставился на капитана королевской охраны. Ремора не могла найти причину прохладных отношений между этими двоими, но факт оставался фактом — они друг друга недолюбливали, возможно, даже из-за сходства

характеров.

— Спасибо за то, что успели вовремя, — Так, будто слова жгли ему язык, выговорил Эйден.

— Это моя работа, господин комендант, — Сухо ответил Ферингрей.

Чуть приоткрытая дверь вновь распахнулась, шарахнула о стену, и в комнату буквально вломился Тейвон в своем привычном бордовом камзоле и высоких сапогах.

— Где этот мерзавец!? — Требовал брат, обшаривая покои сестры глазами, так же, как минуту назад это делал Эйден, — Ремора..?

— Со мной все нормально, — Качнула головой принцесса.

— Он уже должен быть в темнице, — Отчитался Ферингрей, — Если ничего не произошло...

— А что-то могло произойти? — Казалось, еще немного, и брат начнет метать молнии. Обыкновенно бледные, его щеки покраснелись от ярости, а между бровей пролегла глубокая морщина.

— Он был необычайно... буйным, — С трудом подобрал слово капитан, — Впрочем, именно это и не позволило его замыслам увенчаться успехом. Мои люди справятся, я почти в этом уверен.

— Почти!? Чарльз, дело серьезное! — Тейвон никак не мог успокоиться, и Ремора его понимала — она вела бы себя еще хуже, если бы подобная опасность грозила ему, — У тебя камарил проник в замок, а ты не уверен, что твои люди смогут его удержать?

— Ваше Величество, — Ферингрей поднял твердый взгляд на брата, — Насколько мне известно, камарилы себя так не ведут.

— То есть, ты хочешь сказать, что... — Начал Эйден.

— Что, возможно, он никакой не камарил, — Чарльз встретил озадаченный взгляд коменданта с ледяным спокойствием, — А лишь псих, им прикидывающийся.

Обычно Ремора позволяла брату разбираться в подобных проблемах самому, но сейчас это дело напрямую касалось и ее самой, поэтому принцесса сочла необходимым вмешаться:

— Капитан Ферингрей прав. Убийца вел себя странно... для камарила.

Говоря проще, наемник, проникший к ней в комнаты, был истинным безумцем и, скорее всего, самоубийцей. Он кричал и громил все на своем пути, хотя по навыкам и ловкости действительно не уступал лучшим из эделосских убийц. Вот только камарилы, как воры, всегда бесшумны и аккуратны, они бы ни за что не стали привлекать к себе внимание.

— Нам нужно знать наверняка, — Тряхнул рыжеватыми волосами Ферингрей, — Этот псих может быть повинен и в убийстве леди Ингерды.

— Я хочу знать, камарил ли он, — Отчеканил уставившийся в стену Тейвон.

Пошарив глазами по комнате, Эйден пристроился на краю стола, сложив руки на груди:

— Я лично проведу допрос. С пристрастием.

— Он может не сознаться. Это ничего не даст, — Возразил Тейвон.

— Есть идеи?

— Одна, — Ухмыльнулся Тейвон. Это уже не предвещало ничего хорошего, — Но вам троим она не понравится.

*

— Он может сдержаться. Мы не знаем, чего ждать от этого психа, — Эйден ходил по комнате от стены к стене, это начинало раздражать. Каждый его шаг отражался от голых каменных стен гулким эхом.

— Камарил? Сдержаться, почуяв ветувьяра? — Едва не рассмеялся Тейвон, — Ты сам-то себя слышишь?

Уже минут десять Тейвону казалось, что он разговаривает не с другом, а со стеной. Вот с этой самой — сырой и каменной, подземельной. Даже ей необходимость этого риска доказать было проще.

Чарльз Ферингрей не проронил за время всего разговора почти ни слова — во-первых, при Эйдене он и вовсе высовываться не любил, а во-вторых (Тейвон чувствовал это всеми фибрами души) он единственный был согласен с королем.

Ремора же подняла такую истерику, что ее пришлось оставить в покоях — иначе на ушах от женского крика стояло бы все подземелье. Ее страх за единственного братца тоже был объясним и понятен, но сидеть на месте, трусливо поджав хвост и гадать, шныряют ли по твоей столице камарилы, Тейвон не собирался из одной только гордости.

А еще из-за Джеррета, который собственными руками бы снес этому уроду башку с плеч, не боясь при этом по неосторожности поцарапать личико. Меньше всего на свете Тейвон хотел выглядеть в глазах людей трусливей своего ветувьяра.

— Все что угодно может пойти не так, — Эйден уперся руками в старую затертую столешницу.

Подземельная комнатка с горящим факелом, запахом сырости, плесенью и одним-единственным столом, конечно, угнетала, но все же не так, как Эйден со своим кудахтаньем. Шаркнув сапогом по каменному полу, Тейвон вытянулся на стуле и прижался к спинке, после чего откровенно пожилой предмет мебели жалобно скрипнул.

— Вы с Чарльзом будете рядом. И это помимо кучи гвардейцев. Да и я сам что ли беспомощный младенец!?

— Мало ли какой козырь есть у него в рукаве... Эти твари знают древнекирацийский не хуже вас! — Парировал Эйден.

— Сегодня этот мерзавец чуть не прикончил Ремору... И это почти сразу после Ингерды! Я должен знать, камарил он или нет!

— И как ты это себе представляешь? — Устало потер переносицу друг, — Ты заявишься к нему в камеру под видом Геллиуса, и что дальше?

— Камарилов натаскивают ничуть не хуже охотничьих собак, — Тейвон покрутил кольцо на пальце, — Он сразу поймет, что я никакой не Геллиус, и выдаст себя. Он попытается убить меня любым способом, и тут на подхвате будете вы.

Поговаривали, что перед тем, как вступить в орден, камарилы и вовсе проходят какой-то обряд, при котором с их кровью с помощью древних молитв делают что-то, чтобы она усиливала их сердцебиение при виде ветувьяра. Помимо этого, камарилы начинали по-настоящему звереть, когда враг оказывался в досягаемости.

— Бред, — Процедил Эйден, — С тем же успехом он может захотеть убить и Геллиуса.

— Вот только реакция будет другой, — Хмыкнул Тейвон, — При виде ветувьяров камарилы перестают быть людьми. Вы это сразу поймете, если увидите.

— Мы теряем время, — Вмешался стоящий у мизерного окошка, что было под самым потолком, Ферингрей.

— Действительно, — Тейвон требовательно уставился на друга, — Нужно попробовать, Эйден! С каких пор ты стал таким... осторожным?

— С тех пор, как один ветувьяр стал моим лучшим другом, а другой...

— Ради Реморы, Эйден...

Словно не выдержав столкновения их взглядов, друг отошел от стола:

— Только попробуй полезть на рожон... Я сам тебя прикончу.

*

Из-под капюшона открывался не самый широкий обзор — Тейвон видел лишь то, что находилось у него под ногами и изредка то, что было перед самым носом, все остальное было скрыто от его глаз тяжелой черной тканью. Кисти рук, занятые гладкими бусинами четок, прятались под длинными, почти до колен, рукавами, балахонистое одеяние лишь слегка было подхвачено поясом, но движения сковывало невероятно — ноги пугались в подоле, тянущемуся по полу и норовящему за что-нибудь зацепиться.

А ведь помимо того, чтобы держать голову опущенной и медленно плестись со смиренным видом вслед за гвардейцами, Тейвону приходилось сжиматься всем телом, нарочно сутулиться, чтобы выглядеть меньше, чем он был на самом деле.

— Кажется, наш Геллиус перестал поститься, — Осмеял его Эйден, увидев друга в образе главы ордена.

— Ты не придирайся, — Осадил наглеца Тейвон, — Если этот мерзавец его и видел, то только издалека. Главное — волосы и балахон на месте.

И если с волосами проблемы не было, то балахон с каждой минутой раздражал все сильнее. И как Геллиус ходит в нем всю жизнь?

Как-то исхитрившись выглянуть из-под капюшона, Тейвон поймал обеспокоенный взгляд идущего рядом Эйдена и тут же отвернулся. В то, что их план может пойти прахом, верить не хотелось, а потому король настойчиво гнал от себя все подобные мысли.

Он давно не бывал в подземелье и уже успел забыть, как здесь сыро и зябко, как коптят факелы на каменных заплесневелых стенах, как отдается эхом стук капель по полу и как тяжело дышится этим гадким спертым воздухом. Отсюда хотелось если не сбежать, то хотя бы выйти, но предстояло потерпеть, да еще и глядя в глаза той твари, которая убьет тебя, не задумавшись, просто за то, что ты не такой, как она.

Гвардейцы медленно открыли тяжелую деревянную дверь камеры, укрепленную решеткой, и в тесную затхлую комнату тут же шмыгнул Эйден, держащий руку на эфесе шпаги. С нарочитой медлительностью Тейвон двинулся за ним, не забывая перебирать пальцами бусины четок.

В камере воняло еще хуже, чем в коридоре — к запаху сырости добавилась еще и настойчивая вонь блевотины, Тейвон поморщился и окинул помещение взглядом, насколько это мог позволить ненавистный капюшон.

Здесь не было ничего, кроме отсыревшего тюфяка на полу и отхожего ведра в углу, но камера все равно казалась тесной, словно гроб. И еще теснее ее делал человек, что сидел на полу, закованный в цепи, но при этом совершенно свободный в своих словах и взглядах. Он не сводил с Эйдена пылающих ненавистью глаз, избитое лицо перекошилось в хищной ухмылке.

— Надо же! Быстро вы явились, — На кирацийском он говорил без малейшего акцента, — Еще и этого... еретика с собой притащили.

Тейвон не просто заметил на себе взгляд Эйдена, он его почувствовал. А вот предполагаемый камарил явно не ощущал ничего подозрительного — что ж, подойдем ближе.

— Разве может говорить о ереси человек, помысливший убийство? — Тейвон сделал шаг вперед. Фраза получилась невнятной и корявой, тихий возвышенный голос — еще хуже,

но вряд ли этот псих вообще его слушал.

Недо-камарил шарахнулся назад, словно побитый пес, звякнули цепи, а Тейвон почувствовал за спиной настороженное движение Эйдена — как наседка с цыплятами, ей-богу!

— Поднимите его, — Приказал друг гвардейцам. Тейвон на мгновение обернулся и заметил, что у стены уже стоял Ферингрей. Капитан королевской охраны готов был сожрать узника одними глазами, но злости не выказывал.

Двое солдат подхватили психа под локти и подняли на ноги, Эйден вышел вперед, все еще придерживая рукой шпагу.

— Я буду задавать тебе вопросы. Ты будешь отвечать. Честно отвечать, — Друг буквально выплевывал слова ему прямо в лицо.

— Хер тебе, урод зубатый! — Псих плюнул Эйдену под ноги, — И еретику твоему. И этому, — Он перевел взгляд на Чарльза, — ублюдку!

— Значит, мы поговорим по-другому, — Эйден улыбнулся, с гордостью обнажив перед психом свои выдающиеся зубы, — Дакен, начни беседу!

“Беседу” начинали известным способом: один удар в челюсть, дальше — как пойдет, вот и этого дружка не обделили. Дакен, глуповатый на вид мужик, больше похожий на огромную гору с ручищами толщиной в ногу Тейвона, сработал аккуратно и быстро, и вот уже псих отплевывался кровью, трусливо потупив взгляд.

— Кто ты такой, мразь!? — Эйден чуть нагнулся к уху узника, не переставая при этом улыбаться.

— Тот, кто убивает двуликих демонов, которым ты служишь, — Выдохнул псих, отчаянно напоминающий животное — кровавая слюна стекает по подбородку, под глазом набухает синяк, глаза сверкают, словно от бешенства, — А этот — их создает!

Тейвон не сразу понял, что узник смотрит на него, но необходимость попробовать еще раз почувял сразу.

— Камарил, значит, — Тейвон сделал еще шаг, вновь опередив Эйдена.

— Да, крыса ты церковная! — Рыкнул псих, дернувшись в руках гвардейцев. Вот только у Дакена не подергаешься — пара секунд, и узник получает щедрый удар под дых, такой, что свалил бы психа с ног, не держи его второй гвардеец.

Тейвон урвал момент, чтобы заглянуть в глаза наемника и, чему он уже не удивился, ничего в них не увидеть. Псих перед ним не был камарилом, хоть и пытался доказать обратное — ветувьяр стоял в шаге от него, а этот идиот, мало того, что не бился в конвульсиях необузданной агрессии, так и вовсе принимал его за Геллиуса.

Настоящие камарилы реагируют на ветувьяров иначе, и эту реакцию не спутать ни с чем. Тейвону хватило нескольких мгновений, чтобы запомнить ее на всю жизнь и до сих пор видеть в кошмарах. Убийцы из ордена Истинного Лица превращаются в монстров, стоит им только почувять ветувьяра — их глаза расширяются, зрачки сужаются, кожа краснеет, а изо рта идет чуть ли не пена, и управлять этим они неспособны. Камарилы совершенно теряют разум, если где-то поблизости находится ветувьяр.

Этот же экземпляр разум явно не терял, хоть и терять там было почти нечего.

— Как ты пробрался в покои принцессы? — Дождавшись, когда Тейвон отступит на шаг назад, спросил Эйден.

— Не твое собачье дело, комендант, — Откашлявшись, бросил псих.

На этот раз уже сам Эйден не стал сдерживаться — его кулак врезался прямо в нос

фальшивому камарилу, что-то противно хрустнуло, узник закричал и вновь сплюнул на пол:
— Все равно она содохнет. И ее сраный братец тоже. Великий Нэриус до них доберется!
Говорить и выглядеть как сумасшедший у узника получалось неплохо, но что если при этом он говорил что-то, в чем был смысл? Не успел Тейвон сформулировать вопрос, как узнику под дых вновь прилетел кулак.

— Сколько камариллов в Анкалене!? Говори, мразь!

— Понятия не имею, — Еще немного, и психа вывернет наизнанку прямо под ноги Эйдена. На его месте Тейвон бы отошел, чтобы не запачкать сапоги в блевотине.

— Капитан, — Друг повернулся к Ферингрею, со стеклянным взглядом наблюдающему за происходящим, — Принесите приборы. А то беседа получается бессмысленной...

Не сказать, что Тейвон любил смотреть на пытки, но двадцать лет назад жизнь заставила его налюбоваться на все, что только могли сотворить с изменниками причудливые орудия или, как Эйден изволил выразиться, “приборы”.

— Ваше Святейшество, — Друг повернулся, заглянув Тейвону в глаза, — Не желаете ли удалиться?

— Нет, сын мой. Я пройду этот путь до конца, — Заявил он, расслабляя напряженные до этого плечи. Роль Геллиуса откровенно надоедала, да и играть ее оказалось не так просто, особенно, если ты не такой праведный и не такой тощий, как он.

Ферингрей вернулся с деревянным ящичком в руках через считанные минуты. По приказу Эйдена его вручили одному из торчащих у двери гвардейцев уже в открытом виде, и друг тут же отыскал среди прочих инструментов памятные Тейвону железные щипцы.

— Надеюсь, теперь наш разговор пойдет поживее, — Сверкнул зубами Эйден, — Держите руку...

Тейвон ни за что бы не подумал, что друг умеет так ловко управляться с орудиями пыток — вот что значит, будучи ветувьяром, постоянно пропадать из жизни своих друзей, становясь другим человеком! Подцепив щипцами ноготь узника, Эйден, даже не моргнув глазом, дернул их на себя.

Нечеловеческий крик резанул по ушам, заставив Тейвона поморщиться. Эйден отбросил на пол маленькую окровавленную пластинку, пока узник рядом с ним вопил от боли. Кровь капала на и без того загаженный пол, псих извивался в руках гвардейцев, обливаясь слезами и выплевывая какие-то оскорбления.

Цепкими пальцами Эйден обхватил его за подбородок и повернул к себе:

— Еще раз: как ты пробрался в замок, мразь!?

На мгновение в безумном и затуманенном болью взгляде узника что-то прояснилось, губы разомкнулись, но с них не сорвалось ни звука. Голова психа безвольно свесилась на грудь, кажется, чтобы окончательно вывести Эйдена из себя.

Друг отвесил психу звонкую пощечину, но узник не отреагировал.

— Эй, чего это с ним? — Удивился Дакен, потрясывая обмякшее тело в руках.

— Вырубился, кажись, — Ответил ему второй гвардеец.

Вновь подняв голову узника к себе, Эйден зашипел от отвращения, поспешно вытирая пальцы, испачканные в пене, что лилась изо рта психа.

— Отпустите его, — Приказал он.

Гвардейцы опустили обмякшее тело прямо на пол, и Тейвон, не сдержавшись нагнулся к нему. Узник определенно был без сознания, но из глотки его доносились какие-то хрипы и порывистые вдохи, пена залила всю рожу, а тело резко задергалось, словно в конвульсиях.

— Он не жилец, — Бросил Ферингрей.

Содрогаясь всем телом, псих издал последний хрип и окончательно затих. Тейвон поднялся на ноги, зачем-то ткнув бездыханное тело сапогом.

— Что это с ним? — Не выдержал он.

— Похоже на яд, — Буркнул Эйден, возвращая щипцы в открытый ящик, — Какой — еще предстоит выяснить.

Разобравшись с инструментами, друг приказал гвардейцам вызвать лекаря и потом прислать его к нему с подробным отчетом о причинах смерти. Из камеры Тейвон вышел первым, поразившись тому, какой все-таки свежий воздух был в коридоре.

Прижавшись спиной к холодной стене, он стащил с головы опостылевший капюшон и глянул на вышедшего следом Эйдена. Друг казался не просто невозмутимым — каменно спокойным, словно не он сейчас вырывал ногти и не у него на глазах этот псих окочурился от неизвестного яда.

— Ну что, твои выводы? — Поинтересовался Эйден.

— Он не камарил, — Выдохнул Тейвон, сминая в руке четки, — Камарил бы на меня отреагировал.

— Но он явно считал себя камарилом, — Присоединился Ферингрей, — Особенно когда нападал на Ремору.

— Он явно не один. Есть кто-то еще. Кто-то, кто им командует. И тот, кто отравил его, чтобы идиот не наговорил лишнего, — Предположил Тейвон, радуясь, что к нему вернулась способность внятно мыслить.

— И тот, кто внушил ему, что он — камарил, — Закончил Эйден.

Не желая больше оставаться в этом подземелье, Тейвон стремительно зашагал по коридору, проклиная свой балахон, путающийся в ногах. Эйден все это время шел следом, но заговорил только наверху:

— Не знаю, заметил ли ты, но когда я стал его пытаться, он что-то бормотал...

— Простим ему это, — Усмехнулся Тейвон, — Посмотрел бы я на тебя, если б тебе ногти вырывали! Вряд ли ты бы молчал...

— Я не об этом, — Эйден вновь был невероятно серьезен. Интересно, это из-за Реморы? — Он ругался по-кирацийски. Странновато для эделоссца, не думаешь?

Глава 7. Свободные земли. Порт Эхора

Селин казалось, что она стала ожившим комком грязи, по которому ползают мухи, вши и прочие твари — так долго она пробыла без воды и мочалки среди полностью забывших о мытье мужчин. Если бы еще пару месяцев назад девушке сказали, что она пересечет половину Оствэйка всего за несколько недель, она ни за что бы не поверила, но теперь, когда на горизонте появился океан, горы и огромный, ни с чем не сравнимый город, ей пришлось наконец принять этот факт.

Поездка с камарилами напоминала побег от каких-то неведомых чудищ, почти каждый день Селин ловила себя на мысли, что не вынесет этой мучительной гонки, постоянного холода, сырости, грязи и... пребывания рядом со своим женихом.

Хвала богам, никто из камарилов даже ни разу не посмотрел в ее сторону — чаще всего, они Селин просто не замечали, но Чудовище... его взгляд каждый раз пробирал девушку до костей и заставлял сердце сжиматься от страха.

Робин был ее единственной защитой, но и его временами хотелось побаиваться — как-никак, двухметровый бородач тоже был камарилом и водил дружбу с ее женихом. И все же обращал на Селин внимание он один — он приносил ей еду и даже иногда разговаривал, убеждая, что совсем скоро эта бешеная гонка закончится, и девушка будет в безопасности.

Селин не верила ни единому его слову — она знала, что в безопасности ей не быть уже никогда, но что ей оставалось делать? Ее жизнь — если она вообще жила — закончилась вместе с приходом камарилов и смертью отца. Отца, своих чувств к которому она не понимала тогда и не сможет понять в будущем.

Раньше ей казалось, что стоит отцу умереть, как она станет свободна — хотя бы от его постоянного пьянства, долгов и побоев, но не тут-то было. Не успел отец умереть, как Селин сковали новыми цепями, на этот раз существа намного более страшные, чем немощный пьяница. Об этом ли она мечтала, сидя холодными ночами в своей комнате?

Столько страха, сколько принесли ей последние недели, Селин не испытывала за всю жизнь, а ведь впереди ее ждало что-то не менее страшное. Робин сказал ей, что миссия Селин — хранить какой-то свиток и постоянно держать его при себе. В Эхоре девушку посадят на гвойнский корабль, после чего ей предоставят убежище в резиденции ордена в ка-Гвойне, но и в это верилось с трудом.

— А вы... поплывете со мной? — Осмелилась она спросить у камарила тем вечером, когда он наконец раскрыл Селин ее предназначение, усевшись рядом с ней возле крошечного костерка.

— Ну уж нет, это вряд ли, — Улыбнулся большой бородатый человек, подбросив в костер ветку, что валялась рядом, — Нам еще Нэриуса, подлеца, по всей округе искать.

Селин потупила взгляд, уставившись на огонь. Еще недавно ей казалось, что бояться сильнее уже просто некуда, но вот появился новый страх, и все прежние виделись теперь перед ним жалкими, маленькими и ничтожными.

— Ну да ты не бойся, — Вновь раздался грубый голос, — Они тебя не тронут, ты ж теперь под защитой ордена. Да и у гвойнов этих, говорят, грех страшный — девицу-то обидеть!

Селин несмело взглянула на своего собеседника. Робин все еще улыбался, так, как любящие родители улыбаются своему маленькому ребенку, так, как улыбалась когда-то

давно мама.

Вот и сейчас, подъезжая к свободному горному городу, Селин вновь поймала взглядом его улыбку. Робин ехал впереди, во главе их колонны, вместе с Чудовищем, но то и дело оборачивался на девушку, чья лошадь все время тащила почти в хвосте по вине неумелой всадницы.

Впрочем, за три недели Селин худо-бедно, но все же научилась ездить верхом, по крайней мере, она перестала бояться вывалиться из седла и начала привыкать к тому, что под ней находится живое существо. Раньше ей доводилось ездить только на телегах, да и то, не дальше соседних деревень, куда можно было без проблем дойти пешком.

Теперь же будущее виделось ей опасным и страшным, прошлое — убогим и ничтожным, и девушка не знала, что было лучше. Всю свою жизнь она прозябала в глуши, но что предстояло ей теперь? В любом случае, Селин была к этому не готова.

Порт Эхора мог бы повергнуть Селин в шок, если бы за время пути сюда она бы не наслушалась от камариллов всевозможных историй об этом городе, каждая из которых была ужасней предыдущей.

Город, так и не доставшийся ни одному из королевств Оствэйка, был истинным пристанищем всех разбойников, бандитов и пиратов, что только существовали на свете. Улочки здесь были грязными и тесными, до отказа забитыми разномастными людьми, телегами, какими-то лавочками, бездомными собаками и прочей дрянью, потерявшей всякий ориентир в жизни.

Через силу вдыхая местный смердящий воздух, Селин тащила вслед за камариллами по залитому помоями переулку, боясь лишней раз поднять глаза. На нее таращились все кому не лень — от истощенных умирающих бродяг до раскрашенных полуголых куртизанок, о которых раньше Селин приходилось только слышать. Она не представляла, что нужно пережить и как надо себя возненавидеть, чтобы выйти вот так на улицу и продавать свое тело любому, кто способен дать тебе жалкий грош.

На колонну, состоящую из нескольких камариллов и одной-единственной девицы, кажется, вышел поглазеть весь город. Как только Селин со своими спутниками выехала на центральную улицу, что вела к пристани, толпы зевак застыли на месте, не сводя глаз с невиданных гостей. Девушке хотелось провалиться под землю, многочисленные взгляды словно делали ее и без того невымытое тело еще грязней.

Вскоре к ним все же привыкли, и бурная жизнь на улицах Эхоры возродилась с новой силой — торгаши и шарлатаны заорали во все горло, подзывая к своим прилавкам новых покупателей, шляхи вновь затрясли юбками и замахали ресницами, практически перестав замечать очередных чужаков, которых здесь и без камариллов хватало.

И все же, как бы Селин не тошнило при виде отпустившихся ничтожеств, пьяниц, воров и шлях, нашлось то, чем Эхора привела ее в восторг. Все время, пока они ехали по городу, девушка не сводила глаз с горизонта, где простиралась бескрайняя гладь океана, обрамленная высоченными горами с заснеженными вершинами.

Всю жизнь она прожила, не видя ничего, кроме зеленого поля и небольшого лесочка вдалеке — может, они тоже были по-своему красивы, но за столько лет успели по-настоящему опостылеть. Наверное, все то, что пришлось пережить Селин, действительно стоило того, чтобы увидеть это.

Океан, похожий на огромное блестящее и серебристое покрывало, отражал серо-голубое населенное облаками небо, о каменистый берег бились легкие, словно складки на ткани,

волны, а скалы держали все это своими огромными ручищами, будто не давая воде пролиться.

Между обшарпанных крыш, далеко внизу, копошились люди и лошади, стояли телеги, до отказа нагруженные тюками и мешками, что грузчики и моряки тащили с кораблей. Кораблей, которые медленно покачивались на пристани, цепляясь мачтами за небесный свод. В руках скал они смотрелись как игрушечные лодчонки, вырезанные из дерева, а люди рядом с ними — и вовсе как крохотные палочки.

Селин не заметила, как привстала в седле, чтобы лучше видеть далекую пристань, и тем более мимо ее внимания прошло, что за ней наблюдают сразу несколько камариллов, включая Чудовище с его извечным презрительным взглядом.

— Нравится? — Робин повернулся к ней, игнорируя отвернувшегося друга, — За этот вид Эхоре можно простить даже всю ее вонь и всякую уличную шваль.

Простить не простить, но вид действительно был неопиcуемый. Чем ближе они подъезжали к пристани, тем крохотней чувствовала себя Селин рядом с могучими скалами и бесконечным океаном впереди. И все же сейчас она не боялась — впервые за много дней — она ждала чего-то еще, хотела увидеть как можно больше, увидеть и навсегда запечатлеть в памяти.

Они спускались все ниже — теперь девушка могла спокойно разглядеть корабли и резные носовые фигуры на них, людей, что сновали туда-сюда с мешками и ящиками в руках, и даже кричащих чаек, кружащих над водой.

— Ты их видишь? — Поравнявшись с ехавшим впереди чудовищем, Робин кивком указал на корабли.

— Они так близко не встанут. Скорее всего, за северной скалой, — Махнул рукой в сторону огромного утеса жених Селин.

— Вряд ли они приплыли сегодня. Ищи-свищи теперь их капитана! — Хохотнул Робин.

— Мне плевать. Если его нет, буду говорить хоть с юнгой.

Селин решила, что слушать их не было никакого смысла, а потому вновь переключилась на созерцание северной скалы, которую им, судя по всему, предстояло обогнуть. Где-то там должен быть гвойнский корабль и ее туманное будущее, которое вновь нависло над ней, как острый кинжал над сердцем.

Девушка бездумно ехала вслед за камарилами, пока те искали дорогу к дальней пристани, где, если верить портовым рабочим, и причалил корабль из Гвойна.

Они свернули в прибрежный район города — дома здесь смотрелись побогаче и почище, чем наверху, но борделей и игорных клубов от этого меньше не стало, они всего лишь начали выглядеть ухоженней и помпезней. Да и таверны здесь явно были рассчитаны на посетителей небедных, по крайней мере, яркие вывески и приятный запах вкусной еды, а не протухших помоев на это намекали.

Не прошло и нескольких минут, как их процессию кто-то окликнул. Селин обернулась и увидела возле одной из таверн нескольких человек в странных черных доспехах и длинных дорожных плащах. Говоря по правде, никто в Эхоре не напоминал разбойников сильнее, чем они.

— Господа, — Один из “разбойников” вышел вперед. Говорил он на эделосском, но как-то медленно, будто подбирая слова, так что Селин почти уверилась, что перед ней гвойнец, — Не к нам ли... путь держите?

— Это уж смотря, кто вы сами будете, — Улыбнулся Робин, спешиваясь.

— Да вот здесь, — Незнакомец вытащил из-за пазухи какую-то бумагу, — сказано, что по мою душу камарилы должны... нагрнуть. А вы на них дюже похожие будете.

— Вы со свободного острова? — Выкрикнуло Чудовище, спускаясь на землю вслед за Робинном.

— С корабля? — Подхватил бородач.

— Экипаж “Черной змеи” к вашим... услугам, — Незнакомец обвел рукой стоящих рядом с ним людей.

— Нам нужен ваш капитан, господа, — Поклонившись, попросил Робин.

— Так это я и есть, — Улыбнулся человек с письмом, — Рауд Орнсон.

— Ланфорд Карцелл, — Чуть склонило голову Чудовище, — А это Робин Греслет. Орден Истиного Лица.

— Насколько я понял, мне должны передать человека, — Перешел к делу капитан, назвавший себя Раудом. Говорил он серьезно, но лицо его, а в особенности глаза — смеялись, — И некий свиток, верно?

— Абсолютно, — Кивнуло Чудовище, стаскивая с себя небольшую холщовую сумку, — Робин, приведи ее.

— Ее? — Удивился Рауд.

Робин помог Селин спешиться, взял за руку и подвел к капитану, который при ближайшем рассмотрении оказался еще сильнее похож на разбойника — длинные черные волосы, спадающие на суровое обветренное лицо, широченные (почти как у Чудовища) плечи, и улыбка, наводящая ужас.

— Вы в своем уме, господа!? — Глаза Рауда перестали смеяться, стоило ему понять, что его не разыгрывают, — Сопровождать свиток будет... она!?

*

— Вы в своем уме, господа!? Сопровождать свиток будет... она!? — Из последних сил удержавшись от неподобающих для девичьих ушей выражений, выпалил Рауд.

Это ж надо было додуматься! И где только взяли этого... ребенка!?

Рауд покосился на девчонку, что стояла перед ним, дрожа, словно новорожденный жеребенок, то ли от холода, то ли страха. И это беззащитное существо должно сопровождать важнейшую реликвию многовековой давности!?

И это еще не говоря о том, что...

— Женщина на корабле, — Озвучил свои мысли он, — Это невысказано!

Да как на него экипаж смотреть будет, притащи он на борт бабу, да еще и такую! Тут же даже глянуть ведь не на что — мелкая, костлявая, одни глазищи и трясущиеся ладошки...

— Нет, — Сложил руки на груди Рауд, — Я ее не возьму.

— Разве вам не был дан приказ от ордена? — Вмешался патлатый камарил, тот, что представился Ланфордом. Роба у него была злющая и дюже самодовольная — так и хотелось заехать в челюсть.

— Я волен принимать решения без согласования с желанием главы ордена, — В непривычной для себя витиеватой манере загнул Рауд, — Женщина на моем корабле не поплывет.

— Войдите в наше положение, — Двухметровый бородач Робин, излишне вежливый для своего голоса, больше похожего на медвежий рык, видимо, захотел зайти с другой стороны, — Вы тоже военный. Сейчас мы не можем разбрасываться ценными солдатами — на кону судьба ордена. Все, кто может держать оружие, нужны здесь. Да и к тому же, разве

вам приятно бы было видеть у себя на корабле чужого, пусть и союзного солдата?

Рауд еще раз взглянул на девчонку. Нет, в словах бородача какой-то смысл все же был, но баба на корабле — это всегда к несчастью.

Или нет? Рауд ни разу не проверял.

— Как звать-то тебя, малютка? — Склонился он к девчонке.

Не выдержав его взгляда в сочетании с усмешкой, бедняжка потупила взгляд и едва слышно, словно мышка, пискнула:

— С-с-лин.

— Селин ее звать, — Уточнил Робин.

— Каргурд! — Рауд обернулся, выискивая глазами морщинистую рожу старпома, — Проводи даму на борт. Через два часа отходим.

— Но... господин капитан... — Донеслось из-за спины, — Как же..?

— Я сказал — выполнять! — Не оборачиваясь, рыкнул Рауд, слушая, как позади тут же зашевелились нерасторопные подчиненные.

Взяв девчонку за локоть, Робин что-то тихонько сказал ей и мягко подтолкнул к ожидающему Каргурду. Был бы у Рауда выбор, он приставил бы к ней парня с рожей поприятней и подоброжелательней, но на “Черной змее” такие почему-то не приживались, так что девочке придется потерпеть.

— Отведешь ее в мою каюту, — Приказал Рауд старпому, получив в ответ четкий кивок. Махнув девчонке рукой, Каргурд взял с собой еще нескольких человек и смиренно потопал в сторону пристани.

Проводив глазами добрую половину ребят из экипажа, что таскались с ним по городу, Рауд вернулся к камарилам.

— Вы гарантируете ее безопасность? — Уставился на него бородач.

— Более того, — Рауд обернулся на удаляющийся силуэт девчонки и едва удержался, чтобы не поцокать языком с досады, — Я готов вернуть ее обратно по первому требованию.

Патлатый Ланфорд захохотал во все горло, а вот Робин явно шутки не понял, как и Рауд, которому хватило радости лишь на ухмылку.

— Что ж, господа, — Развел руками капитан, — За это можно и выпить. Или в ордене это не... — Вот, опять забыл дурацкое эделосское слово, — жалуют?

Ланфорд тряхнул патлами, словно конь — гривой, и на самодовольной роже наконец-то появилась улыбка:

— Когда нет поста, вполне жалуют. Так что почему бы и не выпить?

Плюхнув руку на плечо Робину, камарил шагнул к двери таверны с идиотским названием “Сон морского огурца” и буквально ввалился внутрь, явно ожидая, что Рауд последует за ними. Капитан решил эти ожидания не обманывать.

— Место не самое лучшее, — Заявил камарилам Рауд, — Но в этом гадюшнике лучше не найти. По крайней мере здесь хотя бы не... разбавляют пойло.

— И то неплохо, — Глаза Ланфорда сияли так, словно он уже хорошенько набрался, — Мы не гордые.

В тесном зале дубовые столы стояли практически друг на друге — пройти мимо, не зацепив хотя бы один стул, было попросту невозможно. Приходилось аккуратничать, чтобы не задеть руку какого-нибудь пьянчуги, желающего набить морду первому встречному, хотя порой Рауд и сам был бы рад нарваться на драку — к счастью, не сегодня.

Проталкиваясь меж столов и пьяных завсегдатаев этого гадюшника, камарилы, в

особенности Ланфорд, орали во все горло, но на недоброжелателей все же не наравались, относительно мирно устроившись за широким столом у запотевшего грязного окна. Рауд подтащил ближайший стул и уселся напротив, жестом подзывая к себе носящегося по залу парня.

— Чего изволите? — Излишне вежливо для такого уровня таверны заговорил он, подобравшись к столу с ловкостью акробата.

Рауд оглядел его с ног до головы — одет не бедняцки, значит, хозяин. А с другой стороны — дюже молод и для трактирщика откровенно худоват.

Капитан махнул камарилам, предоставляя им возможность заказать первыми, а сам тем временем огляделся по сторонам. Откуда-то из-за дальних столов доносился до боли знакомый и при этом пьяный в усмерть голос, и голос этот, что самое удивительное, приближался.

— А я смотрю и думаю, вы ли это!? Не признал издалека, годы уже не те! — Радостно проорали Рауду прямо в ухо.

Чем-чем, а терпением капитан никогда не славился, так что непрошенный собеседник явно решил испытать судьбу. Развернувшись прямо на стуле, Рауд одним молниеносным движением схватил пухлого недомерка за грудки, вскочил на ноги и хорошенько потрянул эту пьянь, приводя ее в чувство.

— Ты совсем страх потерял, урод!? Тебя где носило!?

Свинячьи глазки в ужасе уставились на него, ручки цеплялись ему за запястья, пытаясь ослабить капитанскую хватку.

— Капитан, так ведь... — Кряхтел Гуссон, тщетно пытаясь вырваться. Перегаром от него несло так, что хотелось лезть на стену.

— Мы отходим через час, ублюдок! — Тряхнув гада в последний раз, Рауд разжал пальцы, выпуская из рук провонявшую потом рубашку.

Ну не знал он, что пьяный мерзавец в этот момент и не думал стоять на ногах!

Пухлая задница затерявшегося на несколько дней в Эхоре кока с “Черной змеи” приземлилась в аккурат на стол к каким-то суровым громилам, с артиллерийской точностью уничтожив несколько тарелок с недешевой на вид жарочкой и сметя на пол парочку кружек пенного пойла.

В том, что мириться с этим господа громилы не станут, Рауд почти не сомневался — досадой кольнуло его только то, что спокойно пожрать ему не удастся, а кок, мало того, что пьян вусмерть, так еще и вряд ли после подобной выходки останется цел и невредим...

Голодать страшно не хотелось, поэтому капитан сделал первое, что пришло в голову — схватил с чьей-то тарелки кусок мяса, откусил столько, сколько смог и отбросил в сторону.

Как раз в этот момент раздался первый вопль — кока Гуссона ловким движением опрокинули со стола вместе с оставшейся посудой, кто-то проорал пару слов на хидьясе, и началось то, в чем участвовать перед самым отплытием не хотелось, но приходилось.

Рауд не помнил, кому заехал в первую очередь — налыса обритутому громиле, опрокинувшему стол, или худосочному зубастому парнишке, что-то истошно орущему, но не прошло и минуты, как драка охватила большую половину зала, в разные стороны полетела мебель и посуда, бились стекла, стулья и косматые небритые рожи. Распаленный побоищем Рауд даже не сразу заметил, что камарилы тоже оказались при деле — орденские взяли на себя целую группу смахивающих на дерьмовых пиратов-неудачников ребят и явно не собирались с ними церемониться.

Рауд вскочил на стол, успев захватить ногой кому-то в нос — отсюда открывался прекрасный вид на охвативший таверну хаос. Со всех сторон доносились крики на всех знакомых ему языках — от протяжного зиеконского до гортанного райяга — на полу уже валялись тела, по которым успело потоптаться пару десятков ног, кого-то приложили башкой прямо о стену, кто-то запустил в толпу стул, который тут же растащили на части и стали использовать как оружие.

Все чаще стали мелькать лезвия ножей и, если гости были побогаче — шпаг, хотя Рауд до последнего думал, что до этого не дойдет. Даже дома, на Гвойне, до убийств драки обычно не доводили...

Хотя чего он хотел от Эхоры? Здесь же совершенно нет законов. И чести тоже.

Так что единственным способом случайно не наткнуться на лезвие какого-нибудь бухого придурка было только одно...

Вытащив из ножен абордажную саблю, Рауд спрыгнул со стола и погрузился в пучину побоища. Не прошло и минуты, как на него бросился какой-то идиот с позорным кинжалчиком. За то и получил — снятая саблей башка молниеносно отлетела в сторону, словно идеально круглое пушечное ядро, и приземлилась прямо под ноги тому самому парнишке, которого Рауд принял за здешнего хозяина.

Парнишка, правда, и сам оказался не промах — орудовал кулаками не хуже самого Рауда, а держался и вовсе отлично для своего возраста.

Рауд все еще видел в дерущемся месиве малознакомые спины камариллов, а вот отыскать недомерка-кока никак не выходило. И куда запропастилась эта пьянь? Небось сидит под столом и ссытса под себя от страха, крыса подлая!

Кто-то схватил капитана за волосы — этого Рауд не ожидал, но многолетний опыт подобных драк давал о себе знать: левый локоть сработал безотказно и въехал в челюсть обидчика со всей силы. Уже через секунду на голову ему чуть не опустилась взявшаяся невесть откуда бутылка — но и тут капитан успел пригнуться и подставить орущего идиота под удар парня-трактирщика.

Впрочем, многих вид окровавленной сабли знатно приводил в чувство — вокруг Рауда образовалась пустота, к нему никто не приближался и не кидался, так что капитан позволил себе перевести дух и осмотреть “акваторию сражения”.

Драка постепенно начинала стихать — люди вываливались из дверей на улицу, спеша поскорее сделать ноги, кого-то просто выкидывали прочь, кто-то уже валялся на полу без чувств среди других таких же неудачников и стеклянных осколков. Рауд опустил саблю и огляделся, ища глазами чертового кока.

— Ну и веселье, — Раздалось за спиной на эделосском, — Я прям не ожидал...

Капитан обернулся — среди поверженных противников гордо возвышались два камарила. И если Робин казался удивленным и потерянным, то Ланфорд находился в состоянии, близком к восторгу.

Рауду было не до этого — единственное, что его интересовало, это чертова трусливая мразь...

Которая валялась на полу между разбитыми стульями с проткнутым пузом и залитой кровью пастью. Проверять, дышит он или нет, не было никакого смысла.

После того грохота и криков, который стоял здесь еще минуту назад, в таверне внезапно стало пусто и тихо — последние дебоширы разошлись, а те, кто остался, принялись собирать со столов остатки жарчки и искать не задетые дракой бутылки.

— Отец убьет меня! — Схватился за голову парень-трактирщик, — Что мне, мать вашу, ему говорить!?

Глазищи его явно собирались выкатиться из орбит и плюхнуться на пол, морда с садиной на подбородке покраснелась, а руки наверняка собирались выдрать волосы на башке.

— Батя твой, что ли, хозяин? — Решил удостовериться Рауд. Он подошел к одному из немногих уцелевших столов и уселся на край.

Оставив в покое свои нестриженные лохмы, парень повернулся к нему:

— Ну не я же! Один раз он мне доверил здесь самому... Мне конец!

В глазах бедолаги плескалась неподдельная паника. Рауд и сам его возрасте испытывал такой же страх перед отцом.

— И ты чего же, сам готовишь? — Капитан схватил с тарелки кусок жареной картошки.

— Отец людей не держит, говорит, воровать станут, — Парень вытер руки о залитый каким-то пойлом и забрызганный кровью передник.

— А звать тебя... как?

— Ятесом... А что?

— А вот что, Ятес, — Рауд слез со столешницы и на мгновение покосился на следящих за разговором камариллов. Если они и понимали что-то на гвойне, то явно не так хорошо, как бы им хотелось, — Пойдешь ко мне коком на “Черную змею”?

— Я!? — Вытаращился парень.

— Тебе лет сколько?

— Двадцать будет... зимой, — Зачем-то расправил плечи Ятес.

— Надо же... — Удивился Рауд, — Я бы тебе ни в жизнь не дал! Ты бриться прекращай, а то дитя почти. Так что, пойдешь?

— П-п-пойду, конечно! Я ж всю жизнь на корабль хотел!

— А чего тогда не пошел? Здесь этого добра хоть отбавляй! Все лучше, чем стаканы протирать, как баба, — Объявил Рауд.

— Я вас не подведу, господин... капитан! — Заморгал Ятес.

— Рауд Орнсон, — Добавил гвойнец, — А подведешь ты или нет, это уж мне решать.

Глава 8. Кирация. Кир-Ист

Джеррет скучал по океану. Даже за то недолгое время, пока он возвращался в Анкален из Двисета и ехал сюда, в главный портовый город Кирации.

Ему всегда казалось, что на суше он находится не на своем месте, хоть здесь был и комфорт, и роскошь, и женщины. Твердая земля была для Джеррета перевалочным пунктом, не более того, а жил, по-настоящему жил, он только в море.

Наверное, потому Джеррет и погнал своего коня еще быстрее, завидев Кир-Ист на горизонте. С этим городом его связывало нечто гораздо большее, чем “Королева Этида” — здесь он нашел себя.

Лет сорок назад отец взял его с собой на смотр королевского флота, и с тех пор Джеррет не помнил дня, когда бы он не грезил обо всех этих кораблях, парусах, мачтах, орудиях. Тейвон, вероятно, мечтал о чем-то другом — может, даже, о короне, но Джеррету все эти царственные штуки никогда не нравились.

С морем было проще.

И он знал, что рожден для моря.

Залитый солнцем город простирался внизу, издалека похожий на начерченную картинку — такие схемы в детстве показывали Джеррету учителя, вдалбливая в бестолковую рыжую голову основы геометрии.

Где-то там, вдалеке, на волнах покачивалась “Королева Этида” — корабль, без которого Джеррет не представлял самого себя и не знал, получилось ли из него вообще что-нибудь.

Он покосился на Престона, что ехал справа. Вот он смог бы найти себя в чем угодно, а Джеррет... Принц из него никогда не получался, король бы тем более не удался, так что без моря он бы наверняка пропал.

— Что-то ты уныл, дружище, — Напомнил о себе доселе молчавший друг.

— Задумался, — Посмотрел на него Джеррет, — Давненько здесь не был.

— Я тоже... Все юга да юга. Пора уже и северянами заняться!

Джеррет надеялся, что “занятие” это окажется недолгим — как-никак пребывать в этом своем обличье он мог не больше пяти месяцев, а дальше топтать землю вновь наступала очередь Тейвона. Впрочем, тех, кого не добьет он, домучает Престон, в этом он всегда был мастером.

— Говорят, они резвые ребята. У себя там никому спуску не дают, — Вновь заговорил Престон, приблизив коня вплотную к жеребцу Джеррета.

— Слышали, — Отозвался адмирал, — Проверим.

Город раскрывал перед ними свои объятия — миновав высоченные кованые ворота, Джеррет в компании Престона и нескольких солдат выехали на одну из торговых площадей, где бурлила поистине столичная жизнь. Такую суету даже в Анкалене нечасто увидишь!

Тут и там раздавались зычные голоса торгашей и заунывные песни уличных музыкантов — они перебивали друг друга, не позволяя понять, ни что продается в лавке Кухиса, ни о ком же там грезил девушка под старой яблоней в какой-то незнакомой Джеррету песне.

— Я такую не слышал, — Озвучил мысли адмирала Престон, — Новое что-то...

Джеррет пожал плечами, взглядываясь в тощего беднягу с лютней, что пристроился на скамейке возле какой-то таверны. Завывал он так, что хотелось заткнуть уши и стереть себе память — наверное, поэтому люди и обходили его за добрых тридцать метров.

— Ты бы лучше спел, — Объявил Престон.

— Прикажешь мне отобрать у него лютню и пристроиться на его месте? — Ухмыльнулся Джеррет.

— А что, менестрель, как в былые времена, из тебя бы вышел недурной... — Рассмеялся друг, уворачиваясь от пламенеющего притворным гневом взгляда.

Позади с грохотом катилась карета, на которую Джеррет не обращал ровным счетом никакого внимания до того момента, пока она не остановилась прямо посреди площади.

Озадаченный Джеррет осадил коня, Престон последовал его примеру, и через мгновение дверца кареты распахнулась, чтобы из нее высунулась до боли в зубах ненавистная, заплывшая жиром рожа.

— Святой орден, какая встреча, — Опершись на руку подскочившего слуги, Лукеллес выкатился из своего транспортного средства, — Дорогой родственник нагрязнул в мой город!

В груди закипела ярость, и, к несчастью дорогого Лукеллеса, Джеррет был трезв, как стеклышко, а значит, вспыхивал от любого неосторожного слова.

Этот город не принадлежал ему, продажному мерзавцу!

В локоть вцепилась крепкая рука Престона, Джеррет резко обернулся.

— Держи себя в руках, прошу.

— Все под контролем, — Отдернул руку адмирал, спешиваясь, чтобы почти сразу же “вляпаться” в объятия родственничка.

Был бы глава торговой гильдии хоть немного повыше, он, может, и не смотрелся бы таким шарообразным, а так его плешивая макушка даже не доставала Джеррету до плеча, в то время как рожа утыкалась прямо в грудь.

— Какие же вы в своей семейке все-таки тощие! — Провозгласил Лукеллес, отстраняясь от Джеррета и оглядывая его с ног до головы, — Хотя ты, вижу, с момента нашей последней встречи все-таки взялся за ум...

Сам Джеррет тоже всегда считал, что моряк должен быть мускулистым и сильным, а потому всю сознательную жизнь работал над тем, чтобы не смотреться долговязым дохляком, но от “комплимента” Лукеллеса захотелось отмыться.

Этот идиот, видимо, считал, что уважения и доверия заслуживают только те люди, которых, как и его самого, уже не выдерживает ни одна лошадь — впрочем, вместо мозгов у этого идиота было сало и деньги, так что требовать от него чего-то поумнее Джеррет даже не пытался.

— Калиста будет рада повидаться! — Залопотал глава торговой гильдии, — Да и сам...

— Это лишнее, господин Лукеллес, — Отмахнулся Джеррет, ни капли не скучавший ни по Калисте, затаившей жуткую обиду на них с Тейвоном, ни по особняку главного торгаша королевства, от вида которого хотелось выколоть себе глаза.

— Нет, нет, нет! — Пухлая рука, увешанная кольцами, легла ему на локоть, — Никуда не пуцу вас без хорошего обеда. А то с дороги небось голодны, как волки!

*

Лукеллес восседал во главе стола, словно жадный султан из старинной зиеконской легенды, не сводя с гостей свинячьего взгляда и при этом как-то успевая опустошать тарелки вокруг себя.

Джеррет старался как можно меньше смотреть на него и на Калисту, что устроилась по правую руку от хозяина дома. Все, что они успели сделать при встрече — это сухо поздороваться, после чего ветувьяр Реморы буквально перестала замечать “брatца”.

Впрочем, на мужа она тоже глядела мало, а говорить и вовсе не спешила.

Зато Лукеллес тарахтел за четверых:

— И чего же, гвойнцы? Вот они у меня уже где! — Верховный торгош ткнул себя куда-то в район третьего подбородка, — Но ты-то их быстро приструнишь.

Джеррет провел вилкой по опустевшей тарелке, не желая отвечать этому идиоту.

— Чего ж ты молчишь!? — Воскликнул Лукеллес, махнув рукой кому-то из слуг, — Эй, там! Добавки моему дорогому родственнику!

— Спасибо, не надо, — Отодвинув тарелку, Джеррет поднял глаза сначала на торгоша, а потом на Калисту, — Я уже сыт.

И это было правдой — избегая разговора с хозяевами дома, адмирал все это время только и делал, что ел, а потому уже не мог смотреть на блюда на столе без отвращения.

А вот Престон, видимо, все еще не наелся, продолжая уплетать за обе щеки все, что видел перед собой.

— Ох, не хочешь ты себя порадовать, адмирал, — Лукеллес вытер руки, испачканные в жире, о платок, что лежал у него на пузе, — У меня ж лучшие повара в Кирации! Даже у короля таких нет!

— Я еду на войну, — С нажимом заявил Джеррет, откидываясь на спинку стула. Стало так душно, что желание расстегнуть камзол показалось невыносимым, — И сейчас мои мысли заняты чем угодно, но не едой.

— Вот это зря, — Лукеллес отхлебнул вина.

— Наверное, поэтому вам меня и не понять.

— Война — это, конечно, важно, но не настолько, чтобы забывать о комфорте, — Продолжил гнуть свое верховный торгош, — Не понимаю я тебя, адмирал. Променять жизнь во дворце на эти корабли, взрывы, сырость, голод, в конце концов!

— Во-первых, в армии у нас никто не голодает, — Прошипел задетый и по-прежнему практически трезвый Джеррет, — А во-вторых, кто-то же должен оберегать от этих варваров таких трусов, как вы...

— Джер! — Престон вновь схватил его за руку, но адмиралу было совершенно не до него, так что на друга он даже не обернулся, ожидая, что ответит этот подлый свин.

— Варваров, говоришь... — Причмокнул губами Лукеллес, — Докучливые мошки, не больше того! Вот что они захватили, что!? Кроме своего поганого острова...

— Под их влиянием весь север, — Перебил Джеррет, — Я не стал бы недооценивать противника, с которым не встречался.

— И с каких это пор я трус? — Вспомнил родственничек, — Уж не с тех ли, когда спас это королевство от верной гибели?

“Ты!? Спас!?” — раздалось в голове у Джеррета. Наглость этого слизняка просто обескураживала. Адмирал глянул на Калисту — уж здесь-то она должна была вставить хоть слово, но “сестрица” молчала, словно язык проглотила.

— К счастью, — Не упустил возможности впрыснуть яду Джеррет, — С вашей стороны в спасении принимали участие только деньги. Остальным занимались люди, менее ценящие... комфорт. Иначе мы бы не спасли даже то, что рушиться не собиралось.

— Конечно, не спасли бы. Ваш папенька позаботился, чтобы разрушить все.

Вновь рука Престона на предплечье, глаза застилают ярость, они бешено ищут Калисту, которая все так же невозмутима и безропотна.

И это Калиста? Джеррет не узнавал язву, с которой провел половину детства.

— Если отец в чем-то и виноват, так в том, что завел в королевстве паразитов, которые никак... — Он оглядел уставленный яствами стол, — не нажрется.

Помимо этого он хотел высказать ему многое, но руки сжались в кулаки раньше, чем слова слетели с языка, сдерживаться приходилось из последних сил, и сил этих с каждой секундой становилось все меньше.

Он и сам не помнил, как вскочил из-за стола и устремился прочь из помпезной столовой, убранство которой резало глаза. Коридор, конечно, был не намного лучше, но в нем хотя бы не было насмешливой жирной морды, булькающей что-то о том, что гвойнцы — не угроза, а в проблемах Кирации виноват отец.

Дверь громко захлопнулась за спиной, и Джеррет бросился к окну, выглядывая во двор с фонтанчиком и идеально выстриженными низкорослыми кустами. Стекло было прохладным, и адмирал приложился к нему лбом, пытаясь унять бешеный ход мыслей в голове и усмирить ярость, что разбушевалась в груди.

Особняк Лукеллеса чем-то напоминал запутанный лабиринт — здешние коридоры переплетались друг с другом в какой-то неподвластной разуму последовательности, словно архитектор, работавший над планом этого дома, был либо безумен, либо пьян. Джеррет бывал здесь несколько раз, но ориентироваться так и не научился, а потому застыл сейчас на месте, вглядываясь в переплетение коридоров и лестниц впереди.

Как отсюда, черт возьми, выбраться!?

Как раз в тот момент, когда Джеррет наконец воскресил в памяти коридор, в котором они свернули направо, и потому решил попробовать пойти налево, на одной из лестниц раздались голоса. Адмирал не обратил бы на них никакого внимания, если бы из-за сильного эха не расслышал, о чем идет речь.

До этого момента он думал, что в доме Лукеллеса по коридорам шастают только слуги, а всех остальных родственничек принимает исключительно в здании гильдии, но теперь понял, что ошибался.

По лестнице поднимались двое, и оба они были торгашами, причем, такими же скользкими и изворотливыми, как их начальник.

— Они заметят недостачу, — Утверждал первый голос, — Чертовы имперцы отгрузили все с точностью счетоводов. И не воруют они, что ли? Вот же народ!

— А на кой им у себя-то воровать? Тем более, такое добро — начерта оно нужно?

— Ну не скажи — у нас-то с руками оторвали!

Шаги и голоса становились все ближе, разговор — все интереснее. Теперь Джеррет не сомневался, что вороватые торгаши идут сюда, и стал судорожно искать хоть какое-то укрытие, где можно будет дослушать столь познавательную беседу.

Шмыгнув в один из коридоров, адмирал прижался спиной к стене. Слышимость здесь была, конечно, похуже, но при желании уловить человеческую речь было несложно.

— Что Лукеллесу скажем? Он нас заживо сожрет — перед имперцами-то ему позориться!

Рука снова непроизвольно сжалась в кулак — какие делишки этот хряк вел с зиеконцами? Торговлю между Кирацией и империей прекратили лет пятнадцать назад, если не больше, и это не говоря про то, что официально Кирация с Зиеконом находились в состоянии войны.

Дело пахло предательством, причем, вопиющим. Джеррет вновь прислушался, но понял, что грохнула та самая дверь, из которой минуту назад вылетел он сам. Торгаши сразу

же заткнулись и, судя по тишине, замерли на месте.

А вот Престон несся вперед по коридору своими широченными шажищами. Выбравшись из укрытия, Джеррет устремился за ним, окликнув на полпути. В голове созрел какой-никакой план, и исполнить его нужно было прямо сейчас.

— Вот ты где, — Буркнул себе под нос друг, — Я еле от него отбил.

— А теперь прибежешь снова, — Джеррет обхватил его за плечи, — Ради меня.

Глаза Престона округлились от удивления, хотя за столько лет ему пора бы уже было привыкнуть к выходкам Джеррета.

— Ты чего? Башкой что ли ударился?

— Задержи его. А мне нужна Калиста. Срочно. Она все еще там?

— Собиралась уходить, — Вздохнул Престон, — Но сейчас не время для ваших семейных разборок.

— Если бы, — Ухмыльнулся Джеррет, — Мне нужно кое-что у нее узнать. Касаемо ее муженька.

У Престона была одна прекрасная черта — он никогда не задавал лишних вопросов. Наверное, дело было в доверии, друг просто знал, что если Джеррет о чем-то просит, значит, это действительно важно.

— И что я ему скажу? Джер, как это будет выглядеть?

Джеррет все еще сжимал плечо друга, подыскивая хоть что-то, что смогло бы его убедить.

Не нашел. Потому что дверь столовой вновь открылась, и в коридоре показалось темносинее платье Калисты. Все, что успел сделать адмирал, прежде чем погнаться за ней, это хлопнуть Престона по плечу и пожелать ему удачи.

Впрочем, ему самому удача бы тоже не помешала.

Калиста никуда не спешила — медленно плыла по коридору, даже не оборачиваясь на звук шагов позади. Джеррет нагнал ее быстро, преградив путь:

— Надо поговорить.

Хитрые серые глаза безучастно уставились на него, руки самодовольно сложились на груди — теперь перед ним была та самая Калиста, которую Джеррет знал всю жизнь, а не безропотная кукла, коей он любовался в столовой.

— А разве есть, о чем? — Усмехнулась она, перекинув иссиня-черную косу толщиной практически в руку Джеррета через плечо.

— Есть. О твоём муженьке.

— Мне о нём нечего сказать. Особенно тебе, — Отступив в сторону, Калиста попыталась обойти Джеррета, но он вновь помешал ей, на этот раз оттеснив сестрицу к стене.

Должно быть, они с Тейвоном такие же разные, как Ремора с Калистой, хотя, если верить рассказам Эйдена с Престоном, девушки все же отличаются друг от друга больше.

Ремора — такая высокая, хрупкая, неприступная, словно выточенная из льда, со своими снежно-белыми волосами и прямолинейным взглядом, и Калиста — маленькая, цепкая, хитрая, черноволосая, резкая. Джеррет не знал, с кем из них ему проще, но почему-то сейчас больше хотелось говорить с Реморой.

Она хотя бы способна понять, что связь Лукеллеса с Зиеконом — серьезная проблема.

— Что за дела у него с имперцами? — Нависнув над Калистой, прошипел Джеррет, — Отвечай!

— Отпусти меня, придурок! — Дернулась сестрица, и адмирал схватил ее за запястье, сжимая изо всех сил, — Мне больно!

Нехотя расцепив пальцы, Джеррет уперся рукой в стену рядом с головой Калисты:

— Говори!

— Я не знаю, идиот! — Сверкнула глазами Калиста.

— Я слышал, как эти торгаши трепались об имперском грузе, — Джеррет мотнул головой в сторону притихшего коридора, — Твой муженек — предатель, понимаешь!

— Я в этом даже не сомневалась, — Выплюнула ему в лицо сестрица, все еще пытаюсь высвободиться.

— И что ты собираешься с этим делать?

— А разве я что-то могу? — Задрала голову она, — Я — его вещь.

В глазах сестрицы танцевало ледяное пламя — такое родное и знакомое, но в столовой на него не было и намека, словно Калиста становилась самой собой только в отсутствии мужа.

— И это говоришь мне ты!?! — Удивился Джеррет, — Калиста, да что с тобой такое? Почему ты смирилась?

— А тебе-то какое дело? Возомнил себя моим братом? — Отодвинув его руку, Калиста выбралась на свободу, но сдвинулась всего на пару шагов, — Так ты опоздал, братец. Лет на двадцать...

Наверное, за то, что сделали они с Тейвоном, можно ненавидеть всю жизнь, и это будет правильно, но Джеррет почувствовал себя оскорбленным:

— Ты знала, на что идешь. Кирация...

— Требуется жертв, я помню, — Кивнула Калиста, — И я такая жертва. Так чего ты теперь от меня хочешь, братец?

Теперь сам Джеррет чувствовал себя прижатым к стене. Он не знал, что сказать, не знал, что делать дальше, но оставлять все, как есть, он не имел права.

— Прощу, Кэли, — Не поднимая на нее глаз, прошептал он, — Дай мне поговорить с Реморой.

— Надо же, вспомнил мое прозвище... — Рассмеялась она, — Чем еще удивишь? Может, мне позвать художника, пусть запечатлеет этот момент — адмирал Флетчер на коленях умоляет стервозную сестрицу ему помочь!

— Почему ты такой стала? — Уставившись в стену, вымолвил Джеррет.

— Не стала. Меня такой сделали. Вы с Тейвоном, — Холодно отозвалась она.

Джеррет старался не вспоминать ничего из тех безумных дней, но воспоминания — вещь препротивная: лезут в голову как раз тогда, когда их меньше всего желаешь видеть.

В зале было темно — только на столе, заваленном бумагами, горела парочка свечей, да из окна лезла слабая луна. Десять лет назад тронный зал был не таким, как сейчас — Ремора решила все там поменять, заменила шторы, гобелены и даже, кажется, обивку мебели — тогда в нем было холоднее и мрачнее, или это только так казалось из-за того разговора, который велся под его сводами?

Джеррету хотелось бежать, но он сидел на месте, съезживаясь под пристальным взглядом то Геллиуса, то отцовских советников, то — что было хуже всего — Шерода Лукеллеса. Ему даже не потрудились ничего объяснить, и юноше приходилось складывать те жалкие обрывки, которые он слышал, воедино, чтобы понять, что происходит вокруг.

Как же невовремя отведенный Тейвону год подошел к концу! Сейчас даже сам Джеррет

с радостью отдал несколько дней своей жизни ветувьяру, лишь бы не копать во всех проблемах королевства самому, но Геллиус настоял, что ему, как будущему защитнику страны и трона, тоже необходимо принимать участие в жизни Кирации.

В тот день все вокруг смотрели на него с надеждой, а Джеррет отдал бы все, чтобы исчезнуть. И ведь все решения уже были приняты до него, оставалось лишь последнее слово и подпись в королевском указе — так ее мог нацарапать кто угодно!

На него смотрели все, а юноша избегал взглядом Калисту. Единственное, что ему успели объяснить, это то, что сестру выдают замуж, и что ее жених заплатит огромные деньги, тем самым пополнив опустевшую казну. Слова “нет”, как и пути назад уже не было, но при виде Лукеллеса Джеррета бросило в дрожь от одной только мысли, что для спасения Кирации Калисте придется делить с этой очеловеченной свиньей брачное ложе.

Наверное, сестра увидела эти мысли на его лице, поняла что-то, чего не понял даже он сам, но в ее взгляде — обыкновенно таком хитром, ленивом и наглom — он в первый и последний раз заметил надежду. И надеялась Калиста на него. Должно быть, она верила, что ему хватит сил на то, на что не хватило смелости у Тейвона — отказаться. Попробовать найти другой выход.

Что-то, наверное к счастью, успело стереться из памяти с тех пор — Джеррет не помнил, что говорил Геллиус с советниками, о чем тархтел сам Лукеллес и долго ли они тогда просидели. Он лишь помнил, что Калиста все время молчала, изредка поднимая глаза на слабака-братца, и что он сам тогда, тоже непривычно молчаливый, сказал:

— Я желаю тебе счастья.

И от лица главы правящего Дома подписал согласие на их с Лукеллесом брак.

— Я не стану тебе помогать, — Голос Калисты вырвал его из воспоминаний, — Уходи.

— Калиста, — Вновь начал близкий к отчаянию Джеррет, — Твой муж сотрудничает с Зиконом. Я должен сказать об этом Реморе. Мне не с кем отправить отсюда письмо Эйдену, пойми же ты!

Сестрица казалась невозмутимой, словно статуя.

— Как трогательно... Даже не знала, что ты умеешь так говорить!

С тем же успехом Джеррет мог биться головой о стену. Он смотрел на Калисту и видел в ее глазах лишь пустоту и насмешку.

— Ты... ты что, с ним заодно!?! — Выпалил адмирал, вновь хватая сестрицу за запястье.

Калиста поморщилась, словно от удара, и отпрянула, прислонившись к стене.

— Что у тебя с рукой? — Подозрительно нахмурился Джеррет, вцепившись ей в локоть.

Сестрица вновь попыталась вырваться, но адмирал оказался быстрее — он уже поднял шелковый рукав платья, чтобы увидеть на тонкой коже целый набор синяков — больших и маленьких, фиолетовых, густо-синих и уже позеленевших. Кое-где виднелись даже ссадины с запекшейся кровью.

Он не стал требовать осмотреть вторую руку — и без нее все было понятно. Джеррет поднял глаза на лицо Калисты, в ее глазах застыли слезы, на губах — что-то, что она так и не осмелилась сказать.

— Ты едешь в Анкален, — Опуская ее рукав, выдохнул Джеррет, — А эту мразь я порежу на куски!

На гнев уже не было сил — он просто был готов на все, чтобы уничтожить эту свинью, заставить его почувствовать себя в сотни, тысячи раз хуже, чем чувствовала себя Калиста, пока он нее бил.

— Ты что, совсем идиот!?! — Прорычала она, — Я останусь здесь. А ты будешь молчать.

— Ты... защищаешь его? — Недоумевал Джеррет.

— Я спасаю Кирацию. Снова. На этот раз от твоего самодурства. Как ты собираешься оправдывать убийство главы торговой гильдии!?

Джеррет потупил голову, ненавидя самого себя за тот день, когда он проявил слабость и отдал Калисту на растерзание этому уроду.

— Забудь обо всем, что здесь увидел. Я разберусь с этим сама, — Чеканила слова Калиста, — Твое место — на войне, так езжай туда и не лезь!

— Калиста...

— Заткнись! — Сверкнула глазами она, — Я тебя ненавижу. Ничуть не меньше, чем его. И я не нуждаюсь ни в твоей жалости, ни в твоей помощи, ни в твоей защите. Проваливай!

Оттолкнув его, Калиста ураганом понеслась по коридору. Джеррет чувствовал себя виноватым и оскорбленным одновременно. Слов он не находил, внятных мыслей — тоже. Оставалось только одно — спасти Престона из жирных лап Лукеллеса и надеяться на то, что глава торговцев начнет действовать не раньше, чем Джеррет сможет каким-то образом предупредить Эйдена.

Едва синяя фигурка Калисты скрылась в дальнем конце коридора, адмирал развернулся и отправился в логово твари, чью жизнь он заберет при первой же возможности.

Глава 9. Кирация. Талаар

И почему все приграничные города похожи один на другой? Джеррет еще не ступил на твердую землю, а уже знал, где в Талааре площадь, где — крепостные стены, а где — здание военной коллегии.

“Королева Этида” медленно причаливала к северному портовому и рыбацкому городу, которому в этом году явно придется забыть о спокойной размеренной жизни. Талаар обещал стать если не центром военных событий, то одной из важнейших точек, так что Джеррету предстояло досконально проверить здесь все — от исправности пушек до выучки солдат, и что-то ему подсказывало, что гладко пойдет далеко не все...

Джеррет разглядывал город, опершись руками о борт и слушая суету экипажа вокруг себя. Рядом с ним никто не маячил, так что можно было спокойно собраться с мыслями и решить, чем заняться в первую очередь. Нужно было как можно скорее встретиться с комендантом, обсудить, что он мог предложить по части обороны и какие орудия имел в распоряжении.

— Господин адмирал, разрешите? — Раздался веселый голос.

Джеррет лишь чуть подвинулся, не сводя глаз с острых шпилей какого-то здания впереди. Атвин молча устроился рядом, устремив взгляд туда же, куда и командир.

— Чего хотел-то? — Оторвавшись от созерцания портового пейзажа, Джеррет посмотрел на юношу.

Ему рассказывали, что Атвин просто души не чает в своем капитане, и на то у простого парня из южного городка на краю Кирации были причины — не вытащи его оттуда адмирал Флетчер, он бы так и прожил всю жизнь, подворовывая у торгашей рыбу и рассказывая байки на базаре.

А адъютант из Атвина вышел неплохой — и исполнительный, и расторопный, и под руку не лезет. Джеррет с ним не прогадал, и потому видел в парне с многообещающим будущим кого-то вроде своего ученика. В плюс ему играло еще и то, что парень был совершенно не похож на самого Джеррета в его девятнадцать лет — ни внешне, ни по характеру.

— Никогда не был в Талааре. Да и вообще, на севере, — Сказал Атвин, подставляя лицо ветру.

— Ну вот, посмотришь, — Похлопал парня по плечу Джеррет, — Только не увлекайся, а то скоро в бой...

— Да неужели вы думаете, что..?

Адъютант был хорош во всем — вот только шуток не понимал от слова “совсем”. Если это и раздражало Джеррета, то виду он обычно не показывал.

— Я бы в твоём возрасте сделал назло, — Усмехнулся он, — Впрочем, я и делал.

Атвин улыбнулся, скорее всего, из вежливости. Говоря по правде, улыбка на его суровом, в чем-то неотесанном лице с крупными грубыми чертами, выглядела угрожающе. В свои девятнадцать парень уже был похож на необъятную гору — рядом с ним Джеррет чувствовал себя совсем хилым и постыдно мелким. Даже Престон со своими ручищами и бычьей шеей не мог похвастаться такими габаритами, а ведь Атвин всего пару лет назад перешагнул порог взросления. Парни из команды шутили, что если адмиральскому адъютанту взбредет в голову вырасти еще, то галеон тотчас же пойдет ко дну.

Джеррет посмотрел налево — там в лучах солнца к причалу уверенно скользила “Печаль Релы”, а у борта, кажется, так же, как и он сам, торчал Престон, разглядывающий город.

*

— И где встречающие? — Возмутился Престон, когда они с Джерретом встретились на пристани.

Вокруг возились крикливые моряки и грузчики, скрипели телеги и голосили торгаши в замызганных одеждах, но ни одного идиота в военной форме не было и в помине.

— Какой бардак! — Поморщился Джеррет, любясь на тухлую рыбину, что валялась прямо на залитой солнцем брусчатке, источая “чудесный” аромат.

— Где городская стража? Гвардейцы? — Продолжал недоумевать друг, — И это город, на подступах к которому замечены корабли Гвойна!?

Джеррет огляделся по сторонам. Все-таки хорошо, что все эти города похожи как две капли воды — найти дорогу будет нетрудно, да и язык им на что?

— Пошли, — Буркнул он, перепрыгивая через обломки деревянного ящика, — Нам еще коменданту разнос устраивать.

Быстрым шагом добрались минут за двадцать — здание военной коллегии оказалось на центральной площади, как Джеррет и предполагал, но выглядело оно до жути непривычно. Почему вояки решили обустроиться в каком-то особняке, словно отобранном у обедневших дворян, адмирал искренне не понимал, но это его и не должно было волновать.

Хвала богам, хотя бы под воротами торчать не пришлось — здесь все-таки дежурили гвардейцы, которые сразу же их заметили, но вот узнавать явно не спешили.

— Открывайте, черт вас дери! — Долбанул по воротам разъяренный Престон.

Джеррет держался. Зачем срывать злость на мелких сошках, которые всего лишь исполняют приказ?

— Вы кто вообще такие? — Донесся голос из-за прутьев.

— Адмирал флота Кирации Флетчер, — отчеканил Джеррет, — Так что извольте поторопиться.

Не проронив ни слова, гвардеец открыл скрипучие створки ворот и отшатнулся в сторону, пропуская высокопоставленных гостей. Джеррет снисходительно смерил гвардейца взглядом — благо, мужичок оказался невысок и тщедушен, да и мундир на нем видывал виды.

— Отведи нас к коменданту, — Приказал адмирал.

Гвардеец испуганно кивнул и рванул вперед в сторону особняка. В остальном местечко казалось сносным — под ногами хрустела гравием ровная дорожка, кусты перед домом были аккуратно подстрижены, деревья — ухожены.

Они поднялись по каменным ступеням к высоким двустворчатым дверям, гвардеец постучал, и те тотчас открылись.

— Тут... к коменданту пожаловали.

Их пропустили, и Джеррет с Престоном вошли внутрь — в особняке оказалось прохладно и сыровато, а убранство роскошью не отличалось, но выполнено оно было явно со вкусом, то есть определенно не руками местной солдатни.

Ощущение того, что их с Престоном здесь явно не ждали, не покидало Джеррета с самой пристани. Они поднимались по лестнице в полной тишине, пока откуда-то с верхнего этажа не раздался грохот, словно на пол упало что-то тяжелое, вроде человека или какого-

нибудь шкафа. Гвардеец, что вел гостей за собой, от этого звука насторожился и заметно напрягся.

За закрытой дверью, что располагалась прямо по коридору, раздавались голоса. Разговора слышно не было, но резкие интонации не спутаешь ни с чем — у коменданта в кабинете творилось что-то вроде ругани. И Джеррет собирался стать ее свидетелем.

Гвардеец замер возле двери и как раз собирался постучаться, когда адмирал его опередил:

— Дальше мы сами. Можете быть свободны.

В последний раз глянув на дверь, гвардеец опустил голову и удалился, а Джеррет, взявшись за дверную ручку, заговорщически прищурился:

— Намечается что-то интересное.

— Если бы, — Раздраженно отмахнулся Престон.

Со всей бесцеремонностью, на какую он только был способен, Джеррет распахнул дверь и вошел в кабинет. Два человека застыли, уставившись на него — один сидел в кресле за большим столом с расстеленной на ней картой, другой стоял перед ним с видом отчитываемого родителями ребенка.

— Вы еще кто такой!?! — Рывкнул сидящий.

— Вот и верь после этого льстецам, — Обратился к Престону Джеррет, пропуская его в кабинет, — Говорят, мол, что я легенда, что меня все королевство в лицо знает, а тут такое!

— Господа, — Сидящий поднялся, опершись руками о стол, — Извольте представиться.

— Престон Хельдер, адмирал флота Кирации, — Огляделся по сторонам друг.

— Джеррет Флетчер, — Он прижался спиной к стене, — Звание то же.

Было забавно наблюдать, как округляются от шока глаза стоящего перед столом гвардейца. А вот второй — очевидно, комендант — удивляться не спешил.

Комендант был крепким, коренастым мужчиной лет сорока с небритым лицом, совершенно лишенным эмоций. Он был одет в самый обыкновенный темно-синий мундир, который так же, как и у его солдат, выглядел помятым и поношенным.

— На каком основании вы вломились в мой кабинет? — Уселся в свое кресло он.

— Как невежливо, — Поморщился Джеррет, — На вашем месте я бы хотя бы попробовал представиться, а то как-то нехорошо выходит перед адмиралом Хельдером, не говоря уж обо мне, члене королевской семьи...

— Паллар Акентур, комендант Талаара, — Недовольно бросил он, — И где ваши мундиры, господа?

— Поймите, я — особа привилегированная, — Пояснил Джеррет, отстраняясь от стены, — В ношении мундира я не вижу никакого смысла, к тому же, мне страшно не идет синий цвет. А адмирал Хельдер на данный момент находится в моей свите, а потому от формальностей тоже освобожден.

Видимо, Акентур ненавидел витиеватые фразы, потому что даже на его каменном лице дрогнул мускул, стоило Джеррету затянуть свою тираду. В то, что отношения у адмирала с комендантом сложатся, теперь не поверил бы даже наивный ребенок, но Джеррет приехал сюда не за тем, чтобы заводить друзей, тем более — среди такой швали.

— Я присяду, с вашего позволения, — Окончательно набравшись наглости, Джеррет протиснулся мимо гвардейца и уселся в неудобное кресло, стоящее возле окна.

Кабинет коменданта отличался “сдержанностью” — здесь даже не было штор на окнах, а выдавшая виды мебель стояла четко по углам. Мало того — Акентур, видимо, до того не

жаловал всякий хаос, что на его столе не было ничего, кроме карты Оствэйка, старой и потертой.

— Сударь, вы закончили? — Обратился Джеррет к торчащему, как фитиль, гвардейцу, — Не смею вас задерживать.

Бедняга нерешительно посмотрел на коменданта, ожидая от него приказа, но Престон уже распахнул перед ним дверь и с радостью выпроводил солдата из кабинета.

Взгляд Джеррета приметил на полу литую железную статуэтку размером с человеческую голову — так вот чье падение ознаменовало тот скандал, который они с Престоном слышали из коридора.

— Господин адмирал, ваше поведение непозволительно, — Наконец напомнил о себе Акентур.

— Престон, чего ты стоишь? Присаживайся, — Игнорируя коменданта, Джеррет указал другу на стул в углу. Дождавшись, когда Престон перестанет маячить перед глазами, адмирал повернулся к Акентуру, слегка засмеявшись.

— Я сказал что-то смешное? — Напрягся комендант.

— Нет-нет, отнюдь. Вы просто напомнили мне одного из моих наставников. Он тоже всегда так говорил — прямо слово в слово. Только обращался иначе, но сейчас это не столь важно.

— Сомневаюсь, что для вас существует хоть что-то важное, — Перешел в наступление комендант.

С Джерретом редко разговаривали в таком тоне, особенно в последние годы. Во-первых, из-за звания, а во-вторых, все вокруг всегда помнили, что он — ветувьяр короля, то есть, по сути, второе Его Величество, пусть и рыжее, и безбашенное, и даже в чем-то инфантильное. Что ж, Паллара Акентура можно с уверенностью назвать или смельчаком, или безумцем — Джеррет решил, что выяснит это в процессе разговора.

— Как же? Для меня важно то, о чем не досуг позаботиться вам. Например, как мы будем оборонять этот чудесный город. Ваш город.

— У меня все под контролем, — Отрезал комендант.

— Какой хороший контроль! Такой, что я его даже не заметил! — Хлопнул в ладоши Джеррет, подавшись вперед. Ярость требовала вырваться наружу, держать ее больше не было сил, — Какого черта на улицах ни одного гвардейца!? Где гарнизон Талаара!? Где вооружение? Пушки?

— Хочу вам напомнить, господин адмирал, — Проскрежетал Акентур, — Что вы, хоть и гораздо выше меня по званию, имеете морской чин, а значит, я в вашем подчинении не нахожусь.

Нестерпимо захотелось обратиться Тейвоном и разнести эту мразь уже в статусе короля, но с этим возникло бы так много возни, что Джеррет сразу же отмел эту идею.

— Для начала, вы мой подданный, — С нажимом отчеканил адмирал.

— Не ваш, — Качнул коротко стриженной головой комендант, — А вашего ветувьяра. Не считайте меня дураком, мне известно, как устроено ваше естество.

Джеррет ненавидел себя за несдержанность, которую родители и наставники пытались искоренить в нем с самого детства, к несчастью, безуспешно. Тяжело жить, когда желание расквасить кому-то морду лишает тебя разума.

И все же Джеррету как-никак вот-вот должен был пойти четвертый десяток — в этом возрасте пора было браться за ум и учиться как-то владеть собой.

Удивительно — но сейчас ему это удалось. Джеррет со спокойным видом выдержал слова коменданта и даже нашел в себе силы продолжить разговор в той же манере:

— Знаете, не думал, что так далеко от столицы еще остались люди, которые не боятся виселицы...

— Поверьте, здесь их гораздо больше, — Оскалился Акентур, — Это угроза?

— Почему же? — Посмотрел в окно Джеррет, — Я думал, вы знаете, какое наказание полагается военному коменданту за невыполнение своих прямых обязанностей.

Акентур был готов разорвать его на куски и, кажется, точно так же, как и Джеррет, держался из последних сил, чтобы не превратить “военный совет” в драку.

— Я выполняю свои обязанности, — Вновь поднялся на ноги комендант, — И повторяю: я не собираюсь подчиняться моряку. Командуйте у себя на корабле, адмирал.

— Что ж, раз так, — Протянул Джеррет, — Я скажу вам только одно. В своих кораблях я уверен, в вас — нет. Если Таллар будет сдан, — Адмирал поднялся, — я лично вздерну вас на виселице.

*

— Надеюсь, эта мразь не выживет, — Джеррет грохнул кружкой по столу и зыркнул в окно. На небе сгущались темно-розовые сумерки, народу на улицах становилось все меньше, но таверна даже не думала утихать.

За соседними столами что-то горланили обыкновенные пьянчуги, даже не догадываясь, что рядом с ними пили такое же отвратительное дешевое пойло два адмирала, один из которых и вовсе принадлежал к королевской семье.

— Да успокойся ты! — Раздраженно осадил его Престон, — Обыкновенный самодур и упрямец. Ты, кстати, временами бываешь такой же. Ну вот представь себя на его месте — ты военный комендант города, и тут к тебе заваливается моряк и начинает учить жизни. Приятно?

— Если бы я был военным комендантом, этот город был бы готов не только к обороне, но и к осаде.

— Тоже верно, — Качнул головой Престон.

Джеррет отхлебнул из кружки и откусил черствого хлеба, все еще чувствуя, как ярость бурлит в крови. Здешнее пойло совершенно не помогало — с тем же успехом он мог глушить воду.

— Пошли отсюда, — Поморщился он, — Все равно толку никакого.

Престон что-то промычал в ответ, но Джеррет уже его не слушал — встав из-за стола, он мельком оглядел помещение, выискивая в зале кого-нибудь из экипажа. К счастью, знакомых лиц не обнаружилось, и адмирал со спокойной душой выбрался из вонючей душной таверны на улицу.

Пробираясь по длинным узким улочкам к пристани, Джеррет не переставал удивляться спокойствию горожан и полному отсутствию солдат:

— У него не осталось времени, а он заявил — все под контролем! Да тут гвойнцы будут со дня на день!

— Корабли, Джер. Черта с два они проберутся сюда через нас!

Это понимал и сам Джеррет, вот только он с давних пор имел привычку продумывать все возможные варианты, даже те, которые на первый взгляд казались невероятными.

— Эй, Флетчер? Ты чего? — Ткнул его в плечо Престон.

Дернувшись, адмирал вышел из оцепенения.

— Впервые вижу, чтобы ты сомневался.

— Они варвары, Престон, — Сказал Джеррет, — Мы не знаем, чего от них ждать. Они явно воюют не так, как мы.

— А можно как-то по-другому? — Усмехнулся друг, — Я думал, ты испробовал все способы. Даже неявку на бой.

— Это сработало, если ты не забыл, — Подмигнул ему адмирал, — И это была не неявка, а опоздание. А еще эффектное появление. Здесь же так не выйдет. Мы на своей территории.

— И чтобы у тебя не было плана!? Ни за что не поверю! Это я собираюсь осыпать их ядрами до тех пор, пока их корыто не пойдет ко дну. Ты же — любишь сюрпризы...

— Любой план может пойти наперекосяк. Или вообще никак не пойти, — Сообщил Престону Джеррет, — Ну, кроме твоего, конечно...

До пристани оставалось всего ничего, да и людей на улицах уже почти не было — на севере темнело позже, но так стремительно, что за каких-то полчаса на город уже практически опустилась ночь.

— Джер, — Настороженно позвал Престон, — Ты слышишь?

Адмирал обернулся, вслушиваясь в каждый шорох. Престон застыл посреди темного узкого переулка, положив руку на рукоять сабли. Джеррет озирался по сторонам — что-то действительно было не так. Слишком тихо. Так бывает только перед бурей.

Они появились из ниоткуда — видимо, спрыгнули с крыш домов — и все началось так быстро, что Джеррет даже не успел понять, что происходит. Он осознал, что на них с Престоном напали, только в тот момент, когда его рука стремительно и словно неосознанно выхватила саблю, а тело уже принялось уворачиваться от шпага, что так и норовили проткнуть его.

Разбойников — Джеррет не знал, как еще назвать этих людей в капюшонах и платках, что закрывали лица до самых глаз — было семеро, трое сразу бросились на Джеррета, остальные — на Престона, видимо, рассудив, что парень покрупнее гораздо опасней.

Они не знали, что во флоте Кирации не было фехтовальщика лучше адмирала Флетчера. Что ж, за подобное неведение стоило платить...

Джеррет наотмашь парировал грубую атаку, увернулся от второго клинка и сделал ложный выпад, чтобы добраться до руки одного из нападавших, но в итоге лезвие прошло вскользь, лишь распоров рукав разбойника и немного задев кожу. Адмирал пожалел, что в левой руке у него не было хотя бы кинжала, отчего он чувствовал себя слегка обделенным. Ну да ничего — справится и с одной саблей...

Крутанувшись, Джеррет все же достал руку разбойника — правда, уже другого — лезвие врезалось в плоть, противник заорал, шпага со звоном приземлилась на сырую брусчатку. Толкнув нападавшего ногой, адмирал впечатал его в стену, поднял с земли брошенное оружие и в последний момент парировал удар другого разбойника, но вышло не слишком удачно — Джеррет потерял точку опоры и привалился к стене, все еще пытаясь оставаться на ногах.

Острие пронеслось в паре сантиметров от его лица, адмирал вновь отодвинулся в сторону, чувствуя, что ноги больше не держат его. Подошвы сапог заскользили по камням, и Джеррет ощутил, как собственный вес утягивает его вниз — и вот он уже лежит на земле.

Падение вышло не лучшим — воздух из легких вышибло, пришлось потратить драгоценную секунду на то, чтобы восстановить дыхание. Придя в себя, Джеррет увидел, как

над ним нависло острое пшэги. Удар сердца, еще доля секунды — вперед!

Вскочить на ноги, рассечь саблей воздух, а заодно и достать противника — давненько Джеррет так хорошо не упражнялся. Учебные поединки и дружеские состязания ни шли ни в какое сравнение с настоящей схваткой — адмирал и вовсе грешным делом стал подумывать, что растерял форму.

Оказалось, что нет — мало того, так стремительно он еще, кажется, никогда не убивал. Поднимаясь на ноги, Джеррет успел рассечь лицо одному из разбойников и проткнуть пшэгой грудь второго. Первый заорал, второй — рухнул замертво прямо под ноги адмиралу.

Престон тоже уже заканчивал — на земле возле него лежали два трупа, еще двоих он явно собирался вымотать ложными замахами и обводными ударами. На его месте Джеррет церемониться бы не стал, впрочем, он и не собирался — всего лишь взял и проткнул разбойника со спины, а то уж больно наглец распоясался. С оставшимся Престон разобрался сам — сабля легко снесла голову с плеч, ставя точку в этом непонятном сражении.

Впрочем, самое интересное еще ждало впереди — услышав стоны, Джеррет вспомнил, что оставил одного из нападавших в живых, и тот катался по земле с рассеченным залитым кровью лицом.

— А теперь узнаем, Престон, — Указал на разбойника адмирал, — Кому мы так сильно понадобились.

Встав на одно колено, Джеррет схватил разбойника (а может, и наемника) за плечи и сдернул с его головы капюшон. Клинок адмирала умудрился рассечь его лицо ровно по диагонали — от правой брови к левой щеке, до самой нижней челюсти. Один глаз был залит кровью, но второй ясно и осмысленно следил за обоими адмиралами.

Джеррет сорвал с нападавшего платок, что раньше прикрывал лицо, а теперь болтался на шее, отбросил его в сторону и взгляделся в раненое лицо, которое казалось смутно знакомым.

— Он был с нами в таверне, — Прояснил ситуацию вставший рядом Престон.

— Значит, ребята шли следом, — Оглядел шестерку мертвых тел Джеррет, — Зачем?

— Ограбить хотели, бес попутал! — Вытаращился на него здоровый глаз.

— Хорошо, — Джеррет поднялся на ноги, вытащил из ножен саблю и приставил лезвие к горлу несчастного, — А так? Кто вас послал, говори!

Дрожа от страха, наемник решил отползти назад, но уткнулся спиной в стену. Джеррет подошел ближе, сталь коснулась кожи — еще чуть-чуть, и пойдет кровь.

— Как видишь, все твои товарищи мертвы, — Махнул рукой адмирал, — Что мне мешает отправить тебя к ним? Дай мне причину не убивать тебя.

Наемник был близок к тому, чтобы разрыдаться — когда он заговорил, голос дрожал так, что Джеррет едва разобрал слова:

— Он сказал, вы зря сюда явились. Сказал, вы не заслужили быть в армии, это все из-за того, что ваш... ваш этот... король!

Джеррет усмехнулся:

— И что же, вам приказали меня убить?

— Нет, упаси Орден! — Воскликнул наемник, — Только ранить и обезвредить. А потом доставить к нему, чтобы... чтобы корабли ваши остались без командиров, — Он зыркнул на Престона, который выглядел сейчас даже более разъяренным, чем Джеррет.

— Кто!? — Рывкнул друг, — Кто это был!?

— А ты не догадываешься? — Повернулся к нему Джеррет.

— Комендант, — Определил адмирала наемник, — Уж больно вы его обидели!

Даже Джеррет не мог предвидеть такого поворота событий, а потому не удержался — расхохотался. Все еще прижатый саблей к стене наемник заворочался, напоминая о своей скромной персоне.

Сейчас было совершенно не до него.

*

Джеррет полулежал в неудобном комендантском кресле, перекинув ноги через подлокотник, Престон застыл рядом, прижавшись спиной к стене, когда за дверью наконец-то раздались тяжелые шаги.

Акентур вошел в кабинет со свечой в руке — густые брови взмыли вверх, стоило ему понять, что поджидали его отнюдь не наемники.

Идея надеть на себя их плащи с капюшонами и скрыть лица платками пришла Джеррету почти сразу после того, как они с Престоном придумали план мести — так и мимо гвардейцев пройти можно, и отвести от себя подозрения, если что...

— Вы!?! — Захлопнул за собой дверь комендант.

— Плохо вы знаете моряков, сударь, — Джеррет схватил с пола мешок и бросил его под ноги Акентуру.

— Что это?

— Взгляните, — Развел руками адмирал.

Поставив на стол свечу, комендант взялся за мешок, открыл его и тут же вскрикнул, отбросив в сторону. Содержимое с глухим стуком приземлилось на пол.

— Что же, господин комендант, не узнали? — Склонил голову Джеррет, — Признаюсь, это я виноват — подпортил ему физиономию саблей. Думаю, вам было бы гораздо приятней, обнаружись там моя голова, но судьба распорядилась иначе...

— Вы... вы безумец!

— Может, и так, но заметьте — не я отправил на верную смерть семерых лишь затем, чтобы потешить свое самолюбие и... подвергнуть родной город еще большей опасности, оставив его без единственной защиты — моих кораблей.

Джеррет удивился тому, как ровно звучит его спокойный голос — весь гнев куда-то подевался, уступив место холодной сдержанной ненависти.

— Знаете, я даже не ожидал, что вы окажетесь таким мстительным... Я выяснил, что вы обо мне думаете — могли бы сказать это в лицо, — Продолжил Джеррет.

Акентур молчал, стиснув челюсти с такой силой, что его зубы явно этому не обрадовались.

— О, так вы еще и трус! — Усмехнулся адмирал, так и не дождавшись ответа.

— Да как вы смеете!?! — Рванулся вперед комендант.

— Вы оскорбили меня, сударь. Я вижу только один выход из этой ситуации, — Джеррет пробежался пальцами по рукояти сабли.

— Как вам будет угодно, — Отчеканил Акентур, — Хоть прямо сейчас!

Джеррет кивнул Престону, поднимаясь на ноги, и друг подал ему лежащую на столе шпагу, которую они догадались прихватить на месте нападения. Престон, конечно, долго противился плану с дуэлью, но потом признал, что ничего лучше придумать не получится.

Коротко взглянув на друга, Джеррет мысленно попросил его не быть кудахтающей насадкой и взвесил в руке оружие. Шпага была, конечно, не из лучших, но все же вполне сносная — для того, чтобы прикончить ту крысу, что стояла перед адмиралом, ее было

достаточно.

Джеррету очень хотелось бы помучить Акентура подольше, вымотать из него все жилы, но на первом этаже все еще топтались солдаты, которые могли не вовремя вмешаться, поэтому ему придется работать быстро и, желательно, тихо.

Противники заняли позиции, и Престон объявил начало поединка. Акентур взял инициативу на себя и атаковал первым — атаковал настолько просто, что Джеррет едва не рассмеялся. Сам он так фехтовал, наверное, лет в девять, когда держал шпагу впервые.

Дальше последовала череда сильных, но совершенно бестолковых ударов, после которых Джеррет понял, что на большее его противник не способен. Адмирал уворачивался от каждой атаки, ни разу не отразив ни одну из них шпагой. При желании он смог бы ранить коменданта его же оружием, но подобных финтов от Джеррета удостаивались только те, кто заслуживал хоть каплю его уважения — Акентур к их числу не относился.

— Сударь, вам следовало бы использовать свою хитрость в фехтовании, а не в жизни, — усмехнулся адмирал, уворачиваясь от очередного грубого замаха. Пора переходить к действиям.

Джеррет сделал шаг в сторону и заставил противника открыть всю левую сторону. Одно движение — комендант запоздало сует свою шпагу, но острое уже вонзается ему в бок, причем, даже глубже, чем Джеррет планировал.

Охнув, Акентур отшатывается назад, оружие выпадает из ослабевших пальцев, и то, что совсем недавно было комендантом Талаара, оседает на пол безвольной кучей. Рана смертельная — бедняга помечется несколько часов в горячке и покинет этот мир в столах и страданиях.

— Полагаю, на этом все, господин комендант, — Джеррет заправил за ухо выбившуюся прядь волос, глядя на свою жертву сверху вниз, — Вынужден откланяться.

Тейвон бы пощадил его, дал пожить еще несколько часов, задумался — есть ли у этого человека семья, дети, кто-то, кому он дорог? Но Джеррет не был Тейвоном, кто бы что про него не думал.

Из них двоих он был тем, кто хуже.

И поэтому без раздумий вонзил шпагу коменданту в сердце.

Глава 10. Кирация. Анкален. Окрестности Талаара

У меня нет ни времени, ни сил, ни желания писать долго и старательно — я лишь сделаю то, что обязана. Обязана не брату — обоим братьям — а Кирации, к которой я все еще что-то чувствую, хотя, наверное, не должна.

Мы с вами знакомы не слишком хорошо, но я уверена, что Флетчера вы знаете гораздо лучше, чем я — а он счел важным то, что я сейчас сообщу.

Мой муж и его люди ведут торговлю с Зиеконской империей. Что именно это за грузы, в каком количестве и на каких кораблях они сюда приходят, мне неизвестно, но дела торговой гильдии требуют немедленного вмешательства. Флетчер посчитал, что вашего.

Отвечать на это письмо не нужно, сожгите его как только прочтете. Требовать от меня чего-то большего тоже не стоит, я не занималась шпионкой ни к вам, ни к Флетчеру.

Калиста Лукеллес, ветувьяр Ее Высочества Реморы

Эйден положил письмо на стол и откинулся на спинку кресла, стиснув руками виски. Голова гудела с самого утра, хотя за сегодняшний день он, по большому счету, совсем не напрягался.

Из этого следовал только один вывод — лекарь никуда не годен. Это мелкое лысое ничтожество утверждало, что его постоянные головные боли — от перенапряжения и излишней усталости. Какой вздор!

Он отдыхал уже недели две — Тейвон, то есть Джеррет, уехал, Ремора покинула его еще раньше, в городе было спокойно, как в склепе, а голова болела все так же.

Теперь еще и расследование зашло в тупик. Фальшивый камарил унес с собой в могилу последнюю ниточку, которая могла бы помочь ему найти убийцу Ингерды. Если этот псих, конечно, не напал на нее сам...

Одно только это вводило в ступор, а сегодня судьба взяла и подбросила ему новую проблему — в лице гонца из Кир-Иста, который привез письмо от Калисты.

Эйден знал, что ему придется непросто — по сути, сейчас в Анкалене не было никого главнее, чем он. Министры, советники, главы гильдий — никто из них не был близок с королем, а он считал себя его другом. “Будь добр соответствовать. И оправдывать ожидания” — мысленно приказал себе мужчина.

Он посмотрел на письмо, подписанное мелким аккуратным почерком. Слова из послания отдавались в голове неприятным гулом, а перед глазами стояло надменное выражение лица женщины, написавшей его.

Калисту Лукеллес хотелось остерегаться — Эйден помнил ее взгляд двадцатилетней давности — тогда он сам был почти мальчишкой, и его ввело в ступор то, как девушка, красивее которой он не встречал на свете, смотрела на людей вокруг себя. Так смотрят змеи, знающие, что их яд убивает мгновенно.

Наверное, судьба решила пошутить над ним, когда спустя несколько лет он вдруг понял, что готов на все ради женщины, которая была обратной стороной этой самой змеи.

Сейчас ему как никогда не хватало Реморы — она бы смогла разобраться во всех этих интрижках торговой гильдии и прижать к ногтю обнаглевшего Лукеллеса. Эйден же не имел для этого ни смелости, ни власти.

В дверь постучали, и Эйден, поспешно свернув письмо Калисты, вскочил из-за стола, оправил камзол и подошел к окну, на ходу бросив “входите”.

Как ни странно, к нему пожаловал Ферингрей. С привычным отстраненным видом капитан закрыл за собой дверь и замер у стены.

— Прибыл монах из ордена, — Отчеканил он, — Тот самый, о котором вы говорили.

Эйден отвернулся от окна и посмотрел на капитана, который явно не желал встречаться с ним взглядом.

— Отлично. Ведите его сюда.

Кивнув, Ферингрей стремительно вышел, вновь оставив Эйдена в одиночестве. “Надо же, единственный мой союзник — враг!” — с усмешкой подумал мужчина, сминая в руке письмо. Делом торговой гильдии вполне мог заняться и Ферингрей со своими ребятами, но Джеррет счел нужным предупредить именно его.

Джеррет доверял ему, а Эйден был всего лишь трясущейся побитой собакой, пугающей призраков прошлого. Сколько раз Тейвон говорил ему отпустить их? Сколько раз Ремора просила его жить дальше, не оборачиваясь на них? Джеррет же не говорил ничего — он просто доверял. И Эйден не имел никакого права это доверие не оправдать.

Ферингрей в компании орденского монашка вернулся быстро, но задерживаться не стал. Эйден остался наедине с единственным с позволения сказать “свидетелем” смерти Ингерды, и тут же уселся за стол, пригласив гостя занять место напротив.

Полноватый монах средних лет казался испуганным, словно думал, что его привели в камеру для пыток. Эйден не знал, почему его это позабавило, но решил разрядить обстановку:

— Не бойтесь, орудия пыток я еще не готовил.

Монах не просто сел — рухнул на стул, вцепившись напряженными руками в столешницу. Эйден и не думал даже, что на таком обрюзгшем лице могут появиться такие огромные глаза.

— Успокойтесь, вам ничего не грозит, — Улыбнулся он, — Мне просто нужно знать, при каких обстоятельствах вы нашли тело Ингерды Пашелл и не было ли на месте убийства каких-либо следов...

Глаза монаха ни капельки ни сузились. Он метался взглядом туда-сюда, все еще продолжая сжимать столешницу.

— Успокойтесь, — Со всей мягкостью, на которую он только был способен, повторил Эйден, — Расскажите мне.

Безумные глаза наконец-то взглянули на него, но легче от этого не стало. Когда монах заговорил, Эйден не разобрал ни слова из той тарабарщины, которую церковник бормотал себе под нос.

— Простите, что? Не могли бы вы говорить громче...

— Агауооо... еі алу оенііау іае.

— Древнекирацийский? Я вас не понимаю, — Сложил руки перед собой Эйден, — Можно говорить на современном языке?

На мгновение у мужчины проскользнула мысль, что странный монах его не понимает, но это было невозможно — в ордене говорили на древнекирацийском только во время молитв, все остальное время они пользовались нормальным современным языком.

— Аеоіінуаоу! — Безумец ткнул в Эйдена пальцем. Глаза его, казалось, вот-вот выкатятся из орбит, а изо рта польется пена.

Эйден в ужасе понял, что монах до боли напоминает ему сумасшедшего наемника, которого он допрашивал вместе с Тейвоном.

Зря он не попросил Ферингрея остаться. Может, хоть он бы понял что-то.

— Прекратите это! — Не выдержав, Эйден рявкнул на монаха, — Говорите нормально!

— Аеоііуаоу! Іак аа опууу ез іо! — Закричал в ответ церковник.

“Черт возьми, они все сошли с ума” — подумал Эйден, поднимаясь из-за стола. Монах продолжал что-то бормотать себе под нос, не произнося при этом ни одного понятного слова.

Эйден распахнул дверь и выглянул в коридор, где торчал один-единственный долговязый гвардеец с прыщавым лицом.

— Позови капитана Ферингрея, — Рявкнул Эйден, — Живо!

Мальчишка сорвался с места, а Эйден вернулся к созерцанию окончательно обезумевшего монаха. Церковник вертел головой из стороны в сторону, не переставая повторять одни и те же слова, будто молитву. Вытаращенные в исступлении глаза прожигали Эйдена насквозь, словно он был ожившим демоном, которого монах всем сердцем жаждал изгнать.

Наемник вел себя почти так же — но как они могли быть связаны? Что за причина вызвала в них это безумие?

Жуткие древнекирацийские слова лились дальше — такие непонятные и похожие на чьи-то вымученные стоны. Эйден никогда не понимал, как можно выучить и понимать это издевательство над языком — там же одни гласные! Должно быть, предкам нравилось ходить с открытым ртом, изгибая губы в постоянной погоне за протяжными звуками. Это многими веками позже кирацийцы стали воинами и загубели — потому и язык упростили, и от древности отделились.

Боль ударила о стенки черепа с новой силой — Эйден едва сдержался, чтобы не стиснуть пальцами виски и не зажмуриться, хоть на мгновение лишая себя дневного света. Как раз в этот момент в коридоре раздались шаги.

В глазах все еще было темно, но Эйден нашел в себе силы открыть перед капитаном дверь и впустить его в кабинет, давая несколько секунд на то, чтобы он смог полюбоваться на этого психа.

Вот только на Ферингрея монах не смотрел — все его внимание сосредоточилось на Эйдене, в которого он не прекращал истерически тыкать пальцем.

— Почему вы сразу не предупредили меня, что он псих? — Спросил Эйден, — Почему я должен разговаривать с “этим”?

Ферингрей был мерзавцем, убийцей, его давним врагом, но лжецом он не был, а потому, когда он перевел взгляд с монаха на Эйдена, тот знал, что капитан говорит правду:

— Он был совершенно нормальным. Никаких признаков безумия.

— Аеоііуаоу! — Вновь завопил монах, прожигая Эйдена глазами.

— Это древнекирацийский, — Сказал Ферингрей, — С чего это он на нем заговорил?

— Понятия не имею, но современный язык он, видимо, забыл.

— Прикажете его увести?

— А вы видите смысл в продолжении беседы? — Склонил голову Эйден.

Он прошел к окну, не желая смотреть, как Ферингрей уводит прочь сопротивляющегося монаха. Теперь церковник не желал вставать из-за стола, изо всех сил цепляясь за мебель и при этом не переставая повторять одно и то же слово.

Аеоііуаоу.

Каждый раз, произнося его, монах тыкал пальцем в Эйдена, словно давая ему новое имя.

Что означает это слово, оставалось только гадать, но идти на поводу у психа мужчина не собирался — мало ли какой бред взбредет в голову сумасшедшему?

На пороге кабинета монах закричал. Все еще на древней тарабарщине, но закричал. Ферингрей почти силой выволок его из комнаты и сдал своим солдатам. Эйден слышал, как монах продолжил свое сопротивление в коридоре, как грохали по полу сапоги гвардейцев, пытающихся его усмирить.

За окном начался дождь — с каждой секундой он расходился все сильнее, пока не превратился в ливень и не развез на дорогах грязь. Должно быть, скоро погода испортится окончательно, но Эйден успел замерзнуть уже сейчас. Надо бы приказать слуге, чтобы разжег камин, но все-таки чуть попозже. Сейчас хотелось побыть одному.

Голова разрывалась от боли — Эйден уже не мог это терпеть, оттого и прислонился лбом к холодному стеклу в надежде хоть немного ее успокоить. Пусть остынет, ему еще о многом надо подумать...

За кем он охотится? Что за сила забрала жизнь ветувьяра, а теперь сводит с ума всех причастных, заражая их, словно чума? Что, если он сам тоже подхватил эту заразу, и совсем скоро его разум улетит в ту же бездну, вслед за наемником и монахом? Вопросы сыпались и сыпались, а голова болела все сильнее.

Эйден понял, что дрожит от внезапно накатившего холода, кожа под камзолом покрылась мурашками, плечи то и дело передергивало. Такого не было никогда раньше — видимо, его загадочная болезнь пробиралась все дальше, захватывая все тело с головы до ног.

“Однажды ты вернешься, а меня не будет” — в очередной раз подумал Эйден, вспомнив о Реморе. Чувствовала ли она хоть что-то, оставляя его? Думала ли о том, как жить дальше?

Может, это даже к лучшему — пусть болезнь заберет его раньше, чем свои лапы наложит старость. Эйден много раз представлял себе эту картину — он, дряхлый старик, морщинистый, седой, беззубый, и она — все еще живущая в два раза медленнее, все еще молодая и прекрасная. Он будет гнать ее от себя, но она не уйдет — кто угодно уйдет, но не Ремора. Она будет с ним до конца — из жалости, из благодарности, из чувства стыда.

Так пусть этот конец случится раньше, чем он возненавидит самого себя.

И все же кое-что еще нужно было успеть — найти сестрам достойных женихов, передать кому-то титул и должность...

Помирать было рановато, да и пока не хотелось. А значит, придется терпеть и врать, делая вид, что все прекрасно, что ничего не болит и не тревожит. Эйден не сомневался, что у него получится.

Ферингрей ворвался в кабинет без стука — серьезный, сосредоточенный. Таким он был в день той дуэли? Таким, только гораздо моложе. Остальное Эйден издалека не видел, а брат унес с собой в могилу.

— Меня заинтересовало это слово, — Заговорил Ферингрей, — Которым монах называл вас.

— Ах, “азоинуау”? — Хмыкнул Эйден, — Надеюсь, это какое-то древнекирацийское оскорбление?

— Нет, — Сухо ответил капитан, — Я спрашивал у местных монахов ордена. Они говорят, оно означает “метка”. И метка, насколько я понимаю, на вас.

*

Корабль варваров-гвойнцев назывался “Черная змея”, и это имя как нельзя лучше подходило даже не столько самому судну, сколько его капитану.

Селин в первый же день их плавания прозвала капитана Рауда Змеем. Нет, он не был злым и жестоким, как Чудовище, он просто казался опасным, как ядовитая змея, хоть и не выказывал девушке ни капли своей неприязни. В том, что она ему не нравится, Селин не сомневалась — недаром Рауд принялся от нее отказываться, едва увидев — но чувства свои варвар скрывал превосходно, оттого и вызвал к себе маленькую капельку ее уважения.

В остальном же Селин чувствовала себя запертой пленницей на чужеземном корабле — все здесь было опасным, новым и незнакомым. Девушка до сих пор не могла привыкнуть ни к крохотным — даже меньше, чем ее каморка в отцовском доме — каютам, ни к прибитой намертво мебели, ни к постоянной качке, из-за которой приходилось все время держать равновесие, ни к шуму воды за бортом.

Но страшнее всего были моряки с такими же хищными взглядами, как у отцовских собутыльников. Они держались от Селин на расстоянии, но чувств, в отличие от капитана, не скрывали. Девушка много раз видела их косые взгляды и гадкие ухмылки, и от них становилось жутко. Спустя пару дней после отплытия Селин стала постоянно носить с собой нож, который подарил ей Робин — хоть пользоваться им она и не умела, какое-никакое спокойствие он все-таки приносил.

К тому же, Рауд разрешил ей запирается в каюте, где девушка проводила дни напролет, не решаясь выбраться на палубу. Там постоянно сновали моряки, было шумно и неуютно под гнетом их взглядов и слов, которых она не понимала.

Из всего экипажа эделосский знал только Змей, но и он не спешил ничего объяснять — Селин не знала ни куда они плывут, ни через сколько дней “Змея” пристанет к берегу. Девушка была твердо уверена только в одном — их путь лежит не на остров Гвойн, а куда-то еще, скорее всего, на войну.

На корабле были пушки — железные, черные, огромные. При виде такого оружия Селин ужаснулась, но все же попыталась смириться с неизбежным — ради нее и дурацкого свитка ни один правитель не отправил бы корабль за тридевять земель. “Змея” плыла воевать и нести смерть, а значит, и сама могла пойти ко дну вместе со всеми, кто будет на борту.

Девушка часто думала о том, зачем ей жить дальше. Ответа не находилось, но и желания умереть тоже не было. Наверное, она была слишком наивна, потому что даже после всего, что с ней произошло, продолжала ждать от судьбы чего-то хорошего. Пока что тщетно...

С другой стороны, Селин поняла, что влюбилась в море. Набравшись смелости, она могла выбраться из каюты ночью, когда экипаж ложился спать, и по несколько часов смотреть на волны и звезды в темно-синем небе над ними. Иногда она даже забывала обо всем и на несколько минут могла почувствовать себя свободной — плохо только, что потом осознание возвращало ее в настоящую жизнь, туда, где она была никем.

Они плыли уже долгих семь дней, а берег все никак не желал показываться. Селин не знала, сколько еще дней плавания — а значит, жизни — ей отпущено, но не сомневалась, что в грядущем сражении ее никто не станет защищать. Ее жизнь закончится тихо и незаметно, и не будет на свете человека, который вспомнит о ее существовании.

Разве что только Робин... Хотя зачем ему о ней вспоминать?

Обо всем этом Селин думала четвертой ночью своей свободы, вновь выбравшись на палубу и встав у борта, чтобы полюбоваться на волны. Небо над головой было безоблачным, и в воде отражался желтоватый полукруг луны. Внизу шуршали волны, а лицо гладил легкий, но все же прохладный ветерок — Селин пожалела, что не взяла что-нибудь, чтобы накинуть на плечи.

Подумав об этом, девушка решила вернуться в каюту и подыскать что-то подходящее, но стоило ей развернуться, как взгляд уперся в высокую, незаметно подкрадывающуюся фигуру.

— Не замерзла? Ветер сегодня, — Рауд подошел ближе и встал совсем рядом, опершись руками о борт.

Желание уйти и запереться в каюте завопило в голове вместе с воспрянувшим страхом, но Селин осадила их. Что мешает ей остаться и поговорить? Если она хотела узнать, сколько дней жизни ей осталось, нужно было просто взять и спросить.

Промолчав, девушка чуть подвинулась и замерла на месте, не сводя глаз с водной глади.

— Видимо, не замерзла, — Посмотрел на нее капитан, — Или врешь.

Она врала, но ему об этом знать необязательно. Селин заставила себя посмотреть в холодно-серые глаза на суровом лице и поняла, что Рауд улыбается, ожидая ее ответа.

— Не замерзла, — Выговорила девушка, пожав озябшими плечами.

— Я видел, ты сюда каждую ночь приходишь, — Рауд заправил прядь растрепавшихся волос за ухо, — Нравится?

Селин поняла, что избежать ответа и в этот раз не получится. Складывалось впечатление, что Змей пытается ее разговорить.

— Красиво. Дома я такого не видела.

— И то верно, — Ухмыльнулся Рауд, — У вас в Эделоссе одни поля да леса — скукотища! Ты сама-то откуда будешь?

— Из Кидесса.

— Не знаю, где это, — Нахмурился Змей, — Ну да ладно — я в картах всегда плох был. В сухопутных.

— Куда мы плывем? — Не выдержала Селин, — Я знаю, что не в Гвойн.

— Гляди-ка, а ты смекалистая! А я уж грешным делом подумал, камарилы дуру подсунули...

Селин отвернулась, вновь уставившись на воду. Похоже, отвечать ей по делу Змей не собирался...

— В Кирацию мы плывем, птичка. К, — Он задумался, вспоминая слова, — проклятым грешникам, или как там у вас их называют? Наказывать их будем... за грехи.

— Это война? — Неожиданно для самой себя выпалила Селин.

— Пока не знаю, — Пожал плечами Рауд, — Как дело пойдет. Глядишь, и повоюем маленько.

Селин поняла, что хочет разрыдаться. До этого момента в ней еще теплилась какая-то крохотная надежда на то, что они просто приплывут на берег, она сойдет с корабля и останется в живых. Не будет пушек, взрывов, драк, смертей.

Но глядя на то, как Рауд рвался в бой, как улыбался при одной только мысли о войне, девушка понимала, что битвы — и смерти — не избежать.

— Вас могут убить, — Для чего-то пискнула она.

— Меня!? — Удивился Змей, — Не смейся, птичка. Я ж, считай, бессмертный! И тебя никто не тронет, поверь.

Селин нахмурилась — почему он так уверен? Разве не Кирация считалась самой сильной военной державой Оствэйка?

Впрочем, в политике и войне Селин ничего не понимала, а потому судить не решалась.

— Чего задумалась? Думаешь, они сильнее нас? Да даже если там будет Флетчер, что он мне сделает?

Селин не стала спрашивать, кто такой этот самый Флетчер, позволив Рауду любоваться самим собой, сколько ему захочется.

— Да не волнуйся ты! Разобьем этих гадов и поплывем назад, в Гвойн. Ты вон, кажись, коку моему приглянулась... Он-то тебе как? Видный же парень!

Селин вспомнила моряка, о котором он говорил — высокий молодой человек с темными нестриженными волосами. Он появился на корабле в тот же день, что и она, и по виду гвойнцем не был. Хотя, Рауд тоже не напоминал северянина.

— Я помолвлена, — Сообщила капитану девушка.

— Надо же! — Удивился Змей, — С кем?

— С камарилом Ланфордом Карцеллом.

Именно ради этой реакции Селин и рассказала ему о помолвке. За тем, как у Рауда отвисает челюсть, девушка наблюдала, едва сдерживая истерический смех.

Что-то подсказывало Селин, что даже если Рауд прав, и ей удастся выжить в бою с кирацийцами, с Чудовищем они никогда больше не увидятся, а потому ей нестерпимо захотелось рассказать кому-то хотя бы каплю того, что она чувствовала.

— Я его ненавижу. Как и он меня, — Почти неслышно прошептала она, давая шанс судьбе — услышит ли эти слова Рауд?

Он, к несчастью или наоборот, услышал:

— Так я в этом и не сомневался! Этот Карцелл — та еще мразь! Ты не бойсь, я ему тебя не отдам, если сама не захочешь...

“Он и не придет за мной” — подумала Селин, отчего-то наслаждаясь этой мыслью. Может, стоило радоваться, что прошлое ее отпустило?

Перед смертью она могла позволить себе хотя бы пару дней свободы — за всю ту жизнь, которую она прожила на привязи у тех, кто даже не видел в ней человека.

— Так, все! — Отстранился от борта Рауд, — Иди отсюда, а то совсем зачоченеешь. Простынешь, и чего мне потом с тобой делать?

— Когда мы будем в Кирации? — Осмелилась задать последний вопрос девушка. Она должна знать, сколько ей осталось жить.

— Скоро, птичка, — Змей смотрел куда-то за горизонт, словно способный увидеть там место, куда они плыли, — Завтра уже.

Глава 11. Кирация. Талаар. Окрестности Талаара

Джеррет не понял, от чего он ни с того ни с сего проснулся. Еще минут сорок он мог преспокойно спать, свернувшись калачиком на узком диване в кабинете коменданта, но глаза распахнулись сами собой и не желали закрываться снова.

Адмирал заворочался на диване, разминая затекшую спину, и потасканный предмет мебели предупреждающе заскрипел, призывая покинуть его как можно скорее. Джеррет поднялся на ноги, обнаружив, что спал он, оказывается, прямо в сапогах, да и раздеться не удосужился — помятый камзол был всего лишь расстегнут.

Вчерашний вечер — а точнее, сегодняшняя ночь — всплывали в памяти так тяжело, словно Джеррет был невероятно пьян, хотя за два последних дня он не выпил ни капли. Видимо, недостаток алкоголя влияет на память так же дурно, как и его избыток.

Еще никогда Джеррет не чувствовал себя таким уязвимым, как здесь, в Талааре. Этот город не был приспособлен ни для войны, ни для торговли, ни для чего-либо другого, а адмиралу предстояло за несколько дней сделать из него крепость, готовую принять (а главное — отразить) удар противника.

Оказалось, что Таллар не сможет отразить даже удар фанатиков со свечами и факелами — город просто вспыхнет от любой случайной искры, после чего от него останется одна лишь брусчатка и особняк военной коллегии, который хотелось поджечь уже самому Джеррету.

Чертов покойный комендант пустил на самотек все — начиная выучкой солдат и заканчивая состоянием оружия. На второй день Джеррет уже был уверен в том, что от местного крестьянина с вилами пользы гораздо больше, чем от солдата с затупленным палахом, которым он быстрее покалечит самого себя. В городе с трудом можно было найти даже сносный кинжал, не говоря уже о пушках, а ведь сражаться предстояло не с дикими кабанами.

Ребята Престона докладывали, что гвойнцы были уже на подходе — три галеона под предводительством почти легендарной в северных водах “Черной змеи” адмирала Орнсона. Он мог оказаться серьезным противником ровно с той же вероятностью, что и самонадеянным идиотом, возомнившим из себя хозяина морей — пока что Джеррет решил не делать о нем никаких выводов.

Он делал выводы о других, и в том числе — о себе...

За дверью кабинета послышались шаги. Адмирал решил не дожидаться стука и открыл дверь — к счастью, появился Престон, а не какой-то очередной капитан, требующий пересмотреть приказ и оставить его солдат в покое.

— Не спишь? Странно. Я думал, не добужусь тебя.

— Зачем тогда пришел? — Джеррет пропустил друга в кабинет и закрыл за ним дверь.

— Корабли готовы. Твой тоже. Я лично все проверил, — Престон уселся в кресло, закинув ногу на ногу.

— Хоть что-то в этом городе готово... — Вздохнул Джеррет, — Даже странно!

— Я еще никогда тебя таким не видел, Джер, — Нахмурился друг, — Прекращай психовать! Где твоя уверенность?

— Там же, где нормальные талаарские пушки. Ее нет!

— Значит, берем весь удар на себя. Нам что, в первый раз?

И вправду — почему он так волнуется? Да, адмирал Флетчер ни разу не потерпел поражение, но все бывает в первый раз, когда-нибудь это все равно случится.

“И ты сразу спишешь себя на берег” — прошептал мерзкий насмешливый голосок в голове. Джеррет не мог себе этого позволить. Слишком много ответственности лежало на его плечах, а за спиной не было никого, кроме Престона.

Джеррет уселся на край стола и зарылся руками в растрепанных волосах:

— Нет, не в первый.

— Тогда успокойся и хотя бы попытайся сделать вид, что все идет по плану. Перед солдатами.

— Что по поводу коменданта? — Поднял голову Джеррет, — Все в порядке?

— А как иначе? — Улыбнулся Престон, — Все знали, что он якшается с наемниками. Вот и доигрался...

С одной стороны, Джеррет понимал, что избавил город от мрази, которая тянула Талаар на дно, с другой — совесть все-таки давала о себе знать. Они с Престоном поступили по-скотски, и вряд ли это можно было оправдать войной.

Вот только сейчас было совершенно не до этого...

— Ладно, — Джеррет почесал подбородок, на котором начала пробиваться щетина, — Пойдем. А то вдруг без нас начнут...

*

Селин не знала, сколько времени тишины ей осталось. Уже несколько часов она сидела на постели в своей каюте, прижав колени к груди и дрожа от страха и тревоги. День обещал выдаться солнечным и теплым, но выбираться на палубу не было никакого желания — с самого утра там из стороны в сторону носились моряки, что-то кричали и вытаскивали из трюма бочки с порохом.

Несколько раз девушка слышала голос Рауда, хотя не могла понять ни слова из гвойнского языка, больше похожего на отрывистое рычание, чем на человеческую речь. Капитан раздавал приказы своему экипажу и явно пребывал в отличном расположении духа — он ждал этого боя всей душой, если у этого Змея она, конечно, была.

После вчерашнего разговора Селин начало казаться, что душа у капитана все-таки прослеживалась — хоть и обугленная, и загрубевшая, но она была. Должно быть, он просто был человеком — не хорошим и не плохим — обычным, со своими недостатками и странностями. Как ни странно, девушка поверила ему, когда Рауд пообещал, что не отдаст ее Чудовищу. Разве может такой, как он, нарушить свое слово?

Стены каюты начинали давить все сильнее, и без того маленькое помещение словно уменьшилось раза в два, дышать стало почти невозможно. Уткнувшись лицом в колени, Селин обхватила голову руками и позволила слезам выкатиться из глаз, ни разу при этом не всхлипнув.

В голове было пусто — ни мыслей, ни чувств, один только страх. Девушка все чаще пыталась убедить себя, что бояться смерти глупо. Смерть — это покой, а вот жизнь гораздо страшнее. Жизнь не принесла ей ничего хорошего, кроме моря, но даже оно не могло искупить все страдания, выпавшие на ее долю. Смерть подарит ей свободу — еще лучше, если смерть эта будет мгновенной. Селин заставляла себя ждать смерти.

Но другая половина ее души верила, что в этом бою можно выжить. Вдруг Рауд был прав?

*

До Талаара оставалось всего ничего, да и ребятам управились быстро. Каргурд все еще раздавал последние приказы, на палубе все еще стоял топот и дикий ор, но внутри у Рауда уже успело накрепко засесть сосредоточенное спокойствие. Такое настроение обычно приходило к нему только перед битвой.

Погодка к битве располагала — на небе ни облачка, солнце светит ярко, дождя не предвидится. Был в этом, конечно, и очевидный минус — природа благоволила не только им, но и кирацийцам.

Застать их врасплох точно не получится. Во-первых, потому, что не заметить гвойнские корабли на подступах к городу было просто невозможно, а во-вторых, Флетчер с Хельдером дураками явно не были, а значит, готовы к бою были явно не хуже, а может, и лучше.

Раньше Рауд всегда думал, что судьба благоволит ему. Он вспоминал свои первые баталии — тогда они казались чем-то грандиозным, а сейчас выглядели бы смехотворными. Те нелепые галеры, что встречали его у берегов северного Оствэйка, теперь казались не страшнее старых рыбацких лодок, а дикари-язычники, что сражались против них дубинами, копьями, а иногда и веслами, и вовсе были обыкновенным сбродом, который не смог победить бы разве что последний идиот или девчонка вроде Селин.

Теперь же капитан “Черной змеи” вдруг понял, что впереди его ждало первое настоящее сражение — не с дикарями на дырявых суденышках, ничего не смыслящих в войне, а с равными — с подготовленными солдатами под командованием настоящих капитанов, а не безграмотных идиотов-язычников.

А значит, права на ошибку у него не было.

Рауд Орнсон был легендой северных морей, но стать ей никакого особого труда и не составляло. Покуситься на величие он может только сегодня, и сделать это будет сложнее, чем ему казалось на первый взгляд.

Кирацийцы были на своей территории — за их спиной стоял подготовленный к обороне город и неизвестное (но явно немалое) количество солдат и пушек. Этот факт практически обнулял гвойнское преимущество в один галеон, тем более, что “Серой скалой” и “Копьем милосердия” командовали люди, которых Рауд даже сносными капитанами мог назвать с натяжкой. Вряд ли они смогут противопоставить Флетчеру с Хельдером хоть что-то, кроме количественного преимущества.

Но ждать до зимы зиеконского подкрепления Рауд не собирался. Нужно было принимать бой одному, и он был к этому готов.

Два кирацийских корабля наконец показались на горизонте. Рауд не заметил, как вцепился в борт с такой силой, что костяшки пальцев побелели от напряжения. Все, что ему оставалось — это считать минуты до начала боя. Боя, от которого зависит все.

Все звуки за спиной казались далеким фоном, Рауд жестом подозвал к себе Каргурда и потребовал дать ему подзорную трубу. Старпом не заставил себя ждать, и вот уже Рауд любовался двумя “распрекрасными” пятимачтовиками, которым позавидовал бы даже самый богатый торговец Зиекона.

— Заряжайте пушки! — Проорал он, повернувшись к экипажу, — Первое слово будет за нами!

*

Джеррет опустил подзорную трубу. Разглядывая подходящий все ближе гвойнский галеон и еще два корабля, что тянулись вслед за ним, адмирал совсем позабыл о застывшем рядом адъютанте.

— Ударят издалека, — Зачем-то сказал он Атвину, — Захотят проверить, каковы мы из себя.

Юная громадина с умным видом кивнула, но не сказала ни слова. Джеррет покосился на “Печаль Релы” и вновь поднес подзорную трубу к глазам. На корабле Престона царил привычный порядок — даже его моряки двигались, как идеально слаженные механизмы, а не живые люди.

— Что думаешь? — Продолжил беседу с адъютантом Джеррет, — По ним или по нам?

— Думаю, их капитан знает, против кого сражается, — Атвин исподлобья уставился на гвойнский корабль, — Он ударит по тем, кого боится больше.

— То есть, по нам? — Улыбнулся Джеррет.

— Я не хотел обидеть адмирала Хельдера...

— Он и сам знает, что я опаснее, — Джеррет выловил глазами крохотную фигурку Престона, что стоял возле борта, сцепив руки за спиной, — Да и есть за мной еще один грешок...

До первого удара оставалось всего ничего, так что начинать что-то делать нужно было прямо сейчас, а то, глядишь, и гвойнец не промажет.

Джеррет сорвался с места и прошелся по палубе, останавливаясь взглядом на каждом воодушевленном лице. Эти люди пойдут с ним до конца. Даже в ад, если понадобится.

“Может ты и король, Тейвон, но твои люди так на тебя смотреть не будут” — подумал Джеррет, прежде чем отдать приказ:

— Курс вправо, господа, пока нас не успели поцарапать!

И он рухнул в пучину боя. Голос старпома где-то вдалеке повторял его приказ, моряки вокруг зашевелились, словно муравьи в разворошенном муравейнике, и сквозь всю эту суету и шум Джеррет услышал голос Атвина.

— Какой? — Ни с того ни с сего спросил адъютант.

— Что “какой”? — Вздернул бровь адмирал.

— Грешок. Вы сказали, за вами есть грешок...

— А, это? Я очень люблю быть в центре внимания, Атвин. Порой эта черта раздражает даже меня самого.

Ответ адъютанта он так и не услышал. Оглушительный залп гвойнских пушек перекрыл все остальные звуки, что существовали на свете, но о начале боя он возвестил отменно.

*

Селин содрогалась от каждого залпа, а их становилось все больше и больше — своих, чужих, каких-то далеких и совсем близких. Поначалу девушка зажимала уши руками, но вскоре поняла, что в этом нет никакого смысла — взрывы продолжали раздирать ей слух даже сквозь ладони.

С палубы она слышала крики и возгласы, которые с каждой минутой становились все тревожней, а кто-то вовсе, как ей казалось, вопил от боли.

Ей долго не хотелось признавать, что Рауд ошибся, но осознание этого накатывало все сильнее и сильнее.

Неспособная больше сидеть на месте, Селин вскочила с кровати и принялась бродить по каюте из стороны в сторону, обхватив дрожащие плечи руками. Через несколько минут у нее наконец хватило смелости посмотреть в крошечное окошко.

На палубе творилось что-то невразумительное — моряки, подгоняемые зычными криками старпома и самого Рауда, спешно заряжали пушки, пока в них летели черные

круглые ядра. Какие-то ядра, видимо, падали в воду, не достигнув цели, какие-то — разбивали корпус корабля в щепки, а временами и вовсе цепляли кого-то из экипажа. На окровавленных досках уже лежали растерзанные тела — пока еще не так много, но Селин знала, что совсем скоро на палубе невозможно будет пройти из-за трупов.

Ей хотелось отвернуться и попытаться стереть из памяти это зрелище, но случилось то же самое, что и в тот день, когда на ее глазах орденский солдат убил отца — Селин словно окаменела, неспособная даже пошевелиться и отвести взгляд.

Она не знала, сколько времени прошло перед тем, как разум наконец вышел из оцепенения, и глаза девушки выхватили из задымленного пейзажа того самого загадочного противника, перед которым Змей, казалось, не испытывал страха.

Огромный корабль со светлыми парусами напоминал бы белого голубя, если бы не плевался ядрами и не подплывал все ближе. Похоже, кирацийцы воевали так же умело, как и “Черная змея” — недаром об их королевстве говорили как о самой сильной военной державе во всем Оствэйке.

Селин отошла от окна, и как раз в этот момент гвойнские пушки дали новый залп. Не вздрогнуть не получилось.

*

Джеррет так часто жевал нижнюю губу, что нечаянно прокусил ее, почувствовав во рту солоноватый привкус крови. Обычно он не нервничал во время боя, но сегодня все было иначе.

Сегодня один-единственный его шаг мог принести им абсолютную победу. И этот шаг нужен был прямо сейчас, когда от самого Джеррета уже ничего не зависело.

Престон верил в него даже больше, чем сам адмирал, хотя и не знал, в чем заключался рискованный, сумасбродный, а главное — очень маловероятный план Джеррета.

Ему много раз говорили о том, как невероятно он удачлив, но сам адмирал никогда об этом не задумывался. Сейчас же для победы ему действительно нужна была невиданная удача и немного расчета.

Очередной залп на мгновение оглушил весь экипаж, но до цели добрались лишь несколько ядер из четырех десятков возможных.

— Не отдадим “Королеву” варварам! — Орал возле пушек старпом Ноппер, подстрекая артиллерию работать быстрее, — Заряжай!

Джеррет сжал в руках подзорную трубу и не сдержался — посмотрел, что творится на “Печали Релы”. Если “Королева Этида” взяла на себя первого наглеца из гвойнских кораблей — очевидно, детище Орнсона — то, Престону достались целых два галеона, пусть и не таких вертлявых и расторопных, как варварский флагман.

Престон Хельдер всегда любил простую войну. Он вообще любил, когда все ясно и понятно — наверное, поэтому и выбрал путь моряка, чтобы как можно меньше задерживаться при дворе.

Поэтому он и поступал так, как обещал — безо всяких хитростей и вывертов палил по противнику, поражая выучкой и скоростью.

“Продержится” — подумал Джеррет, возвращаясь к собственным проблемам. К нему как раз со всех ног несся перепачканный в саже Атвин с порванным на рукаве мундиром и ссадиной на щеке.

— Капитан! — Адъютант застыл в шаге от него и вытянулся по струнке, как того требовал устав, — Ноппер говорит, мы продержимся минут десять от силы. Потери...

— Я вижу, — Отрезал Джеррет, окинув взглядом израненный вражескими ядрами корабль и окровавленные тела. Дым, который все это время витал в воздухе и, кажется, уже затмил даже небо, почему-то ударил в нос только сейчас, — Скажи ему, что я приказал ждать.

— Чего ждать, капитан!?! — Взревел подлетевший словно из ниоткуда старпом. По морщинистой щеке стекала струйка крови, седые волосы всклокочены, глаза навывкате, — Они расстреляют нас, как уток на охоте!

— Я сказал, ждем, — Сверкнул глазами Джеррет, — На данный момент абордаж для нас — чистое самоубийство.

— Ты сам выбирал этих ребят, Джеррет, — Ноппер заглянул ему в глаза, отчего нещадно захотелось если не рассказать о своем плане, то заверить, что все получится. И все же подобного Джеррет себе позволить не мог, а потому лишь молчал и слушал, — Это лучшие клинки Кирации, и сейчас ты хочешь, чтобы они умерли от ядер, а не в честном бою!

— Десять минут, Ноппер.

Наверное, надо было начать молиться, но Джеррет с детства ненавидел богословие, а потому, едва изучив его под началом монаха из ордена, тут же выбросил из своей памяти все до единой молитвы.

*

Селин читала третью по счету молитву, когда в дверь ее каюты настойчиво постучали.

Кому она могла понадобиться во время боя?

Девушка осторожно поднялась с кровати и, прокравшись к двери, прижалась к ней ухом. Кроме звуков боя ей ничего не удалось услышать.

— Капитан? Это вы? — Несмело позвала она.

— Нет, — Ответил из-за двери незнакомый голос, совершенно лишенный акцента.

Кто на корабле мог говорить на чистом эделосском?

— Откройте, — Потребовал голос.

Селин отпрянула от двери — откуда на корабле взялись эделосцы? Вряд ли Рауд об этом знал, иначе точно бы рассказал ей и отправил бы побеседовать с земляком, чтобы ей не было скучно.

Или нет?

— Откройте, если хотите выжить, — Чуть настойчивее сказал незнакомец.

И Селин вновь напомнила себе, что терять ей, по сути, нечего. Осторожно вернувшись к двери, девушка опустила засов и открыла ее.

Оказывается, все это время с ней разговаривал тот самый кок, о котором говорил Рауд — приятный на вид высокий юноша с дурацкими редкими усами, которые портили все впечатление от его лица.

Не произнося больше ни слова, юноша схватил Селин за руку и потащил за собой. Она даже не пыталась сопротивляться, хоть и не отказалась бы от объяснений.

— Вы от капитана? — Не выдержала девушка, тут же закашлявшись от едкого запаха дыма.

— Да, — Скользнул по ней взглядом кок, — Прошу, поторопитесь!

Селин поняла, что сейчас наступило недолгое затишье, словно противники ждали друг от друга дальнейших действий. Вряд ли это будет продолжаться дольше нескольких минут.

От чего Рауд собирался ее спасти, если “Черная змея” в любом случае обречена? Селин смотрела на раскуроченный ядрами корабль и бездыханные тела — еще немного, и они

пойдут на дно!

Она смотрела, как вражеский галеон подплывал все ближе, и не могла отвести от него глаз — как огромное орудие убийства могло быть таким прекрасным? Теперь Селин могла разглядеть и палубу, и мачты, и пушки, и даже кирацийских моряков в синих мундирах.

А кок тащил ее дальше, и теперь девушка догадалась, куда.

— У вас есть ключ от каюты капитана? — Выпалила она, когда юноша оставил ее у резной двери.

Рауд не пускал в свою комнату никого, кроме старпома — что же изменилось теперь? Селин вообще не понимала, почему весь мир так неожиданно перевернулся за считанные минуты до смерти.

Кок не ответил, трясущимися руками отпирая дверь. Когда она наконец поддалась, юноша буквально затолкал Селин в каюту и закрыл за ней дверь, несколько раз провернув ключ в замке. Последнее, что девушка услышала, прежде чем вновь оказаться в ловушке (или в убежище), это требование старпома катить еще бочки с порохом.

*

— Порох! Заряжай! — Командовал Каргурд, застыв в шаге от Рауда в поистине капитанской позе.

Артиллерия вновь забегала, словно ужаленная в задницу, вот только... этого всего было мало.

— Задавим, капитан! — Уверил Каргурд, не сводя глаз с Флетчеровой каракатицы, которая медленно, но верно подходила все ближе.

— Черта с два! — Сквозь зубы выплюнул Рауд, — Они хотят абордаж! Пусть тогда погоняются!

Развернувшись к экипажу, Рауд провозгласил:

— Полный назад!

— Есть назад, капитан! — Донеслось ему в ответ.

Не успел Рауд вновь вернуться к созерцанию противника, как мимо него пронесся Ятес, отчего-то взмыленный, напуганный и красный.

— Эй, кок, ты чего? — Шагнул к нему капитан.

Парень так резко развернулся, что умудрился поскользнуться на мокрых досках и растянулся прямо перед Раудом. Капитан захохотал и протянул бедняге руку:

— Первый раз всем везет, ничего с тобой не...

Договорить он не успел. Взрыв, прогремевший где-то в середине корабля, оглушил, ослепил и снес все, что было вокруг — живое и неживое.

Последнее, что Рауд увидел перед тем, как сознание затмила боль, а в глазах все померкло — это невиданной силы огонь, что набросился на “Черную змею”, словно хищник.

Его корабль погибал, а капитан лежал на мокрых досках и не мог пошевелиться.

*

“Молодец, Ятес”.

Это была единственная внятная мысль, прозвучавшая в голове Джеррета после того, как он увидел взрыв, что поднялся над гвойнским галеоном. Полностью проглотить такую громадину он не смог бы при всем желании, но откусить от нее приличный кусок и обезоружить — вполне.

Нопперт, стоящий справа, залиvisto выругался, возвращая Джеррета в реальность.

— Вашу мать! — Не успокаивался старпом, — Это чего ж у них стряслось?

Казалось, даже весь остальной бой на какое-то время замер. Джеррет не мог посмотреть, что творится сейчас на “Печали Релы”, но был уверен, что Престон пытается отыскать упавшую на палубу челюсть.

— Мой план, дорогой Нопперт, — Повернулся к старику адмирал, — И вот теперь можно подумать об abordage.

— Есть, капитан! — Вытянулся старпом с плохо скрываемой улыбкой на лице.

Джеррет и сам бы позволил себе улыбнуться, если бы не Атвин, торчащий рядом и все еще не сводящий взгляда с пожарища над вражеским кораблем.

— Как вам это удалось? — Глухо поинтересовался адъютант, немного отойдя от шока.

— В их экипаже мой человек. Которого нам, между прочим, сейчас придется спасать.

— Я лично могу проследить, чтобы его не тронули.

Джеррет кивнул:

— Он даст о себе знать. Ятес, молодой парнишка вроде тебя, только... не такой большой.

— Как он проник в экипаж к гвойнцам? — Все еще недоумевал Атвин.

— На свой страх и риск, — Пробормотал Джеррет. Если честно, то он и сам сейчас не понимал, как ему удалось воплотить этот безнадежный план в жизнь. Снова везение? Нет, для подобного нужно что-то большее, — Поначалу он должен был быть моим шпионом в Эхоре, где Гвойнцы остановились бы при любом раскладе. Там ему было приказано предпринять незаметную попытку проникнуть в экипаж. Я не рассчитывал на удачу, но Ятес меня удивил. Перед самым отплытием он нацарапал мне письмо, в котором сказал, что попал коком к адмиралу Орнсону. Для меня это значило только одно — в самый разгар боя он осуществит задуманное и принесет нам победу на блюдечке.

— Но что это вообще было? — Удивленно тряхнул головой адъютант.

— Как что? — Пожал плечами Джеррет, — Порох.

— Я бы никогда до подобного не додумался!

— Да ладно тебе! — Джеррет выхватил у него подозрительную трубу, — Вот сяду я к тебе на корабль годков через двадцать, и будешь мне показывать, как нынче нормальные люди воюют. А я буду удивляться. Прямо как ты сейчас.

Перед самым взрывом Орнсон сообразил, что пахнет жареным, и решил дать назад, чтобы поиграть с Джерретом в догонялки, но теперь горящий галеон застыл на месте, и застать его врасплох не представляло никакого труда.

Адмирал не сразу понял, что его рука сама по себе легла на эфес сабли. “Терпение, Джер” — сказал он самому себе. “Ты сильно ударил эту тварь, но ее зубы никуда не делись”.

*

Селин с трудом разлепила веки. Она не знала, сколько времени провела без сознания, но в голове до сих пор гремел тот взрыв, который раздался через пару минут после того, как молодой кок запер ее в капитанской каюте.

Теперь запах дыма заполнил все — девушка не могла сделать ни вдоха, не закашлявшись при этом, в ушах звенело, ноги и руки совершенно не подчинялись.

Странно, что взрывная волна такой силы не выбила дверь, впрочем, выбираться наружу девушке тоже не очень хотелось. Она вообще сомневалась, что кто-то мог остаться в живых после такого ужаса.

Внезапно по разуму ударила другая мысль — вот, от чего ее спасал кок! Не от ядер, как поначалу подумала Селин, а от взрыва, про который ему было откуда-то известно.

Девушка с трудом поднялась с пола, вслушиваясь в каждый шорох, что доносился снаружи. Она должна знать, выжил ли хоть кто-то, остался ли хоть какой-то шанс на спасение.

Спасение — она едва не рассмеялась при этой мысли. Еще полчаса назад, когда все шло, можно сказать, по плану, Селин только и думала, что о своей скорейшей смерти. Теперь же, когда самые страшные ее опасения подтвердились, девушка почему-то стала лелеять даже самую слабую надежду на то, что она сможет выжить.

Вдалеке все еще грохотали пушки, а вот по “Черной змее” уже не стреляли — снаружи доносились лишь крики и стоны. Значит, выжившие были, хоть и непонятно, в каком количестве.

Селин, спотыкаясь, прошла к двери и вспомнила, что ее заперли. Неизвестно, сколько времени они проведет здесь, пока про нее не вспомнит кок или Рауд. Если они, конечно, живы.

*

Рауд не сразу понял, что он жив. Едва открыв глаза, капитан подумал, что оказался в аду — там так же ярко полыхало пламя, а вокруг стонали грешники. Вот только в аду ты вряд ли будешь валяться на мокрых досках, а где-то вдалеке будут раздаваться пушечные залпы.

Он перевернулся на спину и уставился в затянутое дымом небо. Вряд ли прошло больше пяти минут с того момента, как на его корабле произошел взрыв — а значит, ситуацию еще можно было спасти. Если вообще осталось, что спасать.

Дрожащие руки заскользили по мокрым доскам, но Рауд все-таки смог подняться — сначала сесть и осмотреть тот ад, в который превратилась палуба “Черной змеи”.

Разорванные на куски трупы раскидало в разные стороны — Рауд давненько не видел столько крови, мяса и кишок, от подобного зрелища даже ему стало не по себе. Черт знает, сколько народу он потерял из-за этого взрыва, но капитан был готов побиться об заклад, что большую часть экипажа. Куда бы ни упал его взгляд, везде он упирался в знакомое лицо с остекленевшими мертвыми глазами.

— Каргурд! — Рауд и сам не понял, что выкрикнул имя старпома вслух.

Сквозь пелену дыма можно было разглядеть, что возле растерзанных взрывом пушек уже кто-то возился, но был ли среди них хоть кто-то по-настоящему толковый, Рауд разобрать не смог.

Его ноги тряслись, как у новорожденного жеребенка, но капитан все-таки смог с ними совладать и привести себя в вертикальное положение. Медленно и осторожно Рауд двинулся вперед, оглядывая растерзанные тела вокруг.

На молодом коке, что распластался на досках лицом вниз, крови не было, а потому капитан решил ткнуть его сапогом и получил в ответ сдавленный стон.

— Эй! Ятес! Давай, поднимайся! — Потребовал Рауд, присев возле него на корточки.

Парень застонал громче, но кое-как перевернулся и открыл глаза, уставившись на капитана тупым невидящим взглядом. Рауд легонько хлопнул его по щеке, после чего Ятес пробормотал что-то невразумительное.

— Чего ты говоришь? — Нахмурился капитан. Сосредоточившись, он все же смог разобрать слова кока.

— Я... я жив? — Прохрипел он...

На кирацийском.

Наверное, Рауд ударился головой, когда его отбросило взрывной волной, потому что

другого объяснения подобным галлюцинациям он найти не мог. Капитан тряхнул головой и схватил Ятеса за плечо:

— А ну-ка, повтори!

— Капитан!?! — Удивленно воскликнул голос парня на чистом гвойне.

— Вставай, чего разлегся! — Рауд отпустил его и поднялся на ноги, отгоняя наваждение.

Ятес спохватился быстро и уже через пару мгновений оказался на ногах с видом прилежного солдата.

— Ищи Каргурда, — Приказал ему Рауд, — Живым, мертвым — не важно...

Перешагнув через чье-то бездыханное тело — капитан не разобрал лица, залитого кровью — Рауд пошел дальше, изучая глазами то, что осталось от его корабля.

Наверное, у него и в самом деле не было ничего дороже “Черной змеи” — дядька часто упрекал Рауда за это — потому что сейчас он впервые в жизни почувствовал, что у него, оказывается, есть сердце, и оно может давать о себе знать. Его сердце ухнуло и сорвалось куда-то вниз, стоило Рауду посмотреть на пылающие огнем паруса, обломки мачт и разбитые в щепки двери кают, объятых пламенем.

Селин!

Перепрыгивая через чьи-то оторванные конечности, Рауд рванул к каюте, где все это время безвылазно сидела девчонка, которую он поклялся защищать.

Помещению досталось прилично — дверь и внешнюю стену раскрошило на мелкие части, мебель уже вспыхнула, и каюта наполнилась дымом.

При этом Селин здесь не было. На маленьком столике лишь лежала ее сумка, в которой покоился злополучный камарильский свиток.

— Ах ты мразь! Предатель! — Донеслось сзади, и Рауд бросился на голос.

На палубе один из моряков, колченогий Юрсон, держал Ятеса за грудки и со всей дури тряс, не переставая выдавать ругательство за ругательством.

— Что здесь происходит? — Прорычал Рауд, пытаясь собрать мысли в кучу.

Видимо, головой он приложился неслабо — разум упорно не желал подчиняться и думать хоть о чем-то, кроме исчезнувшей девчонки.

Взрыв, практически уничтоживший его корабль, не был случайностью. Вот, в чем сейчас надо было разбираться.

— Это он, капитан! — Тряхнул Ятеса Юрсон, — Он бочки подорвал, сука!

Рауд непонимающе уставился на молодого кока, который пытался вырваться из цепких рук моряка.

— Капитан, это не я!

Рауд посмотрел на это глупое молодое лицо с редкими усишками, злясь на самого себя за внезапно утраченную способность думать. Не ударься он головой, он бы понял все намного раньше.

— Врешь, — Сквозь зубы процедил капитан.

С самого первого дня, с той драки в таверне Эхоры, с жалобного стога о наказании от отца — все было продумано и рассчитано до мелочей. Подвел только родной язык, сорвавшийся с уст в неподходящий момент...

Он должен был догадаться сразу. Должен был запереть новичка где-нибудь в трюме и не дать нагадить. Должен был думать головой, а не задницей!

“Что ж, Флетчер, я действительно тебя недооценил” — мысленно подметил Рауд,

чувствуя, как пальцы смыкаются на рукояти сабли.

— Юрсон, отпусти его, — Приказал капитан.

Оружие со звоном выскользнуло из ножен, моряк улыбнулся и отступил на шаг назад.

— Капитан, прошу..! — Взмолился Ятес.

Глазищи юной мрази напоминали блюдца, губы скривились от страха, лопоча какие-то мольбы и просьбы. Рауд их уже не слышал — его занимало только то, что с коком нужно закончить побыстрее. Как-никак, кирацийцы подходили все ближе, а значит, следовало хоть как-то подготовиться к абордажу. Хотя бы собрать всех, кто еще мог сражаться.

— На колени, — Отчеканил Рауд.

— Нет, капитан, пожалуйста...

— Ну как хочешь, — Хмыкнул Рауд, поднимая саблю.

В юности он просто обожал такие удары — просто, сильно, хоть и не слишком изящно. Сабля — хорошее оружие, отсекает голову на раз-два, не говоря уж про конечности.

Вот и предатель Ятес не стал исключением — его голова с глухим стуком ударилась о доски и покатила в сторону, следом рухнуло и тело, заливая кровищей все вокруг.

На труп Рауд даже не посмотрел — у него и без этого хватало срочных дел, требующих внимания.

*

— Какой по счету? — Улыбнулся Атвину Джеррет, боковым зрением изучая вражеский корабль, на котором, видимо, осталось так мало солдат, что они даже не пытались садануть по “Королеве Этиде” из пушек хотя бы еще разок.

— Третий, — Отозвался адъютант.

Гвойнский галеон горел и дымился, но и возни на палубе было немало — должно быть, капитан Орнсон действительно везунчик!

— Не расслабляемся, господа, — Повернулся к экипажу Джеррет, — Эти гвойнцы — народ живучий. У нас есть все шансы на победу, если мы покажем все, на что способны.

— Покажем! — Подхватили голоса, — Нечего было к нам лезть!

Джеррет поймал взглядом улыбку Атвина и ухмыльнулся ему в ответ:

— Не подведи меня.

Спустя несколько минут воодушевленного молчания и привычной сосредоточенной возни с оружием, абордажные крюки взмыли в воздух и приземлились где-то у гвойнцев.

Нопперт вновь провозгласил что-то воодушевляющее, а Джеррет на мгновение закрыл глаза и подставил лицо прохладному ветру, насквозь провонявшему дымом и гарью.

— Приготовиться! — Услышал он, открывая глаза.

А каким по счету этот абордаж был для него?

Потом надо будет как-нибудь сосчитать.

*

Сбрасывать абордажников обратно в воду сроду не было простым занятием, а уж когда их настолько много — тем более. Рауд перерезал веревки, бил в морды, махал саблей, и все это — практически одновременно, без единой передышки и возможности осмотреться по сторонам.

Кирацийцы лезли изо всех щелей, словно рой насекомых, внезапно решивший обглодать тебя до костей. Рауд почти сразу потерял им счет, может, даже к лучшему — ничего не отвлекало от непосредственного сражения. Махать клинком у него всегда выходило лучше, чем думать, хотя временами мозги так и норовили возобладать над руками.

Все бы ничего, только Флетчеровы ребята гвойнцам ничем не уступали — видно, что капитан им спуску не давал, дрессировал днем и ночью. Рауд чувствовал себя обманутым дурачком на базаре — мало того, что легендарный адмирал забросил к нему в экипаж крысу, он еще и превзошел его в непосредственном сражении, в выучке солдат, во всем!

Рауд продолжал сражаться, руки и ноги двигались сами собой, в то время как глаза уже ничего не видели, а уши не слышали. Истинный капитан должен уметь принимать поражения с поднятой головой, и Рауд всегда знал, что у него хватит на это сил, но когда ты разбит в пух и прах, когда твой корабль превращен в руины, а от твоей команды не осталось почти никого — разве можно принять такой разгром?

Теперь он не мог вернуться в ка-Гвойн живым. Дома у Рауда не хватит сил посмотреть в глаза даже бездомному, не говоря уж о Гурде или дядьке. Кому нужен воин, принесший острову такой позор?

Выход мог быть только один, и Рауд удивился тому, как просто ему далось это решение — а ведь раньше он думал, что любит жизнь всем сердцем и считал, что распрощаться с ней не сможет ни при каких условиях. Теперь все это казалось далеким прошлым, юношеской блажью, не более того.

Мужчина должен идти на смерть с улыбкой. Так он хотя бы не умрет побежденным.

Сабля Рауда в очередной раз разрезала чью-то мягкую плоть, завязла в теле и наконец освободилась, заливая кровью и без того испачканные доски. В том человеческом месиве, которое сейчас представляли из себя остатки палубы “Ночной змеи”, разглядеть что-то было просто невозможно, а потому Рауд сделал первое, что пришло в голову — забрался повыше и оглядел побоище, в котором кирацийцы безбожно теснили его ребят, зубами вырывая свою победу.

— Эй, адмирал Флетчер! — Не узнавая свой голос, попытался перекричать окружающий шум Рауд, — Не хочешь сразиться?

Застыли сначала его ребята, а потом и наглые кирацийцы, уставившись на него так, словно Рауд сотворил что-то невероятное. Откуда-то издалека все еще доносился звон стали и топот ног, но здесь — в самом эпицентре боя — повисла выжидающая тишина.

— Я же знаю, что ты здесь, — Рауд переложил саблю в другую руку, выискивая глазами человека, которого он ни разу не видел, но все же считал знакомым.

— Я здесь, — Ответил голос на чистом гвойне, хотя капитан обращался к врагам на кирацийском.

Рауд повернулся к говорящему. Флетчер стоял возле борта с окровавленными саблями в обеих руках и с улыбкой на перемазанной сажей и кровью роже. Он сделал шаг вперед и на мгновение к кому-то обернулся, а потом впился глазами в капитана.

Узнал бы его Рауд, если бы захотел? Да. Ему рассказывали о том, каков из себя этот Флетчер — высокий, тощий, рыжий и похожий на лиса. Тот, что стоял перед ним, таков и оказался: высокий — да; тощий — ну, не слишком, скорее, поджарый; рыжий — тоже верно, только чуть темнее, чем он ожидал; да и мордой, действительно, на лису смахивает.

Не говоря больше ни слова, Рауд в каком-то исступлении кинулся на него и опомнился только тогда, когда сабля Флетчера отразила удар, с силой оттолкнув капитана в сторону. На лице рыжей мрази появилась улыбка, он сделал шаг вправо, и теперь они с Раудом поменялись местами.

Моряки расступались перед ними, предоставляя место для полноценной драки. Рауд сразу понял, что в поединке с Флетчером парой тычков ничего не закончится — если лис

поймет, что он побеждает, он сделает все, чтобы поиздеваться над противником как можно дольше.

А фехтовал гад действительно неплохо. Рауд заметил это с самого начала — по плавным движениям, по манере держать оружие, даже по взгляду — умелый фехтовальщик изучает своего противника, а не боится его. И Флетчер изучал, причем делал он это неспеша и словно нехотя.

Неуязвимым этот лис не был — Рауд спокойно мог бы задавить его силой, но Флетчер так умело скрывал свои слабые стороны, что добраться до них не представлялось возможным. Адмирал отражал атаки с такой скоростью, словно знал наперед, что задумал Рауд, да и сабля в левой руке ему ни капельки не мешала — с ней он управлялся почти так же хорошо, как и с правой. Из-за этого Рауду приходилось осторожничать вдвое больше, чем обычно, хотя еще несколько минут назад он с твердой уверенностью шел на смерть.

Теперь умирать вновь перехотелось, даже во время поединка с таким противником, как Флетчер. Рауд наоборот ощутил себя живым — если он убьет этого лиса, даже разгром корабля будет этого стоить. Да и камарилам работы поменьше...

Рауд не сразу заметил, что вокруг них вновь разгорелась битва — видимо, гвойнцы не могли спокойно стоять рядом с кирацийцами дольше минуты. Со всех сторон вновь раздавались крики и лязг металла, но это совсем не отвлекало, а даже прибавляло сил. Сейчас к ним хотя бы не было приковано внимание подчиненных.

Флетчер исполнил какой-то странный финт и умудрился садануть эфесом своей сабли Рауду по руке. Пальцы зажглись болью, из глаз едва не брызнули слезы, и только через долгое-долгое мгновение капитан понял, что оружие выпало у него из руки. Не успел он попятиться назад, как холодное изогнутое лезвие прижалось к его горлу.

Издав какой-то невразумительный звук, Рауд поднял глаза на лисью рожу Флетчера. Вот так все и закончится. Что ж, хотя бы помер, как мужчина...

— Ну? — Вздернул бровь Рауд, — Чего ждем?

— Да вот подумал, — Флетчер подошел чуть ближе, — Пленником вы будете смотреться лучше, чем покойником.

До этого момента Рауд думал, что хуже быть не может.

Глава 12. Кирация. Талаар

— Сегодня ты превзошел сам себя, — Провозгласил Престон, — Я ожидал от тебя чего угодно, но не этого.

Джеррет плеснул в лицо ледяной водой и посмотрел на свою уставшую рожу в зеркало.

Сегодня он действительно сотворил что-то невозможное. Точнее, не он, а глупый молодой парнишка, который не успел продержаться и нескольких минут после взрыва.

Его отсеченная голова до сих пор стояла перед глазами у Джеррета, и, наверное, она будет напоминать о себе еще долго. “Приятно это?” — заговорил голосок у него в голове — “Отправлять людей на смерть и получать в награду за это победу?”

— Еще и Орнсона в плен взял! Он там сам себе глотку не перегрыз?

— Надеюсь, что нет, — Джеррет повернулся к другу и стащил со спинки стула чистый камзол.

После боя он всегда сжигал свою одежду и сразу же переодевался во все чистое. Кто-то мог считать эту странность королевской блажью или глупым капризом, но Джеррет, сколько ни сражался с самим собой из-за этого, не мог терпеть на себе ощущение чужой крови.

Мокрые волосы он сразу же стянул в хвост, и только тогда позволил себе расслабиться, усевшись в комендантское кресло, которое пришлось перетащить ближе к окну. Стол тоже повернули другой стороной — то, как стояла мебель у Акентура, Джеррета невероятно раздражало.

С зеркалом, парой книг на столе и нормальными шторами кабинет стал гораздо уютней, хоть адмирал и чувствовал себя здесь не в своей тарелке. В любом случае, в Талааре он надолго не задержится — осталось лишь разобраться с пленными, немного подлатать “Королеву Этиду” с “Печалью Релы” и назначить нового коменданта взамен Акентура.

— Мне сказали, на корабле Орнсона нашли девчонку, — Напомнил о себе Престон, — Это правда?

Он тоже удивился, когда узнал, что в каюте капитана сидела насмерть перепуганная девица, на которую ребята Ноппера наткнулись едва ли не по чистой случайности. Сам Джеррет на тот момент уже покинул захваченный корабль и находку не видел, вот только старпом утверждал, что девчонка не бельмеса не понимает по-гвойнски, а то, что она им там бормотала, смахивало на эделосский язык.

— Вроде бы, — Пожал плечами Джеррет, — Я приказал им предоставить ей комнату и дать помыться. А потом, когда будет готова, привести ко мне.

— Странно все это, не находишь? Орнсону должно быть не хуже нас известно, к чему приводит женщина на корабле.

— Ведешь к тому, что она может быть важна? — Нахмурился Джеррет, потирая переносицу, — Я тоже об этом думал...

— Ну не шлюха же она, верно? Не думаю, что Орнсон стал бы так рисковать только ради развлечения.

— Я попробую что-нибудь выведать, — Пообещал адмирал, — Когда ее приведут ко мне.

Что могло вынудить девушку отправиться на гвойнском военном корабле, да еще и в одиночестве? Джеррет допускал вариант, что она могла оказаться дворянкой, бегущей от свадьбы — но тогда она наверняка бы знала больше одного языка. Преступница? Тоже

странно — ее не взяли бы на корабль, даже предложи она всему экипажу свое тело.

На Орнсона мог надавить либо король, либо большие деньги, а это значило только одно — девчонка была важна. И Джеррету предстояло узнать, чем.

*

Селин казалось, что ее сердце до сих пор не может успокоиться и бешено гремит в груди. Все вокруг сменилось так быстро, что она не успела моргнуть — вот она сидит на полу в каюте Рауда, повсюду звенят шпаги и сабли, на борту идет бой, и вот уже все стихает, снаружи доносится незнакомая речь, дверь ее убежища выбивают несколько мужчин, среди которых нет ни одного знакомого.

Они повержены. Селин осознала это в тот самый момент, как к ней подошел какой-то человек в синем кирацийском мундире и заговорил с ней на своем непонятном языке.

Его оружие было в ножнах, но легче от этого не становилось. Селин молча подчинялась победителям, пока те выводили ее из каюты и тащили за руку по залитой кровью и заваленной трупами палубе на свой корабль. С ней все еще пытались заговорить, но Селин, не разбирая ни слова, всего лишь качала головой.

Что они сделают, если поймут, что она из Эделосса? Насколько девушке было известно, Кирация испокон веков враждовала с ее королевством, а значит, Селин могли принять за врага и попросту убить.

Странно, что она все еще была жива...

— Куда вы меня ведете? — Осмелилась спросить она, на мгновение зажмурившись от страха.

Моряки вновь затянули что-то на своем языке, пока к ним не подлетел пожилой мужчина с серьезным лицом и седыми волосами. Солдаты что-то бегло сказали ему, не переставая показывать в сторону Селин, после чего старик подошел к девушке, слегка склонив голову к плечу:

— Эде... Эделосс?

Она кивнула. Следом вновь прозвучал вопрос на кирацийском, Селин непонимающе моргнула глазами.

Старик отдал морякам какой-то приказ и исчез. Селин провели по доске на кирацийский корабль, откуда доставили на берег, где их вновь нашел этот пожилой мужчина, на этот раз уже в компании какого-то солдата. Он отпустил моряков заниматься своими делами и повернулся к девушке:

— Иди, — Он махнул рукой в сторону города, что лежал за пристанью, — Еда. Платье. Вода.

Он изобразил какой-то жест, который Селин поняла, как “мытья”. Ничего не ответив, девушка наблюдала за тем, как старик вверяет ее солдату и уходит прочь, что-то громко крича своим подчиненным.

Над головой раздался низкий голос, и Селин, едва не вздрогнув, повернулась к моряку, который, очевидно, должен был ее куда-то проводить.

До этого момента она считала Робина самым высоким мужчиной на свете. Теперь же перед ней предстал тот, кто превосходил огромного камарила не только в росте, но и в ширине плеч, хотя и это когда-то казалось девушке невозможным.

Но при всем этом у моряка было юношеское, почти детское лицо с большими глазами, круглыми щеками и пухлыми губами. Оно совершенно не подходило огромному телу, затянутому в строгий мундир, и низкому раскатистому голосу, чем-то даже напоминающему

голос Робина.

Длинные темно-русые кудри моряка были стянуты в низкий хвост на затылке, на подбородке не было и намека на щетину — Селин вдруг поняла, что если этот парень и был ее старше, то не намного.

Моряк пробормотал что-то еще раз, а потом, видимо, догадался, что девушка не понимает ни слова из его речи.

— At...vin, — Медленно выговорил он, — Atvin.

“Атвин” — мысленно повторила Селин. Так его зовут.

Моряк протянул ей свою огромную руку в знак знакомства, но пожать ее девушка не решилась. Парень замялся и спрятал взгляд, после чего как-то неуклюже развернулся и пошел прочь с пристани.

Рассмотреть город Селин практически не успела — Атвин вел ее так быстро, что ноги девушки занули уже спустя несколько минут. Мимо проносились жилые дома и торговые лавки, люди на лошадях и телегах — на первый взгляд, все точно такое же, как дома, в Эделосее. Вот только Кидесс был почти деревней, а этот город, судя по всему, не обойдешь полностью и за день.

Когда они оказались в огромном доме, Селин испугалась еще сильнее. Она и без того чувствовала себя маленькой, слабой и беспомощной рядом со всеми этими солдатами, а теперь и вовсе растерялась. Этот дом, наверное, был самым роскошным и богатым во всем городе — ничего подобного девушка не видела ни разу в жизни.

Несмотря на то, что повсюду маячили моряки и солдаты, помещение напоминало дворец из сказок, которые ей в детстве рассказывала матушка — дорогие ковры на полу, резные лестницы, кованые канделябры на стенах и множество коридоров, в которых не составит труда запутаться и заблудиться.

Сбежать отсюда не получится. Селин удивилась, что ей в голову вообще пришла эта безрассудная мысль, но все равно задвинула ее подальше. Исходя из того, как кирацийцы вели себя с ней, можно было сделать вывод, что зла ей они не желают, а потому девушка призвала себя к спокойствию и смиренно двинулась за Атвином вверх по лестнице.

Он привел ее в небольшую, но чистую комнатку с узкой кроватью у стены, маленьким столиком и наполненной почти до краев ванной. От воды исходил бледный пар, зовущий поскорее в нее окунуться. Этот подарок Селин приняла бы даже от самого дьявола.

Переступив через порог, она увидела, что на кровати лежит простое неприметное платье, а на столике стоит тарелка с чем-то съестным. Атвин, оставшийся в коридоре, вновь что-то сказал, и девушка с непонимающим видом повернулась к нему.

Последовали какие-то жесты, разобрать которые у Селин так и не вышло. Наверное, этот странный моряк со смущенным выражением лица пытался объяснить ей, что прибежит по первому зову, или ей просто хотелось, чтобы так оно и было. В любом случае, закончив свою пламенную речь, парень оставил Селин в одиночестве, и девушка тут же принялась запираť свою дверь изнутри.

Дверь оказалась крепкая, с неплохим засовом, который ей с трудом, но все же удалось задвинуть, чтобы хоть немного ощутить себя в безопасности. Убедившись, что к ней никто не ворвется, Селин поспешно стянула с себя платье и бросила его на пол, расплела косу и залезла в ванну с горячей водой. Тепло нежно разлилось по ее озябшему телу и позволило наконец-то расслабиться.

Даже дома девушка позволяла себе помыться теплой водой крайне редко — отец

считал, что это пустая трата дров и времени — так что сейчас Селин сочла кирацийский прием поистине королевским.

Чего они от нее хотели? Вряд ли, если бы Селин была пленницей, ей бы предоставили горячую ванну, платье и еду. А если иначе, то девушка ничего не могла предложить своим врагам — шпионки из нее не выйдет, кого бы то ни было еще — тоже.

Сейчас Селин не хотелось думать о страхе — она и так боялась постоянно. Страх сопровождал ее повсюду и уже начинал надоедать. Опустившись под воду с головой, девушка попыталась его отпустить — хотя бы ненадолго — и, как ни странно, у нее получилось.

Она не сразу заметила, что на стене висело зеркало. Дорогое — большое и в красивой раме — такое должно смотреть на принцесс и королев, а не на испуганных крестьянок, которых и симпатичными-то не назовешь. Даже из вежливости.

Девушка со злостью посмотрела на свое отражение. Из зеркала на нее уставилась нескладная тощая девчонка с огромными глазами, маленьким носом, усыпанным едва заметными веснушками, и крохотным ртом с тонкими губами.

Ушастая костлявая уродина — вот кто она! Конечно же, ее никто никогда не полюбит — кому такая нужна!? Ничего, кроме бесполезных хлопающих глаз, огромных ладошек и копны тонких волос непонятного цвета!

Правильно, что Чудовище ее возненавидел. Чем была для такого, как он, новость о женитьбе на подобной страшиле? Приговором. Вот он и возненавидел Селин с первого взгляда.

Отвернувшись от зеркала, девушка обшарила взглядом комнату. Ее замызганное старое платье блеклой кучей валялось на полу. И все. Никаких больше вещей, ничего, что Селин могла бы назвать своим.

Свиток!

От неожиданности девушка вскочила и тут же снова рухнула в воду, выплеснув на пол целую лужу. Свиток, который ей поручили оберегать камарилы! Селин позабыла о нем в самом начале боя.

А значит, он до сих пор лежал в сумке на столе ее разгромленной каюты. Как можно было забыть про то, что тебе надлежало бережно хранить?

Сердце с новой силой тревожно забилось в груди. Нужно было придумать, как вернуться на “Черную змею”. Сбежать отсюда ночью? И что дальше? Вплыв до корабля ей все равно не добраться, да и дорогу до пристани она вряд ли найдет. Попросить о помощи кирацийцев? И как она объяснит врагам, зачем ей нужно вернуться в свою каюту?

Что бы Селин не придумывала, ее собственный разум отвергал этот план уже в следующее мгновение. Единственный, кто и впрямь мог помочь ей — это Рауд, но девушка не знала даже, жив ли он, а если и жив, то вряд ли враги оказали ему такие почести, как ей — бесполезной девчонке.

Она билась головой о стены собственной глупости, не переставая проклинать себя за то, что подвела всех, кого только могла. Из-за этого никчемного свитка был убит ее отец, за ним охотились самые опасные люди Эделосса, а Селин просто взяла и забыла про него! Уму непостижимо!

Упершись лбом в мокрые колени, девушка горько заплакала, чувствуя себя еще более ничтожной, чем обычно.

Где-то через полчаса в ее дверь постучали. Не открывать тем, кто оказал ей такой

теплый прием, было бы глупой идеей, а потому изрядно проплакавшаяся и вставшая в отчаяние Селин медленно встала с узкой кровати и отперла засов.

На пороге оказался Атвин — отчего-то мило улыбающийся и все так же немного смущенный. Опомнившись, Селин смутилась своих распущенных волос, что еще не успели высохнуть и рассыпались по плечам крупными прядями. Она поспешно собрала их в хвост и отступила в сторону, пропуская моряка в комнату.

Но Атвин заходить не спешил. Вместо этого он жестом поманил ее к себе и указал на коридор, видимо, требуя пойти с ним.

Это должно было произойти. Селин не могла вечно сидеть в этой комнате — вот вспомнили и про нее. Мысленно приготовившись к любой участи, девушка шагнула в коридор и покорно двинулась вслед за огромным моряком, ощущая при этом, как сильно трясутся колени. Пытаясь отвлечься от гадких мыслей, она принялась на ходу заплетать мокрые волосы в косу, но это совершенно не помогало.

Для кирацийцев она в любом случае была врагом — хоть как подданная Гвойна, хоть как подданная Эделосса. Плена ей не избежать, так что свиток канул бы в неизвестность при любом развитии событий. Правда, эта мысль все равно ни капельки не успокаивала...

Атвин привел ее к высокой двери на верхнем этаже, сдержанно постучал и принялся ждать ответа. Открыли быстро — моряк жестом показал Селин войти и, закрыв за девушкой дверь, поспешил исчезнуть.

Она оказалась в сдержанно обставленном кабинете с большим окном и огромным столом, на котором лежали какие-то книги, чертежи и карты. За всем этим восседал молодой мужчина, пристально изучающий Селин взглядом.

— Сударыня, насколько мне известно, вы говорите только по-эделосски, верно? — Сказал он.

Так неожиданно было услышать из уст кирацийца такую чистую родную речь. Мужчина разговаривал практически без акцента — разве что слишком быстро произносил окончания слов, но это можно было списать на особую манеру говорить.

Селин кивнула, и ее собеседник зачем-то поднялся со своего места, отступая к окну.

Меньше всего девушка ожидала, что кирацийский командир окажется... таким. Отчего-то в ее голове с детства сложилось мнение, что все военные (а тем более — моряки) должны быть либо такими, как Рауд — грубоватыми, мужественными, крепкими и сильными, либо и вовсе кряжистыми свирепыми стариками с обрюзгшими морщинистыми лицами.

А этот кирациец... во-первых был слишком молод, во-вторых — слишком вежлив. К тому же, он был высок и худощав, отчего напоминал молодое изящное деревце, да и одежда на нем смотрелась совершенно не по-военному. Кирацийские моряки носили строгие синие мундиры с серебряными пуговицами, но почему их капитан (он же был им, верно?) ходил в приталенном черном камзоле?

К морю отсылала разве что шляпа-треуголка, небрежно брошенная на узком диване.

— Присаживайтесь, — Кирациец указал на стул возле своего заваленного картами стола, — И будьте спокойны — вы в безопасности.

Помедлив, Селин с опаской посмотрела на стул, но все же приняла предложение. Она старалась сесть как можно более изящно, расправляя подол неудобного платья, которое, разумеется, оказалось ей велико.

Кирациец все еще стоял возле окна, как будто о чем-то задумавшись. Наконец, он вышел из оцепенения и уселся на прежнее место, прямо напротив Селин:

— Меня зовут Джеррет Флетчер. Вы можете мне доверять, сударыня. Я воюю со многими, но никоим образом не с женщинами.

Флетчер. Именно про него ей говорил Рауд. В этом человеке можно было заподозрить плута или щеголя, но никак не великого воина. Селин и не думала, что внешность бывает так обманчива.

Кирациец вовсе не был красавцем, даже наоборот — его лицо словно было создано настораживать, а не притягивать взгляды. Не было в нем чего-то мужественного, воинственного — того, что было в лице у Рауда, Робина или Чудовища. Флетчер был весь какой-то острый, казалось, от одного взгляда на него можно ненароком порезаться.

Но тут Селин вспомнила, какой уродиной была она сама, и с ужасом предположила, что кирациец сейчас оценивает ее так же нелестно.

— Сударыня, скажите же мне хоть что-нибудь, — Внезапно улыбнулся своими тонкими губами Флетчер.

“Сударыня” — сколько раз он успел назвать ее этим проклятым словом!? Селин не имела бы ничего против этого обращения, если бы изрядно подвыпившие отцовские постояльцы не звали ее так каждый раз, когда хотели...

После этого она всегда уходила и запиралась в своей комнате.

— Прошу, не называйте меня сударыней, — Внезапно выпалила Селин.

— Но как же мне тогда вас называть? — Брови кирацийца, почему-то гораздо более темные, чем рыжие волосы, взмыли вверх, — Вы ведь даже не назвали мне своего имени.

— Селин, — Склонила голову девушка, — Зовите меня Селин.

— И все? Ни титулов, ни званий?

Флетчер смотрел на нее так пристально, что девушке захотелось провалиться сквозь землю. Придется отвечать.

— У меня нет ни титулов, ни званий, сударь.

— Тогда кто же вы?

“Игрушка в руках ордена” — мрачно подумала Селин, искренне не понимая, чего хочет от нее этот человек.

— Что могло вынудить юную девушку, вроде вас, в одиночку сесть на военный корабль другого государства? — Продолжил Флетчер. И без того слегка прищуренные зеленые глаза сощурились еще сильнее.

Они могут начать ее пытаться. Врать, молчать и изворачиваться не было смысла — этот хитрец сразу поймет, что она не честна. А пыток Селин не вынесет.

— Я сделала то, что мне приказали, — Сказала девушка, опустив глаза на свои руки, сжавшиеся на коленях.

— Кто приказал? — Кирациец сцепил свои длинные пальцы в замок и пристально посмотрел на нее.

“Предательница” — мысленно заклеила себя Селин. Какой же никчемной она была — трусливая, жалкая, слабая! От ненависти к самой себе хотелось разрыдаться, но девушка лишь вздохнула:

— Люди из ордена Истинного Лица.

Судя по всему, про свиток тоже придется говорить честно, и будь что будет. В том, что она попала к кирацийцам в плен, ее вины не было, а все остальное — стечение обстоятельств.

— В чем заключался их приказ?

— Я должна была сопровождать один... свиток на корабле гвойнцев. Мне не сказали, что корабль военный, я узнала об этом уже тогда, когда мы подплывали к этому городу. Прощу, я ни в чем не виновата..!

Селин не ожидала, что из нее вырвется так много слов, да еще и с какими-то истерическими восклицаниями. Она отчеканила их так быстро, что и сама не заметила, как резко замолчала, подавшись вперед.

— Я совершенно ни в чем вас не обвиняю, — Лукавое выражение исчезло с лица Флетчера, — Но... что за свиток вы сопровождали? Он все еще у вас?

— Нет. Но я смогу его найти, если вернусь на “Черную змею”.

Вот она и выложила ему все. Селин практически видела, как лица камариллов и Рауда наливаются ненавистью после такого предательства.

Но девушка не могла поступить иначе. Должно быть, во время того взрыва в ней что-то переменялось. Только сейчас Селин поняла, что именно.

Побывав на самом пороге смерти, она осознала, что по-настоящему хочет жить, и отдаст за эту возможность все, что у нее есть. Раз у нее не было денег и вещей, в ход пойдет информация.

— Вы оставили его на корабле?

— Как только начался бой, я совершенно про него забыла. Один человек... отвел меня в капитанскую каюту, чтобы... Кажется, ему было известно про взрыв. А свиток остался в моей комнате. На столе.

Флетчер шумно вздохнул и расцепил пальцы:

— Должен вас огорчить. Мои люди обыскали весь корабль. Никакого свитка они не обнаружили.

Сердце Селин ухнуло вниз. Бесконечно долгую секунду она не могла поверить в то, что это правда.

— Но куда он мог подеваться? — Внезапно спросила она.

— Куда угодно, — Кирациец пожал излишне худыми для моряка плечами, — Его мог украсть кто-то из экипажа, он мог сгореть в результате взрыва или просто-напросто упасть в воду и утонуть. Сейчас для нас гораздо важнее то, что было в этом свитке... О чем в нем говорилось?

— Я не знаю, — Испуганно заверила Селин, — Никто не знает.

Флетчер непонимающе приподнял бровь:

— Как?

Селин вспомнила свой первый день на корабле, когда она набралась смелости и решила развернуть артефакт, из-за которого погиб ее отец. Она думала, в свитке содержалось что-то важное, но судьба, видимо, решила подшутить над ней.

— Там старинные письма. Какие-то черточки, словно царапины. И все.

— Но в чем тогда его ценность? Для чего его нужно было переправлять в Гвойн, да еще и с сопровождением?

— Этого я не знаю, — Потупила взгляд Селин, — Я больше ничего не знаю.

— Почему выбор пал именно на вас? — Не унимался кирациец.

Что будет, если он узнает всю правду? Селин могла сказать о своей помолвке с камариллом, но предугадать реакцию кирацийца на это было невозможно. Камариллы воспитывались орденом лишь с одной целью — убивать ветувьяров, которые в Кирации, в свою очередь, считались едва ли не богами. Флетчер мог воспринять девушку, связанную со

священными убийцами, как ожившего демона, а потому — без раздумий убить.

И все же он создавал впечатление благоразумного человека, способного войти в положение, а потому Селин решила довериться ему и рассказать все:

— Мой отец задолжал ордену, и в уплату долга меня обручили с одним из камариллов. Дальше случилось что-то вроде раскола, в результате которого началась охота за этим самым свитком. Мой жених отдал мне свиток и посадил меня на корабль.

По мере того, как она рассказывала, Флетчер задумчиво склонял голову набок, начиная все больше походить на какого-то плута или мошенника.

— Это все, — После недолгой паузы подытожила Селин, приготовившись к любой реакции.

Флетчер был спокоен. Задумчив, но совершенно спокоен. Отстучав пальцами какой-то ритм, он посмотрел на девушку:

— Я мог бы отпустить вас, но будет ли это... целесообразно при сложившихся обстоятельствах? Свиток утерян, а на основе вашего рассказа я могу сделать вывод, что он имеет определенную ценность для членов ордена, в то время как вы находитесь там на правах... залога?

— Вы...в-вы убьете меня!? — Не поняв практически ни слова из длинной речи Флетчера, с ужасом спросила Селин.

— С чего вы это взяли? — Удивился кирациец, — Я хотел предложить вам защиту.

— Но... почему? — Встрепенулась девушка.

Откинувшись на спинку своего кресла, Флетчер довольно улыбнулся:

— Вы оказали мне огромную услугу. Даже две. А я не привык оставаться в долгу.

— Но... какую услугу?

— Я не хотел бы вас опечалить, но сейчас вы выступили в роли хорошего шпиона — я не знал ничего о расколе ордена Истинного Лица и тем более — о свитке, который вы, к счастью для меня, забыли на корабле, откуда он бесследно исчез. Если этот документ действительно важен для ордена, то меня тем более радует, что он не попадет в руки камариллов или церковников, тем самым спутав им карты. В Гвойне свиток тоже не увидят, а значит, орден может с ним распрощаться.

Селин чувствовала себя пустоголовой дурой. Она совершенно не понимала всех этих политических игр, о которых так вдохновенно рассуждал кирациец.

— Для вас же данная ситуация не столь радужна, — Флетчер вновь заглянул ей в глаза, и девушка поспешила отвести взгляд, — Вы помогли не Эделоссу, а Кирации. Скорее всего, орден примет решение казнить вас за подобное преступление, я же предлагаю вам свою защиту. Я ни к чему вас не принуждаю и даже могу дать время на раздумье...

— Не нужно, — Откликнулась Селин, — Для меня больше нет пути туда. Я предала их! Всех!

— Для того, чтобы предать, нужно быть верным кому-то, — Флетчер разгладил помятый край карты, — Вы были?

Селин никогда так много не говорила незнакомому человеку — что ей теперь стоило сказать еще одно слово? Но оно срываться с губ настырно не желало — наверное, из стыда. Девушка боялась, что вложит в это “нет” всю свою ненависть, которую копила годами сначала к отцу, а потом — к Чудовищу.

Она молчала, но вопрос кирацийца не собирался выходить из головы.

Глава 13. Кирация. Анкален. Талаар

Галор Реннес за последние годы заметно располнел, но все равно остался приятным на вид человеком. Эйдена он узнал с самого порога и встретил его непривычно теплыми для своей профессии объятиями.

Глава банковской гильдии отнюдь не производил впечатление скупого, прижимистого сухаря, даже наоборот — он так и лучился щедростью и радушием, хотя возможно это было всего лишь маской, за которой скрывался обыкновенный хитрец и мошенник.

Эйден уже понял, что никому и ничему не стоит доверять просто так. Чем глубже он копал, тем сильнее упирался в непробиваемый камень. Никаких товаров из Зиекона он так и не обнаружил, хоть и обшарил все окрестные порты, лично провел несколько пыток и допросов с пристрастием. Либо его пустили по ложному следу, либо кто-то предупредил Лукеллеса о том, что Эйдену известно про торговлю с империей.

Он все еще хотел доверять Калисте. Ветувьяр Реморы не могла их предать, не могла поступить так подло. Но стоило всего лишь вспомнить, как в свое время поступили с ней, и все становилось на свои места. Женщина, тем более такая, как она, могла мстить еще более изощренно.

Да еще и эта новость, что свалилась на него сегодняшним утром, как снег на голову. Капитаны городской гвардии докладывали, что пережившая покушение девица Мерелинда Вивер, ветувьяр покойной Ингерды, бесследно исчезла — никто из слуг не мог сказать, куда она подевалась. Не хватало еще покушения на последнего возможного свидетеля!

Эйден совершенно не знал, что делать, если эта пустоголовая кукла не объявится. Ее дом был полон охраны, что за чертовщина!?

А ведь еще эта чертова голова, которая не переставала болеть ни на минуту...

— Какими судьбами? — Широко улыбнулся Галор, — Признаюсь, я не ожидал такого визита...

— Вам ведь все уже сообщили, — Не позволил держать себя за дурака Эйден.

— А вы изменились, граф, — Идущий впереди банкир обернулся, — Стали серьезней.

— Вы тоже изменились, — Пробормотал себе под нос Эйден и тут же осекся: не стоило начинать столь важную беседу с оскорбления.

Банковская гильдия была не такой большой, как торговая, но зато смело могла утереть ей нос в плане интерьера. У Галора, в отличие от Лукеллеса, был вкус. Коридоры, лестницы и приемные были выдержаны в одном стиле, чем-то напоминающем подражание южным герцогствам — витиеватые орнаменты, плиточные полы, колонны из бежевого мрамора. Минимум броского золота и навязчивой помпезности — все просто, лаконично, без излишеств.

Они в молчании поднялись наверх по парадной лестнице, застеленной блекло-оранжевым ковром. Многочисленные охранники не обращали никакого внимания на вооруженного, пусть и одетого по-светски, Эйдена — видимо, их тоже предупредили о визите столичного коменданта.

Коридор наконец закончился, и они оказались в просторном светлом кабинете с обитой темным бархатом мебелью и светло-бежевыми стенами, на которых красовались картины в резных деревянных рамах — от пейзажей до портрета самого Галора Реннеса, на котором художник еще сильнее приукрасил его и без того слишком смазливое лицо.

— Картины, — Усаживаясь в свое кресло, указал банкир, — большая редкость у нас в Кирации, и очень зря. Смотрится намного выигрышнее привычных гобеленов, не находите?

Здесь Эйден не мог не согласиться — гобелены устарели лет сто назад, а рисунки на них казались детскими каракулями по сравнению с изображениями на картинах.

— Вот только художников у нас днем с огнем не сыщешь, — Продолжил Галор, — Для этого портрета я нанимал парня из Хидьяса.

Эйден еще раз взглянул на портрет. Работал действительно настоящий мастер своего дела — не узнать главу гильдии на полотне было просто невозможно — разве что в реальной жизни у банкира рожа была несколько полнее, но это уже мелочи.

— Хидьяс только и славится, что художниками да наемниками! — Ухмыльнулся Эйден.

— Ну не скажите, граф. Алькантур — слишком красивый город, чтобы считать его столицей такого ограниченного народа, как вы изволили выразиться...

— Я пришел говорить не об этом, господин Реннес, — Эйден поудобнее устроился в кресле и сложил руки на коленях.

— Это мне предельно ясно, — Кивнул светловолосой, все еще без намека на седину, головой банкир, — Чего же вы хотели?

— Насколько мне известно, — Приступил к делу Эйден, — Гильдии сотрудничают друг с другом достаточно тесно.

— Смотря какие гильдии... — Ухмыльнулся Галор.

— Я ни за что не поверю, что банковская гильдия не имеет никаких дел с торговой. При всей вашей неприязни к...

— Господину Лукеллесу? — Перебил банкир, — Не стану отрицать, что этот господин мне не нравится — прошло столько лет с тех пор, как он породнился с королевской семьей, а мешанские корни все еще крепко держат его за горло. Это как минимум... вульгарно. Но сотрудничать с ним мне приходится, а как иначе?

Станет ли этот денежный мешок покрывать своего врага? Выбор Эйдена пал на Галора не столько из-за того, что он мог сравниться с торгашом по богатству, а по большей части из-за их неприязни друг к другу, о которой знало все высшее общество Кирации.

— Есть подозрение, что Лукеллес ведет запрещенную торговлю, — Объявил Эйден.

— Он действительно может заиграться, — Вздохнул Галор, — Но я не верю, что он способен на такое. Даже не из благоразумия. Шерод не пойдет на это из трусости. Предательство обернется для него виселицей, и он знает об этом не хуже меня.

“Такую тушу повесишь, конечно!” — некстати подумал Эйден, рассуждая над словами и поведением банкира. Врет? Прикрывает подельника?

— Поймите, граф, — Продолжил Галор, — Вам, как дворянину, никогда не понять нас, людей из другого сословия. Нам есть что терять. И мы этого боимся. Как вы думаете, что хочет доказать Лукеллес, выставляя напоказ свою помпезную роскошь и богатство? Что он такой же, как вы. Или как ветувьяры. Я готов побиться об заклад, что он хочет не только денег, но и власти. Хочет, но знает, насколько это рискованно. Одна ошибка отнимет у него все. Поэтому он не будет действовать так нагло и открыто.

— Он и не действует, — Возразил Эйден, — Он прячется, как крыса, пугаясь каждого шороха.

— Возможно, этот человек действительно в чем-то замешан. Но не думаю, что его интриги тянутся в другие королевства. Искать нужно здесь, в Кирации, и искать тщательно. Не мне вам говорить, что власть ветувьяров ослабла.

“Власть ветувьяров ослабла” — впервые эти слова зазвучали двадцать лет назад, когда камарилам удалось добраться до короля Кирации. Тогда даже те, кто совсем недавно боготворил правителей королевства, зашептались о том, что Кирации нужны перемены. Эйден допускал возможность, что эти шепотки не могут затихнуть до сих пор, но не ожидал, что услышит их из уст тех, кому ветувьяры оказали огромную честь.

— А как же орден? — Вспомнил Эйден.

— Орден уже давно ослабил хватку. Сколько лет Геллиус не покидает свой остров? Быть может, и его вера не так сильна, как думает король?

Нет, все это какой-то бред. У Эйдена начинало складываться впечатление, что Галор хочет его напугать. Как назло, голова загудела еще сильнее, терпеть стало совсем невмоготу, и пальцы сами собой потянулись к виску.

— Признаться, ваша верность короне поражает меня, — Развел руками банкир, — Но боюсь, что она полностью застилает вам взор на реальную действительность.

— Реальную действительность? — Горько усмехнулся Эйден, сражаясь с болью, — И чем же она плоха для вас? Пока король Тейвон обеими руками хватается за те крохи мира, которые остаются в Оствэйке, а адмирал Флетчер защищает ее от стервятников, которые лезут со всех сторон..! И все это для того, чтобы люди вроде вас жили мирно и безбедно. Разве король Тейвон слаб?

— Я этого не говорил, — Спокойно изрек Галор, — Я лишь озвучил то, что очевидно для всех. От ветувьярского сословия Кирации почти ничего не осталось. Королевству нужны новые люди, пусть и... обычные.

— Мещане, верно? — Хмыкнул Эйден.

— Почему же сразу мещане? Какими бы богатствами мы не владели, в нас нет должного размаха, а может, и смелости, присущей правителям. Почему же вы так легко пропустили дворян? Более поздних родов, вроде вас, граф. Ваш дом ведь, насколько мне известно, никогда не имел ни капли ветувьярской крови?

Эйден покачал головой, то ли отвечая на вопрос Галора, то ли пытаясь хоть немного утихомирить боль, что разбушевалась сильнее, чем обычно.

В голову внезапно полезло все и сразу. Начиная всеми этими мещанами (будь они прокляты!), о которых говорил банкир, и заканчивая бешеными глазами сумасшедшего монаха, прозвавшего его “меткой”. За несколько дней на него свалилось столько всего, что это не разгребешь и за год!

Лукеллес прятался, как крыса, Галор явно страдал революционными идеями, Калиста могла просто-напросто пустить его по ложному следу, Ферингрей мог наплевать на свою верность и вспомнить про вражду в любой момент, да еще и эта пустоголовая девица Мерелинда исчезла!

— Граф Интлер? — Позвал голос банкира, о котором Эйден едва не забыл, — С вами все в порядке?

В глазах резко потемнело, а потому Эйдена хватило только на то, чтобы кивнуть.

— Позвольте вопрос, а то я запамятовал...

Кратковременное помутнение отступило, и перед глазами вновь стоял кабинет и холеная рожа главы банковской гильдии, излучающая какое-то странное любопытство.

— Спрашивайте, — Взмахнул рукой Эйден.

— Сколько вам лет, граф?

— Не понимаю, почему для вас это важно, — Пожал плечами Эйден, — Тридцать

шесть.

— Не считите за грубость, — Галор аккуратно поправил изящную манжету на рукаве, — Но вы не очень хорошо выглядите, Эйден. На вашем месте я бы пристальнее следил за здоровьем.

Вот ведь гад! Что ж, теперь Эйден хотя бы будет знать, что со стороны его приступы тоже заметны.

— Мой вам совет — наймите хорошего лекаря. Негоже мужчине в расцвете лет так болезненно выглядеть.

Продолжения этого разговора он не выдержит. Голова чуть прояснилась, но Эйден все еще опасался рухнуть в обморок прямо здесь, а потому осторожно поднялся на ноги и строго посмотрел на Галора.

— Приму к сведению, — Сухо ответил он, — Спасибо за разговор, господин Реннес.

— Всегда пожалуйста, граф, — Вежливо ответили ему в спину.

Перед глазами снова потемнело, Эйдену показалось, что его череп внезапно сжался до размера детского кулачка и просто не мог вместить столько мыслей, сколько было сейчас у него в голове. А ведь все накладывалось друг на друга — все эти убийства, заговоры, странное поведение наемника и монаха, это чертово слово “метка”, исчезновение Мерелинды, письмо Калисты и мятежные слова Реннеса.

Чувствуя, что он вот-вот потеряет сознание, Эйден прикрыл глаза и нервно вздохнул. Может, нужно действительно поискать лекаря? Если так будет продолжаться и дальше, он попросту не дотянет до возвращения Гейвона или Реморы...

Дверь почти бесшумно захлопнулась за его спиной, и воздух в коридоре, к счастью, оказался чуть прохладнее и свежее — можно перевести дух. Эйден замер всего на мгновение, а потом быстро зашагал прочь.

И снова он ушел ни с чем.

*

Видимо, катакомбы в Талааре копали для того, чтобы иметь тюрьму размером с целый подземный город. Обычно Рауд хорошо запоминал дорогу, но здесь, в темноте, следуя за солдатом с чадящим факелом, он едва разбирал заплесневевшие каменные стены и ржавые решетки. Повороты и лестницы сменяли друг друга с какой-то невероятной скоростью, и вскоре Рауд окончательно оставил попытки разобраться в хитросплетении этих коридоров.

Его заперли в тесной камере с соломенным тюфяком на полу, не оставив даже факела, и бросили в гулкой тишине, изредка нарушаемой лишь звоном капель, падающих с потолка.

Мрачно усмехнувшись самому себе, Рауд плюхнулся на тюфяк и вслушался в поглотившую его тишину. Он должен был остаться в полном одиночестве. От Флетчера можно ожидать чего угодно — этот может и шпионов к нему приставить, хоть и непонятно, зачем.

Рауд ощущал себя раздавленным и уничтоженным, как поломанная детская кукла — от его корабля остались жалкие обломки, от экипажа — и того меньше, а он сам оказался в плену у главного мерзавца Оствэйка, заполучив при этом лишь пару царапин.

Флетчер действительно оказался таким, каким его представляла многочисленная молва, а Рауд проявил себя с худшей стороны — как самонадеянный придурок с огромным самомнением и непробиваемой тупостью.

И все же он чувствовал, как то опустошение и отчаяние, что навалилось на него во время боя, постепенно отступает. На его место приходила злость и жажда отомстить,

доказать, а главное — превзойти Флетчера, обмануть его.

Вот только отсюда, из талаарских катакомб с сырыми стенами, это казалось невозможным. Что ж, по крайней мере, у Рауда было время на то, чтобы что-то придумать.

Убедившись, что вокруг действительно нет ни души, он вытащил из-за пазухи злополучный свиток, о котором, кажется, забыли все, включая девчонку, что была обязана его хранить.

Думать о Селин тоже не хотелось — перед мысленным взором сразу же появлялось ее лицо с огромными широко распахнутыми глазенками и дрожащими губешками. Угробил и ее — совсем невинную и наивную.

Отбросив эти мысли, Рауд развернул свиток и уставился на бесполезные, расположенные аккуратными рядами черточки. В чем заключалась ценность этой дряни, наверное, было известно одному лишь Нэриусу и приближенным к нему церковникам, но раз за свитком велась охота, значит, бросать его на произвол судьбы явно не стоило.

Рауд до сих пор ощущал себя ничемным, но свиток, который он держал в руках, все-таки прибавлял уверенности. Флетчер не станет его убивать, а среди солдат обязательно сыщутся олухи, от которых капитан с легкостью сможет улизнуть. А дальше... дальше он точно не пропадет.

Аккуратно свернув почти драгоценный свиток, Рауд сунул его за пазуху и поплотнее запахнул порванный на рукаве камзол. Он всегда неплохо переносил холод, но здешняя сырость доконает кого угодно, даже северянина.

Не прошло и пяти минут, как в глубине коридоров раздались какие-то звуки, а потом и едва слышные голоса. Рауд напрягся и чуть было не выхватил кинжал из голенища, запоздало вспомнив, что оружия ему не оставили.

Быть может, сам Флетчер ни с того ни с сего пожаловал? Усмехнувшись от предвкушения беседы с этой мразью, Рауд прислушался и с удивлением осознал, что говорили не на кирацийском. И даже не на эделосском.

Этот язык был ему неизвестен.

Шаги становились все ближе, голоса — все громче. Что же это за гости такие, что не боятся быть замеченными?

В катакомбах было темно, как ночью, но по мере приближения загадочных иностранцев по коридору, мерцающий, как от факела, свет подкрадывался все ближе.

Рауд принялся считать по голосам — по коридору шли по меньшей мере пять человек. Неразборчивая тарабарщина наконец стала принимать хоть какую-то более-менее внятную форму, и тогда до капитана дошло...

Хидьяс!

Странный южный язык невозможно было спутать ни с чем, и хоть Рауд слышал его в своей жизни всего несколько раз, он был уверен, что в катакомбы пожаловали знаменитые на весь континент наемники из далекого герцогства. Вот только откуда им взяться здесь, в Талааре?

Фигуры в темных плащах и с закрытыми платками лицами наконец добрались до камеры Рауда. Капитан почти угадал — наемников оказалось шестеро, один из них держал в руке факел, остальные — оружие. Три сабли, два арбалета.

Рауд вскочил на ноги, приготовившись к любому повороту событий. Хотя — что он мог сделать? Безоружный, уставший, сидящий за решеткой. Он мог только стоять и смотреть на вооруженных южан, удивляясь собственной беззащитности.

— Кто вы такие? — Спросил он на кирацийском.

Убрав саблю в ножны, один из наемников запустил руку в карман своего плаща и вытащил на свет увесистую связку ключей. Рауд с недоумением уставился на них — видимо, с охранниками уже было покончено.

— Нье прыкидывайса, ты нье из Кырациа, — На ломаном гвойне выговорил наемник, открывая решетку погнутым ключом.

— Кто. Вы. Такие? — Попятившись к стене, повторил Рауд уже на родном языке.

— А расве эта важна? — Наемник дернул за ржавый прут решетки, и дверь с истошным скрипом открылась.

Обнажив саблю, он шагнул в камеру, и Рауд почувствовал, как подзабытый с давней юности страх затрепетал где-то в груди.

Дальше случилось что-то невероятное — капитан запомнил лишь взмах оружия, отражение пламени на лезвии и резкий звук, рассекающий воздух. Рауд отскочил к стене, увернувшись от верной смерти, и вцепился пальцами в сырую каменную кладку.

— Чего вы от меня хотите? — Сквозь стиснутые зубы прошипел он, уставившись в удивленные черные глаза наемника. Остальное его лицо было скрыто под полосой темной ткани, но Рауд не сомневался, что южанин обескуражен внезапным сопротивлением своей жертвы.

— Нье сопратывляйса. Ты фсе равно будэшь мертв, — Наемник приблизился еще на шаг. Рауду не оставалось ничего, кроме как окончательно вжаться в каменную стену, провонявшую плесенью.

Что могло их привести сюда? На кой черт шестерым наемникам из далекого герцогства понадобилось тащиться в такое захолустье и обыскивать заброшенную тюрьму захудалого портового городишки?

Им нужно что-то очень ценное. И если у Рауда была хоть капля мозгов, то он мог догадаться, что во всем Талааре ценной можно было назвать только одну вещь.

— Вы ищете... это? — Рука молниеносно скользнула за пазуху и вытащила оттуда чертов свиток. Черные глаза наемника тотчас впились в бумагу, сабля на мгновение дрогнула, но тут же вернулась на прежнее место, угрожая пропороть Рауду кожу на горле в любой момент.

— Не убивайте меня, — Сам не понимая, что он творит, выпалил капитан, — Забирайте свиток. Возьмите меня с собой!

“А я уж найду способ, как от вас улизнуть”.

Видимо, приняв это за проявление редкостной трусости, орава наемников рассмеялась — негромко, но все же явно, и тем более достаточно для того, чтобы уязвить больное самолюбие Рауда.

— Я безоружен, — Прошипел он, — Хотите убить меня — сделайте это в честном бою!

Наемник буквально вырвал свиток из его руки, смяв грубыми пальцами древний пергамент.

— Callacas, — Обратился к наемнику его собрат, один из тех, что стоял с арбалетом. Лицо его так же было скрыто под платком, а потому отличить его от остальных можно было только по росту — этот был чуть выше.

Обратив на себя внимание, высокий скользнул в камеру и забрал свиток. С умным видом развернув его, наемник, очевидно, столкнулся с той же проблемой, что и Рауд несколько минут назад — древние царапины на пергаменте ни о чем ему не говорили.

— Latta renggo pas! — Пылко заявил ему товарищ, придвинув лезвие сабли еще ближе к горлу Рауда.

— Callacas, Tanio! — Высокий аккуратно свернул свиток в тонкую трубку и спрятал к себе в рукав. Взгляд его внезапно переметнулся к Рауду, — Вы ведь капитан Орнсон?

Акцент его звучал гораздо мягче, а слова выходили четче и разборчивей. Видимо, высокий знает кирацийский давно и почти в совершенстве.

Но вот откуда ему известно имя Рауда, оставалось загадкой.

— А раз так, это что-то меняет? — Собрав последние крохи храбрости, вздернул подбородок Рауд.

— Думаю, нье для фсех, — Высокий снисходительно оглянулся на четверых наемников позади, и Рауд понял, что он среди них главный, — Но для фас — точно.

Он что-то еще раз сказал наемнику с саблей, после чего тот с плохо скрываемой досадой опустил оружие, и лезвия сменились для Рауда веревками.

Один из южан связал его руки за спиной и буквально вытолкал из камеры, не переставая что-то властно объявлять на своем бестолковом языке. Они осторожно миновали несколько камер и вышли к лестнице, украшенной "оставленными на память" трупами нескольких охранников. Смерть в виде перерезанных глоток пришла к ним быстро, но Рауду это не слишком-то понравилось — не хватало, чтобы он оказался на том свете таким же способом...

К тому моменту, как Рауд покинул сырое подземелье в компании шестерых наемников, на Талаар уже опустилась глубокая ночь. Наемники спрятали своих коней в ближайшем переулке, не особо опасаясь быть замеченными — они вообще казались излишне самоуверенными, но это вселило в капитана кое-какую надежду.

Ему нужно было всего лишь немного времени, и пока что Рауд решил позволить себе эту роскошь.

*

Джеррет осознавал, что спит, но эта мысль довольно часто ускользала от него в самый нужный момент — видимо, один только факт присутствия отца сбивал его с толку, что уж тут говорить о способности трезво оценивать ситуацию?

Он шел по залу, знакомому и незнакомому одновременно. У человеческой памяти есть дурная привычка напрочь стирать все то, что оказалось в ее распоряжении много лет назад. Именно поэтому Джеррет не сразу узнал тронный зал родного дворца, который за двадцать лет успели обновить несколько раз.

Во сне же зал остался прежним — таким, каким он был при отце — с огромными факелами на стенах, большим гобеленом с изображением королевского герба позади трона, рыцарскими латами по обеим сторонам и коричневым зиеконским ковром на полу.

Отец стоял у одного из доспехов, словно и не подозревая, что в зале помимо него еще кто-то был. Джеррет сделал несмелый шаг вперед, но потом все-таки решился и осторожно окликнул:

— Отец?

Похоже, он ждал его. Покойный король Кирации развернулся и с требовательным молчанием уставился на сына.

Джеррет помнил своего отца разным, но сейчас он предстал перед ним в том виде, каким адмирал увидел его в последний раз — исхудавшим, испуганным, сломленным, в кипельно-белом мундире с синими пуговицами под цвет глаз. Этот человек пытался

удержать королевство, которое рассыпалось у него на глазах, и Джеррет до сих пор не знал, как ему это удавалось.

— Не ожидал? — Склонил голову король Кирации. Белые волосы упали ему на лицо, и он тотчас заправил непослушную длинную прядь за ухо.

— Честно? Не ожидал, — Не до конца поняв, что имеет в виду отец, ответил Джеррет, — Но я все равно рад тебя видеть.

— Разговор предстоит важный, — Без тени улыбки сообщил отец.

— Тогда почему я, а не Тейвон?

— Потому что ты, в отличие от него, есть здесь и сейчас, — Нахмутив брови, король шагнул к сыну и ткнул пальцем ему в грудь, — А ждать нам некогда.

— Чего ждать?

— Того, что творится прямо у вас под носом, — Жестко ответил отец, — Или ты до сих пор не заметил?

— Что я должен был заметить? Отец, скажи прямо!

Король отступил от доспеха и шагнул в сторону, заведя руки за спину и глядя при этом куда-то в пустоту. Он делал так всегда, когда глубоко задумывался, и обычно просил, чтобы ему не мешали. Но сейчас Джеррет хотел знать ответы. Он понимал, что отец хочет сказать что-то важное.

Не успел адмирал поторопить его, как король продолжил сам:

— Я — не твой отец. Я лишь твое видение. Образ, который ты внушил себе сам, чтобы осознать ту мысль, которая гложет тебя уже давно. Может, произнесешь ее вместо меня?

Сказав это, он отвернулся.

— Чего ты хочешь? — Недоуменно прошептал Джеррет, — Для чего ты явился?

Король повернулся к нему и за пару шагов преодолел все то расстояние, что их разделяло. По бледному худому лицу проползло выражение полной беспомощности, но отец неотрывно смотрел адмиралу в глаза:

— Мы теряем королевство, Джеррет. Шпионы и заговоры везде, а вы с Реморой бросили столицу.

— В Анкалене Эйден.

— И ты ему доверяешь? — Поморщился король.

— Да, — Незамедлительно отозвался Джеррет.

— Как самому себе?

— Эйден справится со всем. Он умен и честен. А еще предан нам.

— Но он один, — Парировал отец, — Один человек не может сражаться с волками и со львами одновременно.

— С него хватит волков, — Отмахнулся Джеррет, — Со львами сражаюсь я.

— Не льсти себе, адмирал, — С каким-то пренебрежением бросил король, — Ты гоняешь ворон на краю мира. Настоящая война разворачивается не здесь.

Джеррет постарался припомнить, что ему рассказал Престон о том, что произошло, пока вместо него топтал землю Тейвон — об убийстве ветувьяра, о сумасшедшем наемнике — и сложить это с тем, что он узнал сам — о предательстве Лукеллеса, о загадочном свитке и расколе ордена камариллов. Все это действительно могло быть звеньями одной цепи и ничем хорошим не пахло, так что отрицать хотя бы частичную правоту отца было бы глупо.

— Я отправлюсь в Анкален, как только закончу с делами здесь, — Пообещал Джеррет, — А там... пусть Тейвон решает.

— Времени меньше, чем ты думаешь, — Добавил отец, — В отсутствие короля в столице развелось много крыс.

— Мы бы потеряли Талаар, — Попытался оправдаться Джеррет, — Неужели это было бы лучшим вариантом?

— Решай сам, — Пожал плечами король, — Я лишь пытаюсь донести до тебя, что ты совершил ошибку, оставив столицу без должной власти. Грядет что-то опасное...

— Время Реморы вышло. А Калиста... ты и так знаешь.

Он понимал, что ищет оправдания, причем, перед образом отца в собственной голове. И все же сейчас Джеррет многое бы отдал, чтобы услышать совет короля — того самого, лицом которого так нагло воспользовалось его сознание, создавая этот сон.

Адмиралу всегда говорили, что он совершенно не похож на отца, и с этим никак нельзя было поспорить, ведь родной кровью и наследником Эрвина Кастиллона был Тейвон, а не его ветувьяр. Это он пошел в отца и внешностью, и характером, а Джеррету лишь оставалось радоваться, что никто не находил в нем ничего общего с ветувьяром Эрвина — Лигасом, прослывшим в народе тупоголовым рубакой.

— Тейвон сделает то, что сделал бы ты, — С тяжелым сердцем заметил Джеррет, — Он — король, а я всего лишь клинок в его руке...

Настоящий отец, может, подошел бы к нему, успокаивающе похлопал по плечу и сказал что-нибудь ободряющее, но этот не сдвинулся с места.

— Так выпусти его в этот мир, — Только и сказал он, — Не занимай чужое место.

Глава 14. Кирация. Анкален. Талаар

Человека, которым стал Эйден Интлер, легко было ненавидеть — немощный, ничтожный, неспособный даже подняться с постели и делать то, что ему надлежало... Именно поэтому он и возненавидел сам себя, в особенности сильно с того момента, как ему удалось упасть с коня посреди бела дня, на глазах у своих солдат и треклятых зевак, разнесших весть о падении графа Интлера по всей столице за несколько часов.

С тех пор прошла неделя, но Эйден до сих пор с ужасом представлял, что будет, если его угораздит рухнуть в обморок в самый неподходящий момент. При этой мысли его неизменно бросало в пот, но пухлый пожилой лекарь с уверенностью заявлял, что такого происшествия не повторится, если больной будет беспрекословно следовать всем его указаниям. А указания были одно невыполнимей другого — спать не менее семи часов в день, не утруждать голову и тело, а главное — принимать его отвратительные снадобья, по вкусу похожие на раствор ушной серы в чьей-то блевотине.

На седьмой день Эйден решил, что больше не выдержит собственной немощи и бессилия, а потому осмелился наконец встать с постели и высунуть нос из фамильного особняка на окраине Анкалена. Он привел себя в порядок, побрился, надел один из лучших своих камзолов, взял шпагу и выскользнул во двор узким коридором для слуг, опасаясь ненароком наткнуться на излишне заботливую сестренку, которая с невероятным тщанием следила за тем, чтобы Эйден выполнял все наставления лекаря. Она даже не пускала к нему капитанов и их адъютантов с отчетами, что заставляло Эйдена нервничать сильнее всего.

На заднем дворе его уже ждал капитан городской стражи Тилас Карот, чем-то откровенно напоминающий коренастую бойцовскую собаку с кривыми ногами и приплюснутой квадратной мордой.

— Докладывай, — Бросил на ходу Эйден, вдыхая полной грудью свежий утренний воздух.

На утопанной конскими копытами земляной площадке уже стояла запряженная карета, и Эйден нехотя двинулся к ней, чувствуя, как отступившая на пару минут головная боль вновь возвращается на место.

— Ситуация в городе спокойная, но на подступах к Анкалену были замечены некие отряды...

Эйден дернулся и резко обернулся:

— Отряды!?

— Я отправил разведчиков вчера вечером, господин комендант.

— И они еще не вернулись? — С подозрением сощурился Эйден.

— Нет, — Растерянно вымолвил Карот.

— И не вернуться! — Рывкнул Эйден, взывая самого себя к спокойствию, — Ты отправил их на смерть, а сам сидишь и ждешь у моря погоды!? А если это мятежники? Ополчение? Об этом ты не подумал!?

— Господин комендант, не мог же я...

Эйден был готов провалиться сквозь землю от ненависти к самому себе. Это он виноват. И в смертях разведчиков, и во всем том, что произойдет дальше, когда загадочные солдаты доберутся до столицы.

Он не имел права сдать город. На данный момент в Анкалене не было никого выше

него, а потому Эйден был наделен властью отдать любой приказ:

— Закрывать все ворота, проверить пушки, — Оборвал капитана он, слыша свой голос словно откуда-то издалека, — Быть готовыми оборонять город в любую минуту. Весь столичный гарнизон, включая королевскую гвардию, направить на стены, впрочем... Ферингрею я сам прикажу.

Карот уставился на него совершенно пустым взглядом, из-за чего Эйдену захотелось дать ему пинка для скорости.

— Выполнять! — Вместо этого рявкнул он, и капитан наконец вышел из оцепенения.

А Эйдена ждал его экипаж и одна из самых бестолковых поездок в его жизни. С самого детства он считал кареты транспортом женщин и инвалидов, но теперь и сам стал таковым, из-за чего вынужден был трястись в этом ящике, а не ехать верхом, как любой уважающий себя мужчина.

Забравшись внутрь, Эйден опустил на обитое бархатом сиденье и обессиленно откинул голову назад, прислонившись затылком к лакированному дереву. Казалось, вся кровь его тела внезапно прилила к мозгам и билась о стенки черепа, мешая думать.

Карета тихонько тронулась, копыта лошадей застучали сначала по земле, а потом, когда они выехали с территории заднего двора — по брусчатке. Эйдена раздражала медлительность, с которой экипаж двигался по улице, но поездки верхом он опасался по понятным причинам: одно дело — упасть на глазах у зевак и вновь опозорить свое и без того не самое чистое имя, и совсем другое — свернуть себе при этом шею, что было вполне возможно при неудачном ударе о мощеную камнем дорогу.

Городские дома за окном проползали так медленно, что Эйден туда даже не выглядывал, чтобы лишний раз не тревожить и без того ноющую душу. Он боялся даже представить, сколь много непоправимых вещей могло произойти за неделю его отсутствия — не угадаешь, кто еще мог сойти с ума, бесследно исчезнуть или сделать что-нибудь еще, что повлечет за собой ужасные последствия.

По крайней мере, Ферингрей должен был держать замок под контролем. Человеком он был не самым лучшим, но как командир справлялся неплохо, и все-таки Эйден позволял гадкому предчувствию пробраться даже сюда.

Сейчас он многое бы отдал, лишь бы вернуть Ремору, Тейвона или Джеррета в столицу. К сожалению, Эйден не сразу понял, что не способен справиться со свалившейся на него властью и всеми вытекающими из нее проблемами. Теперь же он был в ужасе от того, что все шло наперекосяк, а он, мало того, что был болен, так еще и не знал, как со всем этим разобраться.

Что он скажет Тейвону, когда тот вернется? Как будет смотреть ему в глаза? Расследование не сдвинулось с места, Мерелинда так и не нашлась, Анкален окружили отряды каких-то бунтовщиков, а Лукеллес ведет двойную игру, возможно, вместе с остальными гильдиями.

“Я проиграл” — с тяжелым сердцем признался самому себе Эйден. Выигрывать он попросту не умел.

Словно решив разозлить его еще сильнее, карета остановилась прямо посреди узкого переулочка. Снаружи доносились какие-то голоса — один из них принадлежал вознице — и ржание коней. Не вытерпев, Эйден отдернул короткую занавеску и выглянул в окно, откуда ему открылся вид на ближайшую стену и странного человека в черном дорожном плаще. Судя по стуку копыт, спереди и сзади столпились еще несколько всадников.

Не прошло и пары секунд, за которые Эйден успел принять решение выбраться наружу и самостоятельно прояснить, что к чему, как дверца его кареты, легонько скрипнув, открылась, и на сиденье ловко скользнул тонкий женский силуэт в синем одеянии.

Лицо незнакомки скрывал глубокий отороченный кружевом капюшон, а руки прятались под дорогими шелковыми перчатками. Дворянка, причем очень и очень состоятельная.

— Сударыня, я не понимаю, в чем дело, — Заговорил Эйден, мысленно строя предположения, что за дама решила так спонтанно его посетить.

Вариант Реморы он отбросил сразу же — гостья была гораздо ниже его возлюбленной — но мысль о том, что в Анкален вернулась Калиста, тоже немного обрадовала его — как-никак, ветувьяр принцессы могла взять на себя хотя бы часть власти, а значит, облегчить его ношу.

— Вы последуете со мной, — Раздался голос из-под капюшона. Руки в перчатках потянулись к кружеву и наконец открыли ему лицо, — Возражений я не приму.

На хрупкие плечи упали длинные светлые кудри, миловидное личико словно закаменело от серьезности. При других обстоятельствах Эйден бы рассмеялся, услышав угрозы из столь безобидных уст, но сейчас ему почему-то стало не до смеха.

Напротив него сидела пропавшая неделю назад Мерелинда Вивер.

*

Джеррет с трудом подавил стойкое желание запустить в адъютанта чем-нибудь тяжелым, хотя вины Атвина в том, что именно ему пришлось сообщить адмиралу столь гадкие вести, не было. Судя по растерянному выражению лица, парень примерно понимал, что за мысли борются в голове командира.

— Иди, Атвин, — Сдержав весь свой пыл, выдавил Джеррет.

Только когда адъютант скрылся за дверью, адмирал понял, что все это время стоял, уперев руки в комендантский стол, заваленный картами — вид у него был довольно нелепый и растерянный, впрочем, как у любого человека, которого застали врасплох.

Вернувшись в реальность, Джеррет устало опустил в кресло и посмотрел на Престона, выслушавшего новости с каменным спокойствием.

— Что скажешь? — Чувствуя, как гулко стучит сердце, охваченное страхом, спросил Джеррет.

— Отец предупредил тебя об этом, — Пожал плечами друг.

— Вот только не надо меня упрекать! Я и сам знаю, что совершил ошибку. Делать-то что!?

Джеррет ненавидел себя за то, что в его голове было совершенно пусто. До какой степени нужно быть слабаком и идиотом, чтобы спрашивать у Престона совета в том, чему тебя самого учили с детства?

Пусть королем Кирации и был Тейвон, естество ветувьяра — штука непостоянная, а потому к правлению должны быть готовы оба. Вот только Джеррет никогда не воспринимал эту простую истину всерьез, думал, что с ним ничего подобного не случится, хотя жизнь уже намекнула ему двадцать лет назад на то, что этот пробел в знаниях может оказаться роковым.

Отчасти и он был виноват в том, что случилось — мог бы поторопиться вернуться в Анкален и успеть возратить стране короля до того, как все эти подлецы осмелятся выползти из своих нор. Теперь было уже поздно жалеть об этом — столица захвачена заговорщиками, на троне никого, в городе мятежи и погромы, а Эйден исчез. Джеррет не

знал, что и думать.

— Ты прекрасно слышал, что доложил Атвин — они перекрыли все подступы к городу. На их стороне наемники и гвардия...

— Какая-то чушь, — Джеррет помассировал пальцами ноющие виски, — Эйден... Неужели и он..?

— Я не знаю, — Выдохнул Престон, — То, что произошло в Анкалене, требует основательной подготовки — это не день и не неделя. Вряд ли Эйден ничего не знал...

— Но тогда почему он ничего не сделал? — Оскалился Джеррет, осознавая всю свою беспомощность. Верить в то, что их предал давний друг, не хотелось, но ничего другого адмиралу попросту не оставалось.

Неужели Эйден захотел захватить власть? Если бы Джеррета попросили назвать что-то, на что Эйден никогда не согласится, он бы с уверенностью сказал, что это корона — друг никогда не искал власти и всячески старался избегать ее. Тогда зачем все это? Зачем он предал их?

Это был самый настоящий удар в спину, редкостная, но продуманная до мелочей подлость — выступить тогда, когда в столице не останется никого, кто мог бы по праву взять власть в свои руки. Время Реморы вышло, Калиста в политике бесполезна, а Джеррет на севере был гораздо нужнее Тейвона в столице. Так и получилось, что подставить голову для короны оказалось некому. Не отдавать же ее в лапы прощелыг из гильдий или жадных до земель дворян, готовых сожрать друг друга за клочок высохшего поля!

— Интересно, чего они хотят добиться? — Поднял голову Джеррет, мысленно собирая воедино детали зарождающегося плана.

— Смотри, кто “они”? — Дернул заросшим подбородком Престон.

“А ведь это действительно могут быть и гвойнцы” — внезапно подумал адмирал, вспоминая глупое поражение их кораблей здесь, в Талааре. Вот только откуда у дикарей и разбойников со свободного острова найдется столько денег, чтобы заплатить наемникам, пока что оставалось вопросом. Ответы могли быть разные — от мразей из гильдий до обыкновенных и почти милых сердцу эделоссцев: эти-то точно не упустят шанс ударить в щель между броней.

— Это нам и предстоит узнать, — Нахмурился Джеррет, откидываясь на спинку стула.

За все то время, что он провел в Талааре, комендантский кабинет успел опостылеть, но теперь возвращение домой уже не казалось адмиралу таким долгожданным и привлекательным. Оно могло обернуться еще большей катастрофой, чем все то, что творилось сейчас.

По сравнению с захваченной заговорщиками столицей недавний побег Рауда Орнсона из здешней тюрьмы казался едва ли не детской шалостью, на которую вообще не стоит обращать внимания. И хоть Джеррет послал людей разыскать беглеца, он был почти уверен, что их поиски успехом не увенчаются, возможно, даже к лучшему. Сейчас ему было совершенно не до гвойнского пленника, да еще и такого непокорного.

— Что-то придумал? — Поинтересовался Престон.

— Да вот, поймал одну мыслишку... Думаю, очередное самоубийство, — Ухмыльнулся своим мыслям Джеррет.

— Я бы попытался отговорить тебя, но после услышанного даже я решился бы на все, — Сверкнул глазами друг, — Иначе мы потеряем Кирацию к чертям собачьим!

— Как раз ты и натолкнул меня на эту мысль, — Джеррет стукнул пальцами по столу и

тут же отругал себя за это: не стоило потакать шаловливым нервишкам, — Ты, кажется, сказал, что в город не войти..?

— Ты и сам это слышал...

— Не войти с суши, — Подметил Джеррет, — А если с моря?

— Ты идиот, если думаешь, что они не станут ждать нас. Думаешь, про тебя забыли? Да они только и ждут, когда у берегов Анкалена покажется “Королева Этида”! Мы станем пушечным мясом и кормом для рыб. Это в лучшем случае...

Ничего другого от Престона Джеррет и не ожидал. Иногда он и вовсе удивлялся тому, как друг все-таки стал моряком, а не курицей-наседкой со своей осторожностью.

— Снова верно мыслишь, Престон, — Подсказал ему адмирал, — А теперь угадай, что я хочу предложить.

— Да все, что угодно, — Не решился сверкнуть прозорливостью Престон.

— Эх, как же с тобой скучно, — Махнул на друга Джеррет. Чем дольше он обдумывал свой план, тем легче становилось у него на душе. Даже первоначальная ярость практически отступила, — Мы войдем в город с моря, как и планировали, но малым числом. Под видом рыбаков. Вряд ли они перекрыли пути и для провизии тоже.

— И что дальше? Даже если ты войдешь в Анкален, что мы будем делать со своим “малым числом”?

— Как что? Я просто предоставлю заговорщикам и народу их короля!

— А, ты снова решил спихнуть все на Тейвона, — Покачал головой Престон.

— Король он, а не я... К тому же, так сказал мне отец.

Он надеялся, что хотя бы один правильный поступок сможет хоть немного исправить ситуацию. Пока что все, о чем говорил во сне отец, так или иначе сбывалось, а значит, Джеррет просто обязан подчиниться его воле — пусть даже эта воля была его собственным видоизмененным сознанием.

— А ты не подумал, что толку от него сейчас будет не больше, чем от тебя? Ему придется вникать в произошедшее...

— И мне тоже, черт возьми! — Отрезал Джеррет.

— Что ж, воля твоя, — Выдохнул Престон.

— Не заставляй меня чувствовать себя виноватым. Я и так понимаю, что натворил дел...

Джеррет редко произносил подобные слова — извиняться он ненавидел с детства, и не потому, что для этого нужно было признать собственную неправоту, а потому, что он чувствовал себя слабым в этот момент. И все же сейчас поддержка Престона была ему необходима, а ради нее можно было немного потерпеть.

— В том, что случилось, виноваты все, включая меня, — Престон поднялся на ноги, — Но не у всех есть силы на то, чтобы это исправить.

Нетрудно было догадаться, на что он намекает. Престон пойдет с ним до конца, и в этом можно было не сомневаться. Джеррет улыбнулся ему, но едва друг скрылся за дверью, как адмирала вновь охватили тревожные мысли.

Почему же Эйден предал их?

*

Никто не ограничивал Селин в ее свободе — разве что собственный страх не позволял девушке совать носа дальше здания военной коллегии, хотя и здесь пугающей неизвестности хватало с лихвой. За те дни, что девушка провела среди солдат, она не заметила ни одной

женщины — даже повара и слуги у кирацийских моряков были мужчинами, но ни один из них, к счастью, не проявлял к ней никакого интереса. И все же Селин беспокоило то, что она не понимала ни слова из их необычной речи — она пыталась прислушиваться к солдатским разговорам и сопоставлять их со своим языком, но из этого мало что выходило. Оставалось только догадываться, говорят ли про нее все эти незнакомцы, делающие вид, что ее не существует?

Поначалу Селин старалась целыми днями сидеть в своей комнате, опасаясь чужаков, но спустя несколько дней девушка все-таки осмелилась выйти в коридор и прогуляться по богато обставленной коллегии. Почти сразу она встретила одного из немногих знакомых моряков — крупного юношу, что представился ей Атвином. Парень улыбнулся ей во весь рот, пробормотал что-то на своем языке и увязался за Селин, словно верный страж.

Его общество ее не пугало и не угнетало, но в глубине души Селин хотелось поговорить хоть с кем-то, а единственный человек, который мог ей в этом помочь, был Джерретом Флетчером — кирацийским адмиралом, который приходился врагом и Эделоссу, и Гвойну. Не сказать, что девушка мечтала о встрече с ним — такой человек, как Флетчер, был непредсказуем и опасен, он казался вулканом, способным взорваться в любую минуту. К тому же, с того дня, как рыжий адмирал предложил ей защиту, Селин больше его не видела.

Настал момент, когда девушка даже решила, что ее жизнь стала невыносимо скучной, а ведь она и не думала, что успела привыкнуть к постоянным потрясениям и непрерывной опасности. И именно тогда что-то произошло.

Сегодня здание коллегии ни с того ни с сего превратилось в разворошенный палкой муравейник — солдаты носились туда-сюда, едва не сбивая друг друга с ног, непонятная Селин речь доносилась из каждого угла, и она уже решила вновь спрятаться и запереться в своей комнате, когда наконец увидела адмирала Флетчера.

Он спускался по лестнице в компании крупного широкоплечего человека с аккуратно подстриженной бородой и темными прилизанными волосами, стянутыми в низкий хвост. Вслед за ними покорно семенил Атвин, широко улыбнувшийся при виде девушки. Вряд ли Флетчер заметил бы Селин, не пояись она у него на пути — но когда девушка осознала, что стоит перед ним, отступить было уже поздно.

— Господин адмирал, — Чуть взбежав вверх по лестнице, она прижалась к кованым перилам, — Простите меня. Могу ли... могу ли я с вами поговорить?

Слова не спешили срывать с языка — Селин и без того была немногословна, а этот хитрый прищуренный взгляд и вовсе приводил ее в ступор.

— А отчего же нет? Об этом можно и не спрашивать, — Улыбнулся Флетчер, преодолевая последние ступеньки.

Сегодня он был одет иначе — темно-серый камзол по колено украшала неброская черная вышивка на вороте и рукавах, штаны заправлены в высокие сапоги. Селин все еще не понимала, почему он не носит кирацийский мундир, но этот вопрос она решила оставить при себе.

— Скажите, — Селин сжалась перед ним, как испуганный ребенок, — Что-то случилось? Почему все вокруг так переполошились? Мне не у кого больше спросить...

— Вам не о чем беспокоиться, сударыня, — Вмешался высокий человек с хвостом. Оказывается, он владел эделосским почти так же хорошо, как и Флетчер, — Вашей безопасности ничего не грозит.

— И все же, — Селин метнулась взглядом от незнакомца к адмиралу, — Что-то ведь

произошло?

— Одно дело, требующее моего немедленного присутствия, — Мягко ответил Флетчер, — Моего и моих людей.

— Вы уезжаете? — С непрошенным сожалением в голосе пискнула девушка.

— Не думал, что вас так опечалит это известие.

Селин внезапно осознала, что если Флетчер и Атвин покинут город, у нее не останется здесь ни одного знакомого человека, никого, кто понимал бы ее язык и кому можно бы было хоть немного довериться.

А если ее найдут камарилы? Девушка боялась даже помыслить, что будет, если Чудовище, зная про то, что она потеряла свиток, отыщет ее здесь.

— Я хочу ехать с вами, — Выпала Селин прежде, чем осознала весь смысл этих слов.

— *Kasten im tern!* — Пылко сказал Флетчеру незнакомец, все еще наблюдавший за их разговором.

— *Maiz gatte, Preston,* — Одернул его адмирал, возвращаясь к Селин, — Поверьте, вы не знаете, о чем просите. Это путешествие вам не понравится...

— Я готова на все. Готова терпеть любые лишения! Вы обо мне даже не услышите, — Умоляюще зашептала девушка, — Только не оставляйте меня здесь.

— Селин, вы будете под защитой, — Флетчер твердо смотрел ей в глаза, не отводя взгляд ни на секунду, — В городе останутся солдаты.

Как доказать ему, что перед камарилами все эти солдаты — ничто? Он ведь не знает, как готовят орденских убийц, да и вообще вряд ли воспринимает их существование всерьез.

— Мне некому довериться, кроме вас, — Не отступала она, — Я виновна перед камарилами, и они найдут меня, чтобы покарать за это. Они ни перед чем не остановятся.

Селин заметила, как перекосилось лицо человека, которого Флетчер назвал Престоном, только когда он вновь заговорил:

— *Al degent leles, kamarilen jasten um entan. Kend werret tagen — iu!* — Он ткнул пальцем Флетчеру в грудь.

Селин многое бы отдала, чтобы понимать, в чем Престон с таким пылом пытался убедить адмирала, но единственное слово из его речи, которое она смогла разобрать — камарил.

— *Kamarilen endar frigget iume. Lidon kallet — kallod,* — Отмахнулся от него Флетчер.

Престон недовольно бормотал еще что-то, но адмирал его не слушал, в отличие от Атвина, который не сводил глаз со спорящих мужчин.

— Я редко признаю свою неправоту, но камарилы и вправду могут оказаться опасны для вас, — Заговорил Флетчер, — Я не прощу себе, если с вами что-то случится по моей вине. Да и мой адъютант, — Он обернулся и глянул на Атвина, — кажется, тоже.

Сердце Селин забилося чаще. Неужели она смогла его переубедить?

Престон что-то бегло спросил у Флетчера, после чего тот крепко задумался, искоса поглядывая на девушку. Спустя пару секунд он ухмыльнулся и дал мужчине какой-то решительный ответ, из которого Селин не разобрала ни звука.

— Даю вам на сборы полчаса, — Строго заговорил адмирал, дернув рыже-каштановыми бровями, — Атвин принесет вам мужскую одежду. Надеюсь, не надо объяснять, что вам придется притворяться мальчишкой...

— Нет-нет, я все понимаю, — Пробормотала Селин, все еще удивляясь своему успеху. Мальчишкой или не мальчишкой, но она была рада тому, что не встретится с Чудовищем.

— Вы будете человеком из моего экипажа, — Зеленые глаза пронзали девушку насквозь, — Никто не будет делать вам поблажек. У вас еще есть время, чтобы отказаться.

И вправду — во что она ввязывалась? Селин вдруг посмотрела на себя со стороны и поняла, что она по собственному желанию вызвалась плыть на вражеском корабле в компании совершенно незнакомых и опасных мужчин, языка которых она не знала. Это казалось воплощенным безумием, но еще пару месяцев назад Селин ни за что бы не поверила, что ее жизнь примет такой резкий поворот. До этого дня она покорно плыла по течению, и вот куда оно ее занесло. Селин ждала смерти, но она так и не явилась, поэтому теперь ей захотелось жить. Хотя бы немного — ради всех тех лет, что она провела в своей крошечной камерке за хлипкой дверью.

— Я не откажусь, — Сказала она, впервые за много лет хоть немного гордясь собой.

“Этого хочет король” — так написал Биркиит в письме Ланфорду, и камарил не подвергал эти слова сомнению, хотя и не понимал, что могло заставить Его Величество так переменить все планы. С другой стороны обязанностью Ланфорда было беспрекословное подчинение, что он и демонстрировал своему наставнику и своему королю.

Он входил в королевский тронный зал один — Биркитт в письме ясно дал понять, что Его Величество желает видеть перед собой одного лишь избранного в этом году камарила — Робин и остальные по возвращению в столицу отправились сразу же в Дом камариллов, и говоря по правде, Ланфорд немало им завидовал. После той бешеной скачки, в которую превратилось их возвращение в Линтхалас, единственное, чего захотелось бы любому нормальному человеку — это помыться, наестся до отвала и хорошенько выспаться.

Кроме стражников, Биркитта и королевских особ в огромном зале не было ни души. Наверное, Ланфорд должен был испытывать какое-то благоговение, глядя на эти древние стены из темного камня, гобелены с ликами древних королей и, собственно, сам трон, на котором сменилось так много великих правителей, но он чувствовал смутную тревогу и совершенно явную усталость. Темные стены всего лишь давили на него, окна давали непозволительно мало света, гобелены казались уродливыми, а трон был просто красиво украшенным стулом — ничего, чем можно бы было восхититься.

Ланфорд шагнул к возвышению, на ходу поправляя легкие доспехи, плащ за спиной и “вилку”, что удерживала его на плечах. Биркитт, преданно стоящий слева от короля, незамедлительно его представил:

— Ланфорд Карцелл, один из лучших моих учеников.

Камарил поклонился, как того требовал этикет, и взглянул на короля, внимательно изучающего его взглядом. А взгляд у него был под стать положению — густые темные брови тяжело нависали над глубоко посаженными глазами, и они были одним из двух доказательств того, что Его Величество когда-то был брюнетом. Второе доказательство — его сын — сидело справа. Сейчас же на месте густых темных волос короля красовалась гладкая блестящая лысина, отчего-то придающая владельцу еще более грозный вид.

— А Гаккон Енлис, часом, не твой отец? — Неожиданно улыбнулся король, обращаясь к Ланфорду.

Имя это казалось камарилу смутно знакомым, но монарший вопрос привел его в ступор.

— Нет, — Удивленно качнул головой он.

— Эх, а жаль... Хороший был воин. Только поторопился чуток, — Король рассмеялся, глянув на Биркитта, которой тоже изобразил что-то вроде улыбки, — С этим-то делом торопиться не надо. Глядишь, и сделал бы еще что хорошее...

Смех Его Величества разнесся по залу, и до Ланфорда наконец дошло, за чьего сына принял его король. Гаккон Енлис был тем самым камарилом, который лет двадцать пять назад, потерпев неудачу в Кирации, решил свести счеты с жизнью, не выдержав позора. По мнению Ланфорда это было самонадеянным и глупым поступком, недостойным честного воина.

Биркитт тоже смеялся над королевской шуткой, но Ланфорд не знал, насколько искренне. Не смеялся только он сам и тихо сидящий рядом с отцом наследник, не издавший ни звука за все время, что Ланфорд присутствовал в зале.

По подсчетам камарила, парню должно было быть лет семнадцать, но на этот возраст он не выглядел — мелкий, тщедушный и зашуганный, он чем-то напоминал Ланфорду собственную “обожаемую” невесту, хотя взгляд у принца был довольно взрослый и осмысленный.

В народе про наследника говорили — и, видимо, не врили — что его с рождения мучает какая-то нервная хворь, что-то вроде трясучки, бьющей приступами и убивающей все надежды на то, что человек когда-нибудь сможет взять в руки клинок. Сейчас парень не трясся, но шпука, похожая на трость, что стояла возле его трона, угловатое костлявое тело и бледное, словно у мертвеца, лицо, говорили о том, что у принца не все так хорошо со здоровьем.

— Нет, Биркитт, ну скажи — одно лицо ведь! — Продолжал свои рассуждения касательно родословной Ланфорда король, — Ну да ладно, что мы время теряем? Зачем позвал я тебя, знаешь?

— Нет, Ваше Величество, — Напрягся Ланфорд.

— Ты что, ему не сказал? — Повернулся к Биркитту король, поудобнее усаживая свою объемистую задницу на троне.

— Не успел, Ваше Величество.

— Все вы ничего не успеваете, — Фыркнул монарх, возвращаясь к Ланфорду, — А мне — хоть разорвись! Про Кирацию что знаешь?

— А что я должен про нее знать? — Недоуменно спросил камарил, тут же испугавшись прослыть идиотом в глазах короля.

— А то что шанс появился — гадов этих прихлопнуть. Раз и навсегда! — Вновь рассмеялся король, обнажая свои поистине лошадиные зубы.

— В Кирации вспыхнуло восстание, — Подхватил Биркитт, — Армия и наемники, зиеконские пушки и порох. Говорят, предводительствует кто-то из гильдий. Анкален уже захвачен, Флетчер отрезан от столицы в Талааре, про принцессу ничего не известно.

Ланфорд слушал и не верил, что это может быть правдой. Еще совсем недавно Кирация казалась неприступной крепостью, самой мощной военной империей Оствэйка, а теперь она рассыпалась на части и сама шла к ним в руки.

Сейчас оставалось только надеяться, что никто не опередит его и не убьет ветувьяров, заполучив себе его, Ланфорда Карцелла, славу. Камарил сдержал рвущуюся на губы улыбку и сосредоточенно спросил:

— Какие будут приказания?

— Смотри-ка, каков! — Восхитился король, — Вот, Иллас, учись, как надо служить своему государю!

Принц Иллас не ответил ему, а только плотнее стиснул руки, лежащие на коленях, в кулаки, и невидящим взглядом уставился на Ланфорда.

— Его Величество предлагает нам выступить вместе с основной армией Эделосса, — Вновь объявил вместо короля Биркитт, — Сейчас Кирация не готова к войне, она рассыплется даже под натиском ополчения, не говоря уже о войске камарилов.

Ланфорд кивнул. Он знал, к чему ведет наставник, но Биркитт явно желал услышать эти слова из уст ученика.

— Мы очистим мир от ветувьярской скверны, — Словно молитву, отчеканил камарил.

На суровом лице Биркитта на мгновение проскользнула улыбка — король же и вовсе сиял, как начищенная монета.

— Я буду находиться с королем и его генералами, — Добавил наставник, — Непосредственное командование примешь на себя ты.

На этот раз улыбку было не сдержать. В душе же Ланфорд и вовсе готов был прыгать от радости. Величайшая возможность стереть с лица земли всю богомерзкую скверну — ветувьяров вместе с гадким орденом поклонения этой суке-королеве — сама свалилась ему на голову, и упускать свою славу камарил не собирался.

— Давненько я не бывал на полях сражений... — Довольно протянул король, поворачиваясь к сыну, — Да и тебе пора стать наконец мужчиной!

Наследник опустил голову, все так же игнорируя отца. На мгновение Ланфорд даже усомнился — королевский ли это сын — не улавливая между ними никакого сходства, но потом поймал себя на мысли, что если с немалым трудом попробовать представить себе Его Величество худым и юным, да еще и с волосами, то получится как раз то, что представлял из себя Иллас.

— На этом все, Карцелл, — Напомнил о себе Биркитт, — Ступай.

Не забыв откланяться, Ланфорд стремительно вылетел из тронного зала, чтобы застыть на месте в коридоре, пытаясь осознать, какое счастье на него свалилось.

Должно быть, королевские стражники приняли его за идиота, когда он бросился к окну, распахнул его и вдохнул полной грудью воздух Линтхаласа.

Этот город принадлежал ему. Этот мир принадлежал ему! Ланфорд еще никогда не чувствовал себя таким счастливым. Он станет величайшим из камариллов. Именно он положит конец не только ереси, но и Кирации.

Дверь за спиной хлопнула, и обернувшись, Ланфорд увидел идущего к нему Биркитта. Наставник был как всегда серьезен, но в глазах у него светилась радость и гордость.

— Спасибо вам за доверие, — Выпалил Ланфорд, неспособный совладать с чувствами и вести себя как подобает воину.

Биркитт замер рядом с ним, пристально вглядываясь в городские крыши:

— Погоди благодарить — пока не за что.

— Да как же!? — Опешил Ланфорд, — Вы дали мне все. Все! Я вас не подведу.

— Я взвалил на тебя ответственность, — Заглянул ему в глаза наставник, — Ты хоть представляешь, какую?

— Я с ней справлюсь.

— Армия камариллов... даже страшно представить, что из этого выйдет, — Улыбнулся своим мыслям Биркитт.

— Буря, которая сотрясет весь мир, — Уставившись в пустоту, Ланфорд попытался представить это, — Кара божья.

— Война не должна превратиться в резню. Ты не должен убивать всех, кто стоит на твоём пути.

— Я и не буду, — Хмыкнул Ланфорд, — Я лишь изничтожу всю ересь, которую увижу.

— Я уверен в твоём клинке, Карцелл. Но надеюсь на твой разум, — Хрипло сказал Биркитт, прежде чем уйти.

Он скрылся из виду, а Ланфорд все стоял возле окна, размышляя о том, как изменится мир благодаря его силе. Ему действительно предстояло непростое дело, и пока что он находился в самом начале своего пути к величию.

Вернувшись в Дом камариллов, он совершенно позабыл о том, что хотел есть и спать, и первое, что он сделал — это спустился в их маленький храм и вознес молитвы всем богам,

которых вспомнил.

*

Тейвон и Джеррет постоянно так делали. Брат со своим ветувьяром то и дело оставляли друг другу маленькие напоминания и записки, а иногда даже целые письма, но Ремора с Калистой почему-то это не практиковали. До сегодняшнего дня.

Очнувшись в небольшой душевой комнате, Ремора сразу же заметила письмо, лежащее на столе прямо под ее рукой. Она не стала даже осматриваться и переодеваться — и так было понятно, что она находилась в чужом доме и в чужой одежде — а сразу же схватила послание, развернула и увидела строки, написанные аккуратным убористым почерком:

“Ремора!

Я никогда не испытывала к тебе особо теплых чувств, а в последние годы мне и вовсе стало казаться, что тебе в этой жизни досталось все, а мне — ничего, но сейчас настал тот момент, когда я поняла, что не прощу себе, если не верну этому миру тебя. Да, ты лишилась бы всего, но мне хватает ума понять, что ты не заслужила этого. Если кто-то и виноват в моих несчастьях, то только не ты.

Я расскажу тебе все что знаю и попрошу не выдавать меня. Ты сдержишь слово, я уверена.

Кирация нуждается в тебе как никогда. Еще больше она нуждается в Тейвоне, но где носит его рыжего ветувьяра никому не известно, а потому ты — единственное спасение этого чертового королевства. Я не знаю, какие последствия эта выходка навлечет на меня, но вряд ли мне есть, что терять.

Анкален захвачен мятежниками, которых собрал Лукеллес. Я знаю слишком мало, но среди них — Мерелинда Вивер, а в качестве армии они используют хидьясских наемников и присягнувших им на верность кирацийских солдат. Их очень много, потому что помимо гильдии за все платит Зиекон. Точнее, имперцы платят моему мужу за то, чтобы он погрузил королевство в смуту и, возможно, сел на трон.

Я не знала ни о чем этом раньше — Шерод наверняка догадывался, что в таком случае я его предаю. Мне до сих пор неизвестно, кто из глав других гильдий с ним на одной стороне, но Анкален захвачен полностью, а значит, с ним связаны многие. Или же они просто боятся сопротивляться...

Ты хочешь знать, почему столица не сопротивлялась? Капитан вашей охраны Ферингрей тоже на их стороне, а его люди — ощутимая сила. Даже против городской гвардии.

Что же граф Интлер? Говорят, твой любовник захвачен в плен, и с ним что-то не так. Я не знаю, чему верить, но слуги шепчутся о разном — одни говорят, он смертельно болен и почти что немощен, другие — что он давно был в сговоре с моим мужем и принял мятежников с распростертыми объятиями, а в плен сдался для вида. Как бы то ни было, я знаю, что ты примешь это с достоинством. Хотя я бы не смогла...

Естественно, городская гвардия сразу же перестала сопротивляться. Сейчас на троне нет никого, но это дело времени. Тебе нужно спешить, пока мой хряк-муженек не объявил себя новым королем Кирации.

Несмотря на обжорство, мозги у Лукеллеса еще не до конца отказали, поэтому он оставил меня здесь, в Кир-Исте, да еще и поставил охрану в каждом углу, чтобы я (или ты) не удумала сбежать отсюда, но и я не такая дура, какой пытаюсь при нем казаться.

В гардеробной под рулонами имперских шелков ты найдешь потайную нишу — там я

спрятала платье служанки. Мне оно мало, а значит, тебе должно подойти. Охрана следит за мной, а как выглядишь ты, она себе если и представляет, то смутно, так что спрячь волосы под чепец — этого должно хватить, чтобы они не обратили на тебя внимания.

В конюшне для тебя оседлают хорошую кобылу — она норовистая, но прыткая, думаю, что при желании доедешь быстро, а дальше разберешься сама, тут я тебе не помощница.

Сожги это письмо в камине, как только прочтешь. Я и так пошла на большой риск, оставив его на столе, пока ты была без сознания. В твоих силах спасти это королевство или погубить нас обеих.

Твой ветувьяр, Калиста”

Бегло пробежав глазами по тексту еще пару раз, Ремора смяла бумагу и бросила ее в ярко разожженный камин, из-за которого здесь и было так душно. Сердце ее колотилось как бешеное, а на глаза едва не наворачивались слезы, но принцесса быстро взяла себя в руки и поднялась с кресла, на ходу стягивая с себя синее Калистино платье.

Первые несколько минут она просто ходила по комнате из стороны в сторону, пытаясь убедить себя, что все написанное в письме — правда. Зачем Калисте ее обманывать? Раз даже ее ветувьяр, никогда не интересующаяся политикой, поняла, что без отчаянных действий королевство не спасти, то значит, ситуация действительно была критической.

Ремора пыталась привести в порядок свои мысли, но они не подчинялись. В голову поочередно лезли то Тейвон, то Эйден, и если о первом Калиста ничего не знала, то второй явно нуждался в помощи. В его предательство принцесса бы ни за что не поверила, а значит, с ним действительно случилось что-то нехорошее. Ремора отогнала все настырные догадки и предположения и попыталась сосредоточиться на главном.

Ей нужно как-то выбраться отсюда.

Голова все еще была какой-то тяжелой — в первые минуты (и даже часы) после возвращения всегда так. По-нормальному сейчас Реморе следовало бы отдохнуть и отправиться в путь попозже, но судя по тому, что написала Калиста, на счету у нее действительно была каждая минута. Помассировав ноющие виски, принцесса осмотрелась по сторонам в поисках гардеробной.

Приметив узкую резную дверь, Ремора бегом бросилась к ней. К счастью, никакого ключа не понадобилось — дверь поддалась, едва она ее толкнула.

Гардеробная оказалась тесной, заваленной тканями и платьями комнатухой, найти в которой что-то вроде свертка представлялось едва ли возможным. Стянув с какого-то сундука мятый шелковый халат, Ремора поспешила прикрыть им свою наготу и принялась выискивать взглядом рулоны зиеконского шелка.

Пока она искала, в затуманенный мозг вновь пробрались тревожные опасения, на этот раз смешанные со злостью на брата. Как он мог бросить столицу в тот момент, когда ее было не на кого оставить? Он не хуже Реморы знал, что ее время истекло, да и теперь в ее распоряжении было всего несколько месяцев, за которые он просто обязан вернуться в Анкален.

Если, конечно, ему еще будет, куда возвращаться...

Ремора всегда думала, что смерть отца научила его осторожности, но на деле Тейвон остался таким же безалаберным юнцом, каким был когда-то давно. Ветувьяр же его был еще хуже — Джеррет и вовсе никогда не думал о последствиях, действуя сгоряча и как-то по наитию, словно все в этом мире подчинялось его сумасшедшим желаниям. Теперь эти двое бросили королевство на Эйдена, а он почему-то не справился...

Принцесса заставляла себя не думать о нем, но сердце продолжало истерически сжиматься каждый раз, когда ей вспоминались строки из письма: “смертельно болен и почти что немощен”. Это не могло быть правдой — не сказать, что Эйден отличался таким уж богатырским здоровьем, но и больным она его никогда не видела.

“С ним все в порядке, вот увидишь” — настырно успокаивала себя Ремора, продолжая рыться в закромах Калистиной одежды. Когда ее терпение закончилось, принцесса перестала осторожничать с дорогими тканями и начала швырять их в разные стороны, стремясь как можно скорее откопать среди всей этой безвкусной пестроты простецкое домотканое платье.

И все же Калиста не обманула — оно нашлось под рулонами шелка и действительно почти подошло Реморе по размеру. Облачиться в платье ей удалось довольно быстро, и хоть плохо выделанная шерсть неприятно колола кожу, принцесса не обратила на это никакого внимания.

Она наспех заплела волосы в косу и спрятала ее под неприметный чепец служанки. Из зеркала на Ремору посмотрела откровенная крестьянка, разве что чересчур худосочная и белокожая, но кто станет приглядываться к спешащей по коридору служанке в разгар дня?

Вознеся напоследок краткую молитву, принцесса подошла к двери в коридор и прислушалась. Снаружи было тихо, и она, недолго думая, осмелилась выйти из комнаты.

Помпезный, безвкусно обставленный коридор встретил Ремору радушной пустотой и безмолвием. Вдохнув полной грудью, она сочла это первым своим сегодняшним успехом и с уверенностью двинулась вперед.

*

За пару недель пути Рауда стало так тошнить от курлыкающей хидьясской речи, что он делал все, лишь бы не слышать это бесконечное гоготание. Каждый раз, когда наемники объявляли привал, капитан стремился улизнуть от них подальше — что ему, естественно, не особо позволяли делать.

И все же головорезы оказались не такими ужасными, как он ожидал. Некоторые из них, конечно, давали Рауду почувствовать себя их пленником, но по большей части его либо не замечали, либо относились почти как к равному, разве что безоружному.

Наемники были болтливы, как бабы, но в этом, видимо, заключался грешок всех южан — они орали и ржали так, словно им ничего не стоило случайно нарваться на нежелательную встречу — солдат или разбойников. Рауд, конечно, не сомневался, что эти парни без проблем с ними разберутся, но лишний раз попадать в неприятности не желал. Для него было важнее другое...

Он все еще не знал, куда его везут.

Коня для своего пленника хидьясцы раздобыли еще в Талааре, после чего наемники дружно выдвинулись на юго-запад, заставив Рауда потеряться в догадках — карты у него не было, а с географией Кирации он был знаком весьма скудно, да и то лишь по части собственных моряцких интересов.

Дни сменялись один за другим, а они все еще ехали по бесконечным полям и лесам, которые могли бы даже понравиться Рауду, не привыкшему к таким пейзажам, если бы их не было так много — одинаковых и безликих. Постоялые дворы, города и деревни южане словно бы специально объезжали стороной, довольствуясь покрывалами на земле вместо кроватей и вяленным мясом с сухарями вместо горячей похлебки.

Подловить наемников на невнимательности и улизнуть, пока нерадивый дозорный

мирно похрапывает, привалившись к дереву, тоже не представлялось возможным — хидьяссцы, даже несмотря на свой незавидный полуразбойничий статус, несли службу с такой честностью и ответственностью, что можно было только позавидовать. С каждым днем Рауд все более убеждался, что сбежать от южан у него не выйдет, но пока в этом и не было такой уж необходимости — никто из наемников его не трогал и не пытался спровоцировать, к тому же капитан сомневался, что сможет выжить в этих лесах без оружия, пищи и вещей первой необходимости.

Он даже пытался понять хидьясскую тарабарщину, но, по-видимому, его скудного моряцкого ума было для этого недостаточно. Если кирацийский и эделосский были хоть сколько-то последовательны и логичны, то хидьяс казался не то шуткой богов, не то детской шалостью, где каждое произносимое слово называлось один только раз и никогда больше не повторялось в прежнем виде.

На этот раз наемники вновь выбрали место для привала в лесу. Дни стояли какие-то промозглые, и к вечеру стало еще хуже. Неискушенные холодом южане кутались в свои темные дорожные плащи и настойчиво жались к костру, согревая озябшие руки. Рауд смотрел на это с долей мрачного удовольствия, хоть где-то ощущая свое превосходство над почти безупречными хидьяссцами.

Капитан даже не сразу заметил, что один из южан подкрался к нему сбоку и привалился спиной к стволу дерева рядом с ним. Это был человек, которому Рауд, по сути, был обязан жизнью — именно он посчитал, что гвойнский капитан еще может оказаться полезным. Насколько Рауд понял, он был у наемников кем-то вроде главаря, да и к тому же южанин неплохо знал кирацийский. Звали его Флавио, и судя по всему, среди наемников он был единственным, кто принадлежал к дворянскому сословию.

— Место у костра еще есть, — Сказал наемник.

— Для гвойнца сейчас почти что знойно, — Отмахнулся Рауд, — А вот ты иди, погрейся.

Было видно невооруженным глазом, что Флавио замерз. Высокий поджарый наемник кутался в плащ и прятал руки, а стоячий воротник закрывал длинное узкое лицо почти до половины, и все же он упорно делал вид, что не дрожит от холода и сырости.

Южанин ничего не ответил, но и с места не сдвинулся. Рауд счел это признаком доверия, а потому наконец решился спросить:

— Куда мы направляемся?

Флавио дернулся, словно не ожидая, что капитан заговорит, и уставился на него суровым взглядом. В пути наемники не скрывали свои лица за платками, и Рауд успел заметить, что главарь наемников невероятно скуп на эмоции.

— Я безоружен, и мне ничем не поможет эта информация, — Добавил капитан, — Но если не хочешь, не говори.

— Мы будем далеко от твоей родины, — Вымолвил Флавио, — Это всё, что тебе нужно знать.

Пожав плечами, Рауд почесал щеку, заросшую щетиной, и уже собирался отойти в сторону, как наемник вновь заговорил:

— Ты нье похож на севьярянина. Таких волос у них нье бывает.

— Моя мать — дочь зиеконской рабыни, — Рауд никогда не делал из этого секрета. Говоря по правде, он даже гордился тем, что ему — по сути, бастарду — удалось подняться так высоко. Возможно, все дело было в дяде, который не любил своего брата, но души не

чаял в нечистокровном племяннике, которого ему отдали на воспитание практически за ненадобностью.

Где сейчас были единокровные братья Рауда? Все трое кормили в могиле червей, а он, хоть и потерпел недавно поражение, все еще оставался грозой северных морей. Дело в человеке, а не в крови — в этом капитан не сомневался.

— В Хидьяс ты был бы в почете, — Практически без акцента сказал Флавио, — У нас любят бастардов. У нас их считают равноправными наследниками.

— Странный вы народ, южане, — Хмыкнул Рауд.

— Или вы, — Буркнул себе под нос наемник.

Спустя минуту он все-таки сдался и потопал к костру, чтобы согреться, а Рауд все еще стоял возле дерева, понимая, что ответ на свой вопрос он так и не получил. Но на душе все равно стало чуть спокойней, чем было до этого. Какая-то его часть и вовсе загорелась любопытством и захотела узнать, что же будет дальше с ним, наемниками и свитком.

Глава 16. Кирация. Окрестности Талаара. Анкален

Небольшое рыбацкое суденышко с не самым поэтичным названием “Живучий лосось” едва вмещало на свой борт тридцать человек, так что Джеррету пришлось существенно сократить свой экипаж. Большую часть своих людей он оставил в Талааре, а на корабль взял только самых преданных и необходимых — как-никак, вернувшемуся королю полагалась хоть какая-то свита.

И все же на душе у адмирала было беспокойно. Стоя на палубе чужого корабля, облаченный в чужие одежды и назвавшийся чужим именем, он вынужден был молча наблюдать за тем, как капитан “Лосося” распоряжается его людьми и ведет свое корыто к столице. Потомственный рыбак Хетинг показался Джеррету человеком крайне неприятным, но судьба не оставила ему выбора — пришлось согласиться на главное капитанское условие — командовать будет он сам.

Издалека Хетинг напоминал дубовую бочку, вблизи — уродливую детскую куклу с огромным пузом и неподходящими к телу тонкими конечностями. При разговоре он брызгал слюной так, что мог без усилий заплевать собеседника. И все же как назло, в Талааре не нашлось больше ни одного подходящего для этого путешествия корабля.

Который день подряд Джеррет подавлял несвойственное ему раздражение, вызванное то ли персоной Хетинга, то ли дурным предчувствием, поселившимся у него в душе с того самого дня, как Престон хорошенько отчитал его за “самодурство”.

Другу крайне не понравилось, что Джеррет позволил этой эделосской девчонке — Селин — плыть с ними. Чем была вызвана столь явная антипатия к этому безобидному созданию, адмирал не знал, но убедить Престона в том, что встреча с камариллами означает для бедняжки верную смерть, он так и не смог. Друг видел в ней то ли предательницу, то ли шпионку, но Джеррет девчонке верил — уж больно правдоподобно выглядел ее страх и постоянное замешательство.

К тому же, мальчишка по имени Сэвил (именно так они решили называть Селин для остальных) здорово разбавил их скучное плавание. Взять хотя бы их кока Курца — у Джеррета сложилось впечатление, что откормить тощего подростка для него было делом чести и целью всей жизни. Селин не понимала ни слова из его бесконечных тирад, а Курц не прекращал убеждать ее, что истинный моряк должен быть мускулист и силен, как бык.

Но более других счастлив был определенно Атвин — адмирал даже не ожидал, что его серьезный и суровый адъютант способен на столь галантные и милые поступки. Он был так очарован пугливой эделосской девицей, что ходил за ней по пятам и ловил каждый ее вздох. Любуясь на это, Джеррет даже как-то некстати вспомнил свою первую неудавшуюся любовь — восемнадцатилетняя красавица отвергла его, шестнадцатилетнего, объяснив свой отказ тем, что “конопатым и тощим место разве что с уродинами”. Тогда адмирал думал, что его сердце разбито навеки, а всему виной — чертовы веснушки и рыжие волосы.

Сейчас ей было сорок шесть, и она отчаянно пыталась выдать замуж четверых своих дочерей, ни одна из которых не была и отдаленно так же красива, как мать в свои восемнадцать. Среди других видных женихов она упорно слала приглашения на званые ужины и Джеррету, почему-то забыв о том, что он остался таким же худым и конопатым, как и тогда.

Вообще-то Джеррет не любил вспоминать прошлое — в юности он натворил много

ошибок, да и сейчас без них не обходился. С каждым днем вина за сданную мятежникам столицу становилась тяжелее и норвила поплотнее угнездиться у него на плечах. Адмирал рад бы был не думать об этом, но безделье, свалившееся на него по милости капитана Хетинга, не оставляло ему выбора.

Вот и сейчас он, стоя на палубе, смотрел на гладкие воды впереди, но мысли его были уже в Анкалене. План, придуманный на ходу, теперь казался не таким уж и идеальным, а сомнения грызли Джеррета изнутри, не давая ему отвлечься ни на секунду.

Откуда-то справа послышался зычный крик Хетинга, но адмирал не обратил на него внимания. Прислонившись к борту, он вновь задумался о туманном будущем и вернулся в реальность только тогда, когда за спиной раздались громкие шаги.

— Господин адмирал?

Джеррет лениво развернулся, чтобы увидеть перед собой смущенное лицо Атвина. Адмирал подвинулся, позволяя своему адъютанту встать рядом, и кивком велел говорить.

— Я... не хотел вам помешать...

— А чему мешать-то? — Ухмыльнулся Джеррет, — Я тут не команду.

Атвин выдавил неловкую улыбку и опустил глаза вниз. Джеррета до ужаса забавлял тот факт, что при своем медвежьем телосложении этот парень был застенчив, как юная девица.

— Ты хотел что-то спросить? — Вздернул бровь адмирал.

— У меня есть одна просьба. Если вам не трудно... — Атвин взволнованно пожевал нижнюю губу и спустя, кажется, вечность, выдал, — Не могли ли бы вы научить меня эделосскому?

Джеррет не выдержал — рассмеялся.

— Чего не сделаешь, чтобы очаровать девицу, верно? — Прямо спросил у юноши он.

Загорелое лицо Атвина густо залилось краской. Казалось, еще слово, и он убежит прочь, не выдержав такого позора, хотя ничего постыдного в подобной просьбе Джеррет не видел. На месте своего адъютанта он бы, конечно, придумал что-то поинтереснее, но и такой подход вполне сгодится.

— Быть может, лучше научить ее кирацийскому? — Успокоившись, предложил Джеррет, — Вряд ли после случившегося твоя зазноба вернется в Эделосс.

Атвин уставился на него, как на строгого отца, внезапно разрешившего учудить какую-нибудь шалость.

— Но я... я наверное не смогу... — Не понял парень.

— Хорошего учителя из меня не выйдет, но хоть чему-нибудь научу, — Пожал плечами Джеррет, — А дальше сама разберется, не дурочка.

*

Джеррет всегда считал корабли и экипаж своей собственностью, но при этом никогда не входил к дамам без стука. Сейчас он стоял перед дверью в крохотную каюту, где вместе с несколькими моряками, считающими ее мужчиной, поселилась эделосская девчонка, и понимал, что вламываться — как он обычно это делал — не стоит.

Благо, открыла Селин быстро, но при этом, видимо, немало удивилась, что к ней наведалься такой необычный гость.

— Позвольте? — Джеррет перешагнул через порог, и девушка тут же отступила в сторону, пропуская его в каюту.

В мужских одеждах Селин смотрелась не то что бы нелепо, но все-таки забавно, и адмирал позволил себе улыбнуться, оглядывая ее с ног до головы.

Такая маленькая и худенькая, что ее попросту можно не заметить, девушка если и была похожа на мальчишку, то на самого хилого и тщедушного на свете. Волосы ее, какого-то странного пепельно-каштанового цвета, были собраны в хвост на манеру самого Джеррета, а огромные глаза испуганно смотрели на него, часто-часто моргая.

— Ну как вы тут? — Адмирал посмотрел по сторонам. По большому счету, в каюте было не протолкнуться, хотя кроме кроватей и стола здесь больше ничего не было. Не найдя, где бы ему устроиться, Джеррет прислонился спиной к стене и сложил руки на груди.

— Все хорошо, спасибо, — Селин всегда говорила так тихо, что ему приходилось прислушиваться, чтобы разобрать ее слова.

— Парни не обижают?

Тряхнув волосами, девушка отрицательно покачала головой и смущенно потупила взгляд.

— Я вообще пришел кое-что предложить, — Не стал смущать бедняжку Джеррет, — Не хотите научиться кирацийскому? Думаю, вам это будет полезно, если вы не собираетесь возвращаться на родину...

На мгновение Селин подняла на него глаза и словно немного приоткрылась — Джеррет наконец увидел в ней что-то кроме беспросветного страха. То ли любопытство, то ли что-то еще, но все-таки не то восторженное обожание, которым лучился Атвин.

— Но... — Замялась она, вновь завернувшись в броню из страха, — Смогу ли я? Я не уверена, что у меня получится...

— Вы не узнаете, пока не попробуете, — Как можно мягче сказал Джеррет. Говоря с Селин, он каждый раз боялся, что резкий тон его голоса невольно спугнет девушку, и она начнет видеть в нем лютого врага.

— Хорошо, — Неуверенно согласилась она.

Джеррет попытался улыбнуться, надеясь, что улыбка эта вышла дружелюбной, а не зловещей. Девушка вновь несмело подняла глаза и пристально посмотрела на него, словно собираясь что-то сказать. Руки ее нервно теребили прядь волос.

— Не бойтесь, говорите, — Поторопил ее адмирал.

— Скажите, чего хочет от меня ваш повар? — Осмелилась она, — Он так часто что-то говорит мне, а я даже не знаю, как себя вести...

Кажется, они с Атвином были созданы, чтобы его смешить. Джеррет вновь расхохотался, через силу вынуждая себя успокоиться и не смущать даму.

— Я поговорю с ним, — Сквозь смех вымолвил адмирал, — Он — тот еще старый болтун, которого хлебом не корми — а дай кому-то засорить голову. Он просто считает, что вы слишком... худошавы для мальчика-подростка, а потому нужно побольше налегать на его стряпню. Не воспринимайте его болтовню всерьез.

Джеррет не ожидал, что Селин улыбнется, но девушка словно вновь на мгновение забыла о своей боязливости и решила показать другую свою сторону.

Не желая дать ей закрыться в себе еще раз, адмирал решил, что пора уходить. Отстранившись от стены, он развернулся и уже перешагнул через порог, когда Селин неожиданно добавила:

— Спасибо вам.

Ошарашенный этой фразой, Джеррет даже развернулся и переспросил:

— За что?

— Вы очень добрый, — Едва слышно прошептала девушка.

Он дождался, когда Селин поднимет глаза, и только тогда сказал:

— Вы не видели добрых людей. По сравнению с ними я — сущий дьявол.

*

Ремора помнила Анкален двадцатилетней давности, когда люди, ведомые паникой и страхом, сломя голову неслись прочь из города или пытались укрыться где-то на окраинах. Бедные кварталы превратились в сущие трущобы, кишачие крысами и умирающими бездомными, а богатые дворянские районы, украшенные помпезными особняками, словно бы вымерли, оставшись без жителей, разъехавшихся по своим далеким поместьям.

На улицах тогда царили грабежи и разбой таких масштабов, что городская стража попросту не справлялась, а после каждой ночи приходилось собирать растерзанные тела горожан. Уже тогда Ремора поняла, что люди превращаются в зверей, если не пытаться сдерживать их.

И ведь сейчас столица упрямо катилась к тому же самому состоянию. Едва въехав в город в компании таких же безумцев, что и она, Ремора увидела вереницу повозок и телег, что собрались у ворот, требуя выпустить их из города. Испуганные крестьяне наспех собирали свои пожитки и удирали из Анкалена, опасаясь за свои жизни и имущество, но гвардейцам, видимо, было приказано никого не выпускать.

Для въезжающих были отведены маленькие боковые ворота, большие же были заперты тяжелыми деревянными створками и железными решетками. Их, словно осажденную крепость, удерживали несколько десятков гвардейцев с пиками и саблями. Народ кричал и волновался, в запряженных старыми клячами телегах плакали дети, а в солдат летели булыжники, но ворота оставались незыблемы.

Еще глубже натянув капюшон, скрывающий ее белые волосы, Ремора дернула поводьями и пустила Калистину кобылу рысью, лавируя между разломанными телегами и разбитыми бочками. Ей хотелось поскорее уехать подальше от этого безумия, хотя принцесса уже знала, что с ума сошел весь город.

Она двигалась дальше, но впереди ее взору открылись не менее удручающие картины — кто-то додумался устроить балаган прямо посреди площади Трех гильдий. Чумазные крестьянские дети столпились вокруг наспех сколоченной сцены, где два человека, наряженные шутами, показывали кукольное представление. Странность кукол была заметна даже издали — две игрушки сшили в одну так, чтобы у человечка было по четыре руки, четыре ноги, и по две головы. Естественно, у одной куклы головы были рыжая и белая, а у другой — белая и черная.

Шуты выкрикивали какие-то пламенные речи, бросая кукол на землю и топча их ногами, а Ремора ехала дальше, в сторону здания торговой гильдии, напротив которой словно из ниоткуда вырос эшафот. Помимо плахи здесь красовалась и виселица, а на пиках болтались изъеденные воронами отрубленные головы. Карканье и сейчас раздавалось где-то над головой, но пировать разлагающейся плотью наглые падальщики почему-то не спешили.

Ремора злилась на себя а отсутствие плана, но сидеть сложа руки она тоже не могла — под угрозой была не только ее жизнь, но и жизнь самых дорогих для нее людей. Принцесса была полна решимости отыскать Эйдена во что бы то ни стало, хотя пока что она даже отдаленно не представляла себе, что ей придется для этого сделать.

Месяц назад она была принцессой этого королевства, вторым человеком в стране, а теперь не знала даже, кто во всей столице точно поможет ей, а кто — предаст, не моргнув глазом. К тому же, Ремора была совершенно незащищена — на поясе у нее висел кинжал, но

управляться с ним принцесса толком не умела. Она была уверена, что если с ней что-то случится, те скудные навыки, которые у нее имелись, непременно ее подведут.

Как она могла одновременно гарантировать себе безопасность и начать при этом действовать? Для этого Реморе необходим был сильный союзник, но брат сейчас находился неизвестно где, причем, скорее всего в обличье Джеррета, а Эйден был в плену у мятежников.

Хватит ли у нее смелости и сил потребовать встречи с их предводителем? Калиста утверждала, что мятеж принадлежит зиеконцам и Лукеллесу — если так, то принцесса вполне могла бы попробовать добиться его аудиенции. Торгаш был редкостным хитрецом и последней мразью, но Ремора его не боялась. Это ему бы стоило бояться ее...

Но пока что она была у всех на виду, словно на ладони. Миновав площадь гильдий, Ремора свернула на боковую улочку, где густо воняло дымом, и увидела на старой заросшей плесенью брусчатке свежую кровь. Мертвое тело небедного с виду горожанина обнаружилось неподалеку — видимо, его решили ограбить, а потом убили.

Принцесса сбилась со счета, сколько мародеров и сожженных домов попало ей по пути. С каждой минутой ее сердце все сильнее сжималось от страха, а руки охватывала дрожь. Простецкий плащ не должен был выдать ее происхождение, но лошадь для бедной крестьянки действительно была слишком хороша — к тому же, редко в каких простых семьях девиц учили ездить верхом. Ремора надеялась, что при свете дня никто не покусится ни на ее кошелек, спрятанный под плащом, ни на кобылу, ни на нее саму (наильников сейчас было не меньше, чем простых грабителей), а к вечеру она уж точно отыщет более-менее приличный постоялый двор.

Именно этим она и занялась, миновав особо бушующие районы города. Со стороны порта явно было несколько спокойней, и Ремора стала спускаться вниз по улицам, туда, где мещане держали недурные гостиницы для богатых заморских торговцев и иностранных гостей.

Постоялый двор “Морской черт” с виду казался довольно приличным — крепкое трехэтажное здание было выложено из камня и даже могло похвастаться маленькими коваными балкончиками и красной черепичной крышей. На вывеске красовался тот самый черт из старой народной песенки, которую в детстве так любил Джеррет. Честно говоря, никто лучше этого рыжего недоразумения ее и не пел...

Не успела Ремора въехать во двор, как к ней подскочил мальчишка-конюх, сам похожий на чертенка черными взлохмаченными волосами, торчащими в разные стороны. Принцесса спешила, вверила кобылу мальчишке и, преодолевая дрожь в коленях, двинулась через пустынный двор.

Внутри гостиница выглядела скромной, но опрятной — многочисленные, пусть и небольшие окна пропускали дневной свет, деревянная лестница, видимо, вела наверх, к жилым комнатам, а впереди по коридору виднелся просторный с деревянными обеденными столами.

— Чего желаете, сударыня? — Раздалось у Реморы за спиной.

Обернувшись, принцесса увидела перед собой невысокого бородатого человечка с круглым брюшком. Он гостеприимно и широко улыбался, но что-то в его улыбке вызвало в Реморе смутное недоверие.

— Ох, господин! — Она притворно приложила руку к груди и глубоко вздохнула, вживаясь в роль, — Испужали вы меня!

Дольше оставаться в капюшоне она не могла. Ремора дерганно стащила его с головы и выпустила наружу наспех сплетенную косу. Принцесса надеялась, что ее ухоженный вид не вызовет особых подозрений — мало ли какие служанки могли водиться в домах богатых господ.

— Не хотел, извиняюсь, не хотел, — Переваливаясь с ноги на ногу, мужичок обошел ее кругом, — Так вам чего, красавица?

— Комнату бы мне, — Ремора с наивным видом огляделась по сторонам, — Да только такую, чтобы госпоже моей по нраву пришлась. А то она у меня такая... с ней не забалуешь!

Принцесса попыталась по-простецки улыбнуться и принялась взволнованно теревить косу, невинно хлопая ресницами.

— Комнату... Это можно, — Хозяин гостиницы сложил короткие руки на круглом пузе, — А госпожа-то ваша где сама? Да и кто такая будет?

Реморе захотелось плюнуть в эту масляную рожу. На кой черт тебе это знать, скотина!?

Продолжив играть свою роль, она вновь нацепила на лицо улыбку, на этот раз немного лисью:

— Ох, и все-то вам надо знать, господин!

— Ну, сами понимаете, сударыня, — Развел руками хозяин, — Времена нынче беспокойные. В столицу ежели кто и едет, то только те, кому оно выгодно. Хотя... вы, может, и правы — нечего такую красавицу расспросами мучать, — Он придвинулся чуть ближе с похотливой ухмылкой на лице, — Вам-то, сударыня, могу и задаром ночлег предоставить...

Не ожидая такой наглости, Ремора скривилась от отвращения и отшатнулась назад. Мимо внимания хозяина это не проскользнуло:

— Что ж ты, душечка!?

Опешив, Ремора не смогла придумать ничего лучше, чем выскочить из дома во двор, на ходу натягивая капюшон. “Он меня сдаст” — понимала она, бегло соображая, что делать дальше. Обшаривая взглядом двор, принцесса судорожно искала конюшню, где мальчишка мог поставить ее кобылу. “Дура” — проклинала она себя. “Только идиотка могла решить, что от тебя ничего не попросят, тем более, в такое время”.

Путаясь ногами в собственном неудобном плаще, Ремора бежала к длинному темному зданию справа от гостиницы. В спешке она едва не поскользнулась на конском навозе и не рухнула лицом прямо в грязь, что осталась после вчерашнего ливня.

Добравшись до конюшни, Ремора дала себе мгновение, чтобы привыкнуть к ударившей в нос вони, оглядела стойла, ища свою кобылу, и только тогда поняла, что за спиной у нее раздался какой-то звук. Не прошло и секунды, как чья-то рука в черной перчатке обхватила ее за плечи.

Это был кто угодно, но не хозяин постоянного двора. Сердце Реморы пропустило удар. Должно быть, во второй руке у нападавшего был нож, и стоит ей пошевелиться, как ее жизни придет конец.

— Пообещайте не поднимать шум, Ваше Высочество, — Прошептал знакомый мягкий голос ей на ухо.

Не пытаясь высвободиться из его хватки, Ремора развернулась, и рука, сжимающая ее плечи, тут же ослабла. Полностью облаченный в черное человек медленно снял капюшон, открывая ей свое лицо.

Рыжеватые, похожие на солому волосы, глубоко посаженные глаза и пухлые губы —

Чарльз Ферингрей всегда казался ей обыкновенным мужчиной, но сейчас почему-то показался особенно уродливым. Неблагодарный предатель, он стал теперь их врагом, хотя без Тейвона был бы никем.

— Ах, капитан! — Прошипела Ремора, — Вы пришли убить меня? По чьему приказу? Зиеконцев? Лукеллеса?

Не сдержавшись, она даже долбанула ему кулаком в грудь, но Ферингрей словно и не почувствовал удара. Строгое выражение его лица ничуть не переменилось, пока он окидывал принцессу взглядом:

— Успокойтесь, Ваше Высочество. Вы должны следовать за мной, если не хотите попасть в неприятности.

— По-вашему, я должна вам верить?

Ферингрей заглянул ей в глаза:

— Я на вашей стороне, что бы вы там себе ни думали. Гораздо проще затеряться в стае волков, притворившись им.

Ремора сжала губы в тонкую ниточку. С одной стороны, доверять Ферингрею было рискованно, но с другой у нее не осталось выбора. Даже если ей удастся выбраться из этого постоянного двора, кто сказал, что в другом все сложится иначе?

— О вашем прибытии в Анкален уже известно тому, кому не стоило бы об этом знать, — Продолжил капитан, — И если вы ему не подчинитесь, он найдет способ избавиться от вас.

— Подчинюсь? — Ремора хмыкнула, надеясь, что выглядит при этом самоуверенно, — И чего же он хочет?

— Пока что самого малого — поговорить.

Глава 17. Кирация. Анкален. Восточное море

Особняк столичной комендатуры или иначе — военный штаб — был для Реморы памятным местом. Здесь с ней в первый раз заговорил человек, без которого она теперь не представляла своей жизни и которого любила всем сердцем. Тогда Эйден был всего-навсего нескладным восемнадцатилетним юнцом с дурацкой широкой улыбкой и смешным пушком на подбородке.

Теперь же Ремора шла по этим длинным узким коридорам и думала о том, что с ним могло случиться. Ей нужно было добраться до Эйдена любой ценой, любым способом, и если этот способ ждал ее впереди, то она готова была его испробовать.

Ферингрей шел впереди, подметая пыльный пол своим длинным плащом. На стенах часто горели факелы, но вместо света они давали только ощущение духоты и тесноты — или, может, Реморе просто так казалось из-за волнения?

Охраны в штабе практически не было — видимо, всех гвардейцев направили поддерживать порядок на бушующих улицах — а потому в безмолвных пустых коридорах каждый шаг отдавался гулким эхом.

Ремору ожидали в просторном, но достаточно темном зале с окнами под самым потолком, огромным камином и многочисленными богато отделанными креслами, издалека похожими на троны. Во времена, когда здесь распорядился Эйден, этим залом практически не пользовались, а потому принцесса не помнила ни кресел, ни ковра, ни гобеленов на стенах.

Из-за темноты и пасмурной погоды факелы пришлось зажечь даже днем, и в свете мерцающего пламени Ремора увидела человека, о котором намеревалась забыть и не желала никогда больше встретить.

За двадцать лет он постарел, стал еще более крупным и дородным, чем раньше, но пышные усы и аккуратно подстриженная борода остались прежними. Увидев Ремору, он широко улыбнулся, но с кресла не встал, а лишь развел руки в гостеприимном жесте:

— Какая честь видеть вас здесь, сударыня. Я безмерно рад вновь встретиться с вами!

— Не могу ответить вам тем же, господин Фадел. Честность все еще остается для меня в приоритете.

Повинуясь его жесту, Ремора опустилась в кресло рядом с ним, сложив трясущиеся руки на коленях. В зале было тепло, но принцессу била дрожь.

— Как и для вашего брата, полагаю? — Усмехнулся Лагат Фадел, явно ощущающий себя здесь полноправным хозяином.

Только сейчас приметив замершего в дверях Ферингрея, старик махнул ему:

— Эй, капитан! Принеси-ка нам с гостьей вина, не стой столбом.

С большим трудом проглотив такое пренебрежительное обращение, Ферингрей медленно развернулся и вышел из зала. Глаза Фадела, чуть прикрытые тяжелыми веками, вновь обратились к Реморе, ожидая ответа.

— Как и для моего брата, — Кивнула она, ожидая неизбежной провокации.

— Тогда, может, вы скажете, куда она подевалась в тот момент, когда после кончины вашего отца меня сместили с должности, чтобы в конечном итоге через пару лет отдать ее юнцу, согревающему вашу постель?

— Как раз тогда она была на положенном месте, — Сверкнула глазами Ремора.

Надменный тон Фадела, казалось, придал ей сил. Принцесса ярко и во всей красе вспомнила, сколько проблем доставил Кирации этот человек, — Именно вы допустили то, что творилось после смерти отца в Анкалене.

— А то, что творится здесь сейчас, допустил ваш любовник. Признаться, я даже не думал, что нам удастся так быстро захватить город...

“Что же с тобой стало?” — подумала Ремора. Ей до сих пор не верилось, что Эйден, ее Эйден — справедливый, умный, решительный — вдруг взял и допустил то, что мятежники захватили столицу за считанные часы. Но это было правдой — жестокой и беспощадной.

— Капитан Ферингрей сказал, вы хотите поговорить, — Принцесса напряженно сцепила пальцы в замок, — Я вас слушаю.

Откинувшись на спинку кресла, Фадел негромко рассмеялся, покрытая мелкими морщинами кожа натянулась на круглых щеках:

— Вы совершили ошибку, явившись в столицу, сударыня.

— Да как вы смеете? — Возмутилась Ремора, — Вы разговариваете с сестрой короля. В его отсутствие власть в Кирации принадлежит мне...

— Уже не вам. И не вашему брату. Армия присягнула на верность новому правителю, а народ... народ давно не видит в ветувьярах богов. Те времена давно прошли.

Ферингрей принес темную бутылку и два хрустальных бокала. Поставив все это на низкий столик между креслами, он принялся разливать вино четкими, выверенными движениями, хотя Ремора не сомневалась, что сейчас его мысли заняты далеко не исполнением комендантского приказа.

— Армия? — Удивилась она, — Чья же? Ваша?

Что ж, двадцать лет назад она не уберегла Тейвона от ошибки, позволив ему сослать провинившегося столичного коменданта в захолустный городок на юге Кирации. Фадел должен был ползать у брата в ногах за одно только то, что ему даровали жизнь, а он, оказывается, отсиживался на краю королевства и плел заговоры.

— Не только моя, — Качнул головой старик, поднимая бокал, — Ветувьяры тщеславны, и в Кирации хватает людей, мечтающих их низвергнуть. Среди военных их тоже хватает...

— И кто вам заплатил за это? Зиекон? Эделосс? Камарилы? Может, Гвойн?

Развалившись в кресле, Фадел хлебнул вина и лениво посмотрел на собеседницу:

— Вы задаете не те вопросы, сударыня.

— Хорошо, — Прошипела принцесса, — Я могу задать другие. Назовите мне имя предателя, посягнувшего на корону.

— А разве ваша ветувьяр еще не уведомила вас об этом? Не держите меня за дурака, его имя и без меня вам прекрасно известно.

“Жирная мразь” — подумала Ремора, “И как только смелости хватило?”

— И все же это не тот вопрос, который я от вас жду, — Фадел сделал еще глоток.

Ремора понимала, что идет у него на поводу, но если она хотела получить ответы, то вынуждена была играть по его правилам.

— Что с графом Интлером? Где он?

Старик расхохотался, словно она сказала что-то очень смешное. Реморе внезапно захотелось пронзить его кинжалом, но Ферингрей отобрал его перед тем, как привести ее сюда, утверждая, что это нужно для ее же блага.

— Ах, женщины, — Успокоившись, Фадел дал себе мгновение, чтобы отдышаться, — Жаль, что моя женушка никогда обо мне так не беспокоилась. Глядишь, я б и не тратил

столько денег на шлях... .

Ремора упорно ждала, пока он посмеется над собственной шуткой.

— Вновь не тот вопрос, сударыня, — Выдохнул комендант, — Неужели вы не столь умны, как кажется?

— За кого вы меня считаете? За свою дрессированную собачонку!? — Не сдержалась Ремора.

— Вы угощайтесь, сударыня, не стесняйтесь, — Фадел поерзал в кресле. Ремора не притронулась к бокалу, — А вопрос ваш должен быть вот каким: что от вас требуется для того, чтобы король вас помиловал?

Принцесса едва не вскочила на ноги от внезапно нахлынувшей ярости. Она вонзила ногти в ладони, чтобы успокоиться, но единственное, чего ей по-настоящему хотелось — это расцарапать этими ногтями нагло улыбающуюся рожу перед ней.

— Возможно, если вы будете особенно покладисты, король смилуется и над вашим братом. А вы просто скажете ему не делать глупостей...

— Глупость совершаете вы, — Едва совладав со своим голосом, вымолвила Ремора.

— О, снова пустые угрозы! — Притворно испугался Фадел, — Вы действительно похожи на собачонку — маленькую, беззащитную, но все равно тьявкающую. И очень дорогой породы, с милостивой мордочкой...

— Мерзавец! — Вскочила на ноги Ремора, — Ты заплатишься за свои слова!

Фадел не реагировал на нее, и только когда принцесса бросилась к выходу, наконец выкрикнул:

— Ферингрей!

Все это время капитан стоял под дверью. Не успела Ремора переступить через порог, как Ферингрей переградил ей путь, схватил за плечи и повернул обратно, к лениво потягивающему вино коменданту.

Только сейчас Ремора поняла, что она натворила, поддавшись ярости и страху. Зачем она побежала? Неужели надеялась, что сможет выбраться из военного штаба и укрыться где-то в городе? Идиотка!

— Отведи ее наверх, пусть подумает над своим поведением. И впредь следит за языком! — Фадел даже не смотрел на нее, — Завтра побеседуем еще разок...

У принцессы хватило самообладания, чтобы промолчать. Ферингрей взял ее под локоть и осторожно вывел из зала. В коридоре Ремора позволила ему провести ее пару метров, а потом вырвалась из хватки капитана, со злостью на него зыркнув:

— Вот, значит, кому вы теперь служите, Чарльз. Похвальный рост — быть на побегушках у старого предателя!

На мгновение Ферингрей растерялся, а потом шагнул к ней и вновь схватил за локоть:

— Ваше Высочество, прошу вас, тише! Мы поговорим с вами в более удобном для этого месте.

Они поднялись наверх по узкой каменной лестнице — пыльной и почти не освещенной. Ремора все еще старалась выглядеть как подобает особе королевской крови, хотя сейчас ей очень хотелось забиться в укромный угол и разрыдаться. Ферингрей провел ее по коридору и впустил в какую-то скудно обставленную комнатенку, где воняло запущением и пылью. Здесь не было ничего, кроме узкой деревянной кровати, стула, стола и крохотного окошка.

Ремора прошлась по комнате, удивляясь тому, почему Фадел не выбрал для нее тюрьму еще хуже, но Ферингрей остался в коридоре.

— Дождитесь меня, Ваше Высочество, — Сказал он, — Я приду, как только смогу. Сами понимаете, что наше с вами общение не должно вызывать подозрений.

Реморы хватило только на то, чтобы кивнуть. Она и сама не желала сейчас никаких бесед, тем более, с предателями.

*

Ферингрей вернулся под вечер, когда за окном уже начали спускаться сумерки, а Ремора успела выплакать все слезы, что в ней были. Принцесса распахнула перед ним дверь, совершенно не заботясь о том, что лицо ее опухло, глаза покраснелись, а волосы растрепались. Большого от нее они все равно не получают.

Капитан зажег свечу и устроился на стуле возле окна, закинув ногу на ногу.

— Вы плакали, Ваше Высочество? — Равнодушным тоном поинтересовался он.

— Что же вы, капитан? — Поморщилась принцесса, — Прекратите звать меня “высочеством”. Зовите собачонкой, а как ваш новый командир.

— Он не должен был оскорблять вас.

— Вы пришли сюда извиняться за него? — Хмыкнула Ремора, — Если так, то не утруждайтесь. Не смею вас задерживать.

Капитан поднял на нее серые глаза:

— Вы можете рассчитывать на мою помощь. Я присягал на верность вашему брату, а не этому торгашу.

— Вот как? И где же была ваша верность, когда “этот торгаш” захватывал столицу?

— Моих людей попросту перебили бы, окажи они сопротивление, — Поспешил оправдаться Ферингрей, — Силы мятежников превосходили королевскую стражу в несколько раз.

— А городская гвардия? — Уже задав этот вопрос, Ремора вдруг поняла, что вновь подводит разговор к Эйдену.

Она заметила, как помрачнело его лицо при упоминании гвардии. Ремора надеялась когда-нибудь узнать причину взаимной антипатии Ферингрея и Эйдена.

— Граф Интлер... был не готов командовать сражением. И я принял решение за него. Решение сдать город мятежникам.

Он потупил голову, избегая смотреть Реморе в глаза.

— Что с Эйденем? — Кажется, в сотый раз спросила принцесса, — Где он?

— Насколько мне известно, он находится в особняке Вивер. Под стражей. Мы лично не встречались, но я слышал, что он чем-то болен.

— Мне необходимо встретиться с ним. Как можно скорее.

— Ваше Высочество, — Заглянул ей в глаза капитан, — Боюсь, это невозможно. За вами могут следить...

— Я должна знать, что с ним, — Ремора почувствовала, что непрощенная слеза вновь катится по щеке.

— Нет, — Покачал головой Ферингрей, — Это слишком рискованно.

Теперь, когда самые страшные ее опасения подтвердились, Ремора поняла, что уже ничего не боится.

— Вы думаете, мне есть, что терять? — Усмехнулась она, — У меня нет ни войска, ни сильных союзников. Только он.

— Вы заблуждаетесь, — Возразил капитан, — Еще у вас есть брат. Нет, не Тейвон Кастиллон — Джеррет Флетчер. И я готов дать голову на отсечение — он уже направляется

сюда. С войском и оружием.

Ремора хотела усмехнуться, но не смогла. Оставшись на несколько часов наедине с собой, она успела обдумать все возможные варианты развития событий и прийти к выводу, что сейчас Кирации — а в особенности Анкалену — действительно был нужен не политик в лице Тейвона, а воин. И только Джеррет может поставить на место распоясавшегося Лукеллеса с его крысами. Вот только хватит ли у него сил?

Его корабли заметят издалека и даже не пустят в город, если адмирал не придумает способ, как сюда попасть. В том, что хитрости у Джеррета хватит, Ремора не сомневалась, но в достатке ли у него осторожности? Ветувьяр Тейвона отважен, но временами безумен и поистине непредсказуем. Да и как можно выставить моряков против конницы? Это казалось бредом сумасшедшего.

— Но теперь вы — заложница коменданта, — Спустя некоторое время продолжил Ферингрей, — Не усложняйте ситуацию еще больше.

— Не думала, что вы столь жестоки, капитан, — Склонила голову Ремора. За встречу с Эйденом она разорвала бы плотку чудовищу, а уж спор с Ферингреем для нее был и вовсе пустяком.

Принцесса считала себя умной женщиной и всю жизнь пыталась поступать, руководствуясь разумом, а не сердцем. Но куда привел ее этот разум? Все вокруг все равно считали ее слабой и глупой, только лишь потому, что она носила юбку.

Читая письмо Калисты, она неожиданно поняла кое-что важное — у нее действительно было то, о чем ее ветувьяр не могла даже мечтать — Ремора любила и была любимой. Да, ее история не из песни и не из легенды, но она осязаема и реальна. И ради того, кем был для нее Эйден, Ремора была готова на все. Принцесса не любила выставлять свои чувства напоказ — она была вспыльчива и холодна, могла отослать его прочь и избегать встреч, но сейчас ей было необходимо дать Эйдену знать, что все это время она заслуживала его любви.

— Я могу больше никогда не увидеть его, — Не до конца понимая, что она произносит это вслух, выговорила принцесса.

Ферингрей сдержал какую-то эмоцию, которая явно собиралась вылезти наружу, и лицо его приняло отстраненное натянутое выражение:

— Не пытайтесь давить на мою жалость. Я не поддаюсь. Даже женщинам.

Он избегал смотреть Реморе в глаза, но принцесса уже решила идти до конца:

— Вы ненавидите его. Я знаю. Но не знаю, за что...

Когда капитан поднял глаза, он показался ей совершенно другим человеком. В нем не было того безупречного офицера, которым Ферингрей казался с первого дня своей службы.

— Вы полюбили не того человека, Ваше Высочество, — Он словно сражался с собственным языком, заставляя его выговаривать слова, — Он кажется вам благородным рыцарем, но на деле... у него нет чести. Его отец, конечно, быстро замял эту историю, но стереть мне память он был не в силах.

— Что у вас с ним произошло?

— Не с ним, не с Эйденом. Но с его молчаливого согласия.

Ферингрей потер переносицу и сцепил пальцы в замок, потупив взгляд. Продолжал он отрывисто и сухо, словно отчитываясь перед командиром:

— Дело в его брате. Клавере Интлере.

— Он погиб на дуэли четырнадцать лет назад, — Вспомнила Ремора, медленно догадываясь, к чему ведет капитан.

— Все верно. Это я его убил. Кровь за кровь, как сказать. Эйден был на той дуэли секундантом с его стороны. Он подтверждал, что между Эррис и его братцем ничего не было.

— Эррис?

— Эррис Ферингрей. Моя сестра. Она любила эту мразь больше жизни, но разве захочет старший сын графа жениться на дочери мелкого землевладельца из провинции? Я говорил ей, что она совершает ошибку. А когда она пришла ко мне в слезах и с бастардом в животе, я даже накричал на не. Может, и я отчасти виноват в ее смерти... Но я не заставлял ее идти унижаться перед этим уродом.

— И что Клавер? — Не без подлинного интереса спросила Ремора.

— Он убил ее. Я знаю это наверняка, потому что их конюх видел, как слуга на заднем дворе закопал тело девицы. Но что значит мое слово против слова графского сына? Двух сыновей... Мне не оставалось ничего, кроме поединка. И правда оказалась на моей стороне.

— Эйден мог не знать... — Растерянно заявила Ремора, — Он бы не поступил так.

— Но все же поступил. Он всегда был слаб.

Ремора знала, что не сможет переубедить его. О той дуэли она еще поговорит с Эйдемом, если выпадет такая возможность, но пока принцесса все еще не оставляла попыток достучаться до капитана.

— Чарльз, — Она не заметила, как назвала его по имени, — Вы хоть раз в жизни любили?

— На свете нет людей, заслуживающих любви, — Бросил он.

— А как же ваша сестра? Она ее тоже, получается, не заслуживала?

— Эррис была дурой. За это и поплатилась, — Он поднялся на ноги и поспешно прошел к двери.

Пробила ли Ремора его броню? Чиркнула ли мечом по грубой стали? Оставалось только надеяться.

— Если в вас есть хоть капля жалости... — Взмолилась Ремора перед тем, как Ферингрей распахнул дверь.

Даже не обернувшись, он вышел, вновь оставив принцессу наедине с собственной ничтожностью.

*

Ученик корабельного лекаря Сэвил, под маской которого скрывалась эделосская беглянка Селин, в экипаже пузатого рыбацкого судна не то чтобы и не прижился, но и своим не был. Большинство моряков странно косились на нее, принимая то ли за слабоумного, то ли за ребенка, а те, кто и воспринимал как-то всерьез, в один голос пытались научить ее умуразуму.

Больше всех Селин раздражал этот болтливый повар, на которого Флетчер просил не обращать внимания. Он казался глупым и навязчивым, но главное — постоянно норовил заставить ее впихнуть в себя побольше еды, словно от этого ему станет легче жить на свете.

Чтобы не привлекать к себе лишнего внимания, ей пришлось жить в общей каюте с другими моряками, но и те постоянно цеплялись к ней, талдыча что-то на своем языке. Единственной защитой от них стал Атвин, который, видимо, перетягивал их язвительные шуточки на себя.

Юноша помогал Селин во всем, и девушка понимала, что без него ей было бы намного тяжелее. То, как они научились общаться без слов, тоже казалось странным, но почему-то

забавляло ее, словно было игрой, которая продолжалась уже много дней.

И все же главной ее отдушиной стало предложение Флетчера и последовавшие за ним уроки. Очевидно, рыжему адмиралу тоже было нечем заняться в плавании, раз он решил научить ее своему языку. Они занимались где-то по часу каждый день, и поначалу Селин очень боялась чем-то прогневить своего наставника — задать вопрос или попросить объяснить еще раз. Потом страх постепенно начал уходить, и тогда дело пошло на лад — спустя неделю девушка уже знала весь алфавит и могла худо-бедно нацарапать пару слов на кирацийском.

Говорить она училась еще и с Атвином — парень показывал ей предметы и называл, как их имена звучат на его языке. Селин старательно повторяла чуждую слуху речь, а моряк улыбался, когда она делала ошибку, и хвалил ее, когда девушка оказывалась особенно успешна. Постепенно и ее ухо, и ее язык привыкли к звукам кирацийской речи, хотя узнать нужно было еще очень и очень многое.

На закате очередного дня их неспешного плавания Селин сидела на краю деревянного ящика, что стоял прямо на палубе, и болтала в воздухе босыми ногами. Теплый соленый ветерок обдувал ее лицо и стянутые в хвост волосы. Сейчас девушке казалось, что настоящая осень никогда не наступит, а это мгновение — такое тихое и спокойное — не закончится.

— Мо-о-о-ре, — Растягивая каждый звук, говорила она Атвину, — Во-о-о-лны.

Парень сидел рядом прямо на досках палубы, не сводя с нее восторженных глаз. Внимание Атвина, конечно, было приятно Селин, но иногда ей казалось, что юноша смеет на что-то надеяться...

Ей нравился Атвин — он явно был хорошим, добрым человеком и верным другом, но воспринимать его так, как женщине стоило бы воспринимать мужчину, у нее не получалось. Селин боялась показать это и тем самым разбить юноше сердце, но она знала, что однажды настанет момент, когда ей придется обозначить эту границу между ними. Скорее всего, с тех пор они больше не увидятся, и всю оставшуюся жизнь девушка будет чувствовать себя виноватой. Что ж, она и без того совершила много ошибок — пусть на ней будет еще один грех.

— Ты молодец, — Четко, чтобы она непременно поняла, проговорил Атвин на кирацийском. Ветер играл его растрепавшимися кудрями, они хлестали по бычьей шее и широченным плечам, на которых едва не лопалась простая льняная рубаха. Селин в очередной раз спросила себя — сколько силищи скрывалось в этом добродушном парне? Смог бы он побороть камарила? — Очень хорошо.

Селин улыбнулась — как раз в тот момент, когда неподалеку послышались шаги.

Он появился словно из ниоткуда, и Атвин тут же вскочил на ноги, встав навтыжку перед своим командиром. Адмирал Флетчер — достаточно высокий для мужчины — был едва ли не на голову ниже Атвина и выглядел рядом с ним совсем маленьким и тонким, как молодое деревце рядом с вековым дубом.

Адмирал не обратил на юношу никакого внимания — глаза его смотрели только на Селин, мгновенно смутившуюся от этого взгляда.

— Готовы? — Спросил он на эделосском.

Застенчиво кивнув, Селин послушно поднялась и последовала за Флетчером в адмиральскую каюту, откуда он выжил капитана этого судна — противного и крикливого человека с колкими маленькими глазками.

Закрыв за ними дверь, Флетчер зажег свечу и расположился в своем кресле, водрузив

длинные ноги в сапогах прямо на капитанский стол. Селин заняла положенное ей место в кресле напротив, сложила руки на коленях и задумчиво уставилась на свои ногти, ожидая сегодняшнего задания.

— Селин, научитесь уже смотреть людям в глаза, — Недовольно заметил Флетчер.

Исправляя свою ошибку, девушка медленно подняла на него взгляд и заметила на длинном лице довольную улыбку.

— Вот, так гораздо лучше, — Мягко добавил он.

Рука его легла на столешницу и принялась отстукивать легкий ритм.

— Берите книгу, — Флетчер перешел на кирацийский. Эту фразу Селин хорошо знала.

Она потянулась за небольшим томиком в коричневом кожаном переплете, что лежал сверху стопки с книгами. Закладкой им служило маленькое черное перо, непонятно откуда взявшееся. Открыв нужную страницу, Селин погладила пальцами исполосованный чернильными строками старый пергамент и начала читать:

— Серд-це в во-дах оке-а-на ро-зой крас-ной за-цве-ло... В вих-рях с-си-не-го ту-ма-на м-не тво-е ли-цо взо-шло... Ша-лят...

— Жалят, — Поправил ее Флетчер, — Там будет звук “ж” — “Жалят острыми шипами душу мне твои слова...” Давайте, последнюю строку. Почетче.

— К-как бы м-не на-зад вер-нуть-ся, про-бу-дись-я о-то сна, — Гордо завершила четверостишие Селин. Стихи казались красивыми, хотя девушка понимала только около половины их смысла. Внезапно ее обуяло несвойственное ей любопытство, и она спросила на эделосском, — А вы знаете эти стихи наизусть?

— Мой учитель словесности был жесток со мной, — Сообщил Флетчер, — Поэтому да, знаю. Большую часть.

— Эти стихи красивые, — Несмело пискнула Селин.

— Вряд ли, — Пожал плечами адмирал, — Они просты, как белый день. Даже мои юношеские поэтические потуги, кажется, были оригинальней.

— Вы писали стихи? — Удивилась девушка.

Поджав тонкие губы, Флетчер рассмеялся. В простой рыбацкой одежде — льняной рубаше, грубых широких штанах и низких сапогах с просторным голенищем — даже он не казался таким уж утонченным и аристократичным, но вместе с тем в нем появилось что-то мужественное и сильное, чего Селин раньше не замечала.

— А разве в юности этим занимаются не все? — Нахмурился он, — Когда ты молод и влюблен, так и тянет марасть бумагу всякой ерундой. Уверяю, Атвин тоже царапает что-то про вас...

Эти слова ударили так неожиданно, что кровь резко прилила к лицу Селин, а смущение вновь заставило ее опустить глаза вниз. Откуда он знает?

— Ему не стоит этого делать, — Выдавила девушка, понимая, что отпираться бесполезно — Флетчер не слепой, чтобы не замечать, как смотрит на нее его подчиненный.

— Почему же? — Усмехнулся адмирал, — Ваше сердце отдано другому?

Этот вопрос прижал ее к стене. Селин подняла глаза и посмотрела в лицо адмиралу. Что она должна ему сказать? Почему Атвин ей не мил? Она и сама не знала.

А потом вдруг поняла. Это осознание кольнуло ее так резко, так больно и в то же время приятно, что девушка опешила — наверное, от неожиданности этой простой истины и собственного безумия.

Что есть любовь? Если это то самое сбивчивое, волнительное и странное чувство,

которому невозможно дать разумного названия, то самое, что ощущали ее родители когда-то давно, когда мама еще была здорова, а отец не пил, то самое, которое Селин и не надеялась встретить в своей жизни, то она уже его испытывала. Прямо сейчас и несколько раньше — только тогда, когда смотрела на адмирала Кирации Джеррета Флетчера.

Это ведь и есть то, что должна чувствовать женщина к мужчине?

Нет, это не могло быть правдой. Селин опустила глаза, надеясь, что сердцебиение восстановится быстро. Это все бред, наваждение, выдумка. Ну какой еще Флетчер? Он ведь и вовсе ее враг, он кирациец!

— Не хотите говорить, — Ответил сам себе адмирал, — Что ж, дело ваше. Только прошу — не разбивайте сердце моему адъютанту, он гораздо более хрупок внутри, чем снаружи.

— Его сердце будет в целости, — Не поднимая глаз, отозвалась Селин.

“А вот мое..?” — спросила она саму себя.

Нужно поднять глаза и делать вид, что все в порядке. Это оказалось труднее, чем она думала, но в конце концов девушка все-таки посмотрела в глаза Флетчеру, изучая его, словно в первый раз.

Как же так вышло? В песнях и сказках любовь была другая, красивая и возвышенная, а здесь...

Перед ней сидел не красавец, не принц и не рыцарь. Просто добрый и храбрый человек, что вел себя с ней, как с благородной леди... Но в этом ли была загвоздка?

Нет, просто, таких, как он, единицы — в нем было что-то, чего Селин не встречала в других мужчинах. Своим видом он напоминал острый нож, но рядом с ним девушка ощущала себя в безопасности.

“Не красавец” — думала Селин и тут же пресекала себя — а скольких по-настоящему красивых мужчин она видела? Флетчер был не уродливей остальных — высок, строен, гладко выбрит. Да, он не был юн, как Атвин, но молодость его бушевала в самом своем расцвете и явно не собиралась уходить.

И все же на что ему Селин? Она ведь обыкновенная деревенская простушка без рода и племени, да и страшила, каких поискать... Девушке стало стыдно за саму себя.

“Наваждение” — твердила себе она. Видимо, ее разум настолько заскучал, что решил придумать какую-то глупость, чтобы ее развлечь.

— Еще читать? — Спросила она на кирацийском.

Не отрывая от нее пристального взгляда, Флетчер кивнул.

Глава 18. Эделосс. Пограничное предгорье. Кирация.

Восточное море

“Черт бы побрал Биркитта!” — со злостью подумал Ланфорд, отталкивая в сторону молодого гвардейца, которому хватило ума больше не произнести ни слова. И без того сказал достаточно!

Воодушевление, которое Ланфорд ощутил после аудиенции с королем, прошло быстро — стоило им едва выехать из Линтхаласа. С каждым днем оно все вернее сходило на нет, сменяясь злостью и раздражением, а может даже и отчаянием.

Не так он себе представлял войну против ереси и греха. Ланфорд ожидал, что камарилы под его командованием будут идти в авангарде и нести в мир истинную веру, а на деле они оказались охотничьими псами короля. На них даже собственная королевская охрана смотрела косо, не говоря уже об орденских солдатах и регулярной армии.

Несмотря на то, что приказ Биркитта явиться в шатер короля был срочным, Ланфорд шел по лагерю неторопливо — слушать очередные монаршие шуточки и терпеть каменную мину наставника до жути не хотелось, тем более, что от этого не было никакого толку. Армия ползла по Эделоссу так медленно, что Ланфорд почти не сомневался — на месте они будут в лучшем случае к зиме, когда в Кирации уже все затихнет и забудется к чертям собачьим. В лучшем случае там будет править новый король, в худшем — восстание подавят ветувьяры, и никчемные Кастиллоны продолжат засорять весь мир своей скверной.

А все потому, что король с его сыночком хотели комфорта. Эти двое словно собрались на прогулку, а не на войну — для них тащили роскошную мебель и посуду, бумагу и книги, готовили еду ничуть не хуже, чем в замке. Все это отнимало у армии драгоценное время и еще сильнее гневило и без того беспокойного Ланфорда.

Он оглядел бесконечное множество походных палаток, установленных в чистом поле — страшно было представить, как таким огромным числом они будут переправляться через горы, таща за собой пушки и провизию. Сколько это займет времени?

Горная гряда, что занимала собой приличный кусок юга Эделосса и севера Кирации, была уже совсем рядом — голые каменные вершины словно нависали над головой. Биркитт все же убедил короля не идти в обход, объяснив это потерей времени, но Ланфорд опасался, что на узких горных дорогах, да еще и с таким количеством людей, лошадей и грузов, у них уйдет ничуть не меньше недель на переход.

Все попытки добиться приказа Биркитта отправить камарилы вперед, наставник вместе с королем тоже пресекли, заявив, что удар по Кирации должен быть мощным и сокрушительным, чего ни за что не добиться двум сотням пусть даже самых непобедимых воинов.

Прохладный сентябрьский ветерок донес до Ланфорда аромат жареного мяса, дыма от костров, но вместе с ними и конского навоза, заставив камарила разозлиться и презрительно оглядеть ту дыру, в которой он находился.

Вместо того, чтобы вместе со своим войском сжигать оскверняющие богов кирацийские церкви и казнить их жалких монахов, он был вынужден сидеть в этом вонючем лагере, среди зазнавшихся, но ничего из себя не представляющих офицеров и бестолковой солдатни, не умеющей даже нормально держать шпагу. Вся эта деревенщина без умолку горланила свои похабные песни, заливала себе в глотки брагу и дралась при каждом удобном случае. Все,

что слышал Ланфорд вокруг — это их залиvistую брань, ржание лошадей и хлюпанье грязи под ногами.

Королевский шатер был раза в три больше всех остальных, бело-золотого цвета и со всем необходимым внутри. Там мог уместиться полноценный эделосский совет, состоящий из двенадцати человек, и еще осталось бы место для прислуги, разносящей еду и вино. Войдя внутрь, Ланфорд почтительно поклонился и оглядел собравшихся. Король постоянно держал возле себя самых необходимых ему людей, в числе которых был и Биркитт, расположившийся за большим походным столом, заваленным картами и чертежами, мало понятными Ланфорду без близкого рассмотрения.

С другой стороны, напротив Его Величества, расположился Гиллат Теферс — единственный человек из регулярной армии Эделосса, к кому Ланфорд испытывал хоть каплю уважения. Гиллат был ведущим генералом королевства уже больше десяти лет и действительно отличался толковым умом и редкостной прозорливостью. Единственное, в чем камарил мог бы его упрекнуть — так это в неумном обжорстве, которое привело к тому, что эту разжиревшую тушу мог выдержать только самый крепкий конь.

Из-за своего огромного пуза, да еще и облаченный в меха, генерал Теферс казался гигантом на фоне остальных собравшихся, особенно, на фоне принца Илласа, который так удачно скукожился на своем стуле в самом углу, что поначалу Ланфорд его даже не заметил.

— Чего так долго? — Нарушил молчание король, — Мы тут уже заждались.

— Я добрался, как только получил приказ прибыть, Ваше Величество.

— Чертовы адъютанты, вечно их только за смертью посылать! — Больше рассмеялся, чем возмутился король, чтобы тут же перевести взгляд на Ланфорда и сменить тему, — Ну а ты как сам? Не заскучал еще плестись с нами?

Ланфорд глянул на Биркитта, но лицо наставника ничего не выражало. Значит, можно ответить честно, и будь что будет:

— Есть немного, Ваше Величество. Хотелось бы пойти вперед...

— Ну, ты губу-то не раскатывай, парень, — Осадил его король, — А то, что ты застояться не хочешь, мне нравится. Возьми-ка своих парней, да съездите, проведайте одно местечко... Разведчики генерала донесли, мол, отряд там какой-то стоит, прямо в лесу. Без знамен, говорят, но вооружены добротнo. И народу хватает...

— Сколько? — Сухо поинтересовался Ланфорд.

— Около пятидесяти человек, — Ответил вместо короля генерал Теферс, — На разбойников вроде не похожи, но, видимо, и не солдаты. Разведчики их трогать не стали — силы не равны — а вот камарилам как раз поразмяться можно.

— Возьми человек эдак шестьдесят, и вдарьте по ним хорошенько, если выкобениваться станут, — Настоятельно, словно давая совет, сказал король.

— Шестьдесят? — Хмыкнув, Ланфорд посмотрел на Биркитта, — Вы недооцениваете моих людей, Ваше Величество. Мне хватит и тридцати.

Генерал с королем переглянулись, но ничего не сказали, видимо, сочтя уверенность Ланфорда обоснованной.

— Вели разыскать полковника Мейола, — Приказал камарилу Теферс, — Он поедет с вами, покажет, где они засели.

Откланявшись, Ланфорд вылетел из шатра на прохладный воздух и тут же отправил подвернувшегося под руку адъютанта разыскать того разведчика, о котором говорил адмирал, и незамедлительно отослать его в штаб камарилов. Сам же он почти бежал по

лагерю в сторону родных темно-коричневых палаток, где, в отличие от остальной армии, царила дисциплина, выдержка и спокойствие.

Он нашел Робина сидящим у костра и изрядно заскучавшим, почти что сонным. Друг медленно полировал свой любимый кинжал и безразлично таращился в одну точку где-то на горизонте.

— Эй, просыпайся! — Ланфорд едва удержался, чтобы не дать Робину подзатыльник для бодрости, — Дельце для нас появилось...

— Что, опять объезжать пустые поля вместе с разведчиками? — Робин устало поднял голову, — А нельзя ли без меня? Я не для того вступал в орден, чтобы любоваться видами природы.

Ланфорд редко слышал в речи друга собственные нотки, но сейчас он словно посмотрел на себя в зеркало — с каких пор Робин стал таким же угрюмым?

— Нет, на этот раз кое-что поинтересней.

Робин нехотя поднялся, и Ланфорду пришлось смотреть на этого детину снизу вверх.

— Собери для меня тридцать человек, — Приказал он, — Лучших из лучших. Выезжаем через полчаса.

— Куда? — Нахмурился Робин, почесав свою рыжую бороду.

— Разведчики короля нашли в лесу какой-то отряд, надо бы разобраться. Его Величество посылает нас.

— Уж не за головорезов ли он нас считает? Камарил — клинок скверны, а не простой убийца, — Уверенно напомнил друг.

Ланфорд пропустил эти слова мимо ушей:

— Ты хочешь и дальше сидеть здесь без дела?

— Тебе виднее, командир, — Пожал плечами Робин, удаляясь.

Разведчик явился минуты через три. Для полковника он был достаточно молод — должно быть, где-то в годах самого Ланфорда — но сильнее бросалось в глаза то, что Мейол был до отвращения смазлив, прямо как баба. Огромные глаза, длинные ресницы, весь такой тоненький и аккуратный — странно, что на нем были доспехи, а не расшитый золотом камзолчик с кружевными манжетами. Его белое личико не портила даже неровная двухдневная щетина и волосы, которые раньше явно были ухожены, а сейчас просто нуждались хотя бы в обыкновенном мытье.

— Полковник Олонт Мейол по вашему приказанию явился, господин...

Красавчик замялся, не зная, как к нему обращаться. Ланфорд свирепо зыркнул на него и сквозь стиснутые зубы проворчал общеизвестную, как ему казалось, истину:

— У камариллов нет званий. Только имя.

— Буду знать, господин Карцелл, — Отчеканил разведчик.

Ланфорд ухмыльнулся и двинулся прочь, оставив красавчика с его конем посреди лагеря камариллов.

Робин со своей задачей справился на отлично — отряд собрался уже минут через десять, все камариллы были отлично вооружены и готовы сокрушать все на своем пути. Именно такой Ланфорд и хотел видеть свою армию. Закрыв глаза, он на мгновение представил себе, что они не в Эделоссе, а в Кирации, впереди их ждет ересь и славные победы, торжество истинных богов над скверной.

Перед выходом на поле боя камариллы не молились — считалось, что боги оберегают их безо всяких молитв, так как воины исполняют их волю. Запрыгнув в седло, Ланфорд лишь

оглядел своих людей и уверенным тоном пожелал им удачи. Уже через мгновение он дернул поводьями и направил своего жеребца к выезду из лагеря.

Красавчик Мейол нагнал его быстро — в седле разведчик держался отлично, да и конь у него подобрался под стать. Робин уверенно ехал чуть позади Ланфорда, не произнося ни слова. Впрочем, и сам камарил сейчас тоже не был расположен к беседам — его кровь кипела от предвкушения битвы, а после того, как они уничтожат лесной отряд, можно будет снова попытаться счастья у короля, прося разрешения выехать вперед основной армии.

Ланфорд не сомневался ни в своем собственном клинке, ни в своих людях. Он обернулся на отряд, что тянулся следом за ним — лучшие воины Эделосса, каждый из которых стоил пяти обыкновенных солдат. Длинные плащи развевались за их спинами, в ножнах ждали своего часа тяжелые боевые сабли — практически мечи, способные разрубить человека пополам одним ударом.

Мейол вел их пустыми и грязными после осеннего дождя полями — с одной стороны они казались бескрайними, а с другой врезались прямо в горы. Складывалось впечатление, что холодные серые скалы пристально наблюдают за ними, и от их придиричивого взгляда убежать невозможно. Может, где-то на вершинах этих гор скрывались древние боги?

Когда вдали показался небольшой лесок, Мейол немного замедлил коня, вынуждая Ланфорда подстраиваться под его скорость.

— Они должны были уже заметить нас, — Сообщил он, — Если их часовые не вздумали спать посреди бела дня.

— Черт с ними. Им все равно нечего нам противопоставить, — Бросил Ланфорд вырываясь вперед.

До леса оставалось всего ничего — сквозь просветы между стволами деревьев и чуть тронутую желтизной зелень камарил уже мог разглядеть небольшой лагерь, в котором не намечалось никакого движения, хотя приближающуюся ораву солдат нельзя было не услышать с такого ничтожного расстояния.

— Численное преимущество на их стороне, — Раздалось откуда-то справа, — Нужно быть осторожными.

Ланфорд обернулся и смерил говорящего под руку красавчика взглядом. Предвкушение битвы смешалось с накопившимся за многие дни раздражением, требуя выхода.

Камарил резко остановил коня, вынудив Мейола сделать то же самое. Остальные воины пронеслись вперед и уже почти добрались до леса, когда Ланфорд, не желая больше терять ни минуты, прошипел сквозь стиснутые зубы:

— Слушай, ты. Держись-ка от нас подальше. И иди к черту со своими советами!

Не дожидаясь ответа, он развернулся и кинулся в бой.

Когда камарил добрался до лагеря, здесь уже вовсю кипело сражение. Кто-то из его людей спешил, выволакивая непонятных людей в черных одеждах из приземистых походных шатров. Со всех сторон доносился звон стали, крики и ржание лошадей, откуда-то потянуло дымом. Не успел Ланфорд вытащить саблю, как под копыта его коня свалилось чье-то тело с перерезанным горлом. Камарил тотчас заметил Робина, что во все стороны махал своим залитым кровью клинком.

Если Ланфорд хотел настоящей битвы, ему нужно было спешиться — в лесу на лошади не развернуться, а лагерь оказался даже меньше, чем ему представлялось. Спрыгнув с коня, камарил тут же отыскал себе противника. Коренастый коротышка с саблей в одной руке и кинжалом в другой кинулся на Ланфорда сам, да и с оружием обращался неплохо, вот только

с камарилом ему было не совладать. Исполнив пару обманных приемов, Ланфорд выбил саблю у него из руки, а кинжал и вовсе отнял, схватив его прямо за лезвие — благо, на руке была толстая кожаная перчатка.

Доспехов на них не было, знамен тоже нигде не виднелось, не было никаких сомнений, что это враги, но кто? Кирацийцы? Еретики Нэриуса? Мятежники?

Не долго думая, Ланфорд пронзил коротышку насквозь и позволил его телу залить кровью истоптанную траву. “Нужно взять несколько пленных и обыскать палатки” — подумал он, врываясь в гущу сражения широким взмахом оружия.

В шуме боя он не сразу услышал размеренный голос, непохожий ни на крики, ни на стоны умирающих — более того, Ланфорд даже не сразу понял, откуда он доносится.

Переглянувшись с Робинем, взмыленный камарил уверился в том, что странный голос, произносящий то ли молитву, то ли заклинание, слышит не он один. На мгновение ему даже показалось, что все вокруг замерло, и сквозь прочие звуки можно разобрать слова.

Ланфорд судорожно огляделся, ища того, кто продолжал монотонно чеканить какие-то строки, то ли рифмованные, то ли повторяющиеся. Никого найти он не успел — боковое зрение вовремя заметило мелькнувшее лезвие и рука молниеносно отразила удар высоченного — с Робина ростом — громилы. Следующая атака вышла не слишком удачной и грязной, а потому кровь из распоротого живота жертвы хлынула прямо на Ланфорда, заливая ему руки и грудь.

Перед глазами вдруг что-то мелькнуло. Камарил на мгновение замер, тряхнул головой и почувствовал, как в глазах начинает темнеть, а лоб покрывается испариной.

С ним никогда не случилось ничего подобного.

— Ланфорд! — Взревел над ухом голос Робина.

Он распахнул глаза шире, пытаясь сфокусировать зрение на испачканном в крови лице друга.

— Это древнекирацийский! Прислушайся...

Если Робин что-то еще говорил, то Ланфорд больше его не слышал — в ушах внезапно зазвенело, как после удара по голове, но монотонные слова все еще просачивались в его разум.

Камарилы знали этот язык лишь частями — их обучали тем словам, которые особенно важны для разоблачения и обличения ветувьяров. Все остальное просто опускали за ненадобностью, как оказалось, зря. Сейчас Ланфорд многое бы отдал за то, чтобы узнать, что за заклинание раздается над лагерем.

Ничего знакомого расслышать он так и не успел — зрение почти полностью отказало ему, и в этот момент под ребра вонзилось что-то острое. Было больно, но не так сильно, как он рассчитывал.

Заклинание действовало, и уже через мгновение Ланфорд вместе с остальными камарилами провалился во тьму.

*

Джеррет отхлебнул пива из тяжелой кружки с отбитой ручкой и вытянул ноги под столом.

Твиндек “Живучего лосося” был забит до отказа — здесь было до того тесно и душно, что адмирал был даже не прочь бы выйти на палубу подышать свежим воздухом. Снаружи наверняка уже стемнело, а морской воздух наполнился приятной прохладой, но пробираться через собственных подвыпивших ребят к выходу не очень-то хотелось. Поэтому он не стал

утруждаться и остался на своем месте во главе стола, с которого уже убрали все харчи и оставили лишь выпивку да игральные кости.

Настал черед Чева — смышленного молодого матроса, которого Джеррет нашел в крохотном, граничащем с Двисетом городке, где “доброжелательные” земляки намеревались казнить его за связь с дочерью местного купца. Он сделал свой ход, и едва кости приземлились на столешнице, как остальные моряки, включая Ноппера, который играл против него, взорвались в недовольстве.

— Нет, ну мухлюешь же, стервец! — Грохнул кулаком по столу старпом.

— Что!? — Возмутился Чев, — С чего бы мне дурить вас?

Моряки принялись неодобрительно что-то бормотать и пытаться вывести матроса на чистую воду. Каждый гнул что-то свое, отчего в гуле их голосов нельзя было разобрать ни слова. Из всего экипажа молчали только Джеррет и Престон — даже капитан Хетинг пытался что-то кому-то доказать.

Не желая участвовать в их перепалке, адмирал обернулся, чтобы взглянуть на Селин, что устроилась на скамейке в углу. Рядом с ней расположился совершенно замороженный и счастливый Атвин, рот которого не закрывался с самого начала их сегодняшнего веселья. Видимо, он так боялся, что девица заскучает, что развлекал ее историей всей своей жизни, с рождения и до сегодняшнего дня.

То ли слушая Атвина, то ли нет, Селин смотрела куда-то в пустоту, словно витая в своих мыслях. Джеррет не всегда понимал этот ее пустой взгляд — и без того нелюдимая, стеснительная и пугливая, девушка и вовсе отгораживалась от всего мира, размышляя о чем-то своем. Никто из них никогда не узнает, что она скрывает, но адмирал подозревал, что Селин пришлось пережить нечто поистине ужасное — а может, ужасной была вся ее жизнь...

Еще жалче было Атвина — парнем он был добрым и чутким, а потому Джеррету не хотелось, чтобы ему разбили сердце. Но Селин не врала — она и вправду была холодна к нему, как льдина, а значит, не чувствовала ничего, и вряд ли это можно изменить.

Наверное, надо будет поговорить с Атвином насчет девицы, может даже попытаться предостеречь...

Когда Джеррет вновь повернулся к столу, весь экипаж уже покатывался со смеху, Ноппер скрепя сердце пересчитывал свои проигранные гроши, а Чев довольно улыбался, принимая поздравления с победой. Даже Престон с усмешкой наблюдал за всем этим, медленно потягивая пиво из кружки.

Отдав матросу его законный выигрыш, старпом возмущенно поинтересовался:

— Что-то, наш капитан сегодня тих, как морской штіль. Не случилось ли чего?

Естественно, под капитаном он понимал не Хетинга, а Джеррета. Не успел адмирал сообразить и снова глотнуть пива, как вся взгляды обратились к нему.

— Случилось? У меня? Заканчивай пить, Ноппер, ты пьян!

Экипаж хоть и рассмеялся, но явно был согласен со старпомом.

— Так и не молчите тогда, — Заявил старый моряк, — Извольте уж порадовать!

Джеррет оглядел своих парней — не радовался разве что Хетинг, но ему улыбка, видимо, доставляла нестерпимую боль, или же он попросту не знал, что это такое.

— Давай уж, Джер, — Попросил Престон, ставя кружку на стол.

Ухмыльнувшись, адмирал встал из-за стола, протолкнулся между скамейками и отыскал небольшой клочок свободного пространства. Лица, подсвеченные масляными лампами,

замерли в ожидании. Среди них была и Селин, не сводящая с него глаз, ставших сосредоточенными и осмысленными. Что ж, перед ней позориться придется впервые.

— Какую? — Спросил Джеррет.

— Про черта! Нашу любимую! — Хором заорали моряки.

“Да неужели я так хорошо ее пою? Даже “сестрица” Ремора всегда любила ее слушать” — подумал Джеррет, набирая в грудь воздуха. Выждав мгновение, он затянул первый куплет:

*“Однажды старый черт морской
Приплыл на северный прибой
Чтоб там увидеть моряка
И то ему сказать:”*

Не пропел он и пару строк, как кто-то из парней ритмично застучал по столу.

*“Ты, милый мой моряк,
Ты должен волны покорять,
Ты должен старый клад искать
И грабить корабли”.*

Со второго куплета уже и сам Джеррет начал хлопать в ладоши, задавая ритм своей песне. Хлопки и удары подгоняли его, заставляя петть незатейливую мелодию дальше:

*“О, что ты, черт, я не пират” —
Моряк несмело повторял, —
“Не стану грабить я суда
И брать на бордаж”.*

*И возмутился было черт
И поднял волны черных вод,
Чтоб только парню показать,
Кто властен над судьбой.*

*Уплыл наш черт ни с чем назад,
Но годы шли вперед и в ряд,
И вот влюбился наш моряк
В красавицу одну.*

*Он приходил к ее отцу,
Просил руки и шел ко дну —
Ведь видной дочери купца
Не пара наш бедняк”.*

Джеррет оглядел свою команду и понял, что хлопают, стучат и подпевают все без исключения, и лишь одна Селин смотрит так внимательно, что от этого даже становилось не по себе.

Как только адмирал вновь затянул припев, моряки запели вместе с ним в голос:

*“Что ж, я найду корабль,
И буду я в морях блуждать,
Чтоб только рядом быть с тобой
Отныне и навек!*

*Он жег и грабил корабли,
Впотьмах мечтая о любви,
Команде преданной своей
Ни слова не сказав.*

*Ты, милая моя,
Ты сможешь полюбить меня!
Со мной ты будешь до конца,
Вернусь лишь я домой... ”*

Селин смотрела на него как замороженная, не отрывая взгляда. Джеррет и подумать не мог, что так очарует ее своими дурацкими воплями. Продолжая хлопать в такт мелодии, он попытался петь лучше, чем обычно:

*“Но злобный старый черт морской
Любил смеяться над судьбой:
Не верил ведь ему моряк,
А выдумка сбылась...”*

*И снова волны черных вод
Он поднял, чтобы бить о борт.
Попал наш парень в страшный шторм
С командою своей.*

*А молодая дочь купца
На берегу его ждала.
А, может, ждет и до сих пор —
Я так и не узнал...*

*Шел тот корабль ко дну —
Наш парень видел наяву
Как верно ждет его она,
И ждет, конечно, зря”.*

Пропев последнюю строку, Джеррет резко замер на месте и с облегчением выдохнул. Парни разразились криками, свистом и аплодисментами, но адмирал смотрел только на Селин, на лице которой впервые за этот вечер появилась улыбка. Атвин что-то сказал ей, и она с опозданием отреагировала, на мгновение улыбнувшись и ему.

— Вот, как надо-то, а! И в бою хорош, и на пиру! — Провозгласил Ноппер, когда Джеррет вернулся за стол и хлебнул пива.

— Да не нахваливай, я тебе не девица, чтоб комплименты слушать! — Покосился на старпома адмирал.

А вот на него самого с завистью поглядывал Хетинг, и от этого взгляда захотелось отмыться. Джеррет внезапно ощутил, что сидели они здесь уже часа четыре, если не больше, а духота действительно вот-вот выведет его из себя.

— Давайте-ка расходиться, — Предложил он, поднимаясь из-за стола, — Битый час уже задницы тут просиживаем.

Кто-то согласился, кто-то — нет, но капитану все привыкли подчиняться, а потому

твиндек быстро опустел. Моряки расползались по каютам, а сам Джеррет решил пока остаться на палубе. Он стоял у борта, позволив ветру юной осени охладить его разгоряченное тело. В той духоте он так взмок, что на лбу выступила испарина, а просторная льняная рубашка прилипла к телу.

— Доброй ночи вам, Селин, — Раздалось у него за спиной. Джеррету не надо было оборачиваться, чтобы понять, что его безнадежно влюбленный адъютант прощался там со своей зазнобой.

— И вам, — Тихо ответил ему женский голосок.

Селин уже неплохо говорила на кирацийском короткие фразы, но в длинных пока что путалась, хотя это должно прийти со временем. Джеррету в свое время тоже нелегко давались языки.

Тяжелые шаги Атвина постучали по палубе и затихли.

— Селин? — Джеррет чуть повернул голову, чтобы убедиться, что девушка все еще стоит на месте. Так оно и было, — Что-то случилось?

— Нет, — Почти неслышно ответила она на эделосском, подходя ближе, — Просто хотела сказать, что вы очень хорошо пели.

— Вздор, — Отмахнулся он, — Вы просто не слышали хороших певцов.

— Всем понравилось...

— Это мои люди, Селин, — Он посмотрел ей в глаза. Чем чаще Джеррет это делал, тем реже девушка отводила взгляд, — Они не посмеют меня обидеть.

— А о чем была эта песня? — Вдруг поинтересовалась она.

— Да так, ерунда. В Кирации ее любят только дети да моряки.

Селин наконец встала рядом с ним — ветер трепал ее тонкие волосы, а в огромных глазах отражалось темное ночное море. Ручонки у нее были такие тоненькие, Джеррет даже удивился — сам он похвастаться мощностью своих рук не мог, а вот у Атвина они были толще раза в три, просто уму непостижимо! Как же это хрупкое создание могло занести на войну? Что за жестокие твари ее сюда втянули?

Впрочем, Джеррет и сам был такой тварью — разве не так же он поступил двадцать лет назад с Калистой?

И именно поэтому он поклялся себе, что спасет эту беззащитную девочку, чего бы это ему ни стоило.

Глава 19. Эделосс. Пограничное предгорье. Кирация.

Анкален

Знакомый голос продолжал что-то настойчиво бубнить, но только когда Ланфорд открыл глаза, он понял, что это был Биркитт. Дневной свет тут же резанул по глазам, вышибая из них слезы, а в голове все еще стоял тот звон, который он слышал в лагере.

Лагерь! Что там произошло?

Ланфорд дернулся, порываясь встать, и под ребра тут же ударила такая нестерпимая боль, что он вскрикнул.

Биркитт все это время стоял к нему спиной, но теперь повернулся и склонился над камарилом:

— Не двигайся, Карцелл.

Оказалось, что в небольшом шатре был еще кто-то, и когда он заговорил, Ланфорд узнал по голосу короля:

— Смотри-ка, и вправду очнулся! Сработало!

— Я бы не стал давать ему это снадобье, если бы не был уверен, отец, — Ответил ему тихий вкрадчивый голос. Этого человека Ланфорд не знал.

Камарил обессиленно тарашился в потолок, силясь сказать хоть что-то, задать вопросы, которые не давали ему покоя, но голос почему-то не подчинялся, а слезы продолжали стекать из уголков глаз, попадая даже в уши.

— Вряд ли мы многое от него узнаем, — Предположил Биркитт, — Особенно, сейчас.

— Г-г-где, — С невероятным усилием выдавил из себя Ланфорд, — о-о-остальные?

Последнее, что смогла удержать его память — это падающие наземь камарилы. Они рухнули, как подкошенные, причем одновременно. Расскажи кто-нибудь Ланфорду о том, что такое возможно, он бы ни за что не поверил, но он видел этот необъяснимый ужас своими глазами, а потому практически не подвергал его сомнению.

— Тебе повезло, Карцелл. Скажи спасибо полковнику Мейолу. Если б не он, лежать бы тебе там с твоими ребятами вечно.

Боль ударила его с новой силой, но слова Биркитта все равно оказались больнее. Неужели камарилы погибли? Такого просто не могло быть!

— Роб-бин, — Выдохнул Ланфорд.

— Греслет мертв. Как и все остальные, — Сухо отозвался наставник.

У Ланфорда хватило сил только на то, чтобы закрыть глаза и позволить слезам литься по щекам ручьями. Он не мог ни говорить, ни кричать, ни ударить кого-то.

Робин погиб. От рук каких-то чернокнижников!

— Д-древне... древнекирацийский, — Набрался сил камарил, — Я... я не знаю, к-к-к-к-он-н-ни.

— Мы полагаем, что это были люди Нэриуса. К тому же, во время вашего отсутствия в лагере была совершена попытка покушения на Его Величество.

Ланфорд распахнул глаза и хватанул ртом воздух. Он еще никогда не чувствовал себя таким ничтожным.

— Черт со мной, — Небрежно бросил король, — Вот камарилы потеряли, это да...

Нестерпимая боль вновь пронзила ребра, и Ланфорд застонал, чувствуя, как тревожно сжимается сердце.

— Сколько ему нужно времени? — Поинтересовался у кого-то Биркитт.

— Не могу сказать точно, снадобье еще не проверено, — Ответил ему незнакомый голос, — Но передвигаться верхом он не сможет еще долго.

Эти слова больно ударили Лантера, хотя ему стоило бы благодарить богов, что они вообще оставили его в живых. Что, если он останется калекой на всю жизнь?

Нет, этого камарил не готов был вынести.

— Верхом, на телеге, мне плевать, — Заявил Биркитт, — Главное, чтобы он был здоров. Прошу вас, Ваше Высочество, помогите ему.

Если бы Лантер мог, он бы вздрогнул от неожиданности. Его лекарь — принц!? Поверить в это было даже сложнее, чем в то, что выжить в лагере удалось только ему.

— Непременно, — Голос у наследника престола был высокий, вкрадчивый, но, несомненно, уже мужской, а не мальчишеский, — Я сделаю все, что в моих силах.

— Все, Биркитт, хорош больного тревожить, — Скрипнул стул, и король поднялся на ноги, — Пойдем. А ты, Иллас, ни на шаг от него не отходи. Хоть какая-то польза от тебя.

Направленный в потолок взгляд Ланфорда увидел только их макушки. Король вместе с наставником вышли из шатра, и камарил погрузился в гнетущую тишину. Снаружи доносились привычные звуки голосов и шум лагеря, но они не могли отвлечь камарила от той боли, которая захватила его тело и разум.

Только сейчас он понял, что лежит на узкой кровати под толстым одеялом в одних лишь штанах и при этом все равно умудряется мерзнуть. Дрожь прошибала все сильнее, и через пару минут камарил перестал ей сопротивляться. Его трясло, словно в лихорадке, но заснуть не получалось.

— Что со мной? — Не выдержав, спросил Ланфорд. Слова сорвались с языка легко, но прозвучали как хрип умирающего.

Судя по секундной паузе, принц не ожидал, что с ним заговорят.

— Глубокая колотая рана. Жизненно важные органы не задеты, но процесс исцеления может затянуться.

Камарил попытался поднять голову, чтобы увидеть собеседника. Видимо, принц заметил это, и потому поднялся со своего места, судорожно схватив трость, и, стуча ей по утопанному земляному полу, подошел к Ланфорду. Он протянул руку, чтобы поправить его подушку, и камарил заметил, что ладонь его трясется, как у немощного старика.

И все-таки парень помог Ланфорду лечь повыше, так, чтобы можно было глядеть на собеседника, а не в потолок шатра. Капшлянув, камарил вновь заставил себя заговорить:

— Почему именно вы? В лагере н-нет других лекарей?

Принц Иллас вернулся на свое место возле небольшого, заваленного книгами и склянками стола, поставил свою трость рядом и посмотрел на Ланфорда:

— Так пожелал Его Величество. Ваш командир просил поставить вас на ноги как можно быстрее, и отец решил, что эта задача мне по силам.

Вблизи парень выглядел старше, чем камарилу показалось в тронном зале — лицо у него было совсем взрослое, а подбородок явно не раз встречался с бритвой, но народные сплетни о его хворях тоже были правдивы. Хромой и трясущийся Иллас был абсолютным заморышем — бледный, тощий, с огромными светло-кариими глазами и крупными жилистыми ладонями. Впрочем, желающие стать королевами курицы кинутся и на такого, если заметят на горизонте трон.

Другое дело — тот стыд, который, должно быть, испытывал король, глядя на своего

единственного наследника. И как оставить на такого королевство?

— Что за снадобье вы мне дали? — Вернулся к расспросам Ланфорд.

Иллас сложил дрожащие руки на угловатых коленях:

— Можете не беспокоиться. Это моя личная разработка. Снадобье должно ускорить процессы восстановления ваших тканей. Оно безвредно.

С одной стороны, камарил понимал, что не должен этого делать, но с другой... Нужно было только попросить — этот сопляк ему не откажет.

— Я хотел бы... унять боль, — Прокряхтел он.

Принц нахмурил свои и без того сведенные к переносице брови:

— Это затуманит ваш разум...

Именно этого он и хотел. Просто рухнуть во тьму и не думать, не повторять самому себе, что ты потерял Робина и всех остальных, позволив себя одурачить.

С какой силой они столкнулись? Как какому-то мелкому отряду удалось лишить камариллов сознания с помощью языка ветувьярского колдовства?

Ланфорд поклялся себе, что разгадает эту тайну, как только его рана позволит ясно мыслить. А пока он давал себе право на слабость.

— Пусть, — Отмахнулся камарил.

Иллас медленно поднялся, опираясь на свою трость. Правая нога практически не помогала ему ходить — парень тянул ее за собой, словно бесполезный кусок кости и плоти. Он загибал ее под каким-то странным углом, видимо для того, чтобы ни в коем случае не перенести на нее вес тела.

Боль и озноб окончательно лишили Ланфорда тактичности, которой в нем и так-то было немного. Недолго думая, он выпалил:

— Ваше Высочество, как вы ездите верхом?

Держа в руке склянку из темного стекла, принц озадаченно повернулся. Долгое мгновение на его лице отражалось непонимание, но потом до него дошло.

— Ах, вы об этом, — Улыбнувшись, он дернул больной ногой, — Приноровился как-то. С годами ко всему привыкаешь.

То, с какой непринужденностью он об этом сказал, обескуражило Ланфорда — неужели можно влачить такое жалкое существование и радоваться этому? Камарил поймал себя на мысли, что если бы он был таким же калекой, как принц Иллас, то не продержался бы, наверное, ни дня...

— Маковое снадобье я тоже попытался улучшить, — Сообщил принц, — Но думаю, оно все еще требует доработки.

Ланфорд пропустил его слова мимо ушей и с готовностью глотнул горькой спасительной жидкости. Минуты две после этого он не чувствовал ничего, но потом голова стала становиться легче, а боль начала медленно отступать. Камарил больше ничего не спрашивал у наследника престола, да и тот не спешил что-то говорить.

Так, как этого забвения, Ланфорд не ждал ничего в своей жизни, и оно наступило даже раньше, чем он предполагал.

*

— Я делаю это только ради вас, Ваше Высочество, — Ферингрей чуть склонил голову в почтительном жесте.

Ремора переступила через порог и вышла к нему в коридор, озираясь по сторонам. В здании военного штаба было тихо, словно в склепе, лишь несколько факелов с легким

треском пламени разрезали своим светом ночную тьму.

Капитан вел прочь из пустого, будто безжизненного здания, где принцесса провела последние несколько дней. Она не задавала вопросов, полагаясь на честь Ферингрея, хотя тревожное предчувствие не покидало Ремору с того самого момента, как она узнала, что в Анкален пребывает Лукеллес. Встретить его на подступах к городу и обеспечить должную защиту отправился комендант Фадел собственной персоной.

Если бы Джеррет появился сейчас..! Пока мятежники остаются без верхушки, их можно застать врасплох, имея хоть какую-то военную силу. Ремора решила бы на это и сама, будь у нее в распоряжении хотя бы небольшой отряд подготовленных солдат, но у нее не имелось ни единой живой души, за чью верность она могла бы поручиться.

И все же надежда еще оставалась. У Эйдена должны быть преданные ему люди — как-никак, он столько лет провел на посту коменданта города. Но почему же он бездействует? Принцесса боялась делать какие-то предположения, но сильнее других ее пугала мысль о том, что граф Интлер мог оказаться обыкновенным трусом.

Сегодня она все узнает. Сердце бешено стучало в груди от предвкушения и страха, Ремора шла за Ферингреем, не замечая перед собой ничего. Выйдя на улицу, она натянула на голову капюшон и взглянула на безоблачное осеннее небо — звезды на нем больше не падали, зато наглая луна светила во всю силу.

Ферингрей подвел к принцессе оседланную кобылу Калисты, вскочил на своего жеребца и, по примеру Реморы, скрыл голову под капюшоном. Сегодня на нем не было гвардейской формы и, признаться, без нее он смотрелся совершенно другим человеком.

Особняк Вивер располагался недалеко отсюда, но путь по опустевшим на ночь столичным улицам показался принцессе едва ли не бесконечным. Они скакали быстро, но Ремора все равно успела разглядеть жуткие картины разгула грабежа и бандитизма, что захватил Анкален с приходом мятежников. Гвардейцы периодически попадались на глаза, но преступников никак не пресекали, видимо, делая вид, что их попросту не существует.

Принцесса не узнавала свой город. Или может, она просто ни разу не видела Анкален ночью? Неужели он всегда был таким?

Мог ли Эйден, ее Эйден, допустить такое?

Когда вдаль показался особняк, больше похожий на замок, страх сделался еще сильнее. Какая-то часть Реморы и вовсе хотела повернуть назад и оставить эту затею, но Ферингрей неумолимо мчался вперед, и принцесса следовала за ним, подгоняя свою кобылу.

Дом Вивер издавна считался вторым по мощи кирацийским родом после Кастиллонов — история знавала множество советников и генералов, носящих эту фамилию, но за последнее столетие этот род сильно сдал свои позиции. На данный момент от великого дома осталась лишь одна несмышленная девчонка Мерелинда, ничего не понимающая ни в политике, ни в войне.

Как бы жестоко это ни звучало, но если бы Ремора могла выбирать, кому из ветувьяров — Ингерде или Мерелинде — оставаться в живых, она бы отдала свой голос за Ингерду. Хороших отношений у них с Реморой никогда не складывалось, но в любовнице брата принцесса видела отблеск бывшего величия дома Вивер — эта девица всем сердцем жаждала стать королевой. Хорошо, что у брата хватало ума временами остужать ее пыл.

Ингерда ни за что бы не поддалась мятежникам, а Мерелинда оказалась так внушаема и безропотна, что даже предоставила им свой дом в качестве крепости. И сейчас Ремора направлялась в самое сердце мятежа, в логово гнусных тварей, предавших свое королевство.

Принцесса не исключала, что помощь Ферингрея могла оказаться ловушкой. Вопросом оставалось только то, зачем нужно ловить ту, у кого не было ничего, тем более, если она и так сидела в тюрьме коменданта?

Во двор они въехали через узкие боковые ворота, больше похожие на уродливую дыру в каменной стене. Здесь дежурили стражники в темных плащах, воняло конским навозом и сырой землей. Слева возвышалась темная стена особняка — то самое крыло, где никогда не проживали хозяева дома. Говорили, что там всегда было сыро и холодно, и в таких комнатах заслуживали уютиться разве что слуги.

Пока Ферингрей подъезжал к одному из солдат, Ремора разглядывала окна — кое-где все еще мерцал слабый свет. Сколько мятежников скрывалось за этими стенами? Наверняка, большая часть тех наемников, которых Лукеллес притащил сюда из Хидьяса. Не держать же таких дорогостоящих воинов в холодных казармах вместе с остальными солдатами!

Сказав что-то охраннику, Ферингрей спешил и помог спуститься Реморе. Даже не дожидаясь, когда уведут их лошадей, капитан заспешил в сторону особняка, вынуждая принцессу подстраиваться под его быстрый шаг.

— Мне известно, где его держат, — Заговорил он, едва они отделились от солдат настолько, чтобы они не смогли услышать, — Но времени у вас не так много. Полагаю, что до утра. С рассветом я приду за вами, извольте быть готовы.

До утра! Это часов шесть, не меньше. Ремора даже не помышляла о такой роскоши, ожидая, что Ферингрей позволит ей увидаться с Эйденом лишь одним глазком. Если это не ловушка, то она и вправду была благодарна ему.

Осталось только собрать разрозненные мысли воедино и вспомнить все, что она хотела сказать Эйдену. Сколько бы часов им не предоставили, принцесса все еще помнила о собственном шатком положении — эта встреча могла оказаться и прощанием.

Коридоры для слуг в этом особняке — впрочем, как и везде — были крутыми и узкими, Ремора подмела подолом своего платья всю пыль, что забилась по углам, а ее здесь было предостаточно. Ферингрей торопился и боялся быть замеченным, поэтому до верхнего этажа они добрались быстро.

Наверху коридоры сделались шире и чище, но вместо богатого убранства Ремора видела лишь голые каменные стены. Кто станет украшать крыло для слуг, пусть даже ненужным хламом вроде старых гобеленов и истоптанных ковров? Воздух здесь был свежим и прохладным, сквозь распахнутые настежь окна лился лунный свет. Ни свеч, ни факелов — они пробирались бы в темноте, если бы не луна.

Странно, но пленника никто не охранял. Ферингрей подвел Ремору к одной из неприметных дверей, вытащил из-под плаща ключ и уверенно провернул его в замке. Принцесса хотела бы насторожиться, но времени на раздумья у нее не хватило — дверь распахнулась, и в коридор из комнаты скользнул слабый свет от единственной свечи.

Подчиняясь глупому инстинкту, Ремора перешагнула через порог и оказалась в душной скудно обставленной камерке с жалким крохотным окошком и жесткой койкой у стены. Она беспокойно озиралась по сторонам, но голос окликнул ее раньше, чем она увидела его:

— Ремора?

Принцесса повернулась на голос. Где-то на краю сознания Ферингрей закрыл за ней дверь, оставив их наедине, но ей было совершенно не до этого. Весь остальной мир перестал существовать.

Эйден стоял у стены — белый, как полотно, в расстегнутой рубашке, с растрепанными

волосами и небритым лицом. Не снимая капюшона, Ремора бросилась к нему. Она обнимала его так крепко, как только могла, стискивая руками непривычно худые плечи и тычась лицом ему в грудь. Руки Эйдена стащили капюшон с ее головы, она почувствовала, как он прижался лицом к ее волосам и не желал отпустить.

— Ты живой, — Выговорила Ремора самые очевидные и бесполезные слова, в которых не было смысла. Но для нее они сейчас были важнее всего на свете.

— Как ты меня нашла? Я думал, что Калиста...

Вопреки своему желанию стоять вот так, сцепившись руками, вечно, Ремора отстранилась от него:

— Я здесь только благодаря ей. Она вернула меня, оставив письмо...

Лицо Эйдена, поначалу испуганное, теперь стало мрачным, как туча, а ведь на него и без этого было больно смотреть. Он действительно казался больным, причем, серьезно — покрасневшие глаза его неестественно блестели, щеки провалились, а сквозь расстегнутую рубашку виднелись торчащие ребра. Золотые кудри, которые раньше казались Реморе ожившим солнцем, теперь походили на мятую солому. Принцесса оставляла живого человека, а вернулась к мертвецу — именно этого она и боялась многие годы.

— Прости меня, — Эйден закрыл лицо рукой и тут же устало принялся тереть воспаленные глаза, — Я не смог ничего сделать...

Он обессиленно опустился на стул в углу, избегая смотреть на Ремору. Но она желала знать:

— Почему?

Эйден покачал головой:

— Они... застали меня врасплох. Я получал предупреждения, пытался что-то сделать, но все безрезультатно. Я проиграл.

Ремору это разозлило. Почему она все еще боролась, а Эйден опустил руки?

— Прекрати вести себя как слабак, — С нажимом потребовала она, — Еще можно попытаться что-то исправить.

— Только не мне...

Ремора с трудом подавила желание отвесить ему пощечину за такие слова:

— Что за вздор ты несешь!?

Он резко поднял на нее глаза:

— Ты еще не заметила? Я умираю, Ремора!

В его глазах появилось что-то, чему принцесса не могла дать названия. Отчаяние? Страх? Безысходность? Она не находила слов, пока Эйден продолжал неотрывно смотреть на нее.

Это было жестоко с его стороны. Ремора сжала в руке край своего плаща.

— Ты ничего мне не говорил.

— Я не думал, что все пойдет так далеко. Но эта дрянь, — Он стиснул виски руками и поморщился, — не оставит меня.

— Мы можем найти лекаря...

— Я уже искал. Они все бесполезны, — Слова его казались тяжелыми и вымученными, — Все талдычат одно и то же, но легче не становится. С каждым днем она болит все сильнее.

Эйден еще никогда не казался Реморе таким слабым и уязвимым. Она не узнавала его, будто вместо ее возлюбленного ей подсунули кого-то другого.

Но больше всего ее пугало даже не то, что Эйден опустил руки, а то опустошение, которое сейчас повисло у нее в душе — словно долго-долго пыталась отпереть шкатулку, а та оказалась пуста.

— Скоро она лишит меня способности думать, — Закончил Эйден, поднимаясь на ноги.

Он был босиком, и оттого казался чуть ниже, чем обычно. Макушка Реморы доставала ему в аккурат до подбородка, и Эйден склонил голову, чтобы их глаза оказались почти на одном уровне.

— Я уже сделал этот выбор, — Прошептал он так тихо, что если бы Ремора не стояла к нему вплотную, она бы даже не расслышала.

Кончиками пальцев тронув ее за подбородок, Эйден прильнул к ее губам своими. Ремора не успела даже отреагировать. Губы Эйдена по-прежнему были такими же мягкими и теплыми, но от той страсти, с которой он обычно ее целовал, не осталось и следа.

Отстранившись от нее, он заглянул Реморе в глаза. Таким взглядом смотрят разве что осужденные на казнь, причем безвинно осужденные.

— Уходи, — Выпалил он, — И забудь меня.

Ремору словно ударили хлыстом. Еще минутку назад она не находила в себе сил сказать ни слова, но теперь с ее губ будто сорвали печать. Почувствовав вкус его поцелуя, она вдруг нашла что говорить и как действовать. А Эйден... должно быть, просто сошел с ума.

— Это твой выбор? — Уставилась на него принцесса, — Твое волевое решение? А ты не подумал, право выбора есть и у меня?

Он не мог с ней так поступить. Не мог оставить ее одну, когда она так сильно в нем нуждалась, а он сам как никогда нуждался в ней.

— Я никуда не уйду, — Отчеканила Ремора, — Ты мой. До конца этой чертовой жизни, когда бы он не наступил.

— Я умру, Ремора, — Исступленно повторил Эйден, — Не через месяц, так через год. Ты хочешь видеть мою смерть? Хочешь полюбоваться, как низко я паду? Пока я еще в своем уме, я тебе не позволю.

— Ты ошибаешься, — Качнула головой принцесса, — Ты плохо меня знаешь. Я ветувьяр. Я найду способ. Если будет нужно, я пойду просить у богов, как чертова королева Этида!

— Твоего отца они почему-то не услышали...

Ремора не хотела думать об этом. Не хотела вспоминать смерть их с Тейвоном матери, а между тем Эйден был прав — она угасала на руках у отца почти так же, как погибал сейчас сам Эйден на руках у нее.

Принцесса никогда не сомневалась, что именно смерть матери окончательно подкосила отца, лишила его желания жить и править Кирацией. С ней случится то же самое без Эйдена.

Нет, она не могла отдать его смерти.

Ремора вновь вцепилась в Эйдена, прижалась лицом к его груди и услышала судорожное биение его сердца.

— Ты не умрешь, — Прошептала она в ткань его рубашки, — Пока мы вместе.

Эйден обхватил ее за плечи, вынуждая отстраниться, и заставил смотреть себе в глаза:

— Зачем ты бежишь от правды? Зачем врешь самой себе? Я больше ничего из себя не представляю! Из-за меня Анкален взяли мятежники! Я сдался им в плен, я предал тебя. Тейвона, Джеррета. Всех!

Ремора не могла слушать это — слова Эйдена разрывали ей сердце, но он только этого и

добивался. Он хотел, чтобы она ушла и оставила его навсегда, но догадывался ли он, что кроме него у нее никого больше нет?

— Замолчи, — Потребовала принцесса, слыша, как дрожит ее голос, — Ты должен бороться. Не ради меня, так ради сестер!

Она знала, что заденет его этим. Эйден всегда был для Реморы открытой книгой, и если она хотела сделать ему побольнее, то знала, куда нужно надавить. Сейчас он нуждался в этой боли, нуждался в злости, которую она могла вызвать.

— В нашей семье боролся только я один, — Сверкнул глазами он, отходя в сторону, — У меня больше нет сил...

— Их никто не защитит, кроме тебя, — Напомнила Ремора.

Прикрыв глаза, Эйден устало потер виски:

— Чего ты добиваешься? Я и так знаю, что ничтожен.

— Я хочу, чтобы ты боролся. Чтобы исправил свои ошибки. Чтобы спас нас всех, — Слова еще никогда не давались ей так тяжело, — Чтобы, умирая, ты не жалел о том, чего не сделал, проявив слабость.

Эйден с ужасом или удивлением уставился на нее. С одной стороны, Ремора чувствовала себя жестоким чудовищем, грубым и бессердечным, с другой — она была рада, что смогла высказать ему это.

— Я не знаю, увидимся ли мы с тобой еще раз, — Голос Реморы не подчинился ей, но она продолжала, — Завтра новый король может вздернуть меня на площади, но я буду умирать счастливой, зная, что ты отомстишь ему за меня.

— Не смей это говорить! — Ужаснулся Эйден.

— Видишь, как тебе нравится, когда я начинаю говорить о смерти, — Улыбнулась Ремора, — Но это правда. В отсутствие Тейвона я — последний представитель королевского рода.

— Они не тронут тебя.

— Ты видел город? Видел, что творится на улицах? Это даже не то, что было двадцать лет назад. Тогда у Кирации хотя бы был король...

— Он есть и сейчас, — Прохрипел Эйден, опустившись на стул.

— Есть. Но не здесь, — Ремора не заметила, как боль и жалость куда-то отступили, пустив на свое место разум. Она могла бы сколько угодно плакать и требовать от Эйдена перестать ждать смерти, но сейчас гораздо важнее было другое, — И кто-то должен удержать для него Анкален. Ты его друг...

Опустив глаза, Эйден стиснул виски и едва слышно застонал:

— Что я могу? Они держат меня взаперти!

“Давай же! Разозлись! Вернись ко мне!” — мысленно требовала Ремора, сжимая в руках ткань плаща.

— Да что с тобой такое!?! — Воскликнула она, — Словно ты и не тот человек, которого я знала и любила... Мой Эйден не сдался бы. Он был придумал что-нибудь.

— Ты не знаешь, с чем мы связываемся, — Покачал головой Эйден, — Я чувствую, я уверен, что за Лукеллесом стоит не только Зиекон. Там что-то жуткое. Что-то, что сводит людей с ума.

Ремора вспомнила свою бесполезную попытку поговорить с Мерелиндой после смерти Ингерды, убийцу, что напал на нее в королевских покоях. Ей всем сердцем не хотелось соглашаться с Эйденем, но он был прав — за бунтовщиками стояла какая-то непостижимая

сила.

— Тогда у нас тем более нет права сидеть сложа руки! — Вспыхнула принцесса.

— Ремора, это самоубийство!

Она понимала, что у нее остался последний козырь:

— Зато ты останешься в стороне. Как тогда, когда твой брат убил беременную от него девушку.

Эти слова ударили Эйдена под дых. Сейчас он это заслужил, к тому же, Ремора в любом случае бы спросила его о той дуэли.

— Ферингрей все мне рассказал, — Холодно объяснила она.

— Он считает меня трусом.

— Так докажи, что это не так! Мне, а потом всем остальным! — Потребовала принцесса.

Ничего не ответив, Эйден поднялся на ноги и подошел к ней. Ремора вдруг краем глаза заметила дрожащее пламя свечи и поняла, что в ее груди горит такое же — малейший ветерок мог его задуть, а неосторожное движение — превратить в пожар.

— Если б на месте Клавера был Тейвон, ты поступила бы так же, — Пламя странно плясало в его блестящих глазах.

Ремора не ответила, хотя и осознала, что он прав. Можно сказать больше — за Тейвона она бы и убила, если бы пришлось.

— Любовь сильнее чести, — Эйден понизил голос почти до шепота, — Если эта честь вообще существует.

Его рука взметнулась вверх, к застежке ее плаща. Ремора не пошевелилась, пока тяжелая ткань падала с ее плеч на пол. На ней было простецкое шерстяное платье служанки, которое противно колело кожу и висело, как мешок.

— Теперь ты просишь меня остаться? — Усмехнулась она.

Вместо ответа он поцеловал ее — на этот раз со всей привычной страстью, глубоко и медленно, как и подобает после долгой разлуки. Ремора прижалась к нему всем телом, чувствуя, как руки Эйдена медленно скользят по ее спине, превращая огонек свечи в пожар.

Платье ее соскользнуло на пол быстрее, чем его стянутые ремнем штаны. Кожа Реморы, несмотря на духоту, тотчас покрылась мурашками от прикосновений Эйдена, принцесса обхватила его за шею и позволила поднять себя на руки, пока его влажные губы спускались от ее шеи к ключицам. Глаза закрывались сами собой от наслаждения, и когда жилистые руки легко опустили ее на кровать, Ремора на мгновение их распахнула, чтобы стянуть с Эйдена рубашку.

Конечно, эта странная болезнь не прошла даром — Эйден из без того всегда был очень строен: одни лишь мышцы и сухожилия. Теперь он как будто высох еще сильнее, и ему совершенно не шли эти выпирающие кости. Правда, Ремора быстро позабыла об этом, хрипло хватая ртом воздух и подавляя в горле стоны наслаждения, чтобы не выдать свой визит в логово мятежников и врагов.

До рассвета еще оставалось несколько часов, но теперь Ремора знала наверняка — эта встреча не была прощанием.

Глава 20. Кирация. Восточное море

Дым слегка рассеялся, позволяя Джеррету оглядеться вокруг. Вытирая с лица пот и чужую кровь, он не переставал проклинать чертовых рыбаков, которые среди бела дня умудрились прозевать целый корабль!

Кораблем, конечно, это убогое суденышко можно было назвать лишь с большой натяжкой, но пушки способны сделать грозным даже прогнивший плот. Тем более, когда у противника этих пушек не имеется...

Даже то, что треклятый капитан Хетинг и его люди были мертвы, ничуть не гасило пылающей ярости Джеррета, бьющей из него фонтаном. Он колот и рубил своей саблей всех, кто подворачивался под руку, кровь залила ему все лицо и рубашку, но кроме безумного исступления не было ничего. Он чувствовал себя бешеным животным, вырвавшимся из клетки чудовищем, но с пиратами ведь по-другому никак, верно?

Он мог бы обратить их в бегство, но тогда бы Джеррет Флетчер не был самим собой — любой, даже самый крохотный корабль с пушками лучше корабля без пушек, тем более, когда до столицы оставалось меньше дня пути, а “Живучий лосось”, раскуроченный ядрами, уже не казался таким уж живучим.

Поэтому сражение медленно перетекло с одной палубы на другую. Вряд ли весь этот сброд, который и пиратами-то назвать язык с трудом поднимется, ожидал, что столкнется на рыбацком суденышке с командой королевских моряков. Это и без того их немало удивило, а уж когда в бой вступил сам Джеррет, горе-головорезы и вовсе встали в ступор. Некоторые из них, конечно, захотели стать легендами и попытать счастья в бою с “самим Флетчером”, другие же, видимо, решив, что проиграть лучшему адмиралу Кирации не так уж и зазорно, благоразумно отступили, вот только разум этот их все равно не спас — Джеррет приказал убивать всех. Он не собирался церемониться с этими мразями.

Вокруг творилось черт знает что — кто-то из пиратов, особенно трясущихся за свою шкуру, пытался сдаться, кто-то надеялся спастись бегством, прыгая за борт, а кто-то все еще продолжал оборонять корабль. Адмирал с трудом различал лица, руки и спины своих ребят, растрепавшиеся волосы лезли ему в рот и в глаза, а сапоги скользили по залитым кровью доскам.

Он сражался с каким-то одноглазым громилой, что был на добрых тридцать сантиметров его выше и раза в два тяжелее. Вместо сабли у него в руке красовался топор, и Джеррет с легкостью бы разделался с ним, если бы не скользкие доски, на которых было трудно не навернуться, исполняя горячо любимые адмиралом выверты. Окажись он лежащим, громила мигом раскроит ему череп, да так, что кости разлетятся на мелкие осколки, а про то, что будет с мозгами и вовсе лучше не думать.

Поэтому Джеррет осторожничал изо всех сил. Он мог бы попробовать сбить противника с ног каким-нибудь хитрым ударом, но боялся, что в таком случае эта гора рухнет прямо на него и припечатает к палубе так, что потом парни не найдут от своего командира даже костей.

Громила же не двигался с места, широко расставив ноги и изредка делая взмахи своим окровавленным топором. Джеррет дорого бы сейчас заплатил за возможность всадить ему стрелу в оставшийся глаз, но в его распоряжении была только сабля, которая по меркам этой ожившей горы казалась иглой для вышивания. Нужно было как-то отвлечь его, сместить

внимание и обезоружить.

Джеррет сделал вид, что уходит вправо, но в последнее мгновение выкрутился и ударил противника слева — лезвие сабли встретилось с толстой деревянной рукоятью топора и крепко засело в ней. Адмирал с ужасом понял, что ему не хватит сил, чтобы выдернуть свой клинок. Он попятился, чувствуя, как скользят подошвы по воде и крови, в то время как громила взял его саблю в левую руку. На мгновение у Джеррета в голове даже проскользнула идиотская мысль о том, что пират, должно быть, ни разу в жизни не держал в руках столь дорогого и искусно сделанного оружия.

Теперь ему и вправду не осталось ничего, кроме как врезать громиле по ногам и попытаться сбить его с ног, а сделать это можно было только всем своим весом, иначе эта гора даже не шелохнется.

“Ты мужчина или танцующая баба!?” — много лет назад спрашивал его учитель фехтования — “Больше силы, встречай удар, а не уходи от него!” По правде говоря, Джеррет так и не смог до конца этому научиться. Он слыл одним из лучших фехтовальщиков Кирации только за счет своей ловкости. Над силой приходилось работать всю жизнь, ловкость была дана ему от природы — так почему бы ей не воспользоваться?

Резко пригнувшись, он рванулся в сторону громилы и зарядил ногой ему по коленям — кости, начиная от ступни и до самого бедра, тут же пронзила боль, но на нее у Джеррета не было времени. На него уже собиралось обрушиться лезвие собственной сабли, и если бы адмирал не успел дернуться вбок, оно бы перерезало ему горло, а так всего лишь чиркнуло по плечу.

— Господин адмирал! — Завопил юношеский голос откуда-то сзади.

Не успел Джеррет повернуться, как Атвин врезался в громилу, сбивая его с ног. Такая туша могла бы проломить доски, но они, хвала богам, выдержали. Адмирал судорожно поднялся, ища глазами хоть что-то, что могло сгодиться в качестве оружия.

Атвин был похож на черта — волосы взлохмачены, лицо в крови, рубашка порвана, но судя по виду, парень был цел и невредим — хоть это радовало.

Недолго думая, Джеррет подхватил чей-то кинжал, но это стоило ему драгоценного мгновения — громила поднялся на ноги, оттесняя Атвина к борту саблей и топором. Положение у парня было поганое со всех сторон, да и фехтовал он чуточку хуже, чем требовалось для того, чтобы выбраться из этой западни.

Джеррет бросился на ожившую гору, целя кинжал ему в горло, но гигантский локоть громилы толкнул его под дых с такой силой, что адмирал отлетел на пару метров, ударившись о палубу тем самым раненым плечом. Несильная до того момента боль разразилась со страшной силой, дала знать о себе и ушибленная нога. Воздух из легких вышибло, и к тому моменту, как Джеррет восстановил дыхание и зрение его прояснилось, Атвин уже лежал на окровавленных досках.

— Атвин! — Не помня самого себя от ужаса, проорал адмирал.

Покончив с парнем, громила уже поворачивался к нему, но то, что было дальше, осело в памяти Джеррета лишь размытым пятном. Он любил побеждать своих врагов красиво и изящно, но сейчас в нем не осталось ничего, кроме боли и ярости. Чуть приподнявшись на коленях, он всадил кинжал этой мрази в голень, вытащил и полоснул еще раз, надеясь перерезать ему сухожилия.

Взвыв от боли, громила рухнул возле него, и тогда Джеррет сделал то, о чем мечтал. Лезвие кинжала вошло ему в глаз мягко, словно в масло. Молодого моряка вроде Атвина

наверняка бы вырвало от такого зрелища, но Джеррет повидал многое, а этой смертью он и вовсе упивался, будто лучшим вином на свете.

Беспольные в темноте слепоты руки громилы продолжали молотить воздух, потеряв и топор, и саблю, и Джеррет с наслаждением врезал по одной из них ногой, надеясь сломать кость, хотя такую ручищу явно непросто раздробить пополам.

Громила вопил от боли так сладко, так мелодично, что адмирал решил понаслаждаться этими криками еще немного. Но, поднявшись на ноги, он вдруг опомнился и бросился к своему адъютанту, лежащему возле борта.

— Атвин! Атвин! — Жестокость и ярость отступали, словно страшный сон после пробуждения, когда Джеррет опустился на колени рядом с юношей.

Из распоротого живота парня хлестала кровь, он был бледен, словно с него вмиг сошел весь приобретенный в плавании загар, но глаза все еще казались ясными и осмысленными. Джеррет еще раз пробежался взглядом по ране — очевидно, что жить Атвину оставалось пару минут. Вот только... как смотреть ему в глаза?

— В-в-вы ранены, — Прохрипел адъютант дрожащим голосом.

Джеррет не сразу понял, что он говорит про его плечо. Рана там и в самом деле оказалась глубже, чем ему сначала показалось, но сейчас было не до этого.

— Ерунда, — Отмахнулся он, поддерживая рукой голову юноши.

Бой вокруг почти полностью сошел на нет — последние пираты встретили свою смерть, и разве что ослепленный громила продолжал стонать от боли, лежа неподалеку.

— Завтра будем в Анкалене, — Непонятно зачем проговорил Джеррет. Ответа он не получил.

На небе уже сгущались сумерки, а темные глаза Атвина медленно начинали стекленеть. Джеррет иступленно наблюдал за тем, как жизнь покидает юношу, которому, как он считал, он дал билет в жизнь. А в итоге обрел на смерть.

Адмирал много в чем мог винить себя, но тогда это чувство вины раздавило бы его еще в юности. Он знал, что люди сами делают свой выбор, и иногда их приходится отпускать — но почему каждый раз ему приходилось напоминать об этом самому себе!?

За спиной раздались шаги, но Джеррет даже не обернулся. Со смертью Атвина на него обрушилось давно забытое чувство опустошения — это не боль, не досада и не отчаяние, но и в этой дряни приятного было мало.

— Джер!?! — Позвал хриплый голос Престопа.

Он не отозвался. Спустя пару мгновений на плечо легла тяжелая рука, покрытая коркой засохшей крови. У самого Джеррета ладони были такие же.

Такими темно-бордовыми пальцами он и закрыл Атвину глаза, оставив на его веках размытые красноватые следы.

— Но я отомстил за него, — Вдруг повернулся к другу адмирал, — Вот этой мрази.

Он кивком указал на стенающего громилу с залитым кровью, льющейся из потерянного глаза, лицом. Рука его тоже двигалась как-то неправильно — видимо, Джеррету все-таки удалось ее сломать.

— Ты не убил его? — Удивился Престон.

Адмирал и сам не понимал, зачем он это делает — запрокинув голову, он громко захохотал. Сине-серое небо над головой, должно быть, смотрело на него, как на идиота, но Джеррету было все равно.

Вновь поглядев на Престопа, он дернул бровями:

— А что? Пусть живет! Представляешь, какая замечательная жизнь его ждет!?

Он не заметил невысокую хрупкую фигурку, что все это время стояла неподалеку, дрожа на ветру. Селин не сводила глаз с бездыханного Атвина, то ли боясь, то ли не находя сил пошевелиться.

Оставив адъютанта, Джеррет поднялся на ноги и понял, что он шатается, как пьяный. Медленно, словно продираясь сквозь что-то вязкое, адмирал добрался до нее и остановился рядом, слушая, как Ноппер начал раздавать приказы команде. Теперь этот корабль принадлежал им.

Джеррет не знал, где Селин умудрилась спрятаться, но на ней не было ни царапины. Что ж, хотя бы одну юную душу ему удалось спасти.

— Простите меня, — сказал он ей на кирацийском, не заботясь о том, поняла ли она.

— Джер, это глупость, — напомнил о себе Престон, указывая на громилу.

— Так добей его! — С безумной веселостью пожал плечами Джеррет, — Мне плевать.

Престон шагнул к пирату, вытаскивая из ножен саблю. Взяв онемевшую Селин за плечо, Джеррет вынудил ее отвернуться. Сам же он пристально наблюдал за тем, как друг лишает жизни эту тварь.

Что ж, по крайней мере он помучился перед смертью.

*

Из головы никак не выходило то, что она увидела. Только-только Селин позволила думать себе, что все страхи остались позади, как ей на голову свалилось самое жуткое, что она видела в своей жизни.

Флетчер, сидящий на коленях рядом с мертвым Атвином, почти с ног до головы залитый кровью и хохочущий. Лежащий рядом огромный, даже больше Атвина, человек без глаз, кричащий и мечущийся из стороны в сторону. И лучше бы Селин не понимать, о чем Флетчер говорил со своим другом, адмиралом Хельдером — но она разобрала все до единого слова.

Она не знала, от чего ей стало так страшно — от огромного количества крови, смерти единственного друга или вида человека с выколотыми глазами, но Селин не могла шелохнуться от ужаса. Даже когда Флетчер подошел к ней, легче не стало — в прищуренных зеленых глазах плескалось безумие, которое еще сильнее подчеркивала размазанная по бледному лицу кровь.

И все же, если бы не он, Селин вновь посмотрела бы на убийство — она не смогла бы отвернуться сама. Оцепенение прошло только спустя полчаса, а может, не прошло и до сих пор.

Девушка взглянула на свои потные дрожащие ладони — и почему ей так страшно? Другое дело, если бы корабельный лекарь приказал ей зашивать рану, но ради адмирала он все-таки решил сделать это сам, за что Селин была немало ему благодарна.

Может, она боялась за Флетчера? Его, как оказалось, тоже ранили в бою — не смертельно, но все-таки довольно глубоко. Рана могла воспалиться и стать по-настоящему опасной.

А ведь наваждение так и не прошло. Селин чувствовала это каждый раз, когда видела Флетчера — ее сердце начинало биться чаще, а глаза стремились незаметно поглядеть на него подольше.

Да, после боя она действительно испугалась его. Кого Селин увидела в нем? Убийцу? Воина? Может, демона? Она и сама не знала.

Но сейчас от этого чувства не осталось и следа. Она сидела на скамейке, привинченной к стене в душевой каюте, пока адмирал полулежал напротив в кресле, а корабельный лекарь обрабатывал своими снадобьями рану на его плече.

Флетчер был раздет до пояса, но его кожа блестела от пота, а по лицу и вовсе катились крупные капли. Из глубокого разреза на плече сочилась кровь, которую лекарь стирал пропитанными алкоголем тряпками.

— Сэвил! — Рывкнул врач, и девушка вскочила на ноги, изображая исполнительного немого мальчишку-ученика.

Лекарь, дородный седой старик, сунул ей в руку подсвечник и приказал держать ровно, да не накапать при этом воском. На деле это оказалась не такой уж и простой задачей — рука уставала, а воск так и норовил стечь прямо на Флетчера, которому и без того было несладко.

— Ниже опусти! — Дернул ее за руку лекарь, приготовив нитку с иглой и опустившись рядом с адмиралом так, чтобы ему было удобно зашивать рану.

Селин не оставалось ничего, кроме как смотреть. Она уставилась на рану, ужасаясь перед одним только видом разрезанной человеческой плоти. Тошноты она не чувствовала, но ощущение все равно было не из приятных.

И все же была еще одна вещь, кроме трясущейся свечи, не позволяющая Селин отвести взгляд — без рубашки Флетчер оказался еще краше, чем в ней. Девушка и раньше видела раздетых до пояса мужчин, но ни у одного из них не было такой точеной фигуры, как у кирацийского адмирала. Сухощавый, поджарый и невероятно изящный, он казался бы совершенством, если бы не несколько шрамов на руках и груди. На одни только его ключицы и длинную жилистую шею Селин готова была смотреть вечно.

Между тем, лекарь соединил края его раны и начал зашивать. Стиснув зубы, Флетчер зашипел от боли, когда игла проткнула ему кожу, мышцы его напряглись до предела, а жилистые руки вцепились в подлокотники кресла. Перед тем, как начать зашивать его рану, врач дал ему выпить чего-то очень крепкого, чтобы притупить боль, но так ли хорошо это помогало, Селин не знала.

Лекарь делал стежок за стежком, руки его были уверенными и твердыми, но адмирал Хельдер не сводил со старика глаз, контролируя каждое его движение. На Селин он почти не смотрел, но девушке все равно было неуютно находиться в одной каюте с этим суровым человеком. Он хоть и дружил с Флетчером, но сам по себе был совершенно другим — в нем не было ни милосердия, ни жалости, ни улыбки — только строгое следование правилам.

Когда лекарь закончил, адмирал с облегчением откинул голову назад и распахнул слезящиеся глаза. Растрепанные волосы прилипли к его взмокшему лбу, он казался усталым и изможденным, но губы его изогнулись в улыбке:

— Спасибо, Фрой. Недолго ты меня мучал...

Он сказал что-то еще, но Селин еще не знала этих слов. С каждым днем она понимала по-кирацийски все лучше, а говорила все разборчивей и быстрее, но выучить весь язык за такой короткий срок было просто невозможно.

— Не нагружайте эту руку, господин адмирал, — Ответил старик, обрабатывая иглу и убирая ее в свой маленький сундучок со снадобьями и инструментами, — Швы могут разойтись.

— Постараюсь, — Усмехнулся Флетчер, — Хорошо хоть, что левая.

— Теперь я посоветовал бы вам поспать. Отдых способствует исцелению.

— Не вопрос, — Дернул здоровым плечом адмирал, — Если это все, то можете быть свободны.

Адмирал Хельдер двинулся к выходу, но перед дверью обернулся:

— Если я понадобится, зови.

Лекарь закрыл свой сундучок, и, откланявшись, двинулся к выходу. Селин послушно увязалась за ним, но на полпути старик обернулся и резким тоном заявил:

— А ты куда собрался!? Твое дело — прислуживать адмиралу и следить за его состоянием, чтобы прийти за мной по первой же надобности!

Опешив, Селин замерла на месте и пошевелилась только, когда лекарь вышел. На захваченном пиратском корабле каюты были совсем крошечные, здесь едва вмещался стол, кресло, скамья и узкая кровать, а поэтому пламени свечи хватало, чтобы сносно осветить помещение.

Флетчер все еще сидел на прежнем месте, не сводя с нее слегка замугненных глаз.

— Я мог бы отослать вас вместе с Фроем, но почему-то подумал, что спать в каюте с одним потным мужиком все-таки лучше, чем с пятью. Располагайтесь. Кровать в вашем распоряжении.

Селин не знала, что и ответить. Она чувствовала, как кровь хлынула к лицу, но все-таки попыталась взять себя в руки:

— А как же вы? Вы ведь ранены.

Только сейчас до нее дошло, что они говорили на кирацийском. Такими темпами она скоро забудет родную речь.

— Приказы командира не обсуждаются, — Строго сказал он, но глаза его улыбались, — Вы еле держитесь на ногах от усталости.

Неужели это было так заметно? Сегодняшний день и вправду казался Селин бесконечным, и за все эти невозможные часы ее буквально выжали досуха. Она понимала, что уснет, едва коснувшись головой подушки.

Девушка не стала противиться, хотя при мысли, что она собирается спать в адмиральской постели, ей стало стыдно. Возможно, это не смутило бы ее так сильно, не будь Флетчер для нее кем-то... важным.

Устроившись на тонком, но сухом и довольно чистом матрасе, Селин провалилась в сон так быстро, как и предполагала — к тому моменту Флетчер даже не погасил свечу.

*

Проснувшись, она увидела открытую дверь, что вела в ночь. Снаружи доносился плеск волн, и в каюту задувал слабый ветерок. Звезды, видимо, светили сегодня ярко, и приглядевшись, Селин поняла, что Флетчера в комнатухе нет.

Девушка вскочила с кровати, бегло обшаривая глазами каюту. Куда адмирал мог подеваться? Что, если ему стало плохо, но он не решился будить Селин и потащился к лекарю сам? Мысль эта вызывала злость на него и на саму себя — дура, вздумала дрыхнуть!

Наспех натянув сапоги, девушка выскользнула из каюты и поднялась на палубу, где высокий силуэт на фоне ночного неба тотчас развеял все ее опасения. Селин двинулась к нему, на ходу придумывая, как бы уговорить его вернуться в каюту и послушаться совета лекаря — поспать.

Флетчер стоял, тяжело опершись на борт и держа в руке откупоренную бутылку, кажется, с вином. Ветер играл с его распущенными волосами, и Селин впервые заметила, что они почти такие же длинные, как у нее самой. Он облачился в рубашку, но вряд ли она

сильно согревала его — ветер и морские брызги делали свое дело: Селин успела озябнуть, едва выйдя из каюты.

— Господин адмирал, зачем вы вышли? Лекарь сказал, что вам нужен отдых, — Заговорила девушка, встав рядом.

— Я еще успею отдохнуть, — С какой-то странной тоской заявил он, — А вот вам не стоило бы здесь стоять — холодно.

Селин взглянула на висящие в небе звезды. Она не знала, сколько часов ей удалось проспять, но усталости не было. И уходить совершенно не хотелось.

Несколько минут они стояли в абсолютном молчании, но потом Флетчер все-таки заговорил:

— Атвин погиб из-за меня. Я допустил его смерть.

Селин старалась не думать о юноше. Мысли о нем в голову не особо и лезли, но эта неестественная, неправильная пустота, что появилась в душе без него, не давала девушке покоя. “Из меня словно вырвали кусок” — думала она. И теперь эта рваная рана кровоточила и болела, а вместе с тем зудела и злость на саму себя за то, что она так и не показала ему, что он стал ей дорог. Пусть не как мужчина, но как единственный за всю жизнь друг.

Может, в мире мертвых он обретет свое счастье — Атвин заслуживал его гораздо больше кого бы то ни было!

— Он был добрым человеком, — Тихо промолвила Селин.

— Атвин боготворил меня, а я позволил ему умереть, — Флетчер со злостью глотнул вина из бутылки, — У нас в Кирации говорят, лучших боги забирают быстрее. Видимо, правда...

— В Эделоссе тоже так говорят, — Вздохнула Селин, встречаясь с ним взглядом.

Адмирал протянул ей бутылку:

— Составьте мне компанию. Не напиваться же мне одному! Да и вам легче станет...

Селин ненавидела вино. Она видела, что это проклятое пойло сотворило с ее отцом, помнила, в каких чудовищ превращались люди под его действием, но сейчас спокойно приняла бутылку из рук Флетчера и уверенно хлебнула терпкой кислятины.

— Завтра мы будем в Анкалене, — Сменил тему адмирал, вглядываясь в туманный горизонт, — Я с радостью показал бы вам его, но вряд ли мятежники нам с вами это позволят, — Он улыбнулся собственной шутке, — Славный город, хотя иногда чересчур навязчивый.

Только сейчас Селин во всей полноте осознала, что отныне Кирация была ее домом. Это звучало странно и дико, но пути в Эделосс для нее больше не было — судьба не оставила ей выбора, да и хотела ли девушка его делать?

Она не могла не думать о дне, когда их плавание закончится и настанет время расставаться. Что ждет ее дальше? Флетчер попытается спрятать ее где-то в безопасном месте, но сможет ли Селин прижиться там, чтобы остаться навсегда?

А ведь ее тревожило не только это. Другой вопрос был еще больше — увидятся ли они когда-нибудь снова?

— Где я останусь? — Не совсем понимая, что она говорит это вслух, поинтересовалась Селин.

— В полной безопасности, — Зеленые глаза обратились к ней, — Я это обещаю.

“А знаю ли я, что такое безопасность?” — спросила Селин у самой себя. За последние месяцы жизнь успела хорошенько пошвырять ее в разные стороны, и нигде девушка не

находила спокойствия.

“Разве что сейчас, — дошло до нее, — Рядом с ним”.

— А когда все успокоится, я уговорю сестру взять вас к себе, если захотите. Ремора бывает невыносима, но она неглупа и чаще всего достаточно мила. Если дело не касается меня, конечно.

Флетчер вновь улыбнулся, и в свете звезд его бледное лицо показалось Селин еще красивее, чем обычно. Она думала о своем наваждении и медленно пыталась принять его как новую часть себя.

Девушка неумолимо влюблялась в него, но надеялась, что адмирал никогда об этом не узнает.

— Вы с ней не ладите? — Внезапно спросила Селин, поняв, что она совершенно ничего не знает о нем.

— Мне кажется, она просто считает меня безбашенным ребенком. Наверное, иметь такого брата по ее мнению стыдно.

Говоря это, он улыбался, и Селин поняла, что Флетчер скучает по своей сестре и искренне любит ее, хоть и считает эту любовь невзаимной.

От этой мысли стало больно. У него была семья, а Селин забыла, что это такое после смерти матери. Отец и вовсе в последние годы стал всего лишь подобием человека, и девушка росла совершенно одна, окруженная обшарпанными стенами и собственными страхами.

Она боялась жить и боялась любить, потому что почти позабыла, что это такое. Кто мог подумать, что Джеррет Флетчер заставит ее вспомнить?

Адмирал вновь передал ей бутылку, и девушка хлебнула еще вина. Сейчас ей хотелось опьянеть, хотелось, чтобы голова стала легкой и туманной. Это ли не свобода?

— А ваша жена? — Вдруг выпалила она, — Дети?

Флетчер рассмеялся. Видимо, вино ударило в голову и ему, но когда он успокоился, то заглянул Селин в глаза и снисходительным тоном, словно маленькому ребенку, сказал:

— Селин, у меня нет жены. И детей нет. Я женат разве что на морской пене...

От этих слов ей стало ощутимо легче, хотя даже на затуманенную вином голову быть с Флетчером не представлялось возможным... Да и не нужна она ему!

— Что-то мне кажется, вы совсем замерзли, — Предположил адмирал, кладя руку девушке на плечо, — Пойдемте-ка назад, в каюту. До утра еще далеко, можно поспать.

Селин смутно запомнила, как он проводил ее в каюту, осторожно уложил на кровать и накрыл тонким покрывалом, чтобы ее холодные руки наконец-то согрелись.

Возможно, она была просто пьяна, но девушка еще никогда не чувствовала себя такой счастливой.

Глава 21. Кирация. Анкален

Пряча ножны под плащом, Джеррет оглядывал городскую площадь из-под капюшона. Всюду копошились люди, и при пристальном рассмотрении можно было приметить нескольких не особо искусных воришек, что срезали у неосторожных зевак кошельки с поясов или тащили товары прямо из-под носа у торговшей.

Чтобы не выделяться в толпе, адмирал раздобыл просторный поношенный плащ — в сочетании с простой рыбацкой одеждой никто не узнает в нем ветувьяра короля — но с любимой саблей он расставаться не пожелал, хотя о ней только по одному виду можно было сказать, что это оружие стоит целое состояние. Поэтому ее приходилось прятать от посторонних глаз и использовать только в крайнем случае — впрочем, до них, к счастью, еще не доходило.

Не успели Джеррет и его люди высадиться на берег, как стало понятно, что действовать придется с невиданной осторожностью. Столица перестала быть им домом. Теперь она принадлежала мятежникам и “новому королю” — со всех сторон доносились славящие нового правителя крики и грубые им возражения, переходящие в стычки и драки, часто заканчивающиеся кровью.

Джеррет старался никуда не ввязываться — он лишь бродил по улицам и разглядывал то, во что превратилась бушующая, объятая пламенем мятежа столица. Казалось, что Анкален бьется в лихорадке и никак не может вылечиться. Если так пойдет и дальше, с наступлением холодов в городе наступит голод — уже сейчас торговцы осмелились задрать цены на еду до небес, что отнюдь не добавляло доброты крестьянам. Адмирал несколько раз наткался на сожженные дотла магазинчики и лавки, разграбленные таверны и разбитые прилавки.

И это не говоря о грабежах и разбое, что поселились на улицах Анкалена с приходом нового короля. При виде этих шакальих шаек, что разбредались по переулкам, как крысы, даже вооруженному Джеррету, вполне способному себя защитить, становилось не по себе.

Престон ждал его у таверны на Рыбацкой улице, ведущей к пристани. Друг тоже потрудился облачиться в длинный плащ с капюшоном и, судя по спокойному выражению сурового лица, ни в какие неприятности не вляпался.

Они с Джерретом невозмутимо зашагали вниз по улице, пока мимо пронеслись какие-то мальчишки-оборванцы и пара бездомных собак.

— Не нравится мне все это, — Прошептал из-под капюшона Престон, — В городе творится черт знает что, а нас раз-два и обчелся!

— А теперь изволь выразаться конкретней, — Попросил и без того раздраженный Джеррет. Его взгляд уже не в первый раз выхватывал подозрительного человека сзади, да и предчувствие было какое-то нехорошее...

— Сегодня вечером ждут прибытие Лукеллеса, — Почти неслышно сообщил друг, — И все продажные крысы собираются присягнуть ему на верность. Как новому королю.

— В моем замке, — Прошипел Джеррет, — Интересно, как поведет себя новый король, увидев среди гостей старого?

— Джер, ты же не собираешься соваться туда один?

— Это вопрос уже не ко мне, а к Тейвону, — Джеррет поправил капюшон, чуть не соскользнувший с головы, — Но я попробую ответить за него: нет, не собираюсь. Как-то не

хочется схлопотать арбалетный болт в глаз.

— Мы тебя от него не защитим. Точнее, Тейвона.

— Это верно, — Джеррет замер на месте, положив руку на эфес сабли, — Поэтому есть смысл убрать арбалетчиков. Или убедиться, что они не опасны.

Не опасны они могли быть только в одном случае — если Ферингрей оставался на их стороне. Джеррет знал капитана не первый год, и тот, при всей своей замкнутости и недружелюбности, человеком был честным и клятвы свои никогда не нарушал. Вряд ли охраной нового короля теперь занимался кто-то другой (не мог же быть Лукеллес настолько проницателен), а значит, надежда на то, что в нужный момент Чарльз Ферингрей сыграет на стороне Тейвона, была вовсе не призрачной.

Престон прошел на несколько шагов вперед и остановился, последовав примеру друга. Руки его напряглись, а глаза бегло обшаривали узкую, вымощенную неровным камнем улочку. Не сказать, что здесь было так уж безлюдно — сейчас в Анкалене народу хватало везде — но подозрений не вызвал никто, кроме высокого темноволосого бородача со шрамом на лице и длинным горбатым носом.

“Правильно я ли поступаю, выдавая то, что заметил за собой преследователя?” — подумал Джеррет. Хидьясец — если судить по виду — тащился за ним от самой рыночной площади, то отставая, то приближаясь. Если наемник один, то они с Престоном запросто от него отделаются, но что, если где-то неподалеку скрывается подкрепление? Хидьяссцы славились свирепостью, близкой к навыкам камариллов, и если эти слухи правдивы, то риск повышался в несколько раз.

Джеррету не слишком хотелось умирать здесь, на окраине Анкалена, да еще и от рук каких-то беспринципных южан, тем более, когда в одной из гостиниц оставалась незащищенная и испуганная Селин, которую он обязан был защищать.

— В детстве Ремора часто называла меня лисом, — Улыбнулся Престону адмирал, — Я думал, из-за рыжих волос и узкого носа, а оказалось... из-за хвоста.

Вывхватив саблю из ножен, он резко развернулся. Хидьясец уже был готов к бою — в одной его руке сверкал клинок, а в другой — кинжал. Краем глаза Джеррет подметил Престона, что встал рядом с ним с оружием наголо.

Горожане поспешно разбредались кто куда, чтобы ненароком не попасть в пучину драки, пока наемник медленно приближался. Все это время Джеррет прикидывал, где могли спрятаться его сообщники, и пришел к выводу, что положение у них с Престоном незавидное — подкрепление южан могло появиться откуда угодно, хоть из переулков, хоть с крыш.

Они позволили наемнику атаковать первым. Джеррет отскочил в сторону, а Престон нанес по южанину мощный удар, который тому не составило никакого труда парировать. Он явно был обучен сражаться сразу с двоими.

Предоставив Престону задать настроение боя, Джеррет чуть отступил назад, оглядываясь по сторонам, откуда в любой момент могло появиться подкрепление. Не прошло и минуты, как с крыши одного из домов прыгнула не самая доброжелательная парочка наемников, вооруженных до зубов и готовых к бою.

Лица их скрывались под глубокими капюшонами и плотными черными повязками — Джеррет смог разглядеть лишь холодные черные глаза, прежде чем эти двое набросились на него и принялись осыпая ударами с двух сторон.

Адмирал вполне сносно умел драться сразу с двоими, но раненое плечо и общая усталость некстати давали о себе знать. Джеррет сразу понял, что излишне напряг раненую

руку, и швы, наложенные стариком Фроем, должно быть, разошлись, но сейчас от этого зависела его жизнь, а что еще хуже — будущее Кирации.

Стиснув зубы от подступившей боли, адмирал увернулся от атаки одного из наемников и умудрился полоснуть по руке второго, но этого было недостаточно. Хидьяссцы сражались лучше, они были сильнее и превосходили числом, так что без какой-нибудь хитрости им с Престоном отсюда не выбраться. Мозг Джеррета, раззадоренный болью, начал лихорадочно соображать и не придумал ничего лучше, чем броситься наутек.

Окликнув Престона, Джеррет рванул вниз по улице, молясь всему ордену вместе взятому, чтобы новая порция южан не перерезала ему путь. Он не мог позволить себе обернуться и проверить, бежит ли вслед Престон — наемникам хватило бы этих ничтожных секунд, чтобы догнать его и не дать больше уйти.

Испуганные горожане с криками шарахались в стороны, кто-то звал городскую стражу, которая явно не собиралась появляться, но многие, заметил Джеррет, совершенно не удивлялись, что какой-то мужик с саблей удирает от вооруженных южан в черном прямо среди бела дня. Во что превратился Анкален за это время?

Улочка вела вниз, к порту, где постоянно кипела жизнь, слышалась матросская ругань и скрипели колеса нагруженных до отказа телег. Здесь тесно жались друг к другу дешевые таверны, публичные дома и гостиницы, из узких переулков невыносимо несло помоями и тухлой рыбой.

Эта часть города с детства напоминала Джеррету лабиринт, но он и подумать не мог, что когда-нибудь будет этому рад. Он, в отличие от южан, прожил здесь без малого тридцать лет, и явно знал эти вонючие переулки гораздо лучше.

Едва не задев повозку какого-то старика, нагруженную яблоками, адмирал нырнул в темный проулок и принялся судорожно осматриваться вокруг. Куда дальше? Забраться на крышу? Спрятаться в одном из домов? Он двинулся дальше, преодолевая желание сбросить с себя и плащ, и рубашку, чтобы хоть как-то избавиться от жуткой духоты. Пот стекал по его спине ручьями, а плечо горело от боли, но Джеррет упрямо бежал дальше, слушая как шаги и крики наемников становятся все тише.

Хоть бы Престон тоже догадался их запутать!

То ли от навязчивой вони тухлятиной, то ли усталости вкупе с открывшейся раной Джеррета внезапно затошнило. Он хватал ртом воздух, не в силах больше бежать, и позволил себе на мгновение остановиться, чтобы прижаться к стене и восстановить дыхание. В любой другой ситуации это бы помогло, но сейчас адмиралу стало еще хуже — ноги его подкашивались, колени дрожали, а на смену жару вдруг пришел резкий озноб.

— Черт! Только не сейчас! — Пробормотал себе под нос Джеррет, чувствуя, как ненавистная дрожь охватывает все его тело.

Зарывшись руками в растрепанных волосах, он осел на землю, нервно соображая, сколько у него есть времени до полной отключки.

“Будь ты проклят, Тейвон!” — разозлился адмирал, стирая с лица липкий холодный пот. Ему не оставалось ничего, кроме как выбираться отсюда, и Джеррет, сделав глубокий вдох, осмелился подняться на дрожащие и резко ослабшие ноги.

Нужно было найти Престона, но как это сделать в чертовом лабиринте из переулков, да еще и в таком состоянии? Сейчас у Джеррета каждая минута была на счету, а он совершенно не знал, что ему делать дальше.

Он мог бы обратиться Тейвоном прямо сейчас и избавиться себя от этих проклятых

мучений, но у него нет даже клочка бумаги, чтобы черкнуть ветувьяру записку и объяснить, что к чему. Да и как отреагирует Селин, когда вместо него к ней вернется другой мужик и примется объяснять, что адмирал Флетчер на самом деле то существо, которого вы всей страной боитесь и считаете ересью? Быть может, из уст самого Джеррета она воспримет это... спокойней.

Нужно было терпеть. Терпеть и возвращаться в гостиницу, где можно будет разобраться со всем этим спокойно. Вот только Джеррет не мог бросить здесь Престона и был почти уверен, что наемникам хватит ума проследить за ними и добить уже в другом месте.

Он медленно поплелся вперед, прислушиваясь к каждому звуку и контролируя свое самочувствие. Первый приступ миновал, но с каждым разом ему будет становиться все хуже и хуже. Обычно Джеррет не доводил себя до такого состояния, но и жизнь ни разу прежде не бросала его — да и их всех! — в такие неприятности.

Чей-то крик заставил адмирала вздрогнуть и вновь выхватить саблю из ножен. Фехтовальщик из него сейчас неважный, но какой-никакой осторожностью пренебрегать не хотелось.

Он медленно шел на звук, с ужасом понимая, что Престон от наемников оторваться не сумел — впереди раздавался лязг металла и топот шагов. Сколько же там сейчас южан?

Сердце Джеррета пропустило удар, а в животе заныло. Он еще никогда не чувствовал себя таким беспомощным. Как помочь Престону, если ты весь трясешься, как в лихорадке? Джеррет едва мог идти — что уж ему думать о сражении с наемниками?

Адмирал вновь почувствовал, как к коже приливает жар. “Нет, нет, нет!” — умолял он, но приступ окончательно решил повториться, на этот раз даже сильнее, а ведь после первого не прошло и пяти минут.

Прислонившись к стене, Джеррет сделал глубокий вдох и посмотрел вперед. Прямо за этим зданием, где-то посреди улицы, сейчас ни на жизнь, а на смерть сражается его лучший друг. “А ты стоишь здесь и жалеешь самого себя, оправдываясь тем, что во всем виноват Тейвон! Жалкий трус!”

Но какой из него сейчас боец? Джеррет лишь станет для Престона еще одной обузой, которую придется защищать, потому что она, черт бы ее побрал, королевских кровей!

И все-таки, сжав покрепче рукоять сабли, адмирал сделал упрямый шаг вперед. Перед глазами темнело, а ноги почти не держали его, но Джеррет продолжал идти, мрачно усмехаясь тому, что он сейчас, должно быть, похож на обычного перебравшего пьянчугу.

По дороге он несколько раз едва не рухнул на землю — благо, можно было схватиться за стены домов, которые здесь были повсюду. Кто-то сверху даже наорал на него, назвав бродячей пьянью, но Джеррет пропустил это мимо ушей.

Он не сразу понял, что звуки стычки Престона с наемниками стихли. Когда адмирал вышел из переулка, на месте битвы уже никого не было, и только несколько капель крови на истертой брусчатке говорили о том, что здесь что-то произошло.

Джеррет судорожно огляделся по сторонам. На мгновение его разум прояснился, и адмирал понял, что опоздал. На улице не было ни наемников, ни Престона, а непонимающие прохожие косились на него, застывшего посреди дороги, как на идиота. Сколько же времени прошло, пока он тащился сюда из переулка?

И что теперь с Престоном?

Вспомнив, что в руке у него все еще красуется шпага, выдающая его происхождение с потрохами, Джеррет спрятал ее в ножны и вернулся в темноту переулков.

*

Путь до гостиницы показался ему вечностью. Одновременно сражаться с постоянными приступами и запутывать наемников оказалось гораздо сложнее, чем он думал. К тому моменту, как Джеррет добрался до тесной комнаты на верхнем этаже, которую они сняли для Селин, он уже совершенно ничего не соображал.

Ноги едва держали его, и поэтому, молотя кулаками в дверь Селин, он держался за стену, чтобы не растянуться на полу прямо здесь. Джеррету казалось, что его вот-вот вывернет наизнанку, хотя он не ел ничего с самого утра.

В коридоре гостиницы — неприметного местечка для путников со средним достатком — было темно: маленькие окошки почти не пропускали скудный дневной свет. Поэтому, когда Селин наконец приоткрыла дверь, в глаза Джеррету ударило неоправданно яркое для осени солнце. Он буквально ввалился в комнату, заставив девушку испуганно отпрянуть.

— Что с вами!? Вы ранены? — Почти неслышно пролепетала она, пока Джеррет сражался с засовом на старой, но крепкой двери.

Джеррет не сомневался, что наемники пошли за ним по пятам. Вопрос был только в том, как скоро они окажутся здесь.

Он повернулся к Селин, заглядывая в ее огромные испуганные глаза. Если ей страшно сейчас, то что с ней будет, когда она узнает..?

Идиот! Нужно было сказать ей раньше! Но нет, он тянул до последнего, умиляясь тому, как глупая эделосская девчонка каждый раз смотрит на него с восхищением, совершенно не подозревая о том, что он — самый главный враг ее богов.

— Нет, — Хрипло выдохнул Джеррет, не узнавая свой голос. Еще раз проверив, надежно ли закрыта дверь, он наконец позволил очередному приступу завладеть собой.

Адмирал практически упал в кресло, чувствуя, как последние силы покидают его тело. Его вновь затрясло и бросило в жар, но это можно было вытерпеть.

Он надеялся, что не начнет блевать прямо здесь, при Селин.

— Что случилось? — Воскликнула девушка, бросаясь к нему, — Вы так бледны...

Джеррет судорожно вздохнул — перед глазами все плыло, мысли разбредались в разные стороны. У него было слишком мало времени.

— Селин, сядьте. Прошу.

Она удивилась, но, не сказав ни слова, подчинилась, устроившись на стуле напротив Джеррета. Он заглянул ей в глаза и заговорил, пытаясь заставить свой голос звучать как можно мягче:

— Вы должны меня выслушать. Не бойтесь. Я никогда не причиню вам зла.

Она непонимающе похлопала глазами:

— О чем вы?

— Сейчас вы все поймете. Поймете и возненавидите меня. Это ваше право, но я хочу, чтобы вы мне доверяли. Как я сейчас собираюсь довериться вам.

Он долго думал об этом, пока шел сюда. В момент обращения ветувьяр наиболее уязвим, ведь он находится без сознания, а в первые минуты после возвращения совершенно дезориентирован во времени и пространстве. Даже такой хрупкой девчонке, как Селин, не составит никакого труда убить Тейвона. Или самого Джеррета.

Но эти мысли казались таким же бредом, как то, что Лукеллес провозгласил себя королем! Престон Селин не доверял, но Джеррет... он чувствовал, что она не пойдет на это. Селин обязана ему жизнью, и она ни на секунду об этом не забывала.

— Вы...вы, кажется, больны. У вас жар, — Селин почти подорвалась с места, но Джеррет остановил ее жестом.

— Просто выслушайте меня. От этого сейчас зависит наша с вами жизнь. Я должен был сказать вам раньше, это полностью моя вина, но... так получилось. Я поклялся, что буду защищать вас, но теперь это больше не в моей власти. Мое время вышло.

— Что? — Нахмурилась Селин, — Я не понимаю...

— Я ветувьяр, Селин.

На каком языке он это сказал? Впрочем, какая разница — девушка уже достаточно хорошо знала кирацийский, чтобы понять эту фразу даже на нем.

Но лицо ее говорило об обратном. То ли Селин не могла принять эту мысль, то ли попросту думала, что Джеррет ее разыгрывает — он не знал.

— Тейвон Кастиллон, король Кирации — мой ветувьяр. О нем вы не могли не слышать, — Продолжил Джеррет.

— Это невозможно, — Селин все-таки вскочила с места. Теперь Джеррету казалось, что она избегает на него смотреть.

— Возможно. Ветувьяры существуют. И я — один из последних.

Девушка с ужасом пятилась от него, пока не поняла, что уткнулась спиной в стену. На глазах ее откуда-то появились слезы, а губы дрожали, когда она заговорила:

— Вы грешник! Вы еретик! Как вы могли!?

— Я не выбирал, кем мне рождаться, — Качнул головой Джеррет, — А если бы и выбирал, то...

— Я верила вам! — Слезы потекли у по ее лицу.

— И я не нарушил своих клятв. Просто теперь... меня заменит он.

Утерев слезы, Селин шагнула к нему. Неужели здравый смысл в ней победил страх?

— Другой человек... — Девушка уставилась Джеррету в глаза.

— Не бойтесь, Селин, — Адмирал попытался улыбнуться, — Он гораздо приятней меня.

— Нет! — Она бросилась к нему так резко, что Джеррет не успел заметить, как девушка оказалась сидящей у его ног, — Лучше вы. Оставайтесь, прошу!

Ах, если бы все было так просто, как думала эта наивная девчонка! Джеррет едва не рассмеялся, видя, как она наивно верит в то, что сущность ветувьяров — игра, развлечение.

— Я не могу, Селин! Посмотрите на меня! Я едва дошел до вас.

— Это... из-за того, что вы... ветувьяр?

— Это знак, что время Джеррета Флетчера вышло. Ветувьярам отведены равные сроки в этом мире — а я, как видишь, переходил... Пока я не верну Тейвона, мне будет становиться только хуже. Я больше вам не защитник, Селин.

Она перестала сопротивляться. Джеррет видел по лицу Селин, что она наконец приняла то, кем был ее чудесный спаситель.

— Дайте мне бумагу и перо. Пожалуйста, — Осмелился попросить Джеррет.

Селин молча исполнила просьбу. Пока адмирал, пытаясь совладать с трясущейся рукой, рассказывал в письме Тейвону обо всем, что произошло за эти месяцы, девушка не проронила ни слова. Джеррет вообще сомневался, что она хоть раз взглянула на него. Как-никак, они были врагами. Для нее уж точно.

В глазах то и дело темнело, пока адмирал пробегался взглядом по исписанному листу, проверяя, ничего ли он не упустил. Впрочем, Тейвон дураком не был, а потому, если Джеррет что-то и забыл, он спокойно мог додумать это сам.

— Я вас увижу? — Вдруг спросила Селин, — Хотя бы еще раз?

Джеррет повернулся к ней. Сердце гремело в его груди как барабан, требуя оставить это тело в покое, но он попытался придать себе вид того адмирала Флетчера, который когда-то познакомился с испуганной эделосской девочкой, найденной на захваченном гвойнском корабле. Пригладив волосы, он поймал ее взгляд и улыбнулся:

— Конечно, увидите. Если мы оба останемся в живых.

Ждать ответа он не стал, а просто закрыл глаза и воззвал к Тейвону, шепча зазубренные с детства древнекирацийские слова.

Глава 22. Кирация. Анкален

Селин вжалась в угол, держа в руке тяжелый железный подсвечник. Мало ли что могло прийти в голову этому незнакомцу, который теперь занял место Флетчера!

С того момента, как адмирал невероятным образом превратился в другого человека, прошло уже минут пять, но незнакомец, а именно король Кирации, почему-то никак не желал приходить в себя.

Не было и минуты, чтобы Селин не подумала о произошедшем. Она и раньше чувствовала себя предательницей, но еще никогда — так сильно. Как она могла влюбиться в истинную ересь, в демона во плоти? Собственное сердце никогда раньше не казалось ей таким гадким, уродливым и порочным — как оно могло допустить такой грех?

Ветувьяры и вправду чудовища, но самое страшное в них не то, что на месте одного человека живут два, а то, что демонами они вовсе не кажутся. Разве могла Селин подумать, что Флетчер, в которого ее угораздило влюбиться — такой смелый, добрый и человечный — окажется воплощенным грехом?

Вот только этот грех — все еще ее единственная защита. Едва девушка успела забыть, что ее со всех сторон окружают чудовища, как жизнь напомнила ей об этом самым жестоким образом.

В одно мгновение Селин потеряла единственный свет в своей жизни — человек, которого она любила, оказался исчадием греха и темных сил. Теперь у нее вновь не было ничего, так может, пора было перестать бороться?

Рука так устала держать подсвечник, что девушка без раздумий поставила его обратно на стол и бросила на короля Кирации мимолетный взгляд. Тот все еще не шевелился и не подавал никаких признаков жизни. Может, нужно было как-то его разбудить?

Селин осмелилась подойти ближе, прислушиваясь к ровному дыханию ветувьяра и не сводя глаз с его лица.

Демон, самый настоящий демон! Потому что таких красивых людей попросту не существует. По крайней мере, Селин ни разу не видела кого-то более прекрасного, чем король Кирации.

У всех людей были какие-то изъяны: у Флетчера — его прищуренные глаза, веснушки и тонкие губы, у Змея Рауда — широкий подбородок и нависшие брови, у Чудовища — слегка выступающая челюсть, про саму Селин и вовсе говорить было нечего — но король Кирации оказался идеален. В его лице не было ни одной неправильной черты, ни единой, даже самой крохотной ошибки. На мгновение девушка даже засомневалась, что перед ней живой человек из плоти и крови, а не чья-то неправдоподобная фантазия.

Но потом он открыл глаза, и Селин шарахнулась от него, как от огня, весьма кстати вспомнив про подсвечник. Голубые глаза, словно затянутые сонной пеленой, бегло обшарили комнату и остановились на девушке.

— Где я? — Недоуменно поинтересовался король. Голос у него был приятный, но чуть грубее, чем у Флетчера.

Селин поняла, что снова вжимается в стену, да еще и без подсвечника. Ее смелости хватило только на то, чтобы кивком головы указать на стол, где лежало послание от адмирала.

К счастью, король все понял, поднялся с кресла, взял письмо и принялся читать стоя,

позволяя девушке разглядеть его с ног до головы.

Он был так же высок, как Флетчер, но немного шире в плечах и чуть плотнее сложен, отчего не казался таким долговязым, как адмирал. Светлые, почти белые волосы спускались ниже плеч и напоминали гладкий шелк. В сочетании с ними голубые глаза делали его похожим на прекрасного принца из сказки, возвышенного и благородного.

Селин устыдилась собственных восторженных мыслей — как можно было так восхищаться демоном!? Он был ее врагом, и его следовало опасаться.

Дочитав письмо, король поднял на девушку помрачневшее лицо:

— Ну и заварил же Джер кашу...

Она неотрывно смотрела на него, ожидая любого непредсказуемого поведения, но ветувьяр лишь аккуратно сложил письмо и спрятал его под плащом.

— Как я понял, сударыня, вы из Эделосса? — Вдруг поинтересовался он на родном для Селин языке.

— Я могу говорить по-кирацийски, — Неосознанно вырвалось у Селин.

— Что ж, тем лучше, — Король поправил свою одежду и проверил ножны с саблей Флетчера, висящие на поясе, — Раз уж нам с вами суждено выбираться отсюда вместе, позвольте представиться: Тейвон Кастиллон, король Кирации. Надеюсь, мой ветувьяр не наговорил вам обо мне всяких гадостей...

Он улыбнулся, но совершенно не так, как это делал адмирал. Улыбка Флетчера была вызовом, игрой, авантюрой, а король улыбался так, словно играл какую-то роль. Одно Селин поняла точно — сейчас ему было совершенно не до улыбок.

Девушка не хотела сочувствовать королю, но зачем-то поставила себя на его место — легко бы ей было узнать, что ее королевство разваливается на части, столица заполонена самозванцами, а на ее шее болтается какая-то бесполезная испуганная девица? Говоря по правде, ветувьяр еще отлично держался.

— Я Селин, — Отгоняя страх, вымолвила девушка.

— Об этом мне известно, — Король прошелся по комнате и выглянул в окно. Селин не знала, что он там увидел, но когда ветувьяр обернулся, его лицо было серьезным, как у статуи, — Нам нужно уходить отсюда. Как можно скорее. Вы умеете пользоваться оружием?

Селин вытаращилась на него:

— Н-нет.

— Тогда советую вам быть осторожней, — Ветувьяр смерил девушку взглядом, — И всегда держаться рядом со мной.

Он выглядел сосредоточенным и напряженным, как натянутая струна. Селин с готовностью кивнула, пытаясь отыскать в себе хоть немного смелости. Она поспешно накинула на плечи дорожный плащ и замерла на месте, ожидая приказаний от короля.

— Поедем верхом, — Отчеканил мужчина, — Я доставлю вас в безопасное место.

“Разве где-то в этом городе может быть безопасно?” — задалась вопросом Селин, вспоминая все то, что ей пришлось увидеть, пока они добирались сюда из порта. Столица Кирации была охвачена страшной чумой, и имя ей — мятеж.

Держа руку на эфесе сабли, король выпустил Селин в коридор и вышел за ней следом. Здесь было темно и тесно, низкий потолок, казалось, еще больше усиливал и без того захвативший душу страх.

Внизу гремели чьи-то шаги и голоса, и, судя по крикам, это были вовсе не люди Флетчера. Селин отступила назад, случайно встретившись взглядом с королем. Он спустился

на несколько ступеней вниз, перегнулся через перила и вернулся к двери их комнаты, где девушка буквально вжималась в стену от ужаса.

— Они уже здесь, — Пробормотал ветувьяр, открывая дверь.

Мужчина втолкнул Селин назад в комнату и поспешно заперся на засов, хотя вряд ли он станет им надежной защитой. Если солдаты нагрянули сюда за ними, то долго эта дверь не продержится. Король выглядел готовым к бою, но что он сможет сделать в одиночку против нескольких — сколько их там было? — человек?

Девушка оглядела каморку в поисках хоть чего-то, что могло бы сойти за оружие, но беглый взгляд наткнулся лишь на тот самый подсвечник. Ни стол, ни стулья, ни узкая кровать для защиты не годились, но прежде, чем Селин успела схватить свою находку, король окликнул ее.

Он стоял возле распахнутого настежь окна и вглядывался вниз. Селин сразу поняла, что он задумал, и эта идея привела девушку в ужас.

— Здесь можно осторожно спуститься, — Заверил мужчина, — В кладке достаточно выступов, чтобы поставить ноги. И высота небольшая.

Попытившись, Селин помотала головой. Она не сомневалась, что у нее не хватит ни сил, ни смелости на то, чтобы слезть вниз, цепляясь за стену.

— Это наш единственный способ выбраться отсюда, — Добавил король.

Больше он с ней не церемонился. Отвернувшись, ветувьяр ловко вскочил на подоконник и высунул голову в проем, осматриваясь по сторонам.

— Я пойду первым, — Вновь обратился к Селин он, — Если что, подстрахую вас снизу. Только прошу — поторопитесь. У нас не так много времени.

Больше он не сказал ни слова. Селин подняла глаза и увидела, как ветувьяр осторожно вылез из окна и стал медленно продвигаться вниз. Девушка бросилась к окну, и холодный осенний ветер тотчас ударил ей в лицо. Между тем король оказался уже у самой земли, и Селин с ужасом подумала о том, что сейчас ей предстоит проделать то же самое.

На мгновение она спросила себя — а как бы повел себя в этом случае Флетчер? Так же, как его ветувьяр — оставил бы ее лицом к лицу с собственным страхом и ничтожностью? Или он попытался бы уговорить, успокоить ее и дать время подготовиться?

Вот только о каком времени могла идти речь, когда солдаты были уже на подходе? Их шаги гремели в коридоре, а голоса становились все громче. У Селин не было ни минуты, чтобы потешить свой страх.

Вонзив ногти себе в ладони, она взобралась на подоконник и посмотрела вниз. Ветувьяр стоял там, но он даже не глядел вверх, видимо, ожидая, что гвардейцы самозванного короля могут появиться в любой момент.

Раздался настойчивый стук в дверь. Сердце Селин пропустило удар. Она должна это сделать, должна вылезти из этого проклятого окна!

Если она сорвется, король ее непременно поймает. Он же поклялся ее защищать.

Голова внезапно закружилась, и девушка не сдвинулась с места. В дверь ударили сильнее. Еще раз. И еще. Теперь Селин не сомневалась, что гвардейцы пытаются ее выбить.

Развернувшись спиной к ветру, она вцепилась пальцами в оконную раму и попыталась свесить ногу, ища под подошвой выступ в стене. На Селин все еще была мужская одежда, но даже в ней девушка не ощущала никакого удобства.

Оконная рама держалась на честном слове — старое дерево трещало от хватки Селин, ей казалось, что оно вот-вот разломится прямо у нее в руках.

Нужно было торопиться — девушка видела, как дверь комнаты медленно, но верно поддается ударам гвардейцев. Еще немного, и засов не выдержит.

Она не осмеливалась смотреть вниз. Нужно было всего-то отыскать ногой выступ в стене и перенести на него вес тела, не забывая при этом держаться руками, но Селин не могла этого сделать. Даже под страхом смерти.

Девушка дрожала, как осиновый лист, сердце бешено гремело в груди, а руки изнывали от напряжения. Она готова была разрыдаться прямо сейчас.

Выбитая дверь грохнула о стену, и в помещение вломилась толпа королевских гвардейцев. Естественно, они заметили Селин, что застыла в оконном проеме и никак не могла уцепиться за стену.

Наконец, она решилась. Пристроив носок сапога на краешке каменного кирпича, девушка осмелилась опустить вниз вторую ногу, но чья-то сильная рука тут же рванула ее за ворот и потащила вверх.

Селин закричала, пока гвардеец тянул ее назад, в окно, грозясь задушить. Она вцепилась пальцами в его руку, но это оказалось бесполезно — девушку уже втащили на подоконник, обхватили за плечи, не давая пошевелиться, и приставили к ее горлу холодное лезвие.

Она сидела на самом краю подоконника, свесив ноги вниз. Гвардеец держал крепко, но он не сделает ничего, если Селин захочет прыгнуть. Просто так — взять и разбиться. Избавить от проблем всех, кто пытался ее спасти или защитить. Может, король даже еще успеет убежать...

Она этого уже не узнает, да и зачем? Зачем ей эта жизнь, в которой она предала всех, даже саму себя?

Но внизу — отсюда Селин было хорошо видно — уже стояли гвардейцы, окружившие ветувьяра со всех сторон. Судя по оголенной сабле, он собирался дать им бой, но замер на месте. Из-за Селин.

Он не сводил с нее глаз и не двигался с места. Вот так она своей трусостью погубила их обоих.

— Ваше Величество! — Обратился к ветувьяру гвардеец, что держал Селин, — Именем нового короля Кирации Шерода Лукеллеса мы приказываем вам сдаться. Или эта девица умрет!

“Это твой шанс, — подумала Селин, — Шанс умереть достойно, а не как последняя трусиха!” Нужно было просто прыгнуть. Возможно, она умрет сразу и даже не почувствует боли. Тем самым она развяжет ветувьяру руки.

Но как он в одиночку отобьется от такой толпы солдат?

Только сейчас Селин поняла, что по ее лицу ручьями льются слезы. Девушка и сама не знала, почему плачет. Вряд ли она боялась смерти.

По крайней мере, не больше, чем жизни.

И все-таки раньше, чем она решилась шагнуть в пустоту, король убрал саблю в ножны и поднял руки:

— Я сдаюсь. Отпустите ее.

*

Эйден не знал, кого он больше ненавидит — Лукеллеса или человека, что сидел сейчас перед ним. Лагат Фадел — бывший комендант столицы, взяточник, лжец и предатель. Именно он допустил, что после смерти отца Тейвона и Реморы Анкален одно за другим сотрясали восстания, бунты, убийства и грабежи. Сейчас происходило то же самое, но на

этот раз Фадел не просто это допустил — он стоял во главе.

При этом, они с Эйденом ненавидели друг друга взаимно, а потому мужчина не сомневался, но зарвавшийся старик сейчас начнет всячески унижать его, и все эти унижения ему придется глотать. Ради Реморы можно было пойти и на большее.

Той ночью в особняке Вивер она словно заново его зажгла — Эйден понял, что он действительно рано смахнул свою фигуру с игровой доски. Он не знал, сколько ему осталось гореть — болезнь отступить не собиралась — но на пару ходов времени еще хватит. И Эйден надеялся, что эти ходы окажутся верными.

Сейчас он совершал первый из них, смиренно стоя перед человеком, по которому давно плачет виселица.

— Признаться, не ожидал... Куда же ты втоптал свою гордость, граф? Туда же, куда и честь? — Вместо приветствия хмыкнул Фадел.

Он сидел перед камином с бокалом вина и грел свои немолодые ноги. За те годы, что Эйден его не видел, бывший комендант стал еще крупнее, чем был, хотя тягаться по объему с Лукеллесом все равно не мог.

Он даже не пригласил Эйдена сесть, хотя мужчина все равно бы отказался. Ему было противно находиться рядом с этой мразью.

— Не вам говорить мне о чести, — Отозвался Эйден.

— Смотри-ка, гордости стало меньше, а наглости — больше. Ты бы прикусил свой язык, граф. Или ты забыл, что комендант здесь снова я?

— Как раз поэтому я здесь, — Сквозь зубы процедил Эйден, — Я пришел просить аудиенции у Его Величества Шерода Лукеллеса.

Дернув седой кустистой бровью, старик поставил бокал на низкий столик и поудобнее уселся в своем кресле.

— С чего бы это?

— Мне нужно с ним поговорить, — Пожал плечами Эйден.

Фадел нахмурился, но спрашивать ничего не стал. Вместо этого он вновь потянулся к бокалу и ответил только тогда, когда осушил его до дна:

— Его Величество сейчас сильно занят. Я скажу ему, что любовник принцессы, — Он усмехнулся, — вдруг решил сменить сторону...

— Он непременно найдет для меня время, — Из последних сил удерживая на лице маску невозмутимости, ответил Эйден.

Когда Фадел демонстративно от него отвернулся, мужчина понял, что делать ему здесь больше нечего. Он поспешно вышел из жарко натопленного зала в коридор военного штаба, где его уже ждал привычно невозмутимый Ферингрей. Они молча двинулись к выходу из здания мимо многочисленной охраны, что появилась в столице с приездом нового короля Лукеллеса.

Миновав очередной поворот, они оказались на узкой лестнице, где не было ни стражи, ни слуг. Лицо у Ферингрея было такое, словно он собирался сказать что-то важное и ждал подходящего момента. Эйден понял, что времени лучше, чем сейчас, не будет — за ними явно не следили, да и подслушивать здесь было некому. К тому же, очередной приступ головной боли ненадолго притих, дав мыслям хоть какую-то свободу.

Словно прочитав мысли Эйдена, Ферингрей решился заговорить:

— Что бы вы с Ее Высочеством не придумали, будьте осторожнее.

Эти слова немало удивили Эйдена. Застыв на одной из ступенек, он смерил капитана

взглядом:

— Не думайте, я не собираюсь подвергать Ремору опасности.

— Она подвергнет себя ей сама. Из-за вас, — Холодно заметил Ферингрей, продолжая путь.

Эйденоу пришлось его догонять.

— С чего бы вам так переживать за нее, капитан? — Поинтересовался он.

Никогда раньше Ферингрей не казался Эйденоу угрожающим. Они были почти ровесниками и примерно одного роста — разве что капитан был чуть крепче сложен, но это особой роли не играло. И все-таки сейчас Эйден почему-то подумал, что Ферингрей откровенно напрашивался либо на ссору, либо на драку. Второго он определенно хотел избежать.

Ферингрей часто смотрел на Эйдена как на ничтожество, но никогда раньше граф не думал, что он, возможно, и впрямь заслужил подобное к себе отношение.

И все же капитан справился с эмоциями быстро — раздражение и ненависть на его лице сменились привычной отчужденностью, и он, понизив голос, сказал:

— Я клялся защищать всех членов королевской семьи, и эта клятва лежит на мне, пока я жив.

На этот раз Эйден шагнул вперед, вынудив Ферингрея держаться позади:

— Поверьте, капитан, я знаю, что делаю.

Только произнеся эти слова, Эйден понял, что это была ложь.

*

Как ни странно, Лукеллес вызвал Эйдена в замок в тот же вечер. Правда, то, куда пришел мужчина, было трудно назвать аудиенцией — в зале советов собрался весь новый свет Кирации, включая Фадела, Галора Реннеса, нескольких графов из провинции, пожилого сухощавого хидьяссца — видимо, командира наемников — и парочку вояк, выдающих себя за новоявленных генералов.

Все они собрались возле трона, в который Лукеллес еле втиснул свою огромную задницу. Оставалось только посочувствовать обреченному предмету мебели: это ведь страшное наказание — после Тейвона получить эту тушу!

Гвардейцы подвели Эйдена прямо к королевскому возвышению и остались стоять по обе стороны от него, словно безоружный граф в любой момент мог напасть на “Его Величество”.

Эйден почтено склонил голову, как того требовал этикет, пока Лукеллес придирчиво оглядывал его с ног до головы с высоты своего трона. Даже в освещенной факелами полутьме лицо главы торговой гильдии блестело от выступившего на коже жира, он обливался потом, слово сидел на палящем солнце, и казался красным, как рак.

В унисон с очередным приступом головной боли Эйден подумал: “Может, ты все-таки сдохнешь раньше, чем я”.

— Граф Интлер, — Полуприкрытые свинячьи глаза уткнулись в него, — вы забываетесь.

Эйден с недоумением уставился сначала на Лукеллеса, потом на всех его приспешников. Его раздирало даже желание повернуться и посмотреть на Ферингрея, который привел его сюда, и найти ответ хотя бы в его глазах. Что он сделал не так?

Фадел соизволил ответить:

— Перед королем требуется встать на колени.

Видимо, замешательство Эйдена позабавило Лукеллеса — над тремя его подбородками

показалась гадкая масляная улыбочка. Стиснув зубы, граф опустился на одно колено. Мысли его неумолимо возвращались к Реморе, к тому, что она говорила ему и тому, как сильно она в него верила.

Он должен играть эту роль, и он сделает это. Будет командовать королевскими солдатами, гвардейцами или что там ему решит поручить Лукеллес. Да, пусть это будет малой каплей — но это лучше, чем ничего.

Это будет его искуплением. За то, что он потерял этот город.

— Чего же вы хотите, граф? — Булькнул новоявленный король.

Эйден поднял на него глаза. Снизу Лукеллес и вовсе казался огромным шаром с руками и ногами.

— Служить вам, Ваше Величество, — Эти слова почти не жгли ему язык, так хорошо он их отрепетировал.

Лукеллес всегда отличался непредсказуемостью — вот и сейчас он выдал совсем не ту реакцию, которую ожидал от него Эйден. Вместо того, чтобы удивиться, торгош расхохотался, да так громко и заливисто, что даже его “верные подданные” явно смутились. Почти все, кроме Фадела, который тоже сверкал надменной улыбочкой. Хидьясец и вовсе выглядел так, словно только что заметил, что наступил в коровью лепешку. Что ж, Эйден мог ему только посочувствовать.

Немного успокоившись, Лукеллес утер слезы и посмотрел на графа:

— Это с чего же такая милость? Это не ты ли спал с принцессой-ветувьярихой!? Проща, что ли, любовь?

“Ты тоже, урод, “ветувьярихой” не брезговал” — подумал Эйден, подавляя растущую в груди ярость.

— Я потерпел поражение перед вашим войском. Не думаю, что это укрепило любовь леди Реморы ко мне. Для нее я теперь никто. Но у меня, как вам известно, есть сестры. Я отвечаю за их безопасность и благополучие.

— Это верно, — Лукеллес оглядел своих подданных, — О близких надо заботиться. И какую же службу вы мне сослужите, граф?

Глаза у торгоша хитро сверкнули, и это еще раз напомнило Эйдену, в какую опасную игру он ввязывается.

— Любую, Ваше Высочество, — С готовностью отозвался он, — Я — человек военный, и способен принять командование...

— У Кастиллонов вы были комендантом... — Задумчиво протянул Лукеллес, — Но я ловлю вас на слове. Вы пообещали мне любую службу...

Он переглянулся с Фаделом, на что тот слегка ухмыльнулся. Все, что сейчас скажет торгош, было продумано заранее — в этом Эйден не сомневался.

— Вы займетесь преступниками, — Лукеллес снисходительно посмотрел на него, — Предателями, изменниками... Подобная работа требует хорошей выдержки, а она у вас, непременно, имеется.

“Он хочет сделать меня палачом!” — мысленно воскликнул Эйден. Он предвидел нечто подобное и знал, что Лукеллес любым способом захочет его унижить. Придется принять и это.

— Карать виновных — непростая работа, но вы справитесь, граф, — Вступил в разговор Фадел, — Я в этом не сомневаюсь.

— Можете приступить хоть сегодня, — Махнул толстой рукой Лукеллес, — Мне от

изменников не нужно ничего, кроме признания и своевременной смерти, — Он засмеялся, и Фадел с несколькими графами его поддержали.

— Будет исполнено, Ваше Величество, — Эйден склонил голову и поднялся с колена.

— Можете быть свободны, граф, — Лукеллес выглядел так, словно ему смертельно надоело общество и Эйдена, и всех остальных, кто присутствовал в зале советов.

Развернувшись, Эйден поймал взглядом фигуру Ферингрея, что застыла возле высоких двустворчатых дверей. Боль острыми иглами вонзилась в виски, и мужчине пришлось на мгновение зажмуриться, ожидая, когда приступ чуть отпустит.

Окончательно пришел в себя он только в коридоре. Здесь было прохладно и темно — где-то вдалеке горел один факел, но сейчас Эйден и не хотел видеть свет. За ним тенями следовали двое гвардейцев, приставленных за тем, чтобы следить за каждым его шагом.

Эйден не ушел далеко — он остановился у раскрытого окна, когда его заметил вышедший из зала советов вместе с остальными Галор Реннес. Миловидный круглолицый банкир топал прямо к нему, и Эйден не нашел способа избежать наигранно-доброжелательной беседы.

— Как же хорошо, что вы снова с нами! — Широко развел руки, словно для объятий, Галор. Эйден даже не шелохнулся — он все так же стоял, опираясь плечом о стену, — Я уже начал переживать за вас...

— Как видите, все в порядке, — Нехотя отозвался Эйден, не отрывая взгляда от унылого осеннего вида за окном.

— Ну, все-таки я бы так не сказал, — Галор подошел ближе и понизил голос, — Моим советом вы все же не воспользовались. Вы бледны и заметно похудели. Это нехорошо... Вам следует поберечь себя.

— Это лишнее, господин Реннес. Здоровье меня больше не беспокоит, — Солгал Эйден.

— Не лукавьте, граф, — Мягко улыбнулся Галор, хватая Эйдена под локоть, — Вы совершенно не умеете врать. Признаться, именно это мне в вас и нравится.

Эйден заметил, что банкир незаметно уводит его в сторону от стражников. Галор, вроде бы, и топтался на месте, но все-таки постепенно отдалялся, делая вид, что внимательно изучает вид, открывающийся из окон. Когда глава банковской гильдии наконец решил, что гвардейцы не смогут расслышать их разговор, он вкрадчиво сообщил:

— Не думайте, что вам поверили. Король — вместе с Фаделом — просто решили поиграть вами. Вам следовало бы опасаться их, а не лезть в самое пекло.

Эйден с наигранным удивлением отстранился:

— Не понимаю, о чем вы. Я был вполне искренен с Его Величеством.

На мгновение Галор показался Эйдену потрясенным до глубины души. Его словно возмутило то, что собеседник не выложил ему все, будто давнему другу. “Ты такая же крыса и предатель, как все они” — подумал граф. Такие люди, как Галор, не знают чести и верности — они просто бегут туда, где им не подпортят шкуру.

Но всего спустя секунду лицо Реннеса переменилось так, что Эйден даже усомнился — а не показалось ли ему то, что он только что видел? Теперь по лицу Галора расплывалась хитренькая улыбка. Склонив голову, он пристально посмотрел на собеседника:

— Полагаю, так же искренен, как сейчас со мной?

Эйден ответил ему самодостаточной улыбкой:

— Несомненно.

Галор покосился на что-то за спиной у Эйдена и, окончательно понизив голос, сказал:

— Вы мне очень симпатичны, Эйден. И я не хотел бы, чтобы ваша неосторожность погубила вас. Будьте осмотрительней.

Тут-то и сам граф услышал за своей спиной тяжелые шаги. К нему неумолимо, как потоп, приближался Фадел, всем своим видом выражающий невероятное удовлетворение.

— Ну что, граф, готов приступить к обязанностям?

Перспектива выбивать признания из преступников в присутствии этой мрази ни капельки не прельщала, но судьба не оставила Эйдену выбора. Оправив простой светский камзол, что сидел чуть свободней, чем следовало, он с готовностью кивнул, и Фадел взмахом руки велел мужчине следовать за ним.

Галор остался там, где стоял, но отдаляясь, Эйден чувствовал, как его взгляд буквально прожигает ему спину.

*

Казалось, они с Тейвоном допрашивали здесь напавшего на Ремору наемника вечность назад. Эйден шел вслед за Фаделом по вонючему сырому коридору подземелья, и мысленно пытался вернуться в тот день. Сейчас он многое бы сделал по-другому. И уж точно бы не допустил всего, что теперь творилось в Кирации.

Эйден часто ощущал, как чувство вины грозит его раздавить. И это началось даже не сейчас — впервые он почувствовал это, когда один за другим умирали его братья, но сейчас, когда вина, лежащая на его плечах, смешалась еще и с ответственностью, это стало и вовсе невыносимо. Он был слишком слаб, чтобы тащить эту ношу в одиночку.

Но Фадел шел вперед, туда, где Эйдена ждало очередное унижение и то, чего он делать совершенно не желал. Нет, граф и раньше проводил допросы с пристрастием — это даже можно было назвать пытками — но он никогда не применял их к невинным. А сейчас Лукеллес признавал изменником только за то, что этот человек поддерживал законного короля. Тейвона.

Сегодняшняя пытка станет пыткой и для него. “Это ради нас, — напоминал Эйден самому себе, — ради Реморы и Тейвона. Ради смерти этого ублюдка Лукеллеса. Ты должен выдержать. Должен уничтожить их изнутри!”

Он не верил ни единому своему слову.

— Король запретил миловать изменников, — По пути разъяснял Фадел, — Даже если они станут клясться ему в верности. Хотя обычно они этого не делают.

— Какие сведения я должен от него получить? — Сухим голосом спросил Эйден.

— Любые. Чем больше, тем лучше. В идеале, конечно, это информация о других изменниках. В случае с нашим узником это самое важное...

Эйден покорно кивнул и шагнул в открытую дверь камеры. Еще мгновение назад он был готов немедленно приступить к дознанию, но теперь не мог сдвинуться с места.

К стене был по рукам и ногам прикован цепями Престон.

Глава 23. Кирация. Анкален

— Это все я виновата, — Пишал сквозь слезы девичий голосок, — Простите меня.

Говоря по правде, она мешала Тейвону и думать, и успокаиваться. И где только Джеррет подцепил это недоразумение?

Нет, про их встречу Тейвон как раз знал — ветувьяру хватило ума написать об этом в письме — но другой вопрос все равно не давал королю покоя: неужели нельзя было оставить девчонку где-то в безопасном месте? Какой был резон тащить ее в Анкален, охваченный восстанием?

Тейвон решил не обращать на нее внимания, но Селин продолжала хныкать, как ребенок, и это уже начинало действовать на нервы, хотя они сидели в одной камере не больше часа.

Когда гвардейцы привели их сюда, Тейвону даже захотелось расхохотаться — это ведь такая ирония: быть королем и попасть узником в собственную тюрьму! Но чем больше времени проходило, тем меньше ситуация походила на шутку.

Еще больше раздражало то, что Тейвон ничего, по сути, не знал — ни про обстановку в городе, ни про силы противника. Джеррет не успевал рассказать ему все, да и сам он, видимо, довольствовался лишь какими-то крохами информации. Он лишь предупредил, что Эйден может оказаться предателем, но это предположение казалось бредовым даже в этом сошедшем с ума мире!

Кто угодно, но не Эйден.

Сидя здесь, Тейвон сходил с ума от собственного бессилия. Его королевство разрывают на части стервятники, пока он сам покрывается плесенью в собственной тюрьме!

Селин снова всхлипнула.

— Да успокойтесь же! — Раздраженно бросил ей Тейвон. Девушка сидела на другом краю отсыревшего соломенного тюфяка и сотрясалась от рыданий, — Сейчас мы уже ничего не изменим.

Селин искоса посмотрела на него и тут же опустила взгляд в пол. Тейвону казалось, что она вообще опасалась встречаться с ним взглядом, словно его глаза могут испепелить ее дотла.

— Вы боитесь меня? — Вздернул бровь король.

Девчонка покачала головой, но Тейвон не сомневался, что она лжет. Эделоссцам с молоком матери внушают, что ветувьяры — воплощенное зло. К тому же, если верить Джеррету, он умудрился каким-то образом скрыть от нее свою принадлежность к роду королевы Этиды и поставил в известность только тогда, когда уже больше не способен был находиться в своем обличье.

Тейвон не мог найти объяснения такому странному поведению своего ветувьяра. Должно быть, Джеррет боялся ее напугать, но какое ему было дело до того, что там себе думает это безобидное создание?

— А вы всегда столь немногословны, сударыня? — Продолжил Тейвон.

Она лишь кивнула.

Что ж, раз уж ему суждено сидеть здесь невесть сколько времени, он хотя бы развлечет себя “увлекательной” беседой. Не каждый день встречаешься с человеком, который видит в тебе черта с рогами!

— Вы считаете меня демоном? Отвечайте честно, я все равно не узнаю от вас ничего нового.

Селин помедлила с ответом — уставилась на него, словно раздумывая, какой из правдивых ответов понравится Тейвону больше. Наконец, она пропищала:

— Вы не человек.

— А кто же я тогда по-вашему? — Улыбнулся король, — У меня две руки, две ноги, хвоста, вроде бы, никогда не было... Может, во младенчестве отвалился?

Он нес всю эту околесицу, чтобы хоть как-то отвлечься от гнетущих мыслей, но они все равно не желали отступить.

— У вас есть Флетчер, — Девчонка говорила четко, но с явным акцентом, — Он — это вы, а вы — это он.

— Верно... но это не совсем так, — Не удержался Тейвон, — Джеррет никогда не был мной, а я — им. Я никогда его не увижу и не узнаю, о чем он думал и что он чувствовал. Пока существую я — нет его, а пока есть он — нет меня.

Он удивился, когда понял, что Селин внимательно слушает его. Лицо ее стало озадаченным, как у ученика, который не понимает решение задачи. Любопытство в ней боролось с чем-то еще, но девушка все-таки спросила:

— Как так вышло? Что на свете появились ветувьяры?

— Я думал, вам об этом рассказывают ваши священники, — Нахмурился Тейвон. Он не сомневался, что эделосская легенда о появлении ветувьяров несколько... иная, а потому и хотел ее узнать.

— Они говорят лишь, что ветувьяров создало чистое зло, — Взгляд Селин устремился в пустоту, — Чтобы они несли в мир тьму и разрушение.

— Скучновато, — Цокнул языком Тейвон, — Наша версия поинтереснее. Вы что-то знаете о королеве Этиде?

Селин мотнула головой и всем своим видом показала, что готова слушать.

— Этида была королевой Кирации, и была она столь красива, что о ее красоте слагали песни во всем Оствэйке, — Начал Тейвон, чувствуя себя старой нянюшкой, что читала сказки на ночь им с Реморой в далеком детстве, — Больше всего на свете она боялась, что люди увидят ее дряхлой и старой, перестанут слагать о ней песни и восхищаться ее красотой. И этот страх так сильно мучил ее, что Этида отправилась напрямик к богам с просьбой замедлить ее старение, позволить ей подольше быть молодой и красивой.

Тейвон ненадолго затих, с улыбкой наблюдая за испуганным и в то же время любопытным взглядом Селин. Выдержав интригующую паузу, он продолжил:

— Богам не понравилась любовь Этиды к самой себе, и они решили исполнить ее просьбу не совсем так, как она просила. Они сказали ей идти с миром и запомнить несколько слов: “Пусть лик мой явит себя, что сокрыт под кожей в глубине меня”. Этида в них усомнилась, но слова запомнила. Ничего в ее жизни не изменилось после встречи с богами, но ровно через год королева серьезно заболела. Ни один лекарь не мог ей помочь — она не жила и не умирала, не могла есть и спать, и мучения ее никак нельзя было облегчить.

— Это было с Флетчером, да? — Удивленно вытаращилась на него Селин.

— Думаю, что да, — Кивнул Тейвон, продолжая, — И вот в жаре лихорадки Этида вспомнила сказанные ей богами слова. Она прочитала их, словно молитву, и произошло неопишное — королева превратилась в другую женщину, такую же молодую и прекрасную, но совершенно иную. Она звала себя Релой, и была кроткой, тихой и смиренной. Все

придворные Этиды были в ужасе, когда вместо надменной королевы перед ними предстала другая женщина, и только Геллиус, исповедник Этиды, догадался, в чем дело. Он записал слова богов, что позволили Этиде стать Релой, и когда прошел год, и лихорадка напала уже на Релу, он знал, что нужно делать. В мир вернулась Этида — не постаревшая ни на день с тех пор, как исчезла. Поняв, что просьба ее исполнилась, королева восславил богов. Счастью ее не было предела, и она повелела своим слугам одарить народ Кирации невиданно щедрыми подарками.

Все в его королевстве знали эту легенду с пеленок, и Тейвон верил в нее, хоть и понимал, что эта история, должно быть, во многом приукрашена монахами и переписчиками. А вот Селин, пусть и слушающая легенду с интересом, явно сочла ее вымыслом — это читалось по нахмуренным бровям и сжатым в тонкую ниточку губам.

— Народ всем сердцем полюбил двух своих королев, и с тех пор потомки королевы Этиды наследуют трон Кирации, а от детей королевы Релы происходит все старое дворянство. Геллиус же создал орден Двух Лиц, который обучал всех ветувьяров с малых лет обращаться с их силой, — Закончил Тейвон, пронзая Селин взглядом, — Вот такая легенда...

Девушка явно выбирала между своим обыденным молчанием и обвинением Тейвона во лжи, но здравый смысл в ней все-таки победил, а потому она больше не сказала ни слова. Встречаться с королем взглядом она тоже избегала, словно впад в еще более глубокую задумчивость.

С ней было больше не о чем разговаривать. Поплотнее закутавшись в раздобытый Джерретом плащ, Тейвон отвернулся от девушки и, чтобы отгородиться от своих гадких мыслей, принялся считать.

Он досчитал до трех тысяч четырехсот пятидесяти шести, когда за дверью камеры раздались шаги.

*

Престон поднял на Эйдена глаза, стоило графу лишь переступить через порог камеры. Друг был избит и растрепан, порванная рубашка его пестрела кровавыми пятнами, а нижняя губа распухла от побоев.

Прошла долгая секунда, прежде чем взгляд Престона стал осмысленным — он понял, что это происходило на самом деле. Эйден тоже бы многое отдал за то, чтобы эта камера, его друг, прикованный цепями, все эти пытки и Фадел за спиной оказались страшным сном. Но реальность была гораздо более жестока.

Дверь камеры закрылась вслед за Эйденем, по обеим сторонам от нее застыли двое гвардейцев, а Фадел, с лицом довольным, как у объевшегося кота, пристроился в углу.

— А я ведь до последнего верил, что они ошиблись, — Прохрипел Престон, впиваясь в Эйдена глазами.

И без того тесная камера вдруг сжалась для графа до размера закрытого гроба, боль ударила по черепу с бешеной силой, но слова друга все равно били сильнее. И гораздо глубже.

Для Престона он действительно был предателем. Самой последней мразью на свете. И Эйден не мог сделать ничего, чтобы разубедить друга в этом. Решись он хоть на что-то, Фадел тут же положит этому конец. В лучшем случае граф окажется в соседней камере, а в худшем — примет смерть от рук гвардейцев прямо здесь.

Как он мог показать Престону, что они все еще на одной стороне? И никогда не были на

разных...

— Как ты мог, Эйден? — Выдохнул друг, — Мы же...

— Надо же — какая трогательная встреча! — Прервал Престона отстранившийся от стены Фадел, — Вы ведь давно знакомы с адмиралом Хельдером, граф?

Это все было задумано. Так Лукеллес решил проверить его на верность, заставив пытать старого друга.

Но сильнее пугало другое — если Престон оказался в руках Лукеллеса, то что тогда с Джерретом? Эйден надеялся, что его не поймали, но в последнее время боги почему-то так обозлились на графа, что втоптывали все его надежды в грязь одну за другой.

— Что же вы застыли? Вы плохо поняли приказ Его Величества? Мы должны получить от этого человека сведения!

Эйден резко повернулся к Фаделу. Старик так смаковал ситуацию, что казался самым счастливым человеком на свете. Он насмеялся над Эйденем как мог, и хоть внезапно начал обращаться к графу на “вы”, слова его стали звучать еще надменнее и презрительнее.

— Я знаю, что мне нужно делать, — Огрызнулся Эйден.

— Так начинайте, граф! — Улыбка сошла с лица Фадела, — Я не собираюсь стоять тут всю ночь!

Не чувствуя своего тела, Эйден вновь повернулся к Престону. Тот не сводил с него глаз, в которых не было ни малейшей тени сомнения. “А ты и не дал ему повода для сомнений” — сказал сам себе граф. “Ты стоишь здесь и подчиняешься приказам мрази, которая все это спланировала!”

— Адмирал Хельдер, вы должны отвечать на мои вопросы, — Слова эти драли Эйдену горло, но он произнес их твердо.

Кому из них было больнее? Престону, которого пришел пытать его друг-предатель? Или Эйдену, неспособному хотя бы дать ему знать, что все не то, чем кажется?

Он попытался поставить себя на место Престона — что было бы, если бы его, закованного в цепи, пришел пытать адмирал? — и не смог. Престон погиб бы, но предателем бы не стал, пусть даже играя роль.

— А Ремора знает? — Сверкнул глазами друг, — Или тебе теперь плевать и на нее?

На свете не было человека, которого Эйден бы ненавидел сильнее, чем самого себя. Почти не слыша своего голоса, он заговорил:

— Я приказываю вам молчать. Говорить вы можете, только отвечая на мои вопросы.

Престон лишь усмехнулся:

— Какой же мразью ты стал! Пошел ты к черту! — И плюнул ему под ноги.

Престон не был дворянином. Он был сыном самого известного корабельщика Кирации — с детства в море, он знал о кораблях, кажется, почти все, а еще он умел зарабатывать доверие людей. Он не был хорошим оратором и не обладал каким-то запредельным обаянием, но он был честным и справедливым командиром, а потому люди непременно шли за ним. Джеррет нуждался именно в таких людях, и Престон стал его первым и единственным заместителем.

Эйдену же сын корабельщика всегда казался непостижимым — с ним было даже сложнее, чем с Тейвоном и Джерретом вместе взятыми. Возможно, когда-то давно Эйден даже стремился ему подражать, но Престон всегда оказывался на шаг впереди, и спустя какое-то время граф бросил эту затею.

Они знали друг друга много лет, но только сегодня Эйдену открылось, насколько

разными они были.

— Отпираться и молчать не в ваших интересах, адмирал, — Вступил в дело Фадел, поравнявшись с Эйденом, — Тейвон Кастиллон взят под стражу. Когда он напишет отречение, лишь вопрос времени.

Эйден застыл от услышанного. Значит, Джеррет вернул Тейвона, и тот каким-то образом попался гвардейцам? Сдался сам? Если Престону об этом неизвестно, значит, это произошло позже. Тейвон должен был понимать, что делает.

Впрочем, эти стервятники выбрали подходящий момент — в первые часы после обращения ветувьяры почти что беспомощны. По крайней мере, у них плоховато с восприятием реальности.

— Он этого не сделает, — Покачал головой Престон, — Это его трон по праву рождения и воле богов. А жирному торгашу передайте, что его башка украсит одну из пик перед замком. Я лично об этом позабочусь.

Глаза друга сверкнули, хотя он все еще казался ясно осознающим, что он говорит и что делает. Эйден понимал, что этими словами и угрозами Престон копает себе могилу, но не мог им не восхищаться — его собственной смелости никогда бы не хватило на то, чтобы сказать такое.

— Я бы на вашем месте так не торопился. Вы столь уверены в своем друге, но вы, видимо, забыли, — Он покосился на Эйдена, — что друзья могут сменить сторону, когда этого... требуют обстоятельства.

Руки Эйдена сжались в кулаки. Он понимал, что ярость погубит его, и потому не давал ей выхода. Но держаться так длительное время он не сможет.

Эта роль была ему не по силам.

Престон глухо рассмеялся, но глаза его немигающе смотрели на Эйдена. Он словно чего-то ждал, чего-то, чего граф никак не мог ему дать.

— Вы плохо знаете Тейвона, — Наконец, выговорил адмирал, — Он так просто не сдастся.

— А вы? — Поддразнил его Фадел.

— Я лишь солдат в его армии. Я ничего не значу. Можете даже меня убить.

Со стороны это могло бы показаться бравадой, словами ради слов, но Эйден знал, что Престон действительно верит в то, что говорит. Он и вправду готов умереть, чтобы своей смертью разжечь ярость в Тейвоне.

“А ты бы так смог? Конечно же, нет”.

— Граф, — Фадел вновь вспомнил про Эйдена, — Что же вы не участвуете в беседе?

— Я не буду с ним говорить, — Вмешался Престон, — Можете казнить меня хоть сейчас!

— Ну отчего же прямо сейчас? — Притворно удивился Фадел, — Мы дадим вам время подумать. Поразмыслить над своими перспективами...

Он кивнул гвардейцам, и те шагнули к Престону. Эйден нервно вздохнул. Фадел вышел из камеры первым, а граф зачем-то задержался еще на мгновение, чтобы заглянуть в глаза Престону и найти в них ничего, кроме ненависти. Сам же он, казалось, полностью состоял из сожаления, которое не стоило сейчас и ломаного гроша.

Престон одолел бы обоих гвардейцев голыми руками, не будь он прикован к стене. Но сейчас они принялись его избивать, и друг даже не уворачивался от их кулаков. Вместо криков он лишь крепче стискивал зубы и шумно втягивал воздух.

Эйден понимал, что это конец для Престопа. И ничего не мог сделать.

*

Стражники вели Тейвона по его же собственным коридорам замка. Видимо, Лукеллес сильно боялся неожиданных выходов, хотя что мог вытворить безоружный человек в пустом каменном помещении, Тейвон искренне не понимал. Можно было, конечно, схватить со стены факел и попытаться поджечь здесь все, но разрушения короля никогда не привлекали. Эта идея, вероятно, не понравилась бы даже Джеррету с его любовью к эффектным, но бестолковым выходкам.

Отбросив эти мысли, Тейвон подумал о том, что он скажет Лукеллесу. Ненависть к этой мрази была в нем всегда, но сегодня она всерьез грозилась вырваться наружу. Никогда раньше король так сильно не сомневался в собственном самообладании.

Гвардейцы подвели его к королевскому кабинету, один из них вошел внутрь и объявил “Его Величеству” о том, что узник доставлен. Только сейчас Тейвон в полной мере ощутил всю бредовость и абсурдность собственного положения.

Несколько месяцев назад, возвращая Джеррета, он со спокойной душой покидал тихий Анкален и мирную Кирацию. Тейвон тогда даже в страшном сне не мог представить, что ему придется вернуться в мир, в котором какой-то торгош из мещан объявит себя королем!

Прошло пару мгновений, и Тейвона пропустили в кабинет. За время его отсутствия здесь ничего не изменилось — тот же огромный стол из красного дерева, окна с тяжелыми шторами, восемь стульев для советников и один — со спинкой повыше — для короля. Единственное, что заметил Тейвон — это исчезновение отцовского портрета со стены. Видимо, новый король решил, что ничто в его замке не должно напоминать о ветувьярах.

Хотя на самом деле Лукеллесу следовало заняться не борьбой с картинами.

— На вашем месте я бы заказал себе новый трон, — Сухо заметил Тейвон, — Этот для вас определенно узковат.

— Вы неизменно прозорливы, мой дорогой шуринок, — Лукеллес попытался поерзать своей огромной задницей на стуле, но тот держал его подлокотниками, словно тисками.

Тейвон ненавидел это его обращение, которым гадкий торгош пытался причислить себя к королевской семье. Обычно он терпел эти слова, но сегодня церемониться с этой мразью не собирался.

— Калиста — ветувьяр Реморы. Она мне не сестра, — Напомнил он, беззастенчиво усаживаясь по правую руку от Лукеллеса. Обычно это место занимала Ремора.

— Ох уж эти тонкости! Они меня никогда не занимали, — Ручонка Лукеллеса потянулась к кувшину с вином и двум бокалам, что стояли рядом. Торгош до краев наполнил один и только потом вопросительно поднял глаза на Тейвона.

— Я откажусь, — Качнул головой он.

— Непривычно видеть вас в такой одежде, — Лукеллес залил себе в глотку вина.

— Но отрадно, верно? Я ведь теперь не выгляжу, как король, — Тейвон уставился в маленькие наглые глазки.

Не успел Лукеллес ответить, как в кабинет вошел слуга с подносом в руках. На тарелках оказалась целиковая жареная курица, мясной пирог и какая-то запеченная с травами рыба. С нее новый король и начал, расковыривая блюдо руками и засовывая куски белого мяса в рот. На какое-то время он словно позабыл о существовании Тейвона, но потом вдруг опомнился.

— Вы, должно быть, считаете меня гадом, каких поискать. Предателем, крысой, — Чавкая, рассуждал он, — Но это ведь не так. Я дал людям то, чего они хотели.

— И чего же они хотели? Погромов на улицах, разбоя, грабежей, голода? Чего!?

— Ну-ну, голубчик, — Осадил Тейвона торгаш, — Это все пройдет и забудется. Они хотели видеть на троне человека.

— А я, по-вашему, кто? — Опешил Тейвон.

— Ветувьярам давно пора было показать их место, — Как ни в чем не бывало продолжал Лукеллес, — Времена Этиды, если они и были, давно прошли.

— Говоришь, как эделоссец... — Подметил Тейвон.

— А в чем они, по сути, не правы? У них, может, и чересчур жесткие методы, но ветувьяры действительно не люди. У людей нет второй жизни в запасе.

“В запасе!?” Да как он смел такое говорить! О каком запасе может идти речь, когда ты живешь свою жизнь с перерывами, словно умирая на год, а потом возрождаясь!?

— Да что ты знаешь о нас..? — Не выдержал Тейвон.

— Только нечего строить из себя несчастных! — Лукеллес успел покончить с рыбой и взялся за пирог, — Я вдоволь насмотрелся на свою женушку, чтобы знать, что вся ваша семейка только и умеет, что врать.

— Чего тебе не хватало, чего!? Я отдал тебе Калисту, наплевал на ее волю...

— Не ты, а твой рыжий “братец”.

— Я просто не оставил ему выбора. А он любил ее больше, чем я.

— И именно эта проклятая баба показала мне, кто вы есть на самом деле! — Жир стекал по тройному подбородку Лукеллеса и капал на стол, — Что вы отродье, возомнившее себя богами!

— Нет! — Воспротивился Тейвон, — Мы просто люди.

— Надо же... И твоя шлюха-сестрица говорила так же!

— Не смей так ее называть! — Тейвон вскочил с места и только тогда заметил арбалетчика, что притаился за широкой темной шторой. Вернув себе самообладание, он опустился на стул и поднял пылающие от ярости глаза на эту жирную мразь.

— Это верно, не стоит поддаваться порывам. Я не сказал еще самого главного.

— Если ты так нас ненавидишь, — Прошипел Тейвон, — Убей нас. Убей меня, убей Джеррета. Убей Ремору. Эйден разорвет тебе плотку голыми руками, не успеет еще ее тело остыть.

Эти слова вырвались сами собой, прежде, чем Тейвон вспомнил, что Джеррет подозревал Эйдена в предательстве.

Лукеллес расхохотался. Тейвон поймал себя на мысли — есть ли возможность каким-то образом убить его быстрее, чем арбалетчик засадит болт ему в глаз? Вряд ли, потому что из оружия у Тейвона была лишь тарелка да рыбья кость.

— Интлер уже присягнул мне на верность. И я отправил его пытаться адмирала Хельдера. Думаю, это будет радостная встреча старых друзей!

Он вновь залился хохотом, а Тейвон не мог поверить своим ушам.

— Не думаю, что адмирал предаст тебя и твоего братца и присягнет мне... Поэтому завтра на рассвете состоится его казнь, — Продолжил бить побольнее Лукеллес, — И я прикажу убить его Интлеру. Посмотрим, как сильно он мне предан..?

Может, попробовать задушить его? Вдруг получится? Да, это будет чистым самоубийством, но сколько жизней он сможет спасти!

Вот только арбалетчик выстрелит раньше, чем Тейвон даже успеет дотянуться до этой туши.

— Но я милостив. Я не хочу, чтобы народ окрестил тебя и твою сестрицу мучениками. Я оставлю вас в живых и сделаю все, чтобы вы ни в чем не нуждались...

— И чего же нам будет это стоить? — Вымученно ухмыльнулся Тейвон.

— Ты подпишешь отречение для себя и всех своих потомков, а потом объявишь народу о том, что не имеешь никаких притязаний на трон.

Это так рассмешило Тейвона, что он не сдержался — и расхохотался Лукеллесу прямо в лицо. Торгаш явно удивился, и это позабавило Тейвона еще больше — неужели он ожидал чего-то другого?

— На твоём месте я бы просто отрубил мне голову. Это гораздо проще, — Сверкнул глазами он.

— Я-то думал, что в тебе осталось хоть немного благоразумия...

— Я законный король Кирации. О каком отречении может идти речь? — Сквозь стиснутые зубы процедил Тейвон, — В пользу самозванца?

Лукеллес отложил кусок пирога и внимательно взгляделся в лицо собеседника.

— Вместо тебя подписать отречение может твой ветувьяр, — Сказал он, — Мне, по сути, нет разницы.

— А ты наивней, чем я думал, — Хмыкнул Тейвон, — В лучшем случае, Джеррет плюнет тебе в рожу. Он не станет церемониться, как я.

— Но его, возможно, убедит другое, — Лукеллес отхлебнул вина взялся за курицу, — Жизнь адмирала Хельдера тоже зависит от тебя. Или от него — как вам будет угодно.

“Конечно — теперь он начал шантажировать меня Престоном!” — подумал Тейвон. Говоря по правде, ситуация казалась все более безвыходной. Он не мог позволить казнить такого ценного военного, как Хельдер. Не мог отдать им своего друга.

— Время тебе — до рассвета, — Подытожил Лукеллес, — Глядишь, и другому своему дружку — Интлеру — жизнь облегчишь...

*

Эшафот был залит дождем. Ледяной осенний ливень насквозь промочил испачканные чьей-то кровью доски, старую брусчатку, крыши замка и унылых королевских гвардейцев, что стояли по обе стороны от места казни.

По приказу нового короля эшафот соорудили прямо на площади перед замком, на которую открывался чудесный вид с широкого парадного балкона, где сейчас и собрался весь королевский совет, включая самого Лукеллеса, что восседал на специально подготовленном для него троне.

Над балконом соорудили навес, который не пропускал дождевые капли, но Тейвон охотней бы согласился стоять там, внизу, и иметь возможность изменить хоть что-то. Отсюда же он не мог сделать ничего, кроме как смотреть на то, как один его друг убьет другого.

Сегодня ночью он не сомкнул глаз, но придумать ничего стоящего так и не удалось. Тейвон был связан по рукам и ногам, он стал узником собственного замка и заложником своей привязанности к людям.

Он понимал, что следующей в списке Лукеллеса будет Ремора. Торгаш сделает все, чтобы заставить его подписать отречение, и Тейвон, тот Тейвон, который получил от отца это королевство двадцать лет назад, непременно поддастся бы ему, но того юноши давным-давно не существовало. Его убила жестокая реальность и слова, которые тогда сказала брату Ремора:

— Нет ничего важнее Кирации. Даже сотни, тысячи жизней ее не стоят. А одна — тем более.

Сказав это, она без раздумий отдала в жертву своего ветувьяра.

Сейчас Тейвон понимал, что, если понадобится, сестра принесет в жертву и саму себя, но его задачей было не довести ситуацию до этого. Кирация могла потерять Ремору, а он — нет.

— Комендант Фадел! — Позвал развалившийся на троне Лукеллес. Старый предатель, из числа тех, от кого нужно было избавиться в свое время еще отцу Тейвона, услужливо склонился к “королю”, — Сколько нам еще ждать?

— С минуты на минуту приведут осужденного, — Доложил Фадел.

Тейвон сжался всем телом. У него болела голова и тряслось сердце. Он облачился в свой привычный бордовый камзол и натянул на пальцы несколько колец, но все равно чувствовал себя кем-то другим. Гораздо легче было делать вид, что ты — не тот человек, от которого все ждут спасения, а кто-то посторонний, случайно попавший в эту передрагу.

Вдалеке показались стражники, что выводили узника из приземистых боковых ворот. В самом начале процессии шествовал Эйден, облаченный во все черное. Всю ночь прокручивая в голове тяжелые мысли, Тейвон успел несколько раз осыпать бывшего друга всевозможными проклятиями и практически возненавидел его, но сейчас его взгляд как-то некстати зацепился за одну странность: у Эйдена не было никакого оружия, хотя, в соответствии с военным чином ему полагалось всегда носить с собой шпагу.

К тому же, граф Интлер был сам на себя не похож — прошло всего несколько месяцев, а он, казалось, постарел лет на десять. Эйден похудел и ссутулился, а двигаться стал так, словно на ногах у него болтались невидимые, но очень тяжелые кандалы.

Глупый и слабый лучик надежды кольнул Тейвона — вдруг Эйден здесь не по своей воле? Что, если он ведет какую-то игру? Это казалось правильным и логичным, потому что граф Интлер был одним из немногих людей, кого Тейвон мог бы назвать настоящим образцом чести и верности.

Престон был со всех сторон окружен гвардейцами. Он тоже еле переставлял ноги, но, очевидно, по другой причине — адмирал был до такой степени избит, что Тейвон, может, и не узнал бы его так сразу.

И вот, пока эта процессия медленно продвигалась через всю площадь к эшафоту под проливным дождем, Тейвон задавался только одним вопросом: что можно сотворить настолько безумного, чтобы спасти их всех?

Пока что все варианты, которые приходили ему в голову, только усугубляли их положение.

Позади раздались поспешные шаги, чей-то топот, и внезапно на балкон, где расположился король со свитой, едва не сбив с ног кого-то из приспешников Лукеллеса, вломился запыхавшийся гвардеец. Он мог быть разве что гонцом, иначе зачем бы он стал так спешить?

К парню шагнул Фадел, и гонец поспешно достал из-под мокрого мундира небольшой конверт. Когда послание отдали королю, тот незамедлительно погрузился в чтение. С места, где стоял Тейвон, нельзя было разобрать ни слова из написанного, но судя по тому, что строк было немного, а вникал в них Лукеллес достаточно долго, можно было сделать вывод, что весть была не из приятных.

Или же торгош просто до сих пор читал по слогам, что тоже было весьма вероятно...

— Опять эта чертова баба! Когда она уже научится терпению!? — Разразился гневом Лукеллес, протягивая Фаделу письмо.

Тот быстро пробежался по нему взглядом и сахарным тоном произнес:

— Если она так уверена в том, что говорит, мы не можем медлить. Нужно отправляться немедленно.

Смирившись с этим, Лукеллес вновь расплылся на троне и уставился на площадь. Тейвон тоже заставил себя смотреть на эшафот, но глаза, как и руки, неумолимо тянулись к письму, которое Фадел уже успел спрятать под мундиром. Что за женщина писала Лукеллесу? Куда он собирался отправляться?

Между тем, Престона уже успели поставить на колени. Руки его были связаны за спиной, ноги — скованы кандалами. Выхода не было. Ни для него, ни для Эйдена.

*

Эйден чувствовал себя мертвым. Он должен был замерзнуть под ледяным осенним дождем, но холода он не ощущал. Ему казалось, что он даже не видит перед собой ничего.

Доски под ногами были скользкими от воды. Престон стоял на коленях, положив голову на плаху. Глаза его глядели куда-то в пустоту, избегая смотреть на Эйдена. Никогда раньше граф не ощущал такого исступления — в голове билась только пульсирующая боль и слова приговора.

Лукеллес принял решение возродить древний церемониальный вид казни. В Кирации он применялся только к военным, чьи заслуги были значимы для королевства. Ни о каком уважении речь тут, конечно, не шла — торгош просто хотел, чтобы Эйден у него на глазах отсек голову своему другу, а не просто выбил у него из под ног деревянный чурбан.

Эйден принял из рук гвардейца длинный меч — такими сражались великие воины лет двести назад. Оружие оказалось тяжелее, чем думал граф, но на один удар его сил точно хватит. Этому клинку ничего не стоит перерубить человека пополам — что уж тут говорить о шее?

— Престон Хельдер, адмирал Кирации, обвиняется в государственной измене, — Дождь катился по лицу Эйдена, словно слезы, — против Его Величества Шерода Лукеллеса, и приговаривается к смертной казни путем обезглавливания. Приговор будет исполнен незамедлительно.

Ему хватило секунды, чтобы взглянуть на королевский балкон, откуда за казнью наблюдал Лукеллес со своей свитой. Эйден не сразу заметил высокую фигуру в бордовом, стоящую с краю. Тейвон не сводил с него глаз.

“Ты зашел слишком далеко. И потерял все” — сказал себе Эйден.

И занес над головой Престона меч.

Вода стекала по остро заточенному лезвию и капала на доски. Один удар сердца. Второй.

— Я не предавал вас, — Эйден хотел сказать это громче, но получился лишь шепот. Он не знал, слышит ли его Престон. И хочет ли он его слышать, — Прости.

Меч обрушился на шею адмирала всей своей тяжестью и отсек ему голову так быстро, что уже через мгновение она с глухим стуком упала на мокрые доски и покатилась по ним. Тело задергалось, хлынула кровь.

Эйдену казалось, что это все происходило не с ним. Даже боль в голове куда-то подевалась. Он не слышал ни единого звука, хотя Лукеллес со своими шакалами наверняка разразились аплодисментами, и не видел перед собой ничего, кроме окровавленного меча в

руке.

Может, вонзить его себе в живот и покончить с этим?

“Ничтожество”.

Эйден отбросил меч прямо на доски эшафота и ушел, так и не осмелившись взглянуть на Тейвона.

Глава 24. Кирация. Монастырь Двух Лиц

Рауд Орнсон был вспыльчив, порывист, груб и никогда не брезговал хорошим мордобоем. Он и сам прекрасно знал о том, что временами бывает невыносим, но если на родине с его характером все как-то смирились, то хидьясские наемники этого терпеть не желали. Доходило даже до того, что Флавио со своими дружками просто запирали его в каюте, чтобы гвойнец не лез с замечаниями и поучениями к капитану этого корыта.

Рауд тщетно пытался убедить их, что если он возьмет командование судном, они доберутся до места в два раза быстрее. Плюгавый капитанчик, который вел эту развалюху на восток, осторожничал, как баба, давал огромные крюки, огибая скалы, между которыми спокойно прошло бы два таких корабля! Это доводило Рауда до бешенства, поэтому, когда на горизонте наконец-то показалась земля, он был счастлив, как дитя.

Он уже знал, что это за место — на востоке от Кирации находился только монастырь Двух Лиц. Остров, на котором он располагался, был чем-то наподобие святыни — говорят, именно здесь Этида вымолила у богов свое ветувьярское естество. Говоря по правде, Рауд и сам сейчас бы не отказался “помолиться” здесь с какой-нибудь красоткой наподобие королевы из легенды — но вряд ли в монастыре сыщется хоть одна приличная баба. Если они вообще здесь есть...

Когда они причалили к монастырю, Рауд не поверил своим глазам. До этого дня он думал, что его трудно удивить, но ордену Двух Лиц это как-то удалось.

На пристани — пусть и сравнительно небольшой — копошились самые обыкновенные на вид люди. Были среди них грузчики и торговцы, хотя чаще на глаза все-таки попадались монахи в длинных темно-серых одеяниях и глубоких капюшонах. Но впереди, на возвышении, путников ждали ворота высотой с дядюшкин дом в ка-Гвойне, высеченные из цельного камня и украшенные фигурами кораблей и воинов. Вершину ворот, естественно, венчала статуя королевы Этиды — прекрасной девы с длинными развевающимися волосами и воздетыми к небу руками.

Сойдя по трапу на твердую землю, Рауд огляделся по сторонам. Напомнили о себе застарелые мыслишки о побеге, но они вновь оказались нехстати — куда он денется от наемников на острове? Правильно, никуда. А корабль ему все равно никак не достать без денег...

Что-то гогоча на своем языке, наемники двинулись к воротам, и Рауд, лишь напоследок обернувшись на корабль и окинув взглядом тот сброд, что был ему экипажем, двинулся за ними.

За воротами их ждал не просто монастырь, а целый город с приземистыми домишками и узкими улицами, на которых даже в разгар дня было так тихо, что они казались спящими.

Впрочем, чего Рауд хотел от монахов? Здесь, небось, даже ни одного борделя нет, пусть и самого захудалого...

Улицы неизбежно вели к сердцу монастыря — странного вида замку, построенному на скале. Он не казался таким уж враждебным и мрачным — солнце и ветры отшлифовали его стены, а бойницами на стенах наверняка ни разу не пользовались. Да и кому могло понадобиться брать монастырь?

Рауд сразу понял, что именно туда хидьясцы и держат путь, но то, что они могли работать на главу ордена — Геллиуса, если Рауд не путал имя — казалось странным. Разве

церковники приветствуют убийства?

Капитан всегда был далек от орденов дел — он вообще не понимал, зачем дядюшка ввязался во все эти игры с богами. У гвойнцев был один настоящий бог, и имя ему — война. Все остальные — просто вымысел королей и церковников, чтобы водить простой народ за нос.

Не отрывая взгляда от громадины замка впереди, Рауд спокойно шел вслед за наемниками. Вскоре они принялись подниматься по длинной узкой лестнице, выдолбленной прямо в скале. Это оказалось сложнее, чем капитан думал — камни кое-где потрескались и раскрошились, ноги так и норовили соскользнуть и свалить тебя вниз, сбивая до кучи всех, кто шел позади.

Поднимались они, как Рауду показалось, целую вечность, но на деле прошло не так много времени — солнце на небе почти не сдвинулось. Они прошли по узкому мосту через заросшие мхом низкие ворота и оказались на открытой площадке, откуда открывался вид на город внизу. Отсюда он был похож на начерченную углем схему, кое-где раскрашенную блеклым желто-коричневым цветом пожухлой осенней травы.

Здесь их и ждал невысокий пожилой человечек с абсолютно седой головой, но не слишком морщинистым лицом. Он казался еще вполне бодрым и не производил впечатление безумного фанатика — по крайней мере, на вид. Должно быть, это и был тот самый Геллиус, хотя Рауд почему-то представлял его иначе.

— Рад видеть вас в этих стенах, сыны мои, — Широко улыбнулся он, гостеприимно разведя руки в стороны, — Боги дали вам сил пройти этот путь, но послали ли они вам успех?

Рауд опешил. Старик говорил на эделосском. Но Геллиус — кирациец!

Вывод напрашивался только один — это был не Геллиус. Это вообще не человек из ордена Двух Лиц. Рауд повнимательнее посмотрел на его рясу — не в таких ли ходили церковники, которых дядюшка развел в Гвойне? То-то и оно, что в таких...

Но какого черта священник из ордена Истинного Лица забыл здесь, в монастыре Двух Лиц? Дружбу эти ордена уж точно не водили, а это означало только то, что монастырь был захвачен эделосцами.

Вот только знали ли об этом кирацийцы на большой земле?

Флавио со смиренным видом вышел вперед, стянул с головы капюшон, склонил голову и поцеловал протянутую руку церковника.

— Послали, великий. Мы доставили вам свиток в целостности и сохранности.

“Великий!” — спохватился Рауд. Черт возьми, так это Нэриус! Капитан едва не рассмеялся в голос — он привел свиток прямо к тому, от кого пообещал его уберечь. Это походило на спланированную дядюшкой шутку, но Рауд знал, что Торгир здесь не при чем.

Картина потихоньку начинала складываться у капитана в голове — Нэриус расколол орден, украв свиток, упустил его, и тот попал к камарилам. Тогда глава ордена нанял кого-то потолковей, чтобы они вернули ему утраченный артефакт, и так вышло, что хидьясцы разгадали камарильский план только в Талааре, когда он уже был у Рауда. Вопросом оставалось только то, на кой черт Нэриусу ждать их здесь, в чужом монастыре и чужом королевстве, но тут уж Рауд со своим скудным умишком гадать не брался. Он надеялся, что поймет это позже, когда узнает, для чего вообще этот свиток так нужен.

— Вы подоспели точно в срок, — Возвышенно сказал Нэриус, — Избранная уже ждет...

Рауду показалось, что он попал в какой-то безумный сон. Что еще за “избранная”?

Неужели он действительно очутился у к каких-то фанатиков?

Флавио с готовностью кивнул и повернулся к своим наемникам. Рауд не ожидал, что он ни с того ни с сего посмотрит на него.

— С нами прибыл адмирал Орнсон из Гвойна, — Южанин указал Нэриусу на него, — Если бы не он, мы бы не заполучили свиток.

Рауд услышал, как позади него наемники о чем-то зашептались, но виду не подал. Ему и самому вдруг стало интересно, с чего бы Флавио выставлять его перед Нэриусом в лучшем свете? К тому же, еще и адмиралом, которым он никогда не являлся...

Поняв, что нужно что-то сделать, Рауд подошел к церковнику, склонил голову и прижался губами к протянутой ухоженной руке.

— Отрадно, что Свободный Остров Гвойн выбрал праведную сторону, — Нэриус говорил как праведник, но во взгляде его не было ничего светлого и смиренного. Одна лишь железная хватка.

Глава ордена окинул наемников взглядом и пригласил пройти внутрь. Южане двинулись за ним, но как только они прошли, Рауд дернул Флавио за рукав:

— Зачем ты солгал ему про меня? Твоим ребятам это не понравилось.

Южанин лишь улыбнулся, обнажив зубы со слегка длинноватыми клыками:

— Я нье знаю, как они обращаются с пленниками. Я решил, что тьебе лучше быть гостьем здесь.

Не сказав больше ни слова, он решил догнать своих товарищей. Удивленный внезапной доброжелательностью наемника, Рауд с какой-то растерянностью последовал за ним.

Внутри замок оказался поистине огромным. Снизу его можно было увидеть только с одной стороны, а потому капитан удивился, когда попал в длинный коридор с таким количеством лестниц и дверей, что их нельзя было сосчитать. Здесь, как и в любом другом замке, было сыро и прохладно, на стенах коптели факелы, а из небольших, закрытых витражами окон едва-едва пробивался дневной свет.

Нэриус повел их наверх по широкой лестнице мимо увешанных гобеленами стен. Как ни странно, здесь почти не было монахов, хотя в представлении Рауда они должны были встречаться им на каждом углу. Впрочем, откуда ему знать, как здесь все было до прихода эделосцев?

Они добрались до большого зала, предназначенного, судя по всему, для редких визитов короля — здесь, среди толстых резных колонн, на возвышении стоял трон, но Рауда удивило не это, а то, что он не пустовал. Сидя в роскошном кресле, их одиноко дожидалась молодая женщина.

Заметив Нэриуса, она медленно поднялась со своего места и спустилась к гостям. Рауд тут же забрал свои мысли об уродливых здешних бабах назад — эта, была, конечно, немного худа на его вкус, но все же довольно хороша. Все в ней — и одежда, и плавность движений — говорило о знатности и воспитании, но у капитана не было никаких догадок, кем могла оказаться эта загадочная особа.

Она подошла ближе, и теперь Рауд мог разглядеть изысканные серьги у нее в ушах и подвеску на изящной шее. Темные, почти черные ее волосы были распущены, но даже не доставали до плеч — это что же, у здешних дам такая мода? Гвойнские девицы никогда не позволяли себе отрезать косу — с ней же в разы красивее — но эту незнакомку это ни капельки не портило.

— Я рада видеть вас всех здесь, — Заговорила она на кирацийском, хотя лицо ее при

этом не выражало никакой радости. Да, она была красива — но в то же время казалась холодной и надменной.

Это ведь ее Нэриус назвал избранной? Рауду не слишком хотелось верить церковнику, но незнакомка действительно производила впечатление если не ведьмы, то хотя бы стервы...

При этом Рауд совершенно ее не боялся и не собирался избегать. Высокая, стройная, темноволосая — гвойнские простушки не годились ей и в подметки.

— Мы доставили свиток, госпожа, — Флавио склонился перед ней и вытащил из-за пазухи злополучный пергамент. Это же надо — гордый наемник готов плясать перед женщиной на задних лапках! Что-то подсказывало Рауду, что дело не только в деньгах — видимо, не на него одного незнакомка производила сильное впечатление.

Или это сказывалось долгое пребывание без женщин?

Красавица наконец позволила себе улыбнуться, приняв свиток из рук Флавио. Интересно, как она собиралась хоть что-то в нем разобрать?

Что ж, даже если она ничего не поняла в многочисленных черточках и палочках, то виду не подавала — свернув свиток, она оглядела всех наемников и взглядом остановилась на Рауде.

— А ваше лицо мне незнакомо... — Склонила голову незнакомка.

— Я Рауд Орнсон, гвойнский моряк, — Неожиданно для самого себя выпалил капитан.

— Надо же... — Задумчиво протянула красавица, — И как вам Кирация?

— Весьма... красиво.

Томно прикрыв глаза, незнакомка улыбнулась. Рауд ждал, что она все-таки назовет ему свое имя, но женщина ничего больше не сказала. Отвернувшись от Рауда, она вновь посмотрела на стоящих строем южан и объявила:

— Отныне вы будете моей охраной. Совсем скоро здесь будут люди, которые могут оказаться не слишком... доброжелательны ко мне. Вы должны защищать меня от них.

Флавио, покорно, словно верный пес, склонил голову:

— Будет исполнено, госпожа.

Мгновенно позабыв о наемниках, незнакомка вновь посмотрела на Рауда:

— А вы, господин Орнсон, будете моим гостем.

*

Ремора чувствовала себя отвратительно. В последний раз она плавала на корабле так давно, что успела забыть о своей морской болезни. Это плавание казалось ей вечностью, но на душе было противно все-таки не из-за этого.

Она не знала, что будет дальше. Во что их с Тейвоном втянул Лукеллес, загнав на этот корабль? У Реморы было нехорошее предчувствие, постоянно вспоминались слова Эйдена о том, что за мятежом и его предводителем стоит что-то большее. Принцесса боялась, что им предстоит лицом к лицу столкнуться с этой силой, и вряд ли они одержат победу в этой схватке.

Как не одержал Эйден. Когда Ремора узнала, что он натворил, она несколько раз прокляла саму себя за эту наивную идею. Дура! Неужели она не могла догадаться, что Лукеллес перевернет все с ног на голову!? Теперь Престон был мертв, а Эйден из предателя фальшивого сделался настоящим. Ремора не спрашивала напрямую, но понимала, что для Тейвона он тоже умер на том эшафоте, вместе с адмиралом.

Этот мир совершенно обезумел. Сошли с ума даже те, на чей разум принцесса привыкла полагаться — тот же Джеррет! Да, Ремора всю жизнь считала его импульсивным и взбалмошным, но какие-никакие мозги у него все-таки были, иначе как бы он одержал

столько побед на море? И все же разум его куда-то подевался, когда ему в голову пришло тащить за собой эту странную девицу из Эделосса. И все бы ничего — чем бы дитя не тешилось! — но ведь он повесил ее на шею Тейвону, а брат в свою очередь — на Ремору.

— Джеррет поклялся этой девчонке, что защитит ее, — Сказал ей Тейвон перед отплытием, — Возьми ее к себе. Как служанку.

— Джеррет, а не ты, — Возразила Ремора, — Какое тебе до нее дело?

— Иногда нам приходится отвечать за поступки наших ветувьяров, — Пожал плечами брат.

Ремора никогда не могла отказать Тейвону, даже если он просил за свое рыжее недоразумение. Как придворной даме ей было разрешено взять с собой одну служанку, и вместо верной и преданной Леды пришлось сделать выбор в пользу незнакомки по имени Селин.

До того, как Ремора увидела девчонку, она не сомневалась, что она — очередная игрушка Джеррета, мимолетное развлечение, про которое он забудет через несколько месяцев, но потом, когда “новая служанка” вошла в ее покои, принцесса окончательно убедилась в том, что адмирал, должно быть, действительно рехнулся.

Костлявая, маленькая, бледная, да еще и в каких-то мальчишеских обносках — она напоминала выцветшую моль с огромными глазами. Нет, у Джеррета определенно не могло ничего с ней быть — в свои любовницы адмирал неизменно выбирал только писаных красавиц, а этой девице до них было как до луны пешком. Тогда зачем он потащил ее за собой и обязал спасать от любой опасности?

Мало того, Селин оказалась еще и недотепой, каких поискать. У нее валялось из рук буквально все — она не могла даже разобраться со шнуровкой на платье, и это злило Ремору даже больше, чем злополучная морская болезнь.

На корабле Лукеллеса девчонка жила с принцессой в одной каюте, и единственное, что по-настоящему радовало Ремору — это то, что большую часть времени она ее практически не замечала. Селин постоянно молчала и не требовала к себе никакого внимания. В этом плане она была, конечно, лучше извечной сплетницы Леды.

Радовало Ремору и то, что их плавание совсем скоро подойдет к концу — несколько дней назад Тейвон разузнал, что они направляются на восток, в монастырь Двух Лиц, хотя что там забыл Лукеллес, оставалось загадкой. Принцессу все сильнее терзало чувство тревоги, словно опасность витала в воздухе совсем рядом, а она все никак не могла ее обнаружить.

Каюта, выделенная Реморе, тоже успела опостылеть — здесь все время было душно и тесно, хотя кроме сундука для вещей, стола, стула и прибитой к стене койки здесь не было ничего. Селин и вовсе вынуждена была спать на полу, положив матрас прямо на доски, но девчонка не жаловалась, что тоже радовало принцессу — от чужого нытья она бы точно бросилась за борт.

Раздался стук в дверь, и Ремора приготовилась к худшему — ведь кого, если не Лукеллеса, могли принести сюда черти? Но когда Селин открыла дверь, на пороге оказался Тейвон. Ремора едва не бросилась в объятия брата — так сильно она сейчас в нем нуждалась.

— Как ты прошел? — Принцесса вскочила со своего места. Она сидела прямо на постели, потому что единственный стул был предоставлен Селин, — Охрана тебя не заметила?

За все время им удалось поговорить наедине всего пару раз — и то, украдкой и урывками, прячась от гвардейцев Лукеллеса.

— Никого не было, — Объяснил брат, — Видимо, готовятся причаливать.

Селин собиралась уступить ему свой стул, но Тейвон устроился на столе, сильно напомнив своего ветувьяра. Девчонка тем временем вернулась на место, приняв отстраненный, задумчивый вид.

— Я долго думал, как поговорить с тобой об этом... — Начал Тейвон, — Если ты не захочешь, мы просто закроем эту тему...

Ремора вопросительно вздернула бровь.

— Лукеллес требовал от меня отречения, — Выдохнул брат, — За жизнь Престона.

Спрашивать, что он ответил, не имело смысла. Престон был мертв.

— Я думаю, он попытается еще раз. И на кону будешь уже ты, — Тейвон пристально посмотрел сестре в глаза.

Тут нечего было даже думать.

— Ты знаешь, что ему ответить, — Сухо улыбнулась Ремора.

— Ты с ума сошла? Я не позволю ему убить тебя.

— Но позволишь забрать Кирацию? — Парировала принцесса, — Я была о тебе лучшего мнения, братец...

Тейвон потупил голову. Временами он до сих пор казался сущим ребенком. По крайней мере сейчас Ремора видела перед собой не короля, а потерянного принца, которым он был двадцать лет назад. Но тогда они нашли выход. И сейчас найдут...

— Чтобы противостоять ему, тебе понадобится вся твоя воля, — Холодно изрекла Ремора, — Но на то и король. Нужно уметь принимать волевые решения.

— И что мне это даст? — Дернулся Тейвон, — Кирация уже у него в руках!

— Только Анкален. Народ считает королем тебя, а не его.

— Ты этого не знаешь, — Покачал головой брат.

— То, что строилось веками, нельзя разрушить за месяц. Кастиллоны — прирожденные короли. Так докажи всем это!

Ремора внезапно замолкла, вспомнив, как говорила нечто подобное Эйдену. И что из этого вышло? Она сделала только хуже.

Может, Тейвон был прав, и им действительно следовало сдаться? Лукеллес отпустит их с миром, и все эти мучения закончатся. Пусть у Кирации будет новый король, если народ этого так хочет!

Но народ этого не хотел. Этого хотели зарвавшиеся мрази вроде Лукеллеса. С ними жизнь простых людей не станет лучше.

Вместе с этим Ремора поняла еще кое-что:

— Он не сдержит свое слово. Даже если ты подпишешь отречение, он убьет всех нас. Потому что живыми мы будем для него опасны.

— И что же ты предлагаешь? — Тейвон казался усталым и отчаявшимся. У Реморы уже начало складываться впечатление, что все мужчины вокруг нее вдруг позабыли о том, что они мужчины, а не плаксивые барышни.

— Сопротивляться. Это все, что мы можем, — Ремора посмотрела в окно, где на горизонте уже появились очертания монастыря, — Еще неизвестно, с чем нам придется столкнуться впереди.

Монастырь Двух Лиц был одним из древнейших мест в Кирации. Когда возводили центральный замок, Анкален еще был ничем не примечательной рыбацкой деревней. Прошли сотни лет, а монастырь до сих пор поражал воображение.

Тейвон не был на острове лет пятнадцать, и за эти годы здесь не изменилось ничего — даже деревья, казалось, не подросли ни на сантиметр. Единственное, что казалось другим, неправильным — это число монахов на улицах. Их стало гораздо меньше, словно монастырь поразила какая-то страшная хворь, забравшая жизни большинства его обитателей.

Ремора не зря говорила о плохом предчувствии — Тейвон тоже знал, что впереди их не ждет ничего хорошего. Трясаясь в одной карете с Лукеллесом, он почти не выглядывал в окошко, иступленно уставившись в одну точку.

Он никогда не чувствовал себя столь неуверенно, казалось, из-под ног ушла твердая почва, и Тейвону предстояло преодолевать дальнейший путь, ступая по воде. А все вокруг только и делали, что смотрели на него, не в силах помочь, пока он не знал даже, что будет в следующую секунду.

Как поступил бы на его месте Джеррет? Кто-кто, а он-то должен знать, как выбираться из безвыходных ситуаций. Вот только спросить об этом теперь некого — Престона казнили, и случилось это по вине Тейвона.

После отказа подписать отречение Лукеллес перестал с ним церемониться. К Тейвону приставили постоянную охрану, набранную из людей, которых он видел впервые — а значит, на их помощь можно было не рассчитывать. Он стал пленником нового короля, но Лукеллес, видимо, решил, что предоставил своему узнику слишком много комфорта, а потому решил дополнить постоянную слежку еще и собственным обществом. Торгаш каждый день приглашал Тейвона на ужин, а сейчас и вовсе изъявил желание ехать с ним в одной карете. Руки Тейвону перед этим предусмотрительно связали, чтобы он не попытался напасть на Его Величество, даже не имея при себе никакого оружия. Это походило на высшую издевку — Лукеллес насмехался над ним, как мог, и сейчас, очевидно, решил продолжить.

— Такая красота вокруг, а ты невесел... Зря!

Тейвон не выдержал.

— Какого черта ты притащил нас сюда!?! — Рявкнул он.

Мерзкий свин расплылся в улыбке:

— Как же..? В гости! Вас с сестрицей здесь давно ждут.

— Кто?

— Ох, а этого я не скажу... Скоро сам увидишь.

Хихикнув себе под нос, Лукеллес понял, что на беседу Тейвон совершенно не настроен, а потому решил заткнуться. Они ехали молча до самого подвешного моста, и за это время Тейвон успел перебрать в голове все возможные варианты того, кто мог ждать их с Реморой здесь.

Неужели предателем оказался Геллиус? Теперь, после того, как Эйден у него на глазах казнил Престона, Тейвон мог поверить во что угодно. Он не понимал, за что боги решили наказать его такими испытаниями. Весь мир был против него, и Тейвон ничего не мог с этим поделать — кроме Реморы у него никого не осталось, но и она ничем не могла помочь.

Карета вкатилась во внутренний двор монастыря только с заходом солнца. Едва Тейвон покинул ее, как его со всех сторон окружила стража. Спасибо хоть, что руки развязали! Неужели он и вправду производил впечатление настолько опасного человека?

На самом деле ни фехтование, ни простая борьба никогда не давались Тейвону и вполнину так же хорошо, как Джеррету (по крайней мере, так говорили учителя). Он всегда был более успешен в стихосложении, истории и естественных науках, хотя сейчас с радостью обменял бы все эти знания на ловкость, выносливость и хорошее обращение со шпагой.

Казалось, в тот момент ярость полностью затмила Тейвону взор. Он так и не увидел Ремору, что должна была подъехать следом, и когда Лукеллес наконец-то вытащил свое шарообразное тело из кареты, они тут же двинулись к широким парадным дверям, распахнутым настежь.

Тейвон ожидал встретить Геллиуса, но праведника-предателя нигде не было видно. Вместо него нового короля и его пленника встречали какие-то монахи и слуги. Они указали гостям подниматься наверх, к парадному тронному залу, которым пользовались, кажется, всего пару раз за всю историю Кирации.

Все убранство здесь было каменным и буквально кричало о собственной древности, но одновременно с ней и о какой-то неподвластной времени красоте. Тейвон шел мимо зажженных факелов и освещенных ими барельефов с изображениями великих королей-ветувьяров, думая о том, каким все-таки никчемным оказалось его правление.

Вместо великого короля он оказался слабаком и трусом, охваченным вечными сомнениями и нерешительностью. В нем не было ни силы, ни мудрости — и за это он поплатился восстанием и Лукеллесом на троне.

Парадный зал сиял огнями свеч и факелов — даже вечером здесь было почти так же светло, как днем. Лукеллес так медленно катился по коридору, что ему хотелось поддать пинка для скорости, но когда они все-таки прошли через широкие двустворчатые двери, Тейвон опешил.

На троне, окруженная свитой, состоящих из высоких смуглых мужчин в темных одеждах и короткого старика в бордовой рясе, гордо восседала ожидавшая их женщина с остриженными чуть выше плеч темными волосами...

...которая была умершей более полугода назад Ингердой Пашелл.

Глава 25. Эделосс. Граница с Кирацией. Кирация.

Монастырь Двух Лиц

Боль отступала слишком медленно. Что же у него была за рана, если даже чудоснадобья наследника престола залечивали ее уже несколько недель!?

Ланфорд никогда не чувствовал себя настолько убогим и ничтожным. Он не мог даже быстро ходить, постоянно уставал, а уж о том, чтобы держать оружие, и вовсе не шло никакой речи.

Из камарила он превратился в посмешище. В калеку!

Казалось, про него забыл даже Биркитт. Пока Ланфорд плелся в хвосте армии в колонне с провизией, про него вспоминал только другой такой же никчемный калека — принц Иллас. Наследник привозил новые снадобья, осматривал и обрабатывал рану, а потом возвращался к отцу, вновь оставляя Ланфорда наедине со своими мыслями, которые грозились сожрать его заживо.

Никто из оставшихся камариллов тоже не вспоминал про него — да Ланфорд и не желал их видеть. Он дал худшим из их рядов остаться в живых, а лучших отправил на смерть. Такое нельзя прощать даже самому себе.

На ночь Ланфорда оставляли в шатре одного — он сам этого потребовал, потому что не выносил, когда кто-то кудачет над ним, как курица-наседка. Сегодня была бы такая же ночь — одна из многих, что уже прошли и что еще ждали его впереди, если бы к камарилу не решил нагрянуть неожиданный гость.

Биркитт ворвался к нему со всей бесцеремонностью, на какую он только был способен. Ланфорд в этот момент уже собирался спать, устроившись на узкой скамье, накрытой несколькими меховыми шкурами, чтобы было не слишком жестко. Благо, он не успел еще погасить свечу, а потому видел наставника во всей красе — в идеально сидящем мундире, с аккуратно подстриженной бородой и причесанными седыми волосами. Сам же Ланфорд безупречным видом похвастаться не мог...

Он нехотя поднялся и сел на скамье, кутаясь в лохматую шкуру. Ночи с каждым днем становились все холоднее, да и болезненный озноб никак не желал отстать от Ланфорда.

— Ну, как себя чувствуешь, Карцелл? — Биркитт мельком оглядел помещение, подыскивая, где можно сесть. Не найдя ни скамьи, ни стула, наставник опустился на какой-то ящик с провизией. Что в нем было, Ланфорд не знал.

— Вполне сносно, — Отозвался камарил, — Не жалуюсь.

Биркитт угрюмо посмотрел на него:

— А по виду и не скажешь... Принц Иллас не говорил тебе следить за собой?

Поначалу Ланфорд озадаченно нахмурился, но потом до него дошло, о чем говорит наставник — камарил действительно напрочь позабыл о самом себе, утонув в тоске и бессмысленных страданиях. Волосы у него сбились в огромный колтун на затылке, лицо густо заросло бородой, а ослабевшее из-за раны тело заметно похудело — теперь он и близко не напоминал лучшего камарила ордена. Да и кому это нужно, когда он так облажался?

Ланфорд лишь пожал плечами и решил сменить тему:

— У вас ко мне какой-то разговор?

Биркитт кивнул. Ничего другого Ланфорд и не ожидал — наставник не пришел бы к нему просто так, узнать, жив ли он. Человеку, которого камарил с детства боготворил, он

был совершенно безразличен — и с этим ничего нельзя было поделать. Это Ланфорд понял только сейчас, а раньше он лез из кожи вон, и все только для того, чтобы Биркитт Даирон заметил его, похвалил и погладил по головке.

Идиот!

— Тут ко мне давеча нагрязнул человек... я бы не воспринял его всерьез и принял за сумасшедшего, если бы не это письмо, — Биркитт расстегнул несколько пуговиц мундира и вытащил из-под него слегка помятую бумагу.

Нахмурившись, Ланфорд взял письмо и пробежался глазами по мелким строкам:

*“Биркитту Даирону, командиру камарильской ветви ордена Истинного Лица
Я знаю, что камарилы не терпят витиеватых речей, а потому постараюсь быть краток и точен в словах своих, дабы передать лишь самый важный смысл своей просьбы.*

Молва и некоторые церковные чины окрестили меня еретиком и повесили на меня грех раскола ордена, что в корне своем есть ложь гнусная и вопиющая...”

— Чего он хочет!?! — Озлобленно поднял глаза на Биркитта Ланфорд.

— Читай сам, — Только и сказал наставник, вынуждая камарила вновь погрузиться в бредни Нэриуса, объявившего себя невинной овечкой.

“На самом же деле все деяния мои совершались в интересах ордена, и это мое письмо — тому подтверждение. Сейчас я нахожусь в самом сердце богомерзкой скверны, с коей боремся мы пять веков, но воин одинокий есть воин побежденный, а потому прошу от тебя помощи в виде руки твердой и души светлой, чтоб клинок ее не дрогнул в нужный момент и нанес удар сокрушительный.

глава ордена Истинного Лица Его Святейшество Нэриус”

— И это все? — Ланфорд оторвался от письма, — Что ему нужно?

— Ему нужен камарил, — Спокойно ответил Биркитт.

Это прозвучало так, словно и Нэриус, и сам наставник сошли с ума. Или это он, дурак, ничего не понимал?

— Ну уж нет, — Покачал головой Ланфорд, — Я не собираюсь служить еретику! Да и как вы это себе представляете — я почти калека! Какой из меня убийца?

— В письме не говорится кое-о-чем, — Биркитт вытянул ноги, — Нэриус сейчас в монастыре Двух Лиц. На острове.

— Тем более — туда добираться больше месяца! О чем может идти речь? — Воскликнул Ланфорд.

— Нэриусу известно об этом не хуже нас с тобой. Но он нашел способ. Честно говоря, даже я о нем не догадывался...

И почему Биркитт вдруг решил поверить этому еретику?

— Не пытайтесь убедить меня. Я вам не помощник...

— Ты сам видел, на что способен древнекирацийский, — Ни с того ни с сего сказал Биркитт.

Ланфорд вытаращился на него:

— Это чистая ересь! И после этого Нэриус будет говорить, что он действует в интересах ордена!?

— Он может говорить что угодно. Но мы не должны дать затуманить наш взор. Наше дело — уничтожать скверну, какое бы обличье она не принимала.

— К чему вы ведете? — Подозрительно сощурился Ланфорд.

— Если Нэриус действительно еретик, это наш шанс убить его. Твой шанс.

— Вы хотите, чтобы я отправился в ветувьярский монастырь, чтобы убить Нэриуса!?! — Ланфорд и сам не мог поверить в то, что он говорит. С одной стороны этот план казался правильным, но с другой вызывал у Ланфорда сильные сомнения в благоразумии наставника.

— Только в том случае, если он действительно замешан в ереси. Если же нет — ты просто будешь выполнять его приказы во славу нашего ордена. Монастырь Двух Лиц — оплот скверны.

“Место, где демонов считают богами” — добавил про себя Ланфорд.

— Я все еще не понимаю, — Тряхнул головой камарил, — Как Нэриус предлагает туда попасть?

— Его гонец обучен искусству замещения душ. Насколько я понял, твой разум на время окажется в теле другого человека.

— Но этот человек — не камарил, — Вздернул бровь Ланфорд.

— Естественно, тебе будет сложнее. Но я и не обещал тебе легкой службы, когда принимал тебя в орден, верно?

Ланфорд внезапно устыдился собственной трусости. Он вдруг понял, что вел себя перед Биркиттом как обиженный мальчишка.

Судьба предоставила ему шанс проявить себя даже после того провала, который он совершил. За него нужно было хвататься обеими руками, а Ланфорд воротил нос, как недовольный ребенок.

— То, есть я окажусь в монастыре в чужом теле и должен буду следить за Нэриусом? — Склонил голову он.

— Именно так, Карцелл.

— Эта магия, то есть замещение душ — ересь, — Напомнил наставнику камарил. Любая магия была ересью, и Биркитт знал это не хуже него, но почему тогда делал вид, что все в порядке?

— Которая поможет нам уничтожить истинную скверну, — С уверенностью отозвался наставник, — В камарилы тоже посвящают с помощью магии, или ты забыл об этом?

Ланфорд хотел возразить, но вовремя осекся. Должно быть, Биркитт действительно был прав — можно уступить в малом, чтобы уничтожить большое.

— Пусть будет по-вашему, — Выдохнул камарил.

— Я не обещаю тебе, что это будет просто, — Вдруг заговорил наставник, — Если бы это было так, я бы пошел к любому другому камарилу, а не к тебе, раненому и обозлившемуся на весь белый свет. Но это не под силу никому, кроме тебя — остаться верным своему ордену несмотря ни на что. Ты всегда умел отличать, где правда, а где ложь. Тебя нельзя свернуть с пути.

Когда-то и сам Ланфорд в этом не сомневался, а потом жизнь ударила его по самому больному, отняла друзей и уверенность в себе. И он позволил себе упасть.

Теперь нужно было подниматься.

— Я готов, — Кивнул он.

— Тогда я приглашу гонца, — Биркитт поднялся и вышел из шатра.

В первую секунду Ланфорд испугался и едва не остановил наставника. Ему нужно было хоть сколько-то времени, чтобы подготовиться к этому обряду или что там этот еретик собирался с ним делать. За это он вновь обозвал себя трусом и воззвал к остаткам спокойствия. Уж Биркитт-то точно знает, что делает.

Не прошло и пары минут, как наставник вернулся в компании невысокого тщедушного монашка, нервно перебирающего четки. Тот оглядел Ланфорда с ног до головы и тихонько залепетал тонюсеньким, как у ребенка, голоском:

— Древнее искусство замещения душ считается весьма опасным для того, чья душа совершает переход. Покинутое тело может даже погибнуть из-за долгого отсутствия в нем души и сознания.

— И сколько у меня есть времени? — Резко спросил Ланфорд.

— Все зависит от выносливости вашего тела. В вашем случае... — Он вновь оглядел Ланфорда, — это определено несколько дней.

— Этого должно хватить, — Биркитт ободряюще положил руку камарилу на плечо.

Ланфорд мрачно подумал о том, что несколько дней его ослабевшее тело может и не продержаться. Это раньше выносливости ему было не занимать, а теперь... кто знает?

— Тогда начинай, — Махнул монашку камарил, отбросив все сомнения.

— Я бы советовал вам лечь, — Заметил тот, — Так как после перехода ваше тело потеряет сознание.

Ланфорд молча выполнил приказание, растянувшись на своей скамейке. Монах навис над ним, зачем-то поднял руки вверх, сложив их в молитвенном жесте, и напевно затянул то ли молитву, то ли заклинание.

Камарил не хотел возвращаться в тот проклятый день, когда он угробил своих лучших людей, но теперь чертов древнекирацийский язык ассоциировался у него только с той лесной опушкой, пасмурным небом и ничем не примечательным отрядом. Монах продолжал молитву, голос его становился все громче, а Ланфорд едва держался, чтобы не встать и не врезать ему, добиваясь тишины. Он закрыл глаза, а напев, состоящий словно из одних только гласных, продолжал нарастать и усиливаться, поглощая собой и реальность, и самого камарила. Вскоре он перестал чувствовать свое тело, едва заметную тупую боль под ребрами и твердую скамью под спиной. Он захотел открыть глаза, но веки не подчинились ему.

Так он понял, что душа его уже успела покинуть тело. Но тогда почему он до сих пор слышит этот голос?

Глаза все еще не открывались, но голос начал постепенно стихать — так, если бы монах медленно отдалялся от Ланфорда, пока не ушел бы окончательно. И вместе с тем начали возвращаться чувства, но совершенно иные — теперь вместо боли камарил ощущал холод, вместо скамьи — что-то ровное и твердое, словно каменное. Было холодно и жестко. Больше ничего.

А потом голос стих, словно растворившись в воздухе, и Ланфорд, все это время тщетно пытавшийся разлепить веки, распахнул глаза.

Над ним склонялось знакомое старческое лицо. Шатер, как и монах с Биркиттом, исчез, а на его место пришел огромный зал с высоким серым потолком. Где-то с секунду лицо Нэриуса над ним просто довольно улыбалось, а потом изрекло:

— Ну вот ты и здесь, сын мой! Я знал, что боги дадут Биркитту сделать правильный выбор.

*

Не прошло и пары минут, как она отослала прочь всех, кто был в зале, кроме одного наемника, что застыл в углу темной тенью, больше похожей на статую.

Все это казалось Тейвону каким-то наваждением, галлюцинацией — его разум пребывал в полнейшем смятении. Ингерда никак не могла остаться в живых после

покушения.

Но вот она — целая и невредимая, даже, кажется, еще более прекрасная, чем раньше.

Ее убийство с самого начала казалось ему каким-то загадочным. Выходит, монахи ошиблись? Но что же Мерелинда? Уж она-то точно могла узнать наверняка, жива ли ее ветувьяр.

Облаченная в длинное черное платье с широкими рукавами и обнаженными плечами, Ингерда спускалась к нему со своего помоста. Тейвон хотел бы двинуться ей навстречу, но ноги его словно приросли к каменному полу, а в груди билось какое-то странное предчувствие.

Никогда раньше он не ощущал рядом с Ингердой опасности, но сейчас все изменилось. Даже оставшись наедине с Лукеллесом Тейвон бы чувствовал себя уютнее.

Наверное, именно из-за этого чувства опасности красота Ингерды стала казаться еще ярче, острее. Белая кожа, черные волосы, сияющие глаза на слегка надменном лице — Тейвон позабыл бы обо всем на свете, глядя на нее, если бы девушка не заговорила:

— Ты стал плохо скрывать свои чувства, любовь моя.

Тейвон словно вышел из оцепенения. Дрожащей от волнения рукой он тронул кольца на пальцах:

— Мы считали тебя мертвой.

Она лишь улыбнулась, причем так, словно сдерживала смех:

— Неплохо я придумала, верно? Даже Мерелинда, кажется, сносно справилась со своей ролью...

— О чем ты говоришь? — Опешил Тейвон, — Я не понимаю...

— Давай-ка считать, — Ингерда наивно, словно девочка, похлопала ресницами, — Это первая причина.

— Что? Какая причина?

— Первая причина, почему ты не должен быть королем. Ты до ужаса непонятлив, — Хихикнула она.

На Тейвона словно вылили ведро ледяной воды. От осознания едва не подкосились ноги, но он все же нашел в себе силы сказать:

— Это все ты? Это ты устроила мятеж?

— Я, — С довольным видом кивнула Ингерда.

— Но зачем..? Неужели тебе так хочется власти? — Тейвон слушал свой голос и понимал, что он теряет самообладание. Сейчас она все выложит ему, все до мельчайшей детали! А потом...

— Я всегда хотела быть королевой, — Ингерда принялась вальяжно прохаживаться из стороны в сторону, — Большую часть времени даже твоей королевой. А потом поняла, что ты королем быть не заслуживаешь.

Неужели все это было сделано только из-за того, что Ингерда вдруг его возненавидела!? Это не укладывалось у Тейвона в голове. Это не могло быть правдой.

— А кто же тогда заслуживает? Лукеллес? — С горькой усмешкой поинтересовался он.

— Ты разве еще не понял? Торгаш просто держит для меня трон, пока я не сделаю то, что планировала.

— И что же ты сделаешь? Убьешь остальных ветувьяров, чтобы остаться единственной на свете?

— Ты дурак, Тейвон, — Хмыкнула Ингерда, — Такой же дурак, как Этида. Она могла

просить у богов гораздо большего, но попросила лишь это, — Она обвела рукой их обоих, — Лишь эти жалкие две жизни.

— Ты не знаешь, с чем связываешься... — Тейвон понял, что Ингерда говорит о древнекирацийской магии, по преданию принадлежащей тем самым богам, что даровали Этиде способности ветувьяра.

— А ты — тем более. Тебя ведь никогда не интересовало что-то новое, неизведанное. Ты боялся каждого шороха. И я воплотила твой ночной кошмар в жизнь. Ты трус, и это вторая причина, почему я решилась забрать у тебя трон.

— Так значит, твоя смерть...

— Была нужна для отвода глаз. Поначалу я считала ее не самой удачной идеей, но вы со своей сестрицей и ее псом-графом так охотно взяли этот след, что у меня появилось необходимое время. Потом удача улыбнулась мне еще больше, когда на севере замаячили гвойнцы, и тебе пришлось вернуть Флетчера, которому до меня не было никакого дела.

— Все равно это невозможно было подготовить за такой короткий срок. Ты врешь, — Тейвон все еще пытался убедить самого себя, что этот разговор — страшный сон, вымысел его больного воображения.

— Здесь ты прав, я бы не справилась без Лукеллеса. Я лишь ускорила то, что он и так собирался сделать.

— Он сотрудничал с Зиеконом, — Зачем-то, словно желая услышать подтверждение от Ингерды, выпалил Тейвон.

— Сотрудничал. Потому что империя знает, что сильного врага можно не побеждать в лоб, а уничтожить изнутри. Правда, Лукеллес каким-то образом собирался обмануть императора, но я не думаю, что это бы закончилось для него хорошо.

— А ты не думала, что он захочет обмануть и тебя?

— Нет, — Глаза Ингерды самодовольно сверкнули, — Потому что его собираюсь обмануть я. Король из него выйдет даже хуже, чем получился из тебя. Мне не нужна Кирация, которой будет править торгаш.

— Тебе нужна Кирация, которой будешь править ты, — Отозвался Тейвон.

— Поверь, так будет лучше, — Она вновь похлопала ресницами, — Для всех.

— То, что ты смогла обвести нас вокруг пальца, еще не делает тебя королевой, — Тейвон шагнул к ней, и Ингерда отступила назад, словно опасаясь его приближения.

— А что сделало королем тебя? Только то, что ты родился в нужной семье.

— Это не имеет значения. Я делал ради Кирации все, что было в моих силах — мой народ не голодает и не бедствует, а границы защищены.

— Но твои ли это заслуги? — Ухмыльнулась Ингерда, — Или Реморы с Флетчером? Ты никогда об этом не думал?

Думал, черт возьми. Он думал об этом множество раз, и все время пытался представить, как бы он справлялся с королевством без них. “Нашлись бы другие” — говорил себе Тейвон, но был бы он в них так же уверен?

— Ты сделала все это только из-за того, что я не дал тебе корону. Не захотел исполнить твою прихоть, — Протянул Тейвон.

— Я была готова стать твоей тенью. Быть примерной королевой и рожать тебе детей. Но ты сделал другой выбор.

— И ты приказала Лукеллесу притащить меня сюда, чтобы убить? — Тейвон сделал еще шаг, и Ингерда снова попятилась назад.

Ее самообладание не было таким уж незыблемым. Под маской уверенной и расчетливой стервы скрывалась испуганная девчонка, хотя Тейвон и не догадывался раньше, что Ингерда способна ею быть. Он уверенно оттеснял ее к краю парадного зала — скоро Ингерда уткнется спиной в стену, и что тогда? Позовет своего головореза, чтобы он избавился от Тейвона? Тогда зачем вообще нужен этот разговор? Попрощаться?

— Мне не нужна твоя смерть, — Ингерда подняла на него глаза.

— А что же нужно? — Тейвон продолжал наступать.

Странно, что наемник все еще никак не реагировал. Вдруг Тейвон прятал в рукаве кинжал? Должно быть, это Ингерда приказала ему не вмешиваться. Она знала, что Тейвона можно не бояться.

— Ты скоро сам узнаешь.

Она вновь отступила назад — крохотный шаг, но Тейвон его заметил. Не выдержав, он спросил:

— Ты что же, меня боишься?

Улыбка на губах Ингерды померкла. Сейчас она и вовсе казалась той самой придворной дамой, в которую Тейвон когда-то влюбился. Он и сейчас не чувствовал к ней ненависти. Только разочарование.

— Не тебя, — Прошептала она, — Себя.

В глазах у нее промелькнула целая буря из чувств, и в то же время лицо ее обдало таким холодом, что Тейвон застыл на месте. Он стоял и смотрел на своего врага, на женщину, обманувшую его, отнявшую у него трон, Престона, Эйдена, и надевшую корону на плешивую голову Лукеллеса. Она была отвратительна и прекрасна одновременно. Ее хотелось убить.

Но сначала — поцеловать.

Он ничего не мог с собой поделать. Черт возьми, будь у него кинжал, он действительно вонзил бы его ей в сердце, но у Тейвона не было ничего, кроме собственного безумия.

На этот раз Ингерда не успела отстраниться. Тейвон приблизился к ней и вовремя схватил ее за руку, не давая уйти. Да она и не сопротивлялась, когда он притянул ее к себе и буквально впился в ее губы своими.

Он целовал ее так жадно, как только мог, вырывая этот поцелуй из когтей той стервы, которой Ингерда теперь стала. Но она тоже желала этого — на мгновение Тейвон даже почувствовал прикосновение ее пальцев на своем лице.

А потом она отстранилась, так резко, словно вынырнув из воды. Ее пылающий ненавистью взгляд прожигал Тейвона насквозь.

— Я больше не люблю тебя, — Она положила руку ему на грудь, отталкивая от себя, — Все кончено.

Только сейчас Тейвон ощутил все то опустошение, которое должно было прийти еще давно. Он вдруг понял, что потерял и осознал, что больше не сможет за это бороться. Ингерда его предала, и в ее предательстве был виноват он сам.

— Флавио, проводи гостя к остальным, — Приказала девушка своему наемнику, — Мы закончили.

*

Не желая больше лежать на холодном жестком полу, Ланфорд осторожно сел. Тело его, облаченное в неудобную монашескую рясу, ни капельки не болело, но казалось каким-то медлительным, словно сонным.

И все-таки этого вполне должно хватить на то, чтобы осуществить приказ Биркитта.

Главное, что при нем остался его разум, и плевать, что его пребывание здесь, в такой дали от Эделосса, обеспечивала ересь.

Ланфорд оглядел место, в котором оказался. Это был то ли замок, то ли старинная церковь, сложенная из грубого серого камня. Он не видел ни окон, ни мебели — здесь были только колонны, которые удерживали на себе высокие каменные своды потолка. Свет давали несколько факелов, развешанных по стенам. В остальном же здесь было пусто, как в склепе.

— Назови свое имя, сын мой, — обратился к нему выпрямившийся во весь рост Нэриус.

Камарил поднялся на ноги, осматриваясь вокруг. Кроме них двоих в помещении не было ни души.

— Ланфорд Карцелл, камарил ордена Истинного Лица, — голос у монаха, в чьем теле он оказался, был тихий и хриплый, но слух не резал.

Нэриус сдержанно улыбнулся и шагнул к Ланфорду, одобрительно положив руку ему на плечо.

— Обряд замещения душ прошел благополучно? — Вкрадчиво спросил он.

— Насколько я могу судить — вполне, — пожал плечами Ланфорд.

— Богам угодно деяние сие, — Нэриус вновь решил надеть на себя маску праведного святого, — Оттого они и помогают нам на этом пути.

— Зачем я здесь, великий? — Ланфорд, даже в обличье монаха, все еще не желал слушать пустые набожные речи, тем более, из уст еретика.

Рука Нэриуса все еще покоилась у него на плече. Монах, в чьем теле он оказался, был порядком ниже самого Ланфорда, а потому еретик уступал ему в росте всего на полголовы.

— Столь важные дела требуют степенности, — Заявил глава ордена, — Потому беседа наша будет долгой.

Ланфорду нестерпимо захотелось закатить глаза, но он сдержался. Недоверие бесновалось в нем, рискуя выплеснуться наружу, но Нэриус, казалось, об этом даже не подозревал — он все еще считал себя верховным командиром камарилов, словно никакого предательства и раскола ордена не было и в помине.

Вытащив из-под своего одеяния небольшой кинжал в ножнах, Нэриус протянул его Ланфорду:

— Монахам не положено иметь при себе оружие. Поэтому ты должен спрятать его от посторонних глаз, сын мой.

Ну и задачка! Как вообще можно закрепить ножны под монашеской рясой, тем более такой неудобной? Ланфорд принял кинжал и попытался придумать, как можно будет быстро добраться до него, если повесить ножны на бедре?

Нэриус тем временем медленно продвигался к выходу из зала. Он вел камарила к низкому тоннелю, откуда совсем не виднелось света. Еретик приказал Ланфорду взять факел, и они пошли вперед.

— Этот монастырь — место силы двуликих демонов, — Наконец заговорил Нэриус, — Мы находимся в самой древней его части. По преданию, именно здесь и был создан первый ветувьяр.

Они оказались в тоннеле, больше похожем на пещеру — здесь было еще холоднее, а в нос бил мерзкий запах сырости и плесени. Свет факела вырывал из темноты только неровные мокрые стены и скользкие камни под ногами.

— Мне это известно, великий, — Подтвердил Ланфорд, — Но я все еще не понимаю, зачем вы прибыли сюда? Зачем вы совершили то, что... совершили?

Нэриус посмотрел на него — седые брови взмыли вверх, словно от удивления, но выражение его лица тут же сменилось наигранной доброжелательной улыбкой:

— Ты о библиотеке, сын мой?

Ланфорд кивнул. Лицо Нэриуса осталось таким же невозмутимым — он все еще был уверен в необходимости своих действий. Или просто играл роль?

— Видят боги, я не хотел тех разрушений и жертв, что произошли...

— Вы украли свиток доорденского периода! Разве это не считается ересью?

— Ах, сын мой, ты еще так молод, — задумчиво протянул Нэриус. Ланфорд понял, что сейчас ему начнут заговаривать зубы, — В твоём возрасте я тоже объявлял ересью все, что не вязалось с моим пониманием мира. Лишь с годами мы учимся отличать истинную веру от греха, и порой грань между ними необычайно тонка...

— Зачем вам нужен был этот свиток? — Ланфорд крепче стиснул факел. Они упрямо двигались дальше, а пещера и не думала кончаться — впереди простиралась только бесконечно длинная темнота. Куда они направляются?

— В свитке описан некий божественный обряд. Рукописи гласят, что он способен дать человеку часть божественной силы.

— И вы не считаете это ересью!? — Возмутился Ланфорд. Его самообладание трещало по швам.

— Именно поэтому я и попросил сына моего Биркитта о помощи. Призвал тебя, — Нэриус многозначительно заглянул Ланфорду в глаза, — Боги послали нам невиданную возможность уничтожить всех двуликих демонов разом.

— Они здесь? — Ланфорд почувствовал, как в его душе всколыхнулся огонек надежды. Былая мечта напомнила о себе бешено застучавшим сердцем.

— Объявившая себя ветувьярской королевой демоница желает провести обряд.

— Но... — Запнулся Ланфорд, — Откуда она знает, что для него нужно делать?

— Только одному человеку из ныне живущих доступен язык божественного племени, которым писан текст свитка.

— Постойте..! — Опешил камарил, — Свиток у вас?

— Богам было угодно привести его сюда, — Возвышенно ответил Нэриус, — Вы лишь потеряли время, вступив в борьбу с высшей волей.

Эти слова ударили Ланфорда под дых. Теперь он должен сделать все, чтобы не дать попавшей в руки Нэриуса и ветувьяров ереси свершиться.

— Нужно убить демоницу раньше, чем она успеет провести обряд, — Вслух сказал он. Этими словами Ланфорд хотел проверить Нэриуса. И еретик проглотил крючок.

— Нет, сын мой, — Успокаивающе заверил он, — Сейчас нам нужно попросить у богов терпения и дождаться, пока ветувьяры уничтожат себя сами с помощью этой скверны.

— Но, если у нее получится, она сравняет себя с богами! — Воскликнул Ланфорд.

— Рукописи, которые я изучил, называли сей обряд невозможным и уносящим невинные жизни. А королева собирается использовать жизни других ветувьяров. Тебе, сын мой, останется нанести только один удар, чтобы покончить с демонами навсегда.

Камарил чувствовал, что колеблется. Он не понимал, правду говорит Нэриус, или так искусно врет, что ему самому хочется верить в сказанное.

— И вы выкрали свиток для этого, великий? Чтобы поймать в ловушку двуликих демонов? — Вместо того, чтобы озвучить свои мысли, спросил Ланфорд.

— Истинно так, — Кивнул Нэриус.

— Но почему нельзя было сказать об этом нам — Биркитту, Его Величеству? Вы раскололи орден, погубили множество людей!

— Я должен был выглядеть как предатель, чтобы двуликая демоница поверила мне, — Твердо ответил глава ордена.

Это не было похоже на ложь. Ланфорд ощущал себя глупым ребенком, неспособным отличить тьму от света, правду от лжи. Он понял, что в конец запутался и пока не готов принимать решения, которых от него требовал Биркитт. Он решил ждать.

Между тем пещера наконец решила подойти к концу — вдали показался свет, и вскоре камарил с церковником оказались в небольшой, выдолбленной прямо в скале комнате с одним-единственным факелом на стене, закрытой решеткой.

Прежде, чем спросить, зачем они сюда пришли, Ланфорд заметил лежащего на полу узника, закованного в цепи. Им оказался похожий на монаха человек средних лет, облаченный в черную рясу, порванную и изношенную во многих местах. Волосы у него были не просто седые, а снежно-белые, полностью лишенные какого-либо цвета.

Он лежал на боку и никак не реагировал на вошедших — Ланфорд допускал даже, что он мог быть мертв, но Нэриус, судя по всему, об этом не думал.

— Приведи его в чувство, сын мой, — Приказал он Ланфорду, и камарил послушно опустился на корточки перед узником.

Монах казался бы спящим, если бы не кровоподтеки и синяки на его бледном, словно гипсовом лице. Его избивали и пытали — в этом Ланфорд не сомневался.

А еще узника определенно морили голодом, потому что он был так истощен, что когда Ланфорд тронул его за плечо, пытаясь разбудить, то не ощутил под пальцами ничего, кроме обтянутых тканью и кожей костей. Камарил все больше и больше сомневался, что монах вообще жив, но кожа у него на шее оказалась теплой, а потому Ланфорд приступил к более решительным мерам.

Только когда он отвесил узнику пощечину, тот распахнул глаза. Они казались водянистыми, выцветшими и словно слепыми, но быстро уцепились за его лицо и судорожно моргнули.

Узник дернулся, подобрался всем телом и отпрянул к стене, словно побитая собака от злого хозяина.

— Это снова вы, — Проскрежетал он на кирацийском.

— Я же обещал, что вернусь, Ваше Святейшество, — Ухмыльнулся Нэриус, подходя ближе к узнику.

Ланфорд едва не уронил на пол челюсть от удивления — перед ним был никто иной, как Геллиус! Главный покровитель двуликих демонов, гнусный еретик и второй враг ордена после ветувьяров сейчас был просто избитым обессиленным телом у него под ногами. Ничего не стоило покончить с ним одним ударом.

Но потом камарил понял, что Геллиус — это и есть тот единственный человек, который способен прочесть то, что написано в свитке.

— Я принес вам свиток, — Нэриус вытащил из-за пазухи злополучный пергамент.

Бесцветные глаза еретика Геллиуса пронзили его насквозь:

— Я не буду это переводить.

— Это приказ королевы Ингерды.

Геллиус зашелся в кашле, но когда приступ немного отступил, он снова поднял свои наглые неуступчивые глаза на Нэриуса:

— Она не понимает, что творит. Я не позволю ей убить всех.

— Сын мой, — Позвал Ланфорда Нэриус, — Помоги Его Святейшеству изменить решение.

Монах оказался не так силен, как сам Ланфорд, но даже для его рук Геллиус показался почти невесомым, когда он резким движением поставил его на ноги. Естественно, еретик рухнул на пол после первого же удара, и камарил стал добивать его ногами уже на полу. Геллиус почти не стонал — то ли не было сил, то ли действительно умел терпеть боль, хотя боль там была адская — Ланфорд ничуть не сдерживался и боялся представить, сколько костей он успел ему сломать.

— Довольно, — Мягко сказал Нэриус, — Его Святейшество уже подумал, верно?

В ответ Геллиус только застонал. Он вновь закашлялся, на этот раз едва не забрызгав кровью подол одеяния Нэриуса, и только когда кашель отступил, глава ордена приказал:

— Подними его, сын мой.

Ланфорд дернул Геллиуса за грудки, но на этот раз поставить его на ноги не удалось — еретик едва держал глаза открытыми, ноги ему не подчинялись и подавно.

— А теперь, — Нэриус развернул свиток и показал его Геллиусу, — Переведите мне то, что здесь написано.

И Геллиус начал диктовать.

Глава 26. Кирация. Монастырь Двух Лиц

— Можешь хоть ты мне объяснить, что здесь происходит? — Рауд буквально накинулся на Флавио. Который день подряд капитан чувствовал себя идиотом. У него сложилось впечатление, что лишь он один не понимал, какого черта здесь творится. Когда в монастырь прибыл еще один корабль — с новым кирайским королем (имя которого Рауд мгновенно забыл) и его пленниками — весь замок буквально встал на уши.

Флавио нахмурился:

— Королева готовится к обряду.

— К какому еще обряду? — Рауду казалось, что все вокруг сошли с ума или играли в игру, правил которой он не знал.

Это для него нужен был этот чертов свиток? Все те немногие монахи, что остались в замке, носились по коридорам как угорелые, подготавливая к чему-то грандиозному. Рауд едва не решил, что это небывалый пир — они таскали факелы и какую-то посуду, но чаши и кубки мало напоминали обычные, да и выглядели редкостным старьем.

— Я нье знаю, — Пожал плечами Флавио, — Мне ничьего нье объясняют.

С этими словами он сослался на занятость и поспешил исчезнуть. Рауду не оставалось ничего, кроме как вернуться в обеденный зал, где в разгаре была вечерняя трапеза для гостей.

Народу в зале, освещенном едва ли не сотней свечей, было немного — несколько монахов, кто-то из южан Флавио и новый король Кирации со своей свитой.

Толстяк с самого начала начал раздражать Рауда. Его возгласы и громкий хохот раздавались на весь зал, но голос и обжорство были единственным, чем он мог похвастать перед подданными. Сейчас он всю “радовал” своим обществом молодую женщину, которая явно только и думала о том, что лучше провалиться сквозь землю, чем терпеть этого идиота. Лицо ее было настолько мрачно, что красавица казалась совершенно неживой.

Рауд надеялся, что проскользнет мимо толстяка незаметно — общение с ним ни капельки не прельщало, даже несмотря на печальную даму, с которой он как раз был бы совсем не против провести время.

— Эй, адмирал! — Воскликнул новый король Кирации, — Не желаете ли присоединиться?

Черт бы тебя побрал! Набрав в грудь воздуха, Рауд развернулся и двинулся к столу, где расположился толстяк со своей спутницей и несколькими слугами.

— Я не адмирал, — С усмешкой заметил он, — В Гвойне нет морских чинов.

— Это все пустое, — Отмахнулся толстяк, приглашая Рауда расположиться рядом.

Он опустился на скамью, что стояла рядом с обитым бархатом королевским стулом. Король в него, правда, едва помещался, но это, видимо, не причиняло ему неудобств. Спутница толстяка наконец подняла глаза от стола и своей нетронутой тарелки с едой, встретившись взглядом с капитаном.

Вблизи она оказалась еще прекраснее — только немного худа, но Рауд уже понял, что все видные кирацийские дамы считали своим долгом радовать мужчин такой чрезмерной стройностью. Светлые, почти белые волосы ее были уложены в сложную высокую прическу и отливали золотом в свете факелов. Платье, расшитое серебром, закрывало жестким воротником длинную тонкую шею, но обнажало нежные белые плечи, и все же ни волосы,

ни фигура все равно не могли сравниться с красотой ее идеального лица.

Рауд ни разу в жизни не видел столь прекрасных женщин — высокие скулы, ясные голубые глаза, яркие пухлые губы и черные как смоль длинные ресницы. Капитан с ужасом представил, что этой красавице придется терпеть на себе этого жирного хряка, и сразу же понял, отчего она так печальна.

— Рауд Орнсон, — Представился он ей со всей галантностью, на какую только был способен.

— О, так вы же не знакомы! — Воскликнул толстяк, не давая красавице проронить и слова в ответ, — Это леди Ремора, бывшая принцесса Кирации.

Капитану показалось, что эти слова причинили ей сильную боль. Красавица сжалась и вновь потупила взгляд, пока Рауд пытался уложить в голове, что перед ним — сестра победившего его рыжего демона. Точнее, она, конечно, была сестрой его ветувьяра, но для Рауда это не имело особой разницы.

И она тоже была ветувьяром. “Двуликим демоном”, как называли их в ордене Истинного Лица. Но, если все демоны так прекрасны, то Рауд был готов без раздумий отправиться в ад.

— Чего же ты молчишь, Ремора? — Толстяк потянулся к руке принцессы, что лежала на столе, но она быстро убрала ее, — Ты сегодня до неприличия неразговорчива.

— Мне нечего вам сказать, — Ледяной взгляд пронзил наглуую рожу толстяка.

Рауд снова ощутил себя случайным гостем на чужом празднике. Он не понимал, о чем они говорили, но все же радовался, что Ремора могла дать отпор обнаглевшему хряку.

— Видишь ли, королева сегодня будет ставить опыты на ее братце, — Король повернулся к Рауду, — Вот она и ненавидит весь белый свет.

— Не смейте так говорить о Тейвоне! — Прошипела принцесса. Глаза ее были опущены вниз, но голос звенел сталью, — Вы не имеете права порочить его имя своим мерзким языком!

“Что за бес в нее вселился, раз она говорит королю такое!?” — подумал Рауд, но потом до него дошло — ей просто нечего терять. Он вновь посмотрел на ее лицо, заглянул в глаза и все понял — у этой женщины отняли все, чем она дорожила. Она была принцессой, а стала пленницей, ее брат был королем, а стал подопытным.

Рауд мечтал отомстить Флетчеру, полюбоваться на его падение, но сейчас эта мысль совершенно не принесла ему радости. Он смотрел на жирную рожу, которая насмеялась над униженной и разбитой принцессой, и хотел только одного — пронзить эту тушу пшагой, чтобы она заткнулась раз и навсегда.

В ответ на гнев Реморы король только расхохотался:

— Кем ты себя возомнила, что смеешь мне приказывать!?

Он схватил принцессу за руку, но женщина вырвалась и вскочила со своего места, окинув толстяка презрительным взглядом.

— Куда ты собралась!?! Я еще не отпускал тебя!

Рауд ни на миг не забывал, что он почти такой же пленник здесь, как и Ремора с ее братом, и прав у него было немногим больше, но наглость толстяка переходила всяческие границы.

— Отстаньте от нее! — Рывкнул на этого свина он, — Ваше общество ей неприятно.

Принцесса, явно не ожидавшая его вмешательства, удивленно уставилась на капитана, но уже через миг бросилась к выходу из обеденного зала.

— А тебе-то что? — Заплывшее жиром лицо скривилось в нелепом выражении ярости.

Рауд поднялся из-за стола и смерил короля полным отвращения взглядом:

— В Гвойне ни один мужчина не имеет права унижить женщину, кем бы она ни была.

С этими словами он развернулся и ушел, чтобы попытаться догнать идущую по коридору Ремору — благо, шла она не слишком быстро и еще не успела скрыться в паутине лестниц и переходов.

— Пойдите! — Окликнул принцессу капитан.

Она медленно, с поистине королевской грацией, обернулась. В темноте коридора в глаза еще сильнее бросалась ее невероятная бледность. Рауд понадеялся, причина этого крылась не в болезни, до которой красавицу могли довести все эти мрази.

— Я хочу извиниться за этого... идиота. Он не мужчина, раз позволяет себе...

— Не утруждайтесь, — Оборвала его Ремора. Печальные голубые глаза заглянули ему прямо в душу, — Это ничтожество всегда ведет себя подобным образом.

— Вы не должны терпеть это, — Выпалил Рауд.

— А разве я что-то могу? — Прекрасное лицо озарила печальная улыбка, — Я его пленница. Он может даже убить меня, если захочет.

Судя по выражению ее лица, принцесса не преувеличивала. Но как они вообще допустили подобное? Куда смотрел ее брат, допустив к власти какую-то свинью!?

— Я... могу чем-то помочь вам? — Рауд и сам не знал, зачем он это говорит. За этой женщиной он бы действительно пошел на край света из-за одной только ее красоты, но какой из него, к чертям, помощник!?

— Разве что столкнуть меня с крыши, — Пробормотала себе под нос Ремора.

С этими словами она развернулась и ушла.

*

— Ты безумна! — Тейвон понимал, что этими словами он не достигнет до Ингерды, но все равно не оставлял попыток пробудить в ней хоть крупицу разума.

Она даже не обернулась на его голос, а лишь по-прежнему продолжала медленно спускаться по узкой, выдолбленной прямо в камне лестнице. Тейвон шел за ней следом, не переставая смотреть себе под ноги — за долгие столетия ступени успели потрескаться и раскрошиться, а босые ступни в любой момент могли наступить на острый камень.

Ему должно быть все равно, что станет с его ногами и сколько ран он сегодня получит, но Тейвон не хотел чувствовать еще и боль физическую — ему вполне хватало того, что творилось сейчас в душе.

Это он приговорил их с Реморой к смерти — своей трусостью и глупостью. Настоящий король давно бы придумал, как спастись из этой западни, а Тейвон утягивал их с сестрой все глубже на дно. Теперь он уже ничего не мог изменить — он не сомневался, что Реморе не дадут прожить и нескольких дней после его смерти, а до смерти этой в лучшем случае оставался час.

Возможно, со стороны могло показаться, что он смирился легко и быстро, но на самом деле Тейвон просто не знал, как всему этому противостоять. Если бы у него был хоть кто-то...

Он многое бы отдал за то, чтобы просто поговорить со своим ветувьяром — вместе с ним они бы точно что-то придумали. А по отдельности...

Они оба потерпели поражение.

Сегодня ему вновь напомнили, что он узник — Тейвон и сам не знал зачем, но его

заковали в цепи, словно он представлял какую-то опасность. Сейчас он шел по лестнице в подземелье, безоружный, босой, с накинутым на плечи плащом, что прикрывал его наготу, окруженный хидьясскими наемниками, и гремел цепью кандалов на руках. Видимо, Ингерда думала, что он захочет как-то помешать ее замыслам — а именно этому странному обряду, в котором сама “королева” почему-то не сомневалась.

Тейвон не подозревал, что этот обряд из себя представляет, но знал, что живым из этого подземелья ему не выбраться. Оставалось только надеяться, что смерть его будет не слишком постыдной и не особо болезненной, чтобы не мучаться.

Чем ниже они спускались, тем холоднее становился отсыревший воздух — кожа Тейвона покрылась мурашками под тканью плаща, казалось, еще чуть-чуть, и у него перестает зуб на зуб попадать от холода. Ингерда была в таком же одеянии, но вряд ли ей было так же зябко, как Тейвону — по крайней мере, она не дрожала.

Он и не знал, что под зданием монастыря располагались такие разветвленные коридоры с потайными дверями и лестницами, поэтому, когда ступени наконец-то закончились и привели их к пещере, что высотой превосходила здешний парадный зал, Тейвон потерял дар речи.

Раньше он не верил, природа может сотворить такое — здесь, под замком, протекала дивной красоты подземная река. К воде вели все те же древние ступеньки, а чуть повыше над берегом монахи вколотили в землю шести с огромными, почти в человеческий рост, факелами. Сейчас они пылали во всю мощь, и отсветы пламени отражались в тихой серебряной воде. Вокруг факелов были расставлены чаши и кубки с водой, которая казалась красной из-за огня. Эта картина казалась бы сказочной, если бы Тейвон не знал, что здесь ему придется умереть.

На каменном возвышении, словно на постаменте, их уже ждали двое — глава ордена Двух Лиц Нэриус и его монах, ничем не примечательный мужчина где-то в годах Тейвона. В руках у Нэриуса был какой-то свиток, который он протянул Ингерде, едва она поднялась к нему. Самозванная королева пробежалась глазами по тексту и ответила церковникам довольной улыбкой.

*

Окажись сейчас Ланфорд в своем родном теле, его бросило бы сначала в жар, потом в холодный пот, сердце заколотилось бы как бешеное, а тело испытало бы небывалый прилив ярости и сил. Рядом были ветувьяры — причем, сразу двое.

Его естество камарила требовало выхода даже сейчас, хотя он не испытывал и крупницы того возбуждения, которое было свойственно орденским убийцам, чья кровь была заговорена реагировать на двуликих демонов. Он стоял рядом с Нэриусом, пока к ним приближалась богомерзкая демоница, и едва сдерживался, чтобы не выхватить кинжал и не вонзить его ей в сердце.

И все-таки Ланфорд не мог отрицать, что женщиной она была красивой. Гибкая, стройная, темноволосая, с пронзительным взглядом темных глаз. Хвала богам, она не взглянула на камарила даже мельком — все ее внимание занимал свиток с переводом Геллиуса.

Этому еретику Ланфорд не доверял ни на секунду, но Нэриус принял его перевод и даже приказал пока оставить его в живых — видимо, на случай, если во время обряда что-то пойдет не так.

Переводом осталась довольна и демоница — она сдержанно улыбнулась и, забрав

свиток, направилась вниз, где ее ожидали хидьяссцы и другой двуликий демон.

Бывший король Кирации.

Его природа тоже не обидела — для мужчины он был даже слишком красив, напомнив Ланфорду полковника Мейола, который со своей миловидной мордашкой и светлыми волосами вполне мог бы сойти за младшего брата Тейвона Кастиллона.

Демон был закован в цепи, и с обеих сторон его охраняли хидьяссцы — неужели, он все еще пытался сопротивляться? В это верилось с трудом: на вид он казался совершенно раздавленным — плечи опущены, глаза смотрят в землю.

Он даже не сопротивлялся, когда ветувьярская королева подошла к нему и одним движением сдернула с него плащ, оставив демона совершенно голым. Впрочем, мгновением позже она разделась и сама, отчего Ланфорд испытал слабый укол смущения.

Раздетая демоница ничем не отличалась от обыкновенной женщины. Нет, камарил, конечно, не ожидал, что вместо груди у нее будут рога или что-то в этом роде, но все равно оскорбился. Нечисть не должна быть столь прекрасной.

Между тем, демоница взяла своего спутника за руку и повела к берегу реки, где их дожидалась заранее подготовленная узкая лодка. Нэриус утверждал, что суденышко было точной копией того, на котором по этим водам проплывала когда-то Этида — даже резьба и узоры на бортах и носу были в точности воспроизведены по требованию новой королевы.

Демоница буквально затолкала своего спутника в лодку, заставила его улечься на дно и только тогда, приняв кинжал из руки южанина, взошла на борт сама. Стоя прямо, словно статуя, она возвышалась над демоном с ножом и свитком в руках. Ланфорд никогда не думал, что станет свидетелем подобной ереси, душа его болела от неправильности происходящего, но он усилием воли заставлял себя оставаться на месте, возле Нэриуса, который с восторгом следил за обрядом и совсем не походил на того, кому подобное зрелище могло быть противно.

Королева развернула свиток и, не медля ни секунды, принялась громогласно зачитывать:

— Aeisintaau iia laoeia, egaak ae inoeau ieoar...

Голос ее походил на рычание, и Ланфорд, хоть и обученный древнекирацийскому, практически не разбирал слов. Он и Геллиуса-то не слушал, когда тот в перерывах между стонами от боли пытался что-то продиктовать Нэриусу, а потому то, что читала сейчас демоница, оставалось для камарила загадкой. Его внимание зацепилось только за слово “бессмертие” — или это была “смерть”? — он так и не понял.

В любом случае, теперь он догадывался, чего хочет эта королева. Она собиралась принести в жертву другого двуликого демона, чтобы заполучить бессмертие, и Нэриус ей в этом помогал. Ланфорд не сомневался, что глава ордена не просто так приказал ему ждать — он хочет провести подобный обряд и для себя.

Такие люди, как Нэриус, уж точно хотят жить вечно.

А демоница тем временем заканчивала свое заклинание, каждое ее слово становилось тверже и громче предыдущего, и с каждым этим словом факелы на шестах разгорались все ярче, пока в пещере не стало светло, как солнечным днем.

Дочитав заклинание, она отшвырнула свиток в сторону, и он медленно, словно опавший с дерева листок, опустился на воду. Королева и думать про него забыла, склонившись над своей жертвой с кинжалом в руке. Обряд только начинался, а Ланфорду уже хотелось отмыться от царящей здесь ереси и скверны.

Камарил стоял достаточно близко, чтобы в деталях видеть то, что происходило в лодке. Королева полоснула кинжалом демону по груди, и по его белой коже потекла кровь, но для обряда этого было недостаточно. Следом демоница разрезала кожу себе на ладони и поднесла руку к ране своей жертвы. Кровь капала бывшему королю на грудь, смешиваясь с его собственной, он закричал, словно от нестерпимой боли, но демоница не обращала на него никакого внимания. Она продолжала держать руку над его раной, красные дорожки стекали по ее тонкому запястью, а глаза сверкали бешеным безумным огнем.

Ее необходимо было убить прямо сейчас, пока не стало слишком поздно. Пока она не стала живой богиней.

Но Ланфорд стоял на месте как вкопанный, чувствуя, что не может даже пошевелиться. Неужели ересь завладела и им?

Видимо, сочтя, что крови пролито достаточно, демоница выпрямилась во весь рост и развела руки в стороны — одну окровавленную и вторую, что сжимала кинжал:

— Aeisintaau!

Меньше всего Ланфорд ожидал, что что-то действительно произойдет. И это было досадной ошибкой.

Вода в реке, еще мгновение назад тихая и спокойная, вдруг взмыла вверх — это были не просто бушующие волны, а буквально стена из воды, словно на дне произошел взрыв, и река вздумала выплеснуться из берегов. И в центре этого взрыва была лодка, которая все еще оставалась на том же месте и даже не шелохнулась от внезапно обезумевших волн.

Поток воды ударился о потолок пещеры и с той же силой рухнул вниз, на прежнее место. Шум стоял такой, словно Ланфорд оказался в сердце водопада, брызги сыпались во все стороны, но почему-то не гасили факелы, а даже наоборот — еще сильнее разжигали их.

Камарила с Нэриусом окатило ледяной водой с головы до ног. Ланфорд пытался не сводить глаз с лодки, но, судя по всему, отвлекся, потому что когда он снова посмотрел на демоницу, глаза ее изливали свет, а на руке не было ни следа крови. Она убрала с лица насквозь промокшие волосы и оглядела пещеру.

На мгновение Ланфорд поймал ее взгляд, и теперь в нем и вовсе не осталось ничего человеческого. Глаза ее из карих сделались золотыми, и хоть они уже не светились так, как в первую секунду, неестественность их приводила в ужас.

Демоница долго смотрела на свою раненую ладонь, которая вновь стала невредимой, а потом словно вышла из оцепенения, вспомнив о принесенном в жертву ветувьяре.

— Тейвон! — Крикнула она, опускаясь к нему.

Окровавленный демон ей не ответил.

*

— Тейвон! — Доносилось до него так глухо, словно кричали через толщу воды или непроходимую стену.

Это была Ингерда. Тейвон знал это, но никак не мог проверить — глаза не открывались, а грудь жгло такой адской болью, что не было сил даже кричать. Но хуже всего было опустошение, что захватило его целиком и полностью — оно ощущалось так, словно из души Тейвона с корнем вырвали что-то важное, жизненно необходимое. Как будто отрезали половину сердца.

Он чувствовал, что залит водой, и ощущал, как лодка под ним качается на слабых волнах. Это такая смерть у него будет?

Сейчас Тейвон с удовольствием бы рухнул в ледяную воду и пошел бы ко дну, лишь бы

не чувствовать эту боль и пустоту в груди. За что ему это мучение!?

Не прошло и минуты, как лодка, назло желанию Тейвона утонуть, причалила к берегу. Его подняли чьи-то руки, набросили на плечи плащ и уложили на что-то твердое. Все это время вокруг раздавались чьи-то голоса, но женского среди них не было, да и слов Тейвон разобрать не мог.

Глаза его под закрытыми веками реагировали на свет — так он понял, что все еще находится в той пещере, но вскоре свет исчез, и только тогда Тейвон осознал, что его, лежащего, куда-то несут.

Он вдруг так испугался, что его сочтут покойником, что попытался пошевелиться, на этот раз, не так безуспешно. Дернув рукой, Тейвон распахнул глаза — над ним возвышались освещенные факелом смуглые лица южан, что тащили его на носилках по темному коридору катакомб.

“Я жив!” — подумал Тейвон, отгоняя боль и щемящее опустошение в груди. Это просто страх, не более того.

Выходит, у Ингерды не получилось?

Но она читала заклятье на древнекирацийском — он точно слышал. Ингерда просила обменять жизнь ветувьяра на бессмертие. Но Тейвон был жив, значит, обряд не удался?

Другая мысль в мгновение ока сменила эту глупую радость, и тут Тейвон понял все. Понял, почему он выжил и почему ощущал эту странную пустоту внутри.

Ужас кольнул в сердце ледяной иглой. Тейвон не знал другого способа проверить свою догадку, кроме того, который, возможно, немало удивит и испугает наемников. Плевать!

Зажмурившись от страха, Тейвон попытался успокоить беснующееся в груди сердце и тихо, так, чтобы его никто не услышал, произнес заученные с детства слова на древнекирацийском: “Пусть лик мой явит себя, что сокрыт под кожей в глубине меня”.

Ничего не произошло. Более того — Тейвон даже ничего не почувствовал. С ним осталась только тупая боль в груди и пустота, не просто огромная, а бесконечная.

Ингерда обменяла жизнь ветувьяра на бессмертие.

Но Тейвон сегодня не умер.

Потому что вместо него умер Джеррет.

Глава 27. Кирация. Монастырь Двух Лиц

И давно он тонул?

Этого не могло быть. Он плавал слишком хорошо, чтобы тонуть.

Но сейчас его спина коснулась дна, а свет наверху едва пробивался сквозь темно-синюю толщу воды.

И он задыхался. Он чувствовал, как сдавило легкие, чувствовал, как сил остается все меньше и меньше.

Как он здесь оказался? Кто-то пытался его утопить? Да и где он вообще? Он не помнил ничего, казалось, не помнил даже самого себя, но одна ясная мысль все-таки была в его голове.

Ему нужно наверх.

Собрав все свои последние силы, он оттолкнулся ногами от дна. Босые ступни ощутили лишь твердые камни. Он продолжал тащить себя наверх, но тяжесть воды тянула вниз.

Ну уж нет! Так запросто его не убить!

Свет был все ближе, хотя тело совсем ослабело, а рот был полон мерзкой на вкус ледяной воды. Еще немного, совсем чуть-чуть.

Он вынырнул из воды, хватая ртом холодный сырой воздух. Над головой простиралась высоченная пещера, сверху горели факелы, а у берега качалась позабытая всеми лодка.

Здесь наверняка должны быть люди, причем, если судить по тому, что он чуть не утонул — не самые доброжелательные. Но сейчас все было тихо, а оставаться в ледяной воде казалось ему решением не менее неосмотрительным, чем выбраться на берег. Поэтому он поплыл туда, где стояла одинокая лодка, надеясь, что в пещере и вправду никого не осталось, и у него будет время на то, чтобы прийти в себя и осмотреться.

Вытащив свое дрожащее и полностью обнаженное тело на берег, он обессиленно упал на камни и прислушался — вокруг стояла тишина, лишь легонько потрескивали факелы и шумела спокойная вода. Если люди здесь и были, то они ушли.

Они думали, что смогут убить Джеррета Флетчера, но приняли неверное решение. Его можно убить огнем, мечом, ядом, какой-нибудь подлостью, но только не водой.

Вода слишком любила его, чтобы убить.

А вот холод — это уже другое дело. Джеррет продрог до костей, лежа на берегу, но не смог найти ничего, что согрело бы хотя бы для того, чтобы элементарно прикрыть свое мужское достоинство. И как ему теперь быть?

Он же не мог выйти к людям в таком виде!

Вместе с тем, он чувствовал себя просто отвратительно. Помимо холода и ноющих от перенапряжения мышц, напомнила о себе рана на плече, а в груди щемило какое-то странное чувство опустошения. Словно его выпотрошили и выбросили в воду лишь пустую оболочку.

Голова разрывалась от мыслей, но среди них не было ни одной хорошей. Он не мог оставаться здесь, но и не мог идти к людям. Он не знал, кто вокруг — враги или друзья, но склонялся к первым, а потому осторожность ему точно не помешает.

Единственная мысль, за которую можно было зацепиться — это Тейвон. Последнее, что Джеррет помнил, это прощание с Селин в комнате гостиницы, а значит, утопить пытались не его, а Тейвона. Ветувьяру всего-навсего хватило ума обратиться более умелым пловцом,

чтобы выжить.

“Понял тебя, братец. Возвращаю” — улыбнулся своим мыслям Джеррет, усаживаясь на камень. Тейвон разберется сам — адмирал был нужен ему только для того, чтобы выжить.

“Пусть лик мой явит себя, что сокрыт под кожей в глубине меня” — поспешно пробормотал он на древнекирацийском.

И ничего не произошло. Джеррет прождал секунду, две, но ничего не менялось. Он не терял сознание, не падал во тьму, как это обычно бывало.

Тейвон не отвечал ему.

И у этого могла быть только одна причина — король Кирации был мертв. Джеррет остался один.

Он вскочил на ноги и принялся ходить из стороны в сторону. Во-первых, это согревало, а во-вторых — помогало привести в порядок мысли.

Тейвон не мог быть мертв. Как он посмел допустить такое!? Джеррет попробовал призвать его еще раз, но вновь наткнулся на пустоту. У него больше не было ветувьяра.

Они попеременно топтали с Тейвоном землю почти шестьдесят лет — Джеррет и не думал, что может быть как-то иначе. А теперь он остался один — как самый обычный человек.

Адмирал никогда особо не задавался вопросом, нравилось ли ему быть ветувьяром. Он просто рассматривал это как данность и никогда не думал, что что-то может быть иначе. Может, какая-то его часть даже не верила в то, что такое возможно.

Когда он признавался Селин, то едва не сказал, что если бы у него был выбор, он бы выбрал жизнь ветувьяра — но почему? Может, потому, что он не знал другой жизни?

“Я тебе это не прощу, Тейвон” — мрачно подумал Джеррет, поднимаясь по старым каменным ступенькам, что вели к темному коридору. Он не мог сидеть здесь вечно — нужно было разбираться, что к чему.

А еще, по возможности, мстить.

*

“Предатель! Еретик! Чернокнижник!” — мысленно проклинал Нэриуса Ланфорд. Сам он, впрочем, был не лучше — затянул, струсил и позволил ветувьярской королеве сотворить с собой что-то темное и богомерзкое.

Теперь она с нарочитой медлительностью шла по коридору монастыря, а Нэриус с камарилом следовали за ней, как безмолвные тени. Ланфорд с большим удовольствием отправился бы следом за наемниками, что потащили куда-то бывшего короля, чтобы удостовериться, что двуликий демон окончательно покинул этот мир. Или, если будет необходимо, помочь ему отправиться на тот свет.

Но Нэриус не позволил ему сделать и это, что окончательно убедило Ланфорда в своей догадке — глава ордена был заодно с демонами. Его нужно устранить при первой же возможности, чтобы не дать ереси распространиться еще дальше.

— Нам следует еще раз побеседовать с Геллиусом, — Вдруг прошептал Нэриус камарилу на ухо.

От неожиданности Ланфорд даже вздрогнул.

— Зачем? — Нахмурился он.

— Его Святейшество изволил обмануть нас, — Едва слышно, чтобы эти слова не дошли до демоницы, произнес Нэриус, — Это был не тот обряд, который содержался в первоначальном свитке.

— Откуда вам знать?

— Королева не стала бессмертной, — Сообщил глава ордена, — Она получила от богов что-то другое, что-то меньшее...

— С чего вы взяли? — Ланфорду не слишком хотелось вникать в еретические умозаключения Нэриуса, но игнорировать их он не мог.

— Боги не забрали жизнь Тейвона Кастиллона. По крайней мере, сразу.

— Вам следовало отпустить меня с наемниками, и его жизнь забрал бы я, — Отчеканил Ланфорд.

— Вы нужнее мне здесь, — В голосе Нэриуса впервые проскользнула сталь.

“Я не знаю, что у тебя за планы, но я не дам им свершиться” — мысленно заключил Ланфорд. Он сотрет с лица земли всю ересь, чего бы ему это не стоило. Пусть даже жизни.

Демоница тем временем добралась до своих покоев, открыла дверь и зашла в комнату, мало похожую на обычную монашескую келью — должно быть, здесь жил кто-то из высокопоставленных церковных чинов. Мебель была дорогой, на стенах висели гобелены, а на полу лежал хоть и старый, но еще вполне приличный ковер.

Королева впустила Нэриуса с Ланфордом следом за собой и прикрыла дверь.

— Я хотела бы поговорить с вами, великий, — Сообщила она, — Только дайте мне минуту. Эта одежда меня несколько смущает.

С этими словами демоница скрылась в соседней комнате. Оставшись наедине с Нэриусом, Ланфорд поймал на себе его настороженный взгляд. Прикажи глава ордена покончить с этой еретичкой сейчас, камарил незамедлительно бы сделал это, но Нэриус отчего-то медлил.

“Он и не станет ее убивать” — заключил Ланфорд, — “Он хочет такие же силы, как у нее”, а провести обряд никак не получится без этой демоницы. Ее нельзя убивать сейчас, потому что она должна умереть в лодке с разрезанной грудью. “Я разгадал твой замысел, Нэриус” — ухмыльнулся самому себе камарил. Теперь ему понадобится вся его хитрость и выдержка, чтобы не выдать себя и успеть разделаться с еретиком вовремя.

Демоница вернулась в комнату в роскошном черном платье, расшитом серебряными нитями. Она была слишком прекрасна, чтобы избегать ее взглядом, но Ланфорд как-то умудрялся не смотреть в ее сторону, не встречаться взглядом с нечеловеческими золотыми глазами, которые придавали ее лицу еще более бесовской вид.

— Обряд прошел чудесно, — Демоница элегантно опустилась в кресло, — И благодарить за это стоит только вас.

— Нетрудно следовать дорогой, угодной свету, — Покорно отозвался Нэриус.

— Его Святейшество Геллиус... — Королева поджала губы, подбирая слово, — все еще жив?

— Прикажете казнить, моя королева?

— Как вам будет угодно, — Махнула рукой она, — Мне в нем нет больше никакой надобности.

Нэриус с готовностью кивнул, а Ланфорд поймал себя на мысли, что демонице наплевать даже на того, без кого бы она не провела свой обряд — она могла бы вступить за Геллиуса, попросить оставить ему жизнь, но ей было все равно.

Вот они каковы — истинные демоны!

— А еще у меня к вам есть одна просьба, — Королева пристально посмотрела на Нэриуса, — Совсем незначительная.

— Все будет исполнено...

— Я хотела бы войти в новую жизнь с чистой душой, — Демоница задумчиво покрутила увесистое кольцо на пальце, — Исповедаться...

— Я готов принять вашу исповедь сию же минуту, моя королева...

— Нет-нет, — Остановила Нэриуса демоница, — Я всегда предпочитала главам орденов духовников попроще. Таких, как... ваш монах.

Сердце Ланфорда ухнуло вниз. Подняв глаза, он встретился с прожигающим до костей взглядом королевы. Она улыбалась, но в этой улыбке не было ничего человеческого. Эта еретичка что-то задумала!

Нэриус был шокирован не меньше камарила:

— Вы уверены, моя королева? Этот орденский брат еще совсем неопытен в делах исповедальных.

— И все же вы постоянно таскаете его за собой, — Холодно изрекла демоница, — Оставьте нас.

Нэриус отступил, неспособный больше возражать королеве, не вызывая при этом подозрений. Впрочем, какие могли быть подозрения — Ланфорд почти не сомневался, что еретичка их раскусила. Иначе зачем бы ей вести себя так странно?

Неужели она была так уверена в своем бессмертии, что не боялась оставаться наедине с камарилом?

Нэриус удалился, по коридору застучали его мягкие шаги, которые вскоре стихли. Ланфорд все еще стоял на месте как вкопанный — лишь рука его нащупывала висящий на бедре кинжал. Другого шанса покончить с этой бесовской тварью у него не будет, хотя камарил и понимал, что это слишком рискованно.

Вдруг она действительно, вопреки соображениям Нэриуса, была бессмертна? Тогда Ланфорду не сносить головы, а ересь расплзется по свету как чума.

— Что же вы стоите? — Глухо спросила демоница, — Делайте свое дело, камарил.

Он должен был понимать, что так и будет, но все равно удивился. Как эта еретичка могла догадаться!?

Его раскрыли. Ланфорд должен был что-то сделать — выхватить кинжал, наброситься на эту тварь, ударить ей в сердце, но он стоял на месте, считая удары монашеского сердца, и не мог пошевелиться.

Тогда к нему подошла она. Демоница встала так близко, что Ланфорд чувствовал ее запах — от нее пахло розами, но почему-то резче, чем обычно пахли эти цветы, словно розы смешались с чем-то еще. С горькой полевой травой.

— Где вы прячете оружие? — Золотые глаза лениво пробежались по его лицу, — Достаньте же его! Убейте меня!

Ланфорд не шелохнулся. Демоница заливисто рассмеялась и отвернулась от камарила, начав вальяжно вышагивать по комнате.

— Неужели Нэриус думал, что я ничего не пойму!? — Королева словно говорила сама с собой, — Да за кого он меня принимает!? Он думал, что я поверю в его искренность? Искренность — у ордена Истинного Лица! Да вы же самые великие лицемеры на свете. Говорите всем, что боретесь против магии — ереси — а сами каждый год создаете из нее новых камариллов! Что там с вами делают, когда принимают в орден? Дают испить ветувьярской крови?

Ланфорд наконец вышел из оцепенения — помогли гадкие слова еретички. Как она

смела оскорблять великий орден и приравнивать его к своим богомерзким козням!? Истинный Лик сражается против скверны орудиями света, посланными самими богами!

Она не имела никакого представления о их великих деяниях.

Она была самой темной тварью из всех.

И должна была умереть.

Не помня самого себя от ярости, Ланфорд шагнул к ней, доставая из ножен ждущий своего часа кинжал. Монашеское тело не было столь быстрым и ловким, как родное, но отточенных до совершенства навыков хватило, чтобы нанести удар быстро и незаметно, подобравшись со спины.

Ланфорд вонзил кинжал ей в бок, и целое мгновение ему казалось, что демоница этого не заметила. А потом она повалилась на него с довольной улыбкой на побледневшем лице:

— Вот. Вот так лучше!

А потом она выдернула нож из раны с такой легкостью, словно он был колючкой, прицепившейся к одежде, отбросила его в сторону и выпрямилась во весь рост, встав напротив Ланфорда.

— Ты молодец, — Улыбнулась демоница, — Предан своему ордену. Ветувьяров нужно убивать. Но не тогда, когда они получают бессмертие.

Камарил шокировано покосился на окровавленный кинжал, что валялся на полу, бесполезный и бессмысленный.

Это был конец. Полный провал. Он разоблачил себя, подвел Биркитта, не выполнил ни один из приказов.

Мечты о великой славе разбились в один миг, и Ланфорд уничтожил их своими руками. Точнее, своей трусостью и глупостью. Демоницу нужно было убить раньше, чем она успела провести обряд, а не слушать еретика Нэриуса и надеяться, что он не предал орден.

Но теперь все это было невозможно. Ланфорд уставился на прореху в платье демоницы — дыра была небольшой, но под ней явно не было открытой раны.

— Флавио! — Крикнула демоница, усмехаясь камарилу в лицо.

Из соседней комнаты появился вездесущий хидьясский наемник. При других обстоятельствах — а именно, в своем родном теле — Ланфорд дал бы ему бой и с большой вероятностью победил бы в нем, но монах для подобных вещей не стодится.

— Взять его! — Приказала еретичка южанину.

Наемник поднял с пола камарильский кинжал и только потом занялся Ланфордом. Он связал ему руки за спиной и стал дожидаться следующих приказаний, но демонице вновь захотелось подразнить пойманную ей жертву.

— Я знала, что вашему Нэриусу не стоит доверять. Он нужен был мне только из-за свитка, — Она перевела взгляд на наемника, — Флавио, прикажи своим наемникам привести его в парадный зал. И Лукеллеса тоже. Я хотела бы кое-что им объявить...

*

В парадном зале было безлюдно, но Ланфорду, демонице и наемнику Флавио не пришлось долго ждать остальных. Нэриус в сопровождении южан появился почти сразу, жирный кирацийский самозванец — следом за ним.

Ветувьярская королева приказала всем собравшимся занять места на скамьях, что стояли внизу, перед возвышением. Сама она расслабленно опустилась на трон, со всех сторон окруженная вооруженными до зубов южанами. Флавио — угрюмый парень с длинной рожей — как и положено любимчику, занял место по правую руку от королевы, еще

один встал позади, а остальные наемники расположились впереди, перед самым тронным возвышением.

Ланфорду хватило встретиться с Нэриусом взглядом всего на секунду, чтобы прочитать в его глазах ярость. Неужели он винил в собственном провале камарила!?

Нужно было думать головой, прежде чем связываться с демонами и давать им такую силу, с какой ты сам не сможешь справиться. Десять минут назад, в покоях демоницы, Ланфорд винил в произошедшем себя, но теперь он понял, что ответственность за все лежит на Нэриусе. Он заигрался и потерпел поражение, но плоды его будет пожинать весь мир, который вскоре поглотит богомерзкая скверна!

— Вы не догадываетесь, господа, зачем я собрала вас здесь? — Демоница задумчиво постучала по подлокотнику трона аккуратными ноготками.

— Вы решили обсудить дела Кирации, Ваше Величество? — Приторным голосом поинтересовался толстяк.

— С вами? — Ухмыльнулась королева, — Не смешите меня!

Оскорбленный толстяк озадаченно переглянулся с Нэриусом, но еретичка не стала дожидаться их ответа.

— Я уличила вас в заговоре против меня, — Демоница пронзила обоих взглядом.

— Что за вздор!?! — Встрепенулся кирацийский самозванец, — Да чтобы я..?

— Четверть часа назад меня пытался убить камарил ордена Истинного Лица, — Королева протянула руку, и Флавио положил ей в ладонь испачканный кровью кинжал Ланфорда, — Он здесь, перед вами.

Она указала на монаха, и все взгляды тотчас обратились к нему. Первым запротестовал, естественно, толстяк:

— Я впервые вижу этого человека!

— Вам и не требовалось его видеть. С вас хватило лишь одного желания, — Она перевела взгляд на Нэриуса, — А “великий” взял на себя исполнение.

— Да помилуют вас боги, дочь моя! — Молитвенным тоном изрек Нэриус, — Помыслы мои чисты, и смерти вам я никогда не желал.

Демоница не слушала его, и в этом Ланфорд был с ней согласен — при звуке этих лживых речей его тоже начинало тошнить. Еретичка лишь рассмеялась этим двоим в лицо, а потом продолжила:

— Вы совершили большую ошибку, господа. Покушаться на меня нужно было раньше, до того, как я получила от богов бессмертие. Теперь ни камарил, ни какой-либо другой человек мне не страшен, — Она довольно улыбнулась Ланфорду, которому хотелось провалиться сквозь землю от осознания своей ничтожности, — Я могу принять смерть только от рук ветувьяра, но их, к моему великому счастью, осталось всего двое — Тейвон Кастиллон мечется в предсмертной горячке, а его благородная сестрица будет казнена на рассвете за государственную измену. Теперь вам от меня не избавиться!

С этими словами она поднялась на ноги и властно оглядела своих новых врагов:

— Как жаль, что вы не увидите новую Кирацию, которую создам я.

Поначалу Ланфорд не понял, почему Флавио подошел к демонице ближе — должно быть, чтобы защитить ее в любой момент. Но потом в его пальцах мелькнуло короткое лезвие, а рука взметнулась вверх, к открытой шее королевы.

Хидьяские наемники всегда действовали почти так же быстро, как камарилы — всего мгновение, и по белой коже уже расплзается широкий красный разрез, рот застывает в

беззвучном крике, а платье заливается кровью.

И зачем Флавио повторил то же самое, что не получилось сделать у Ланфорда? Сейчас рана на ее шее заживет без следа, и королева просто прикажет казнить очередного заговорщика.

Но не тут-то было — демоница издала какой-то странный звук, словно пытаясь закричать, повернулась лицом к наемнику и замертво рухнула ему под ноги. Из разреза на шее пульсирующим фонтаном лилась кровь, и заживать эта рана не спешила.

Убрав кинжал в ножны, Флавио поднял глаза на обескураженных наемников и обвиненных в покушении заговорщиков.

— Нье стоит доверять женщинам, — С мягким южным акцентом сказал он на кирацийском, — Всегда надо проверять. Эта говорила правду.

Глава 28. Кирация. Монастырь Двух Лиц

Ланфорд ни черта не понимал. Совсем недавно он вонзил кинжал в бок демонице, и рана зажила на ней в мгновение ока, а теперь то же самое сделал какой-то хидьясский наемник, и перед ним лежало мертвое тело проклятой еретички!

За каких-то пару секунд спокойное напряжение, царящее в зале, сменилось настоящей паникой, и панику эту устроил всего один человек — кирацийский самозванец.

— Что это такое творится!? Охрана! Стража! — Завопил он, и в парадный зал тотчас вломилось шестеро солдат с обнаженными шпагами.

Ланфорд незаметно для самого себя стал прикидывать исход боя. На чью сторону ему встать, если начнется драка? Наемники победят — если их не задавят количеством — но на чьей стороне они, черт возьми, были!?

Флавио при этом выглядел невероятно спокойным. Перешагнув через тело убитой демоницы, он что-то сказал своим подчиненным на причудливом южном языке и повернулся к толстяку:

— Можете быть спокойны. Мы нье причиним вам вреда.

— Это что же выходит — Ингерда обманула нас? — Толстяк указал на бездыханное тело демоницы.

Ланфорд знал, что она говорила правду — обряд действительно даровал ей бессмертие, но, как и подозревал Нэриус — неполное. Она не могла принять смерть от рук человека или камарила, но если убийца — ветувьяр...

И все же каким образом обыкновенный хидьясский наемник Флавио мог оказаться ветувьяром, Ланфорд не понимал.

Ничего не ответив, южанин развернулся и вместе со своими людьми спокойно вышел прочь из зала. Естество камарила требовало у Ланфорда погнаться за ним и совершить то, что необходимо, но он понимал, что в теле монаха это все равно что приговорить себя к смерти — ему ни за что не справиться с обученным воином, и тем более — с несколькими.

Вместо этого он бросился к демонице. Проверить, действительно ли мертв ветувьяр — одна из важнейших заповедей любого камарила. Нужно обязательно удостовериться, что двуликий демон уже не сможет произнести заклятье перехода, чем лишит своего ветувьяра возможности к существованию.

Еретичка была мертва. Окончательно и бесповоротно.

С облегчением выдохнув, Ланфорд прикрыл глаза. Вот уже двадцать лет ни один из камарилов не ощущал подобного чувства — чувства наслаждения, когда у твоих ног лежит поверженный ветувьяр. Но и он сейчас его не испытывал ничего подобного, потому что работу камарила, как бы бредово это не звучало, сделал за него другой ветувьяр!

Как орден мог упустить из виду сам факт существования Флавио и его ветувьяра? Наемник скрывался? Разве такое могло быть возможно?

— И как это называть, великий? — Раздался язвительный голос толстяка.

Он все еще сидел на скамье, развалившись всем своим огромным телом, Нэриус же успел подняться и встать перед ним.

— Полагаю, что непредвиденными обстоятельствами, — Отозвался тот безо всякого намека на праведность в голосе. Вот оно — истинное лицо этого еретика.

Ланфорд отыскал свой кинжал, что валялся возле тела демоницы, выпав из ее

омертвевшей руки, осторожно разрезал веревки на запястьях, и спрятал его под рясой. Приказ Биркитта не мог больше ждать. Теперь камарил не сомневался в том, что Нэриус — изменник и еретик. Он может промывать своими речами Ланфорду мозги сколько угодно, но свое истинное лицо от камарила ему уже не скрыть.

— Вы хоть понимаете, что мы должны быть благодарны этому южанину за то, что он избавил нас от нее! Какого черта вы медлили с убийством!?

“А ты еще не догадался?” — мысленно спросил у толстяка Ланфорд, — “Он хотел получить от нее то же самое”.

Естественно, Нэриус отвечать не стал.

— Сын мой, — Вместо этого позвал он, — Следуй за мной.

Сделать первый шаг навстречу этому еретiku было трудно, но Ланфорд убедил себя в его необходимости. Всего несколько минут отделяло Нэриуса от его смерти, но еретик об этом еще не подозревал, выводя Ланфорда следом за собой в коридор.

— Как подлая демоница смогла раскрыть наш замысел? — То ли у самого себя, то ли все-таки у камарила спросил Нэриус, — Уж не в обряде ли дело?

Ланфорд понял, куда они направлялись — к Геллиусу. Скорее всего, Нэриус собирался преподнести главе вражеского ордена новую порцию пыток и разузнать, что было не так с тем обрядом, который провела демоница. Ланфорд в этом участвовать не собирался.

Он понял, что нужный момент настал, когда убедился, что в длинном и темном коридоре не было ни души. Криков о помощи никто не услышит, хотя камарил собирался сделать все аккуратно и быстро, чтобы Нэриус даже не успел понять, что происходит.

Еретик спокойно шел впереди, даже не оборачиваясь на Ланфорда. Неужели он настолько наивен, что в его голове даже не проскользнула мысль о том, что камарил, которого он приставил к себе, может быть не менее опасен, чем демоница, наемники или королевская гвардия?

“Ты продумал все, но не взял в расчет меня” — со злобной насмешкой подумал Ланфорд, сжимая пальцы на рукояти кинжала. Пусть поверх демоницы ляжет кровь еретика — им стоит быть вместе.

Камарил не любил читать молитвы, считая, что вера должна быть в душе, а не литься из уст, но сейчас зачем-то вознес пару слов древним богам, прошептав их одними губами.

Еще несколько часов назад он многое бы спросил у Нэриуса перед тем, как его убить, но сейчас Ланфорд знал ответы почти на все свои вопросы — по крайней мере на те, ответить на которые не мог никто, кроме главы ордена.

Поэтому он сделал это молча, может, даже, подло — просто схватил старика за руку, развернул к себе и резанул кинжалом по морщинистой шее. Отпрянул Ланфорд недостаточно быстро — пара капель крови оказалась на его одеянии, но их было почти не видно на темной ткани.

Нэриус захрипел и рухнул камарилу под ноги, заливая кровью весь пол и стены вокруг себя. Главный еретик Эделосса умирал как совершенно обычный человек, и Ланфорд испытал от этого даже какое-то подобие разочарования.

Он сделал то, что должен был, но ни радости, ни хотя бы удовлетворения это ему не принесло. В душе все еще оставалось какое-то хилое подобие сомнения, словно он перепутал дороги и свернул не туда.

Но все было правильно. Он уничтожил еретика, расколовшего орден, по вине которого погибло так много людей. Нэриус не заслуживал от Ланфорда ни единого слова — за

Робина, за всех остальных камариллов, даже за него самого, одинокого и опустошенного.

Переступив через мертвое тело, Ланфорд двинулся дальше. Как-никак, Геллиуса действительно следовало навестить.

*

Станный человек, больше похожий на внезапно оживший труп, словно ждал камарильского визита. Что за сила поддерживала в нем жизнь, Ланфорд не понимал — Геллиус был избит до полусмерти, измучен и в край истощен, но почему-то оставался в сознании. Камарил надеялся, что хотя бы он не окажется бессмертным, вот только от кирацийских демонов можно было ожидать чего угодно.

Геллиус сидел на полу, закованный в цепи. Один его глаз полностью заплыл от побоев, губа распухла и кровоточила, а на правой стороне лица и вовсе почти не осталось живого места, но он все равно умудрялся выглядеть совершенно осознанно и разумно. Ланфорд сразу понял, что с ним будет сложнее, чем с Нэриусом.

— Вы один, — Хрипло констатировал он, не сводя здорового глаза с камарила, — Вас прислали меня убить?

— Я пришел сам, — Непонятно зачем выпалил Ланфорд.

— Не смею вас задерживать, — Эти слова могли бы прозвучать насмешливо, но из уст Геллиуса они показались абсолютно серьезными, — Делайте, что должно. Я не буду сопротивляться.

“А лучше бы ты сопротивлялся” — заметил Ланфорд. То, как мужественно еретик собирался принять свою смерть, поразило его. Он должен был молить о пощаде, а не просить о смерти.

Ланфорд подошел ближе, достав из ножен кинжал и покрутив его в руке. Геллиус даже не шелохнулся, оставшись сидеть в углу и положив изодранную руку на колено.

— Великий решил не прощаться со мной? — Теперь уже с насмешкой, словно потеряв всякий страх, поинтересовался еретик.

— Нэриус мертв, — Сухо ответил Ланфорд.

Геллиус, казалось, ничуть не удивился этой новости:

— И чем же он так прогневил богов, если не секрет?

Камарил не слишком хотел с ним разговаривать, но какое-то странное чувство уважения к стойкости этого человека не позволило ему промолчать.

— Ересью, — Процедил Ланфорд.

— Надо же... а ведь он обвинял в этом грехе меня, — С задумчивой улыбкой протянул Геллиус.

— Вы в нем не менее повинны, — Камарил заставил себя шагнуть к еретiku. Пальцы крепче обхватили рукоять кинжала, приготовившись к удару.

— Пожалуй, вам виднее, — Пожал плечами Геллиус, — Камарил — клинок скверны, ведь так?

Ланфорд замер:

— Откуда вам известно, что я камарил?

Геллиус ответил незамедлительно:

— Нэриус не стал бы таскать за собой простого монаха, к тому же, из вас получается прекрасный палач...

И почему все главы орденов только с виду праведники? На самом же деле они оказываются хитрыми, внимательными и прозорливыми плутами.

Подумав об этом, Ланфорд вдруг вспомнил подозрения Нэриуса.

— Вы обманули нас, — Он угрожающе навис над еретиком, — В изначальном свитке было не то заклятье, что вы нам продиктовали.

Ланфорд ожидал, что Геллиус начнет все отрицать, но он лишь улыбнулся пересохшими губами:

— Приятно осознавать, что никто не может проверить твои слова. Под конец жизни можно позволить себе такой грех, как ложь.

На мгновение камарил опешил.

— Зачем вы это сделали!?! — Воскликнул он тоном обиженного мальчишки.

— Думаю, вы меня поймете, — Геллиус был так спокоен, словно это и не ему угрожали окровавленным кинжалом, — Вы ведь верны своему ордену и своей вере? Я тоже.

— Вы подменили заклятье на более слабое? — Ланфорд желал знать ответ на этот вопрос хотя бы из любопытства.

— Если я не смог уберечь эту заблудившуюся девчонку от ошибки, то должен был попытаться ее смягчить, — Подтвердил Геллиус.

— Она все равно мертва, — Покачал головой Ланфорд, — Вы зря старались.

Геллиус не ответил. Взгляд его опустился куда-то в пол, и камарил воспринял это как призыв к действию.

— Позвольте перед тем, как вы меня убьете, узнать ваше имя, — Вдруг изрек Геллиус. Голос его внезапно стал гораздо выше и сильнее, и Ланфорд смог представить, каким этот человек был раньше.

— Будете молиться за мою заблудшую душу? — Ухмыльнулся камарил.

— Вовсе нет. Ваша душа как раз нашла свое предназначение.

Меньше всего Ланфорд ожидал услышать подобные слова от еретика. Ему вдруг показалось, что Геллиус просто-напросто пытается одурачить его своими умными речами. Так же, как и Нэриус когда-то.

— Не вам рассуждать о моем предназначении, еретик. Вы всю жизнь боготворили демонов, — Отчеканил он.

— Пусть так, — Геллиус опустил взгляд, — Я не стану вам возражать. Кто из нас прав, покажет лишь время. А может, и не покажет вовсе...

— Замолчите! — Рывкнул Ланфорд, хотя злиться следовало на самого себя. Это он позволил еретика втянуть себя в беседу и даже пытался размышлять о том, что говорил ему этот покровитель демонов.

— Я желаю вам счастья, камарил, — Тихо произнес Геллиус. Его бесцветный глаз впился Ланфорду в самую душу, — Вы не самый худший человек на свете. В вас хотя бы есть преданность...

Это переходило все границы дозволенного! Сколько наглости было в этом еретике, что он смел говорить ему такое!?

Ланфорд опустился на одно колено и хватил Геллиуса за плечо. Еретик не сопротивлялся, но смотрел камарилу в глаза. Что ж, пусть смотрит — Ланфорд был не из тех, кого можно было этим смутить. Его учили убивать всеми возможными способами, и он освоил это искусство гораздо лучше других.

Геллиус бессмертным не оказался. Кинжал почти с нежностью вонзился ему в живот, обмякшее тело тотчас осело на каменном полу, а бесцветный глаз так и остался открытым, глядя в низкий неровный потолок из грубого камня.

Еще один еретик отправился в небытие, но Ланфорд чувствовал себя выжатым досуха. Может, дело было в том, что он находился в чужом теле, но камарилу стало как-то не по себе. Не в силах оставаться рядом с трупом гордого еретика, он почти бегом покинул затхлую темницу и отправился наверх.

Он пытался думать о том, что Геллиус сказал о заклятье — если оно было слабее, значит, и жертвы требовало меньшей? Если так, то бывший король Кирации все еще мог быть жив, как и его сестра, которую еретичка-королева собиралась казнить.

А ведь еще оставался Флавио, с которым Ланфорду никак не справиться...

Но подлые мысли камарила настойчиво неслись в другую сторону, к тому, что сказал Геллиус позже. “Ваша душа нашла свое предназначение”.

“Ты должен быть клинком, а не думать” — сказал он себе, — “ Просто исполнять приказы”.

Но почему это вдруг стало так сложно?

*

Тейвон то приходил в себя, то снова терял сознание, перед глазами все плыло, а мысли пугались. Он не знал, сколько времени провел в таком состоянии, но явно не час и не два — за окном успело взойти солнце, и только тогда Тейвон нашел в себе силы подняться и осмотреться по сторонам.

Его заперли в крохотной камерке, похожей на обычную монашескую келью — здесь не было ничего, кроме жесткой деревянной койки, стола, стула и маленького окна, что больше смахивало на зарешеченную дыру в стене. Из него едва лился свет, медленно скользящий по каменному полу блеклыми лучами.

Вскоре Тейвон начал думать, что про него либо напрочь забыли, либо сочли мертвым — за дверью стояла гробовая тишина, никто даже ни разу не прошел мимо. В голове и на душе было совершенно пусто, словно из Тейвона вытрясли все, что у него было. Он понимал, что должен быть голоден, но голода не чувствовал — о себе напоминала лишь тупая боль от раны на груди и цепкий предательский холод, от которого ни капельки не спасал убогий плащ, брошенный на голое тело.

И пустота. Она грозила свести Тейвона с ума — он снова и снова пытался нащупать в глубине себя эту ниточку, что связывала его с человеком, которого он никогда не видел, но любил, как родного брата, и каждый раз бился головой о грубый камень реальности.

Джеррета больше не было.

Тейвон не помнил, чем он пытался занять себя, когда за дверью его тюрьмы наконец-то раздались шаги. Он ожидал, что к нему может нагрянуть кто угодно — Ингерда, Лукеллес, в крайнем случае Ремора...

Но никак не хидьясский наемник.

Тут Тейвон поймал себя на мысли, что южанину, должно быть, приказано проводить его к кому-то, но наемник вошел в комнату и закрыл за собой дверь. Он с хозяйским самодовольным видом взял стул, поставил его рядом с узкой койкой Тейвона и уселся на него, скрестив длинные ноги в мягких кожаных сапогах. Все это время он не сводил глаз с лица Тейвона, наблюдая за его реакцией. Тейвон старался не выказывать своего беспокойства, хотя предчувствия не предвещали ему ничего хорошего.

— Мьеня зовут Флавио, — Представился наемник, изучая Тейвона пристальным взглядом темно-карих глаз, — Я пришел поговорить с вами о вашем будущем.

Тейвон немало удивился такому повороту, но на деле лишь усмехнулся:

— А разве оно у меня есть?

— Благодаря мне — да. — Последовал незамедлительный ответ.

Тейвон вопросительно вздернул бровь, после чего Флавио счел нужным пояснить:

— Я спрятал вас здесь, чтобы о вас никто нье вспомнил. Как видите, пока это работает.

— И зачем же я вам? — Подозрительно склонил голову Тейвон.

— Сейчас все должны поверить в вашу смьерть, — Флавио исподлобья посмотрел на него, — Только так вы можете выиграть врремя.

— Врремя для чего?

— Для возвращения вашего трона, — Ответил наемник таким тоном, словно он разговаривал с несмышленным ребенком.

— А что, Ингерда теперь захотела править от моего имени? — Усмехнулся Тейвон.

Флавио шутку не принял.

— Она мьертва, — Сообщил он, — И это сделал я. Осознанно. Для вас.

Ему пора бы было перестать удивляться всему, что происходит в этих стенах, но это известие привело Тейвона в ступор. Нет, он не почувствовал ни боли, ни досады — не было даже грусти, но удивление себя ждать не заставило.

И все-таки Тейвону показалось, что его водят за нос. Личная собачонка Ингерды не могла ее укусить! Южанин был слишком подозрительной личностью, чтобы ему верить, поэтому Тейвон, подозрительно сощурившись, спросил:

— И почему я должен верить какому-то наемнику? Какая вам выгода сажать на трон меня?

— Я знал, что так просто вы мне нье поверите, — Флавио улыбнулся, — Но я на вашей стороне.

— Пустые слова, — Отмахнулся Тейвон.

Флавио подался ближе, глаза его слегка сверкнули, словно наполнившись азартом, и он заговорил:

— Aonaarei ya eot etyau. Эти слова уже что-то значат, вьерно?

“Aonaarei ya eot etyau” — “свята жизнь, пройденная дважды”, если дословно переводить с древнекирацийского. Эта фраза была прямой цитатой из основного писания Двух Лиц, которое обязательно преподавали ветувьярам. Ее знали либо очень начитанные священники вроде Геллиуса, либо...

На священника Флавио похож не был.

— Я вьетувьяр, — Заявил наемник.

— Ингерда тоже им была, — Возразил Тейвон, — Но это не поставило нас на одну сторону.

В какие интриги собирался втянуть его этот загадочный южанин? Тейвон вдруг почувствовал себя наивным ребенком и дряхлым стариком одновременно — его хотели обмануть или им хотели воспользоваться?

— Вы можете нье верить мне, — Флавио сцепил пальцы в замок, — Но я спас вас от смьерти и убил вашего главного врага.

— А перед этим вы служили ей, — Напомнил Тейвон, — Что вам помешает так же убить и меня?

— Вам я служить нье собираюсь, — Взгляд южанина сделался ледяным, — Я лишь хочу видеть вас на троне Кирации и могу оказать вам в этом посильную помощь.

— Хорошо, пусть так, — Кивнул Тейвон, — Но зачем вам это? Насколько мне известно,

наемники ничего не делают по доброте душевной.

Флавио потупил голову, тяжело вздыхая. Неужели Тейвону удалось загнать его в угол?

Наемник явно сражался с желанием сказать правду или промолчать. Кажется, первое в нем все-таки победило:

— Ладно, я нье простой наемник, — словно оправдываясь, затараторил он. И почему все южане говорили так быстро? — Ньет, я, конечно, наемник, а вот мой ветувьяр... Он был в совете Хидьяса.

— И что это меняет? — Настороженно спросил Тейвон.

— Для вас — многое, — Отозвался Флавио с прежним самодовольным видом, — Хидьяс примет сторону Кирации в войне против Зиеконской империи. Но если на троне будет господин Лукеллес, никакой войны и нье последует. Он просто отдаст корону имперцам.

Все понятно — южане вели какие-то свои игры и захотели впутать в это еще и Тейвона. Но был ли у него выбор?

— Ваш ветувьяр плетет какие-то интриги, — Выдохнул он, — С чего я должен в них участвовать?

— Я уже никогда нье узнаю, о чем думал Кастил, — С сожалением заверил Флавио, — Я делаю лишь то, что мне сказали, но со своей стороны обещаю, что мое герцогство будет вам союзником. Но только вам, а не имперскому ставленнику.

Тейвон крепко задумался. Все это подозрительно походило на хорошо спланированную ловушку, но у него не было выбора. Если он хотел вернуть Кирацию и свой трон, нужно было хвататься за любую — а уж тем более, за единственную — возможность. И все-таки прежде, чем согласиться, он зачем-то задал еще один вопрос:

— Ваш ветувьяр мертв?

Тейвон никогда не говорил о Джеррете в прошедшем времени и, наверное, еще не скоро сможет к этому привыкнуть, но Флавио сказал. Это не могло ничего не значить.

— Кастил покончил с собой. Еще съекунда, и я бы нье смог вернуться, но он оставил мьеня жить.

То, как это было сказано, не оставило у Тейвона никаких сомнений — когда-то давно Флавио чувствовал то же самое, что чувствует сейчас он. Сейчас он привык, но пустота и сожаление о том, что ты не смог ничего сделать, никуда не делись.

“И меня Джеррет оставил жить” — подумал Тейвон. “Он, гораздо более сильный и смелый, оставил в этом мире меня — уж вряд ли для того, чтобы я сидел в этой комнате, проклинал все на свете и ничего не делал”.

— Хорошо, я приму вашу помощь, — Кивнул Тейвон, — Но пока что у меня нет никакого плана...

— Для начала просто притворяйтесь мьертвецом, — Посоветовал Флавио, — Остальное не важно.

Тейвон с радостью бы пошел на это, если бы не Ремора. Он должен дать ей знать, что жив. Любым способом.

Наемник грациозно поднялся со стула и вернул его на место, собираясь уходить.

— Постойте, Флавио, — Позвал Тейвон.

Наемник замер на месте.

— Мне нужно дать сестре знать, что я жив. Она там наверняка с ума сходит!

— Ньет, — Коротко ответил южанин.

— Она не предаст, — Заверил Тейвон, — Реморе можно доверять.

— Она близка с Лукеллесом, — Отрезал Флавио, — Даже если она ничего ему не скажет, он может догадаться по ее поведению.

Больше он разговаривать не пожелал. Просто ушел и закрыл за собой дверь.

Глава 29. Кирация. Монастырь Двух Лиц

Ремора потеряла счет времени. Она знала, что ей нужно вернуться — иначе Лукеллес усилит за ней слежку, и принцесса напоследок лишится даже тех последних крох свободы, что у нее были — но ноги совершенно не подчинялись. Текли минуты, а она все так же сидела на полу, прижавшись спиной к холодной каменной стене коридора, и заливалась слезами.

Сегодня ее жизнь рухнула окончательно. Сначала у Реморы отняли королевство, потом возлюбленного, а теперь — брата. Тейвон оставался единственным, за кого ей хотелось бороться. Теперь он был мертв.

Радовало только то, что скоро она отправится вслед за ним. Ее жизнь закончится, а что будет с Кирацией, ее уже не волновало. Королевство сорвалось в бездну давно, и его падение могла предотвратить только одна сила — Тейвон. Теперь его не было. И Реморы не стало вместе с ним.

Всю жизнь она считала себя сильной — по крайней мере, гораздо сильнее других женщин. Ремора умела находить нужные слова, всегда держала лицо и верила в лучшее. Она познала в этой жизни и любовь, и страх, и радость — теперь все это обратилось пеплом. В последний день своей жизни принцесса могла позволить себе быть слабой.

Поэтому она была здесь, в каком-то коридоре на нижнем этаже, почти под землей, в холоде и сырости. Она не знала, найдет ли путь назад, потому что шла сюда почти наощупь, ослепшая от слез, затмивших ей взор после известия о смерти Тейвона. Хорошо, что вездесущая охрана Лукеллеса куда-то подевалась, иначе ее заперли бы в келье и не дали даже глотнуть свежего воздуха.

На этот раз она собралась с силами и поднялась на ослабших ногах, опираясь о стену рукой. Возвращаться в свою комнату не хотелось, но Ремора понимала, что в любой момент ее могут хватить, а Селин не сможет придумать внятный ответ на вопрос, куда подевалась ее госпожа.

Чем ниже она спускалась, тем холоднее становилось в коридорах, тем более, что на дворе стояла поздняя осень, и согреться в этом замке, по большому счету, нельзя было нигде. Ремора предусмотрительно прихватила с собой тяжелую шерстяную накидку, в которую сейчас и закуталась, бредя по незнакомым безликим поворотам. Шаги ее отражались от стен легким эхом, а дыхание вырывалось изо рта облачками пара. Только стук капель с потолка нарушал гробовую тишину. До поры до времени.

Ремора напряглась всем телом, услышав чьи-то шаги, тихие и медленные. Они смешивались со звуком тяжелых вздохов, то и дело замирали, а потом раздавались вновь — принцесса никак не могла понять, кто двигался ей навстречу. Кто-то из монахов? Шаги были слишком тихими для грубых солдатских сапог.

В любом случае, принцессе не хотелось столкнуться с кем-то в коридоре, поэтому она не придумала ничего лучше, чем вернуться назад и скрыться в одной из ниш в стене, что когда-то давно предназначалась для статуи, а сейчас была заброшена.

Ноги ее скользили по мокрому камню, но Ремора буквально вцепилась в кладку руками, всем телом прижимаясь к стене. Шаги неумолимо приближались, пока мимо нее не прошла скукоженная обнаженная фигура мужчины.

Ремора потеряла дар речи, глядя на него. Рыжие волосы, худые мускулистые плечи —

это мог быть только один человек.

— Джеррет! — Выкрикнула она, вырываясь из своего укрытия. Еще никогда она не произносила это имя с такой надеждой.

Ей было наплевать, что своим выкриком она напугала ветувьяра Тейвона до чертиков. Джеррет сдавленно вскрикнул, дернулся и развернулся к ней.

— Ремора..?

Это совершенно точно был он — только почему-то голый, раненый и закоченевший от холода.

Но живой — это было самое главное.

Ремора не раздумывая стянула с себя накидку и набросила ему на плечи. Джеррет, прикрывающий руками свою наготу, сжался от холода так, что стал казаться в половину меньше, губы его посинели, а кожа была белой, как снег — одни лишь веснушки на щеках и носу.

— Ремора, где мы? Почему... почему я не чувствую Тейвона? — Зеленые глаза ошалело метались по ее лицу.

Принцесса избегала его взгляда. Хотелось разрыдаться и в то же время отблагодарить богов за то, что они оставили ей хотя бы Джеррета.

— Как ты здесь оказался? — Вместо ответа спросила она.

— Меня пытались утопить. Я очнулся в воде. Один. Без Тейвона, — Джеррет плотно запахнул накидку, — Ремора, ответь мне! Что произошло?

— Я... я расскажу тебе все, — Выпала принцесса, — Но сначала нужно тебя спрятать. И отогреть.

*

Джеррет почти сразу пожалел о том, что предложил спрятаться в жилом крыле замка, предназначенном для монахов. Это раньше здесь было даже как-то по-своему уютно, а сейчас, когда орден оказался захвачен мятежниками, здесь царила звенящая пустота и полное запустение. Ну и конечно, холод — эту часть замка никто не отапливал, зато и не охранял, что в свою очередь уже играло им на руку.

Ремора умудрилась притащить для него свою подбитую мехом накидку, хотя Джеррет с радостью променял бы любые меха на нормальную мужскую одежду. Но приходилось довольствоваться тем, что есть — адмирал смог облачиться только в чью-то огромную рясу, найденную на дне пыльного сундука, и в королевские меха, красивые и бестолковые. В любом случае, он уже не чувствовал себя так неуютно, как полностью обнаженным, но и мерзнуть почему-то не перестал — наверное, из-за переохлаждения.

Впрочем, возможно, его трясло не поэтому, а из-за новостей, которые рассказала Джеррету Ремора — об Ингерде, Тейвоне, каком-то обряде и Нэриусе, которого черти занесли в чужой монастырь. Все это никак не желало укладываться в голове, но все-таки было правдой. Об этом говорила пустота у Джеррета в груди, которая раньше была королем Кирации.

— Так что, меня она тоже убьет, — Ремора потерла покрасневшие от слез глаза, завершая свой рассказ, — И чем скорее, тем лучше.

— Но Ингерда ведь не знает, что я остался в живых, — Возразил Джеррет, — Мы можем попытаться сбежать.

— Это бред, — Покачала головой сестрица, — Лукеллес охраняет все выходы из замка. У тебя нет ни корабля, ни оружия.

— И что ты предлагаешь?

Ремора лишь пожала плечами. В этот момент в дверь тихо постучали, и сестрица поднялась со своего места. Джеррет напрягся:

— Кто это?

— Не беспокойся, это свои, — Ремора осторожно отперла дверь, — Ты ведь не хочешь умереть с голоду?

На пороге появилась Селин — целая и невредимая, с маленьким подносом в руках. Увидев Джеррета, ее и без того огромные глаза открылись еще шире, а брови взлетели на лоб. И она улыбнулась — не так, как улыбалась у него на корабле, словно сдерживаясь и боясь, а по-настоящему, широко и ясно. Джеррет и не думал, что сможет так ее порадовать.

Она бросилась к нему, напрочь позабыв про поднос и про свою извечную стеснительность. Едва Джеррет успел подняться, как девчонка уже вцепилась в него тонкими руками, сжимая в объятиях. Он обнял ее в ответ.

— Вы живы, — Прошептала она так тихо, что эти слова мог услышать только Джеррет, — Вы вернулись.

Так странно было осознавать это — то, что ты действительно был кому-то нужен. Что тебя ждали и по тебе скучали. Что без тебя кому-то было плохо.

Он смотрел на Селин и видел в ней это. Она нуждалась в нем. Она ждала его, хотя могла сколько угодно утверждать обратное.

В глазах Реморы читалось, что она с радостью заменила бы его на Тейвона — в них не было ни радости, ни удовлетворения, только грусть оттого, что вместо любимого брата у нее остался рыжий раздолбай. А Селин... желала видеть только его.

Это могло бы потешить самолюбие Джеррета — так бы и было, будь он хотя бы лет на пять моложе. А теперь ему стало не по себе. Этот восторг беззащитной наивной девчонки ощущался как удар под дых. Это было обещание. Обязательство.

Отстранившись от Селин, Джеррет улыбнулся:

— Я же обещал, что мы еще увидимся.

Девушка сияла, как начищенная до блеска монета. Она была в простом платье служанки — но в безопасности. Неужели хоть раз в жизни Джеррету удалось защитить хоть кого-то?

— Все, Селин, ступай, — Властно приказала девушке Ремора.

Девчонка замялась, словно собираясь что-то сказать.

— Да ладно тебе, пусть останется, — Как бы невзначай бросил Джеррет.

— Я... слышала новость, — Выпалила Селин. Ее кирацийский стал совсем хорош, акцент еще оставался, но произношение улучшилось в разы.

— Говори, — Ремора взглянула на нее.

— В замке говорят, что леди Ингерду убили, — Селин испуганно металась взглядом от сестрицы к Джеррету, — Ее же наемник.

— Вот видишь, — Спыхватился адмирал, — Стоит попробовать.

— Это все, Селин? — Ремора не сводила холодных глаз с девушки.

Она кивнула.

— Ты можешь быть свободна.

Потупив взгляд, Селин молча развернулась и ушла. Прошло какое-то время, прежде чем Джеррет заговорил:

— Ты слишком строга с ней. Она не твоя служанка.

— Это ты повесил на шею Тейвону эту обузу, — Сверкнула глазами сестрица, — Если

бы я не взяла ее к себе, она осталась бы в Кирации одна. Чем ты вообще думал, когда брал ее с собой? Захотелось поиграть?

Джеррет не ожидал от нее такой пылкой реакции на Селин.

— Не говори так, — Потребовал он.

— Еще скажи, что у вас с ней ничего не было...

— Но у нас ничего не было! — Удивился Джеррет. Неужели Ремора считала его каким-то животным, которое не может помочь женщине без закономерной платы за это?

— Тогда почему она смотрит на тебя, как на бога? Девчонка из Эделосса — на ветувьяра!

— Потому что я несколько раз спас ей жизнь, — Отчеканил Джеррет.

Из яростного лицо Реморы вдруг стало серьезным. Она заглянула адмиралу в глаза:

— Не морочь ей голову, Джеррет. И себе.

Он не ответил. Что Ремора вообще имела в виду? Селин просто была к нему привязана, и он к ней, в какой-то степени, тоже...

— Мы говорили о побеге, — Напомнил адмирал, — Смерть Ингерды нам на руку.

— Но Лукеллеса она не устранила.

Ремора все еще казалась сердитой, хотя выражение ее лица стало глубоко задумчивым. Тонкими пальцами она отстучала по колену какой-то ритм, а потом сказала:

— Ты сбежишь один.

— Нет! — Возразил Джеррет, усаживаясь к столу и оглядывая все то, что принесла ему Селин, — А как же ты?

— Мне осталось несколько дней, — Сообщила Ремора, — А Калиста как раз сможет отвлечь Лукеллеса. Надеюсь...

Джеррет схватился за кусок черствого хлеба и жадно впился в него зубами. Он не собирался оставлять Калисту Лукеллесу, помня о тех синяках, что он разглядел у ветувьяра Реморы на руках.

— Значит, сбегу с Калистой, — Пожал плечами адмирал.

— Да Калиста лучше останется с этим хряком, чем пойдет с тобой! — Едва ли не рассмеялась сестрица, — Она тебя ненавидит!

— Ремора, — Джеррет отложил надкусанный хлеб в сторону, — Нам нужно спасти Кирацию.

Он не видел другого выхода из сложившейся ситуации. Тейвона не было в живых, а значит, единственный способ свергнуть Лукеллеса — еще один вооруженный мятеж. На этот раз под началом Джеррета.

В Кирации все еще оставались люди, верные истинному королю, и всех их нужно собрать воедино, чтобы ударить по самозванцу.

— Тебе, а не нам. Теперь спасти Кирацию можешь только ты, — Безо всякой насмешки сказала Ремора.

— Да как же ты не понимаешь!?! — Возмутился Джеррет, — Тейвон мертв. Теперь ты наследница престола! Я должен посадить тебя на трон!

— Именно поэтому я и требую, чтобы ты бежал один, — Ремора говорила с ним, как с идиотом, — Если я отвлеку Лукеллеса на себя, у тебя меньше вероятность быть замеченным. Если сбежим вместе, поймать могут нас обоих. И тогда уже мы ничего не сделаем.

Джеррет отхлебнул воды из глиняной кружки. Признать, что Ремора права страшно не хотелось, но в ее словах действительно был смысл. Над Калистой Лукеллес может и

сжалиться, если она будет тихой и покорной, а вот беглецов он ни за что не пощадит. Предлагая бежать вместе, адмирал подвергал наследницу престола неоправданному риску.

— Ты должен быть предельно осторожен, — Добавила сестрица, — Хотя бы сейчас, когда от тебя зависит все.

— Неужели ты переживаешь за меня? — Ухмыльнулся Джеррет.

Ремора даже не улыбнулась.

— Да, — Отрезала она, — Потому что ты безумное и легкомысленное недоразумение.

— Наконец-то мы поговорили по душам, — Адмирал сложил руки на коленях, — А то до этого я думал, что худшая черта во мне — это то, что я рыжий.

— Прекрати вести себя как ребенок! — Рывкнула на него Ремора, — Неужели ты не понимаешь, насколько все серьезно!?

Джеррет убрал с лица глупую улыбку и заглянул сестрице в глаза:

— Если ты думаешь, что я ничего не понимаю, то ты заблуждаешься. Я потерял не меньше твоего — я остался без ветувьяра, без королевства, без корабля. Да даже без штанов! — Он понял, что сорвался на крик, — И именно я должен каким-то образом все это вернуть. Но я всю жизнь разрушал, Ремора. Я громил корабли и резал вражеским морякам глотки. А строил всегда Тейвон.

Он заметил, что чем дальше Ремора слушала его слова, тем растеряней становилось ее лицо. Было даже как-то непривычно видеть сестрицу такой — не сосредоточенной и холодной, а бесконечно грустной и беспомощной.

— Я же вижу по твоим глазам, что ты смотришь на меня, а хочешь видеть его! — Не сдержался Джеррет, — И я бы тоже этого хотел — чтобы он занял мое место и разобрался в этом безумии. Но Тейвона больше нет. И я должен стать им — человеком, которым я никогда не был и, возможно, не смогу быть.

Он судорожно выдохнул и приказал себе замолчать. Слишком много необдуманных слов уже сорвалось с его языка. Они и без того никогда не были близки с Реморой — не стоило делать эту пропасть еще глубже.

— Я знаю, что ты сможешь, — Растерянно изрекла Ремора, — Только будь осторожен. Я не могу потерять еще и тебя.

Джеррет хотел бы, чтобы эти слова были правдой, но Ремора лгала. Не могла не лгать. В своей жизни она по-настоящему не любила никого, кроме Тейвона — даже Эйден не удостоился от нее такого чувства. А Джеррета она и вовсе ненавидела, но теперь у нее никого, кроме него, не осталось. Вот и приходилось делать вид, что ветувьяр брата ей хоть сколько-нибудь дорог. Джеррет не осуждал ее за это.

Он поднялся из-за стола и выглянул в окно. На улице было мерзко и сыро — совсем недавно прошел дождь, покрывший все дороги густой бурой грязью. Из этого окна не было видно ничего, кроме противоположной стены замка. Пристань была в другой стороне.

— Как здесь обстоят дела с кораблями? — Поинтересовался Джеррет, пытаясь выстроить в голове хотя бы подобие плана. Пока что не получалось ничего.

— Я... я не знаю, — Призналась Ремора, — Но... есть человек, который должен знать. И я надеюсь, он согласится помочь.

*

Стук в дверь вывел Рауда из оцепенения. Он не ожидал, что про него вообще кто-то вспомнит — с тем же успехом он мог стать призраком в этом замке — его не замечали, за ним не следили и в нем не нуждались. Капитан сходил с ума от скуки и уныния, что царило

вокруг, пока кирацийцы и эделосцы пытались сжить друг друга со свету.

Он поднялся с жесткой деревянной койки, застеленной меховыми шкурами, и с нарочитой медлительностью отпер низкую деревянную дверь.

Если бы Рауд знал, кто к нему пожаловал, он шевелился бы гораздо бодрее.

На пороге стояла принцесса Ремора — столь же прекрасная, как и печальная. Глаза ее, словно покрытые коркой льда, тут же уставились капитану в душу, вынуждая отступить его на шаг назад:

— Чем обязан?

— Мне нужно поговорить с вами, — Тревожно озираясь по сторонам, заявила она и, не дожидаясь разрешения, шагнула в его комнату.

Рауд опешил, но гостью все-таки принял. По виду Реморы было понятно, что женщина отчаянно нуждалась в помощи, но неужели ей больше не к кому было пойти?

Конечно, не к кому. Ее брата — короля — убили во время обряда, а жирного свина она явно ненавидела не меньше, чем Рауд. Но что капитан мог ей предложить?

Ремора осмотрелась по сторонам и подошла к небольшому окошку. Рауд не торопил ее — принцессе, видимо, нужно было собраться с мыслями. К тому же, капитан мог смотреть на нее вечно, лишь бы она оставалась рядом с ним.

— Я пришла просить вас о помощи, — Вымолвила она, не сводя глаз с туманной дали, что виднелась из окна.

— Что я могу для вас сделать? — С готовностью отозвался Рауд.

Он не знал, куда себя деть — усесться при гостье на стул было бы неуважением, хотя стоять истуканом посреди комнаты тоже казалось глупым.

— Я понимаю, что моя просьба прозвучит как бред сумасшедшей, — Ремора повернулась к нему, — Вы вправе отказать мне и можете даже рассмеяться мне в лицо, я все пойму...

— С чего вы взяли, что я стану так себя вести? — Не понял Рауд.

— Я пришла просить помочь не себе, — Ремора пристально посмотрела на капитана, — А Кирации. Я знаю, что вы гвойнец. Но еще вы единственный, кто предложил мне помощь в этом аду. И я подумала...

— Вы правильно подумали, — Зачем-то выпалил Рауд. Эта женщина толкала его на предательство, а он... соглашался? — Ничего, что было бы связано с интересами Гвойна, я в этом монастыре не вижу.

— Вы еще не знаете, о чем я.

— О чем бы меня не просила красивая женщина, я готов сделать это, — Решительно заявил Рауд.

Ремору упомянутый вскользь комплимент ни капельки не впечатлил. Она вообще казалась капитану ледяной статуей — прекрасной и холодной, но словно неживой.

— Я доверяю вам, — Настороженно добавила она, — И полагаюсь лишь на вашу честь. Надеюсь, у северян она имеется.

— В достатке, — Кивнул Рауд, — Так что я должен сделать?

Ему казалось, что Ремора отправляет его на прогулку по тонкому льду с завязанными глазами — она не говорила толком, чего хочет, и это настораживало. Если дядюшка узнает, что он ввязался в какую-то ерунду из-за юбки, это будет дорого ему стоить. Впрочем, Рауд и без того был по уши в дерьме — пасть ниже было попросту некуда.

— Я объяснила бы вам, но есть человек, который сделает это лучше меня. Я лишь скажу,

что хочу лишить Лукеллеса трона. Он не принадлежит ему. Кирация — страна воинов и честных людей, а не лживых торгашей.

Глаза ее вспыхнули, и тут-то Рауд понял, что у этой неприступной красавицы все-таки были чувства — вот только они скрывались глубже и не показывались кому ни попадя.

Если дело состояло в том, чтобы помочь скинуть это жирное ничтожество, то Рауд согласился бы на это, даже попроси его одноглазая беззубая уродина.

— Этим мы с вами похожи, — Улыбнулся капитан, — В Гвойне тоже не терпят хитрых плутов, что наживаются на других людях.

*

Ремора повела его в другое крыло замка, предварительно объяснив, что их ни в коем случае не должна заметить королевская стража. Это проблемой не было — солдаты жирного хряка охраняли в основном периметр монастыря с улицы, а внутри они в большом количестве таскались только за королем. В нежилых коридорах вообще не оказалось ни души, и там, куда привела Рауда принцесса, было тихо и холодно, как в склепе.

Загадочный союзник принцессы, способный объяснить Рауду их план, как оказалось, ждал их в одной из келий — тесных и безжизненных комнатушек, по мнению капитана больше похожих на гробы.

Едва Ремора пустила Рауда в каморку, как навстречу им шагнул мужчина:

— Ну наконец-то!

И Рауд остолбенел. Он должен был догадаться, кто может ждать его здесь, но почему-то даже не подумал о нем.

А ведь адмирал Флетчер был братом принцессы. Или как у них там называется ветувьяр брата..?

— Капитан Орнсон, — С наигранным почтением кивнул адмирал, — Какая честь...

— Вы знакомы? — Удивленно обратилась к брату принцессы.

Рауд ответил вместо него:

— Адмирал Флетчер однажды почтил мой корабль своим присутствием...

— И поединком с вами, — Зеленые прищуренные глаза вцепились в Рауда, — Признаться, он действительно удался на славу.

Капитан решил бы, что Флетчер пытается задеть его побольнее, но на бледном конопатом лице не было и тени улыбки. Он говорил совершенно серьезно.

И это ему предстояло помогать!?! Флетчеру!?! Рауду захотелось развернуться и уйти, но Ремора все еще смотрела на него с надеждой, не давая импульсивной гордости взять верх.

— И что же вам от меня понадобилось, адмирал? — Позабыв о манерах и вежливости, Рауд плюхнулся на старый скрипучий стул и закинул ногу на ногу.

Флетчер выглядел до идиотизма нелепо — в огромной монашеской рясе, перевязанной на талии каким-то шнурком, со спутанными волосами и небритым лицом, он казался то ли бродягой, то ли обезумевшим отшельником. При этом выражение его физиономии его оставалось каменным — он метнул какой-то загадочный взгляд на сестру, а потом вернулся к Рауду, явно всеми силами пытаясь перешагнуть через свою парящую где-то в небесах гордость.

— Мне нужно знать, какие в местном порту стоят корабли. Вместимость, вооружение, маневренность, — Наконец сказал Флетчер, — Вряд ли это проскользнуло мимо вашего внимания, ведь так?

Теперь Рауд понял, что задумали эти двое. Флетчер каким-то образом выжил и решил

незаметно сбежать в Кирацию. Пока все считают его таким же мертвым, как и Тейвона, он поднимет в королевстве новое восстание, и Рауд не сомневался, что оно будет удачным, потому что люди пойдут за ним, за легендой и героем. Таких в народе любят даже больше, чем королей.

— Одному тебе не выбратся, — Только и сказал Рауд, избегая встречаться с адмиралом глазами.

— Не понял, — Опешил тот.

— Корабль в порту найдется, но как ты собираешься набирать экипаж? — Объяснил ход своих мыслей капитан, — В Кирации тебя знает каждая собака — весть о твоём “воскрешении” облетит весь остров ещё до того, как ты появишься в порту. Если ты хочешь сбежать — то только пассажиром, прыгнувшим на борт в последний момент. Только тогда экипаж никому не растрезвонит о тебе.

— И к чему ты ведешь? — Вздернул бровь Флетчер. Рауд не сомневался, что он все уже понял, но зачем-то прикидывался дурачком.

— Тебе нужен капитан, — Бросил гвойнец.

— Намекаешь на себя? — Хмыкнул адмирал, — А кто даст мне гарантию, что ты не поведешь корабль ко дну? Я разбил тебя в Талааре. Ты захочешь отомстить.

Рауду следовало бы ожидать подобной подозрительности, но вопрос Флетчера застал его врасплох. Этот рыжий бесноватый парень умел продумывать все наперед.

— Начнем с того, что я не самоубийца, — Рауд сцепил пальцы в замок, — И покушаться на тебя каким-то другим способом я тоже не стану. Ты разбил меня хоть и подло, но...

“Он одержал бы победу даже без взрыва” — признался себе капитан. Он давно думал об этом, но никак не мог обличить эти мысли во что-то внятное.

— Я переоценил свои силы и недооценил тебя, — Договорил Рауд.

Флетчер посмотрел на него — без жалости, без презрения, как тогда, на палубе “Черной змеи”, когда он сделал выбор за него и оставил капитана в живых. После того поражения Рауд только и думал, как отомстить рыжему демону, а теперь...

Теперь он понимал, что Флетчер тогда спас ему жизнь. За такое платят благодарностью, а не мстью.

— И знаешь еще что, — Рауд почти смеялся, произнося эти слова. Кто бы мог подумать, что когда-то он скажет нечто подобное? — Лучше десять таких как ты, Флетчер, чем один жирный хряк на троне.

Капитан и вправду так думал. Только сейчас он понял, что действительно должен помочь этим двоим. По-хорошему, ему было плевать на Кирацию, но такая мразь, как Лукеллес, не должна носить корону.

— Да ты политик, капитан! — Ухмыльнулся Флетчер.

Рауд понял, что улыбается в ответ. Он, хоть и не считал себя последним дураком, временами очень туго осознавал, казалось бы, очевидные вещи. Только сейчас ему на ум пришло, что Флетчер не был его врагом. Он был противником — опасным, серьезным и опытным. Заслуживающим уважения.

— Ну так что? — Поднял бровь Рауд.

Флетчер задумчиво потер острый подбородок:

— Одно условие, Орнсон, — Поджал губы он, — Даже не рассчитывай, что в море я буду звать тебя капитаном.

Рауд рассмеялся, но голос Реморы вернул его в реальность:

— И как вы двое собираетесь это проверить?

— Все просто, — Рауд поднялся на ноги, — Я отправлюсь в порт, где найму корабль и экипаж — вряд ли кому-то из моряков захочется пережить здесь зиму. Есть у меня на примете одно легкое суденышко...

— А Джеррет? — Не унималась Ремора.

— Я проберусь в порт к назначенному времени, — Ответил вместо Рауда адмирал, — И просто сяду на корабль. Когда моряки поймут, кого они везут, Лукеллес уже не сможет об этом узнать.

— Капитана могут хватить здесь, в замке, — Ремора посмотрела на Рауда, и он поспешил ее успокоить:

— Я прибыл сюда в качестве гостя. Мой внезапный отъезд вряд ли кого-то беспокоит.

Это была, конечно, ложь, но кирацийцам не обязательно было знать, что Рауд попал в плен к хидьяссцам, которые сейчас как сквозь землю провалились. Для капитана это еще один замечательный шанс улизнуть от них и разрушить очередную хитроумную задумку Флавио. Рауд не сомневался, что южанин воспользовался бы им в нужный момент.

Флетчер нахмурился, размышляя над словами капитана, но ничего не сказал — видимо, не желая лишней раз тревожить сестру.

— Но мне понадобятся деньги. Моряки люди не жадные, но и за бесплатно плавать не станут, — Напомнил Рауд.

Глаза Флетчера метнулись к Реморе. Сам он, судя по одежде, заплатить мог разве что собственной душой. Если она вообще бывает у рыжих...

Принцесса стянула с ушей тяжелые серьги с крупными самоцветами и сняла подвеску с шеи. Положив украшения Рауду на ладонь, она печально добавила:

— Я найду еще. Нам хватит.

Капитан не хотел думать о том, на какую жертву шла она сама, оставаясь с этим ничтожным хряком. Не каждый мужчина мог бы похвастаться такой самоотверженностью, но кирациянская принцесса была столь же смелой, сколь и красивой.

Рауд спрятал украшения в карман:

— Завтра на закате мой корабль будет ждать тебя на пристани, Флетчер. Отходим после захода солнца. Смотри, не опаздывай.

Адмирал ухмыльнулся:

— Если посмеешь обмануть меня, знай — я вырою тебя из-под земли. Или достану со дна морского.

Рауд протянул ему руку:

— Я не сделаю этого хотя бы для того, чтобы когда-нибудь еще раз встретиться с тобой в море, рыжий демон. И победить.

Флетчер улыбнулся и ответил на рукопожатие:

— Договорились.

Глава 30. Кирация. Монастырь Двух Лиц. Эделосс

В детстве Джеррет ненавидел осень. С возрастом мало что изменилось — он все еще не понимал, как кому-то могли нравиться дожди, холод и слякоть. Небо осенью становилось серым и бездушным, природа умирала, а вода сначала темнела, а потом и вовсе покрывалась льдом.

Зато осень любила Ремора, и это еще раз подтверждало, что они с Джерретом были слишком разными, чтобы достигать взаимопонимания. Все, что она любила, он ненавидел — и наоборот.

Но теперь им не осталось ничего, кроме как держаться друг за друга до последнего. Тейвон оставил их — и Джеррет не знал, ему или Реморе было от этого больнее. В то время как адмирал чувствовал себя наполовину пустым, разрезанным надвое, сестрица осталась без единственной родной души на всем белом свете.

Наверное, Тейвону тоже нравилась осень.

Джеррет смотрел на унылый пейзаж из окна своей кельи и пытался отыскать в нем хоть что-то хорошее и приятное глазу. Ничего не попадалось.

Ремора появилась где-то через час, когда адмирал уже принялся собираться в путь — он пытался как-то поудобней завязать рясу, чтобы она не болталась на нем мешком, думал, что делать с мягкими монашескими тапочками на ногах — в таких не пройдешь и часа пешком, а значит, нужно было где-то раздобыть сапоги.

Сестрица держала в руках сверток и набитый до отказа кошелек.

— Постарайся оставить мне на память хоть что-то, — Бросила Ремора, когда он заглянул в кожаный мешочек, полный драгоценностей.

— Я не трачу деньги куда попало, — Заверил Джеррет, хотя это было не совсем правдой — ему на ум пришла парочка случаев, когда он совершенно не задумывался о деньгах. Оба раза он, правда, был пьян, но вряд ли это можно считать оправданием.

Сверток оказался неплохим, а главное теплым плащом с капюшоном — он-то точно будет не лишним в такую погоду. Джеррет решил не медлить, и сразу же облачился в сестрицын подарок. Плащ оказался удобным и даже почти умудрился скрыть от глаз уродливо намотанную рясу — о большем Джеррет и не осмеливался просить.

— И почему ты не прячешь под подушкой оружие? Мне бы пригодилось, — Вместо благодарности объявил он Реморе.

— Кто бы позволил мне его держать? Я здесь пленница, а не гостья, — Недовольно фыркнула она.

Джеррет и сам прекрасно это понимал. Без оружия он чувствовал себя почти что голым, а что еще хуже — беззащитным. С пустыми руками он уж точно ничего не сможет сделать против солдат Лукеллеса.

Придется смириться и с этим.

— Что-то ты рано, — Некстати вспомнил Джеррет, — До вечера еще несколько часов.

— Я пришла, когда у меня появилась возможность, — Отрезала сестрица, — Вечером ее не будет.

Больше Джеррет не стал допытываться, чтобы не разжигать ее недовольство еще сильнее. Вместо этого он решил сменить тему:

— Скажи, Ремора... Ты не могла бы позвать Селин? Я хотел бы с ней попрощаться.

— Еще чего! — Сестрица недовольно сложила руки на груди, — Я жесказала, что не дам тебе морочить ей голову!

— Я лишь просто хотел...

— Нет, — Покачала головой она, — Эта дурочка уже рвалась к тебе. Я ей запретила.

Джеррет зарылся руками в волосах. Что за муха укусила Ремору? Раньше ей было совершенно наплевать, с кем общался или имел какие-то связи Джеррет.

— Лучше бы ты так запрещала Тейвону видеться с Ингердой, — Бросил он, — Глядишь, ничего бы этого не случилось.

Неужели Ремора ожидала, что он станет все это терпеть? Да, Джеррет был благодарен ей за помощь, но ведь и помогала она ему не по доброте душевной, а из-за Кирации. Джеррет никогда не был ей братом. Он ничего для нее не значил, и если бы не спасение королевства, Ремора, может быть, бросила бы его в подземелье замерзнуть.

Сестрица показалась ему оскорбленной до глубины души. Поддавшись мимолетному стыду, Джеррет пробормотал:

— Прости.

— Я не ожидала ничего другого от такого эгоиста, как ты, — Ремора поднялась на ноги, — Но знаешь... в чем-то ты прав. Тейвон сделал Ингерду тем чудовищем, которым она стала. А я этого даже не заметила.

Она явно порывалась сказать что-то еще, но сражалась с этим желанием изо всех сил. Наконец, она медленно подошла к окну и заговорила, отвернувшись от Джеррета:

— Сегодня я всю ночь думала о вас с Тейвоном. Ты прав — я бы с радостью поменяла тебя на него. А потом я поймала себя на мысли — почему ты? Почему именно ты?

Джеррет поднялся со стула и почти бесшумно подкрался к Реморе. Она знала, что он стоит сзади — видела его в лицо в отражении на стекле — но все-таки даже не попыталась отойти.

— И я поняла кое-что. Сейчас Кирации нужен ты, а не он, — Она резко развернулась и встретилась с Джерретом взглядом, — Если начнется война, королевство сможешь удержать только ты. Кирация нуждается не в том, кто носит на голове корону, а в том, кто держит в руке меч.

— Звучит так, словно ты собираешься меня короновать, сестрица, — Попытался отшутиться Джеррет.

— Нет, — Качнула головой она, — Я лишь хочу, чтобы ты выжил. Раз боги оставили тебя, а не его, значит, ты гораздо нужнее.

Ремора готова была разрыдаться, но держалась из последних сил. Она высказала ему все, что думала, и теперь была совершенно пуста. И честна.

Джеррет не ожидал, что сестрица решится его обнять. Ни с того ни с сего она крепко обвила его руками и прижалась лицом к его груди.

— Пообещай, — Отчеканила Ремора, — что мы еще встретимся.

Он не знал, как на это реагировать, поэтому несмело прижал хрупкую, но статную фигурку к себе и прошептал:

— А как же иначе? Мне тебя еще короновать...

Когда они отстранились друг от друга, глаза у Реморы покраснели, а на щеках блестели влажные дорожки от слез.

Она ничего больше не сказала. Да и Джеррет не стал тревожить ее и без того израненную душу.

Они оба отпустили друг друга куда-то, откуда можно и не вернуться.

*

Селин всю жизнь слушала других, подчинялась тому, что ей говорили и, кажется, никогда не думала своей головой. Люди вокруг крутили ей, как хотели, а девушка безропотно позволяла им это делать.

Первым человеком, которого Селин ослушалась, стала Ремора Кастиллон. Это могло привести к неприятным последствиям, но девушке было все равно — она все знала и все понимала.

Флетчер, возможно, отправлялся на смерть. А его сестра не давала им даже попрощаться.

Селин ожидала, что так и будет. Она видела, что леди Ремора невзлюбила ее с первых секунд их знакомства. Селин и не хотела ее любви — эдакой заносчивой и избалованной ледяной статуи, неспособной ни на какие чувства. И пусть Ремора была красива; ее красота нисколько не искупала пустоту ее окаменевшей души. Проведя с этой женщиной много дней, Селин поняла — уж лучше быть уродиной, но доброй и искренней, чем красавицей, совершенно лишенной сердца.

Поэтому девушка почти не испытывала угрызений совести, пока тайком шла по длинному коридору монастыря к полузаброшенному крылу, где в одной из комнат скрывался Флетчер. Будучи служанкой, она могла спокойно перемещаться по замку и уже успела выучить многие тайные ходы, которыми совершенно не пользовались (о них, видимо, и не знали) новые обитатели монастыря.

Селин улизнула из комнат Реморы в тот момент, когда леди куда-то ушла. Как оказалось, она направилась к брату — это девушка увидела из потайного коридора, что скрывался под гобеленом и выходил как раз к старым монашеским кельям. Селин застала как раз тот момент, когда Ремора уже покидала адмирала — она вышла из его комнаты с лицом заплаканным и растроганным, что немало удивило девушку. Неужели эта ледяная глыба могла немного растаять?

Идти к Флетчеру следом за ней Селин не решилась, к тому же, убогая келья, в которой он прятался от солдат, почему-то угнетала ее.

А ведь девушка намеревалась сказать ему что-то важное. В таком тесном пространстве у нее попросту не хватит на это сил и смелости.

Она не спала почти всю ночь, прокручивая в голове сцену их прощания. Той, прежней Селин, которая теперь пряталась где-то глубоко-глубоко в ее душе, это казалось безумием — Флетчер был демоном, а не человеком, он не стоил и капли ее любви, мыслей о нем следовало стыдиться, а воспоминания нужно было вычеркнуть из памяти. Теперь эти слова казались едва ли не бредом — девушка повстречала на своем пути троих ветувьяров, и ни один из них не походил на демона. Они все были людьми — кто-то хорошими, а кто-то — не очень.

Ремора не скрывала своего презрения к Селин, ее брат король Тейвон скрывал, но не слишком умело, а Флетчер все еще был другим. У него, в отличие от этих красивых, но каменных статуй, была душа.

За то долгое время, что девушка провела в обществе леди Реморы, она пыталась убедить себя, что Флетчер только казался ей хорошим и добрым — на самом деле он был таким же, как его семья — и ей почти это удалось, но когда Селин вновь увидела его в сырой темной келье, то снова заметила в его глазах это живое пламя, эту любовь к жизни и к миру вокруг,

которой он зачем-то заразил и ее.

Демон был ее спасителем, как бы глупо это ни звучало.

Селин понимала, что говорить с Флетчером в коридоре небезопасно, но за весь путь от комнаты леди Реморы до этой кельи она встретила всего одного стражника, и тот направлялся куда-то к лестницам, чтобы добраться до центральных залов и комнат, где обосновался новый король Кирации. В итоге она решила, что пять минут беседы погоды не сделают, особенно, если они не будут привлекать к себе внимания.

Адмирал покинул свое укрытие минут через десять после того, как от него ушла Ремора. В плаще с глубоким капюшоном он казался ожившей безликой тенью, что медленно и почти беззвучно ползла по коридору.

Селин юркнула в потайной проход и поспешно засеменила туда, откуда пришла — этот путь выведет ее к единственному широкому коридору, которым и пойдет Флетчер, потому что идти здесь больше некуда. Куда адмирал отправится дальше, девушка не знала, но ей это и не было нужно — она намеревалась поймать его как раз у большого окна перед лестницей. Там было светло и просторно, можно хоть как-то собраться с мыслями, пока стены и потолок не давят тебе на плечи.

По ту сторону потайного хода его скрывал от посторонних глаз такой же гобелен, за которым девушка и спряталась, ожидая, когда Флетчер пройдет мимо нее. Разминуться они никак не могли — из-за отсутствия поворотов тайная дорога была гораздо короче.

Как она и предполагала, адмирал появился скоро. Селин и сама не заметила, как шагнула из своего укрытия навстречу тени в капюшоне.

— Селин? — Удивился он, разглядывая попеременно то девушку, то гобелен, из-под которого она появилась, — Как вы здесь..?

Всю ее смелость как рукой сняло — Селин накрыло такое жуткое смущение, что она не могла выговорить ни слова. Ну что за дура!? Зачем она вообще сюда явилась? Подумала, что имеет на это право?

— Леди Ремора запретила мне... — Вдруг выпалила она, — Но... я не смогла не прийти.

Флетчер стянул с головы капюшон и улыбнулся ей — так мягко и тепло, что к Селин вернулась какая-то кроха уверенности.

— Вы самая смелая девушка на свете, — Рассмеялся он, — Даже я не осмелился бы восстать против моей сестрицы.

— Она... накажет меня!? — Испугалась Селин.

Ей следовало бы догадаться по улыбке Флетчера, что это шутка, но девушка юмора не понимала — в ее жизни любым проявлениям смеха и радости вообще было мало места. Это Флетчер был из другого мира — он шутил и улыбался, даже отправляясь на смерть.

— Если попытается, то скажите ей, что знаете, как она однажды порвала дорожное платье, пока пряталась от гувернантки по кустам, — Подмигнул адмирал, — Раньше это заставляло ее попридержаться язык.

На этот раз Флетчер не шутил, но губы его снова улыбались. Селин даже ненароком поймала себя на мысли — может, это из-за нее?

Она прогнала от себя эти мысли. Ее и без того сбивала с толку каждая мелочь. Слова не просто не желали срываться с языка, они даже не шли на ум, хотя девушка несколько раз отрепетировала свою речь, будучи одна в комнате. Теперь, под взглядом Флетчера, все это не имело никакого значения.

Но она не могла просто стоять и молчать. Страх уже много раз подводил ее — возможно, если бы не он, вся ее жизнь сложилась бы по-другому. Поэтому Селин широко распахнула глаза и выдохнула:

— Я должна кое-что сказать вам.

Лицо адмирала вмиг посерьезнело. На мгновение прикрыв глаза, Селин продолжила:

— Я хочу увидеть вас снова. Я... надеюсь, что увижу.

Девушка залилась краской смущения. Это не звучало как признание в любви, но для Селин у этих слов был именно такой смысл. Ей понадобилась вся ее смелость, чтобы сказать это. Девушка не знала, как Флетчер отреагирует, но лицо его вновь осветилось улыбкой, он шагнул ближе к Селин и внимательно посмотрел ей в лицо:

— Вы, возможно, не поверите, но я тоже.

Робко заглянув ему в глаза, девушка неожиданно осознала, что он говорит правду. Сердце ее пропустило удар от радости — такой сильной и безумной, что она не смогла сдержать улыбки.

Но по-настоящему выбило из колеи другое — когда Флетчер подошел еще ближе и взял Селин за руку. Его ладонь была грубой и теплой, с длинными пальцами и выпирающими костяшками. Это, казалось бы, ничего не значащее прикосновение заставило девушку покраснеть еще сильнее. Она несколько раз прокляла свое бледное лицо за то, что оно выворачивало наизнанку все ее чувства, которые она так надеялась скрыть.

— Я найду вас, Селин, — Внезапно пообещал он, — Как только будет такая возможность.

Никогда в своей жизни она не улыбалась так, как сейчас. Если все, что ей пришлось пережить, вело ее к этому мигу, то оно того стоило.

Это стоило того, чтобы жить дальше.

*

Ланфорд услышал голоса не сразу. Говорили тихо, а потому он смог разобрать чью-то речь только перед самым поворотом коридора.

В замке было не так много народу, чтобы не обратить на шепчущихся в коридоре людей никакого внимания, поэтому камарил решил затаиться и послушать, о чем шел разговор.

— Я найду вас, Селин, — Негромко сказал высокий мужской голос на кирацийском, — Как только будет такая возможность.

Что за черт!?! Селин?

Ланфорд надеялся забыть это имя как страшный сон, но чем хуже сны, тем труднее они стираются из памяти. На мгновение у камарила проскользнула мысль, что в коридоре могла стоять какая-то другая Селин, но Ланфорд в такие совпадения не верил.

Как эта чертова баба могла оказаться здесь, да еще и с каким-то мужиком!?

Нет, дело было вовсе не в ревности — Ланфорд не чувствовал к этой дуре ничего, кроме отвращения — дело было в предательстве. Вот каким образом у Нэриуса оказался свиток!

Впав в неконтролируемое бешенство, Ланфорд вытащил кинжал и вышел из-за поворота. В коридоре действительно стояли, держась за ручки, двое — какой-то мужик и эта блеклая безголосая сучка.

Ярость застлала Ланфорду взор, он не мог ни соображать, ни обдумывать свои действия. Позабыв обо всем, он просто бросился к этой тощей гниде, но не успел ничего, кроме как сбить ее с ног.

— Ах ты сука! — Проревел он, не помня себя от гнева.

С негромким вскриком гадина рухнула на пол, в то время как чья-то рука попыталась схватить камарила сзади. Локоть Ланфорда сработал безотказно, ударив мужику под дых и заставив его отступить на шаг назад. Камарил развернулся и уже собирался нанести следующий удар, как внезапно понял, с кем он имеет дело.

Незнакомец был всего-то чуть пониже Ланфорда ростом, но сухой и поджарый, с рыжими волосами и длинным узким лицом. Из всех, кто способен был оказаться в этом чертовом замке здесь и сейчас, он мог быть только Джерретом Флетчером — ветувьяром то ли мертвого, то ли исчезнувшего Тейвона Кастиллона.

Будь он обычным человеком, Ланфорд избил бы его и принялся разбираться с предательницей, но двуликого демона нельзя оставлять в живых. Если верить тому, что рассказывали о Флетчере, бойцом он был неплохим, и это заставило камарила засомневаться, справится ли он с этой тварью в теле какого-то монаха?

Впрочем, сейчас у Ланфорда уже не было права на отступление. Он поудобнее перехватил кинжал и бросился на демона. Тот ловко увернулся, но позволил камарилу заметить самое главное — Флетчер был безоружен. Это значительно упрощало дело.

— Селин, бегите! — Приказал демон вжавшейся в стену дрожащей сучке.

Ну уж нет, Ланфорд ей этого не позволит. Разрываясь между желанием напасть на ветувьяра и наказать предательницу, камарил выбрал девицу — благородство в любом случае не даст демону уйти, ведь так?

Ланфорд кинулся к ней, схватил девчонку за руку и рывком поставил на ноги перед собой. Одной рукой он держал предательницу за плечи, не давая ей вырваться, а другой приставил к ее нежной белой шейке кинжал.

— Ну что, невестушка, не ожидала меня здесь встретить? — Прошипел он ей в ухо, — Думала, камарилы не найдут тебя?

— Оставь ее, камарил, — Твердо потребовал демон. По эделосски он говорил неплохо, — Ветувьяр здесь я, а не она.

— Смотри-ка, а вы хорошо спелись — Ланфорд схватил девчонку за лицо, — Демон и предательница!

По щеке этой дуры скатилась крупная слеза.

— Не думал, что камарилы такие трусы, — Демон решил предпринять еще одну попытку вывести Ланфорда из равновесия, — Я безоружен, сразись со мной!

— С тобой сразиться я еще успею, — Фыркнул камарил, — Когда перережу этой сучке горло.

— Так чего ты ждешь, чудовище!? — Сквозь слезы выдавила она.

И правда — зачем он тянул? Неужели так трудно было чиркнуть кинжалом по шее девчонки, покончить с ней и заняться демоном? Ланфорд и без того повесил на себя множество смертей — от еще одной бестолковой девчонки ничего не изменится.

А потом ему в ногу что-то воткнулось — бедро пронзила нестерпимая боль, и тут же в грудь последовал удар локтем. Ланфорд запоздало понял, что ослабил хватку, позволил сучке отстраниться от него, ударить и вырваться. Камарил не успел сообразить, что произошло — в нос ему врезался кулак, и он почувствовал, как теряет равновесие.

Настоящего Ланфорда демон не сбил бы с ног при всем желании, но монах был гораздо слабее, а потому камарил рухнул на пол, позволив ветувьяру нависнуть над ним сверху. Демон прижал его руки к полу, а по правой, что сжимала кинжал, со всей силы саданул ногой. Если бы на нем были сапоги, кость могла бы сломаться, но мягкая монастырская

обувь усилить удар не могла. И все же силы его хватило, чтобы от боли пальцы Ланфорда разжались. Оружие переключалось к демону, но не успел он им замахать, как камарил скинул его с себя и уложил на пол, поменявшись с ветувьяром местами.

Приходилось постоянно оглядываться, чтобы не допустить какой-нибудь пакости от сучки — если она что-то воткнула ему в ногу, значит, могла напасть еще раз — но бледная гадина сидела на полу, в слезах лопоча что-то себе под нос. Ланфорд понадеялся, что она больше не доставит проблем.

А вот демон вертелся, как уж на сковороде, пытаясь сбросить с себя ношу в виде монаха-камарила. В родном теле Ланфорд бы запросто с ним разобрался — ветувьяр был ловок, но силой не отличался, его нужно было только поймать — а вот монах оказался для демона слишком медлителен и неповоротлив. Ветувьяр врезал камарилу коленом, и тот не смог больше удерживать его лежащим на полу.

От удара у Ланфорда из легких вышибло воздух, и вслед за ним последовал еще один — снова коленом в грудь. Камарил почувствовал, как приземлился спиной на каменный пол. Перед глазами все плыло, но в голове появилась одна-единственная ясная мысль.

В его руке все еще был кинжал.

Он всадил его в демона, совершенно никуда не целясь — получилось, что лезвие вошло в ногу, чуть повыше лодыжки. Ветувьяр взвыл от боли, но с ног не свалился, и все-таки удар кинжалом позволил Ланфорду выиграть время и принять стоячее положение.

Разъяренный демон бросился на него всем телом. Увернись Ланфорд от этого удара (что он без сомнений легко сделал бы в собственном теле), ветувьяр бы со всего маху рухнул на пол и позволил бы себя добить, но монах оказался настолько неповоротлив, что демону удалось прижать его к оконному стеклу, которое тотчас треснуло под спиной камарила от силы удара.

Он качнул головой, пытаясь восстановить зрение и избавиться от головокружения, но в лицо снова врезался кулак демона. Вновь раздался треск хрупкого стекла за спиной.

Ланфорд проклял все на свете — он так и знал, что это тело не позволит ему справиться с демоном. Одно дело — лишать жизни пожилых или изможденных церковников, и совсем другое — драться с весьма сносными воинами вроде адмирала Флетчера.

Широкое окно, сверху украшенное старинными витражами, было низким — такие редко делали в подобных замках, но Ланфорд наткнулся именно на него. Сквозь туман в глазах и пелену головокружения камарил почувствовал, как демон хватает его за грудки. Из последних сил Ланфорд попытался вырваться, но в демона словно кто-то вселился после того, как камарил покалечил ему ногу — он стал сильнее и яростнее, в то время как Ланфорд совершенно выдохся. Он понимал, что ему не победить.

Демон со всего маху впечатал камарила в стекло, и оно рассыпалось на сотни мелких осколков. Прошла долгая секунда, прежде чем Ланфорд почувствовал, как руки ветувьяра отпустили его. В спину ударил холодный ветер, а потом камарил ощутил, что падает.

Он летел вниз, прямо на каменную площадку перед замком.

*

Задыхаясь от усталости и напряжения, Джеррет смотрел, как тело монаха, оказавшегося камарилом, рухнуло на камни. Нога горела от боли, кровь заливала все вокруг, а где-то на задворках сознания что-то говорила Селин.

Адмирал ее не слышал. Возбуждение и прилив сил, что охватили его после того, как камарил всадил кинжал ему в голень, исчезли, и на их место пришла паника.

— Сейчас здесь будет стража, — Не помня самого себя от боли, выдохнул он.

Он почувствовал, как к пульсирующей болью ноге что-то прикоснулось, и только медленно опустив глаза, увидел, что Селин поспешно перевязала ее куском рукава от своего платья.

— Быстрее, — Девушка схватила его за руку, — За мной!

Все происходило как в тумане. Они с Селин нырнули под гобелен, висящий на стене, и оказались в темном, насквозь провонявшем пылью коридоре. Джеррет пытался игнорировать боль в ноге и привести мысли в порядок, но подчиняться они не желали.

— За мной может тянуться след, — Это была первая внятная мысль, пришедшая ему в голову, пока Селин тащила его за собой по каким-то ступенькам и узкому проходу, где ему приходилось пригибаться, чтобы не цеплять головой потолок.

Каждый шаг отдавался болью, но останавливаться Джеррет не имел права — если он даст себе пару минут на отдых, станет еще хуже. Но пока сердце несло в галоп, руки гудели от напряжения, а перед глазами стелился туман, нога не казалось таким уж препятствием. Камарил не убил его — и это было самое главное.

— Это был ваш жених? — Опомнился Джеррет.

— Я не знаю, — Судорожно ответила Селин, — Должно быть, это какое-то колдовство. Лицом и телом это был не он, но разумом и словами...

— Черт бы их побрал, — Выругался адмирал, — Надеюсь, эта тварь не оживет...

Он не знал, куда приведет их этот коридор, но решил довериться Селин. Девушка вела адмирала по коридору с полной уверенностью, что он выведет их куда-то в укромное место.

— Кстати, как вы вырвались? Когда он держал вас? — Джеррет надеялся, что разговоры отвлекут его от боли.

— Я воткнула ему в ногу иглу, — Призналась девушка.

— Какую? — Удивился Джеррет.

— Я вышиваю ей. Леди Ремора просит, чтобы я не путалась под ногами.

Адмирал едва слышал слова девушки. Он понимал, что долго так не протянет. Каждый шаг давался все тяжелее, ногу сводило от боли, а про кровь и говорить было нечего.

Он старался думать о чем угодно, кроме боли — о темноте, неровных камнях под ногами и о холодных пальцах Селин, лежащих в его ладони, но боль вытеснила все.

— С-селин, — Сквозь стиснутые зубы выдохнул Джеррет, вынуждая девушку остановиться, — Я не могу больше...

Он почувствовал, как рухнул на колени, не в силах сделать больше ни шага.

Неужели все закончится вот так?

*

Ланфорд распахнул глаза. Над его головой простиралось бесконечное серое небо, а под спиной ощущался грубый брезент и скрипучая телега. Колеса медленно крутились, спотыкаясь о каждый камень, что попадался на раскисшей дороге.

Он рывком поднялся и принял сидячее положение, рассматривая мир вокруг и самого себя. Камарил оглядел свои руки — мускулистые, покрытые шрамами.

Он снова был в своем теле и в эделосской армии — рядом с ним ехали другие солдаты, тянули повозки с провизией медлительные коренастые лошади. Ланфорд не видел ни одного знакомого лица, но он не сомневался, что вернулся назад. Действие заклятья закончилось, как только демон Флетчер убил его, выбросив из окна. Настоящий Ланфорд был цел и невредим — разве что голова казалась какой-то туманной, но он не сомневался, что это

ненадолго — и все же его не покидало ощущение поражения.

Он убил двоих еретиков, но оставил гулять по свету как минимум трех демонов. Зато теперь Ланфорд знал их сильные и слабые стороны, знал, каковы они из себя — теперь он не ошибется. Теперь он будет готов.

— Вы очнулись! — Воскликнул голос позади него.

Ланфорд обернулся, чтобы увидеть, как с его повозкой поравнялся тот самый монах, что проводил обряд замещения душ.

— Ваша миссия с успехом завершена? — Поинтересовался он.

Если бы Ланфорд не был бы в таком паршивом настроении он, может быть, и ответил монаху хоть что-то, но сейчас он решил проигнорировать его вопрос:

— Доложи Биркитту, что со мной все в порядке.

Поспешно кивнув, монах пришпорил коня и унесся вперед, куда-то к началу медленно ползущей колонны.

Обрадовавшись, что его оставили в покое, Ланфорд лег обратно. Мысли его неумолимо возвращались к Флетчеру — камарил так и не понял, насколько серьезно ему удалось его ранить, но вряд ли удар в ногу кинжалом окажется для демона смертельным.

Не меньшую злость вызывала и эта сука Селин, посмевавшая связаться с демоном и предать орден, который был ей почти что родным — как-никак, в ее жилах текла кровь камарила.

Ланфорд почувствовал, как на него набрасывается усталость — глаза слипались, а мысли начали путаться, но кое-что он неустанно прокручивал в голове.

Он убьет их всех. Темную лошадку Флавио, Ремору Кастиллон, ее брата (если он жив), Джеррета Флетчера...

И свою невесту. Ее он оставит напоследок, заставит смотреть на то, как от ее защитника-демона останется бездыханный труп, а потом сделает то, чего не смог совершить в теле неудачника-монаха.

Ланфорд доберется до этих тварей. Найдет для них самый острый клинок, самый жестокий яд и самую верную молитву.

Видят боги, он сделает это. Или умрет.

Глава 31. Кирация. Монастырь Двух Лиц

“Я верю в тебя” — этими словами заканчивалось письмо, написанное Реморой для Калисты, и из всего длинного послания одна лишь эта фраза казалась принцессе по-настоящему искренней.

В остальном она лишь пыталась быть точной и честной — сформулировать все это было нелегко, но гораздо сложнее оказалось не дать эмоциям выхода, не удариться в бесконечное нытье и жалость к самой себе.

Ремора взяла завершенное с пятой попытки письмо со стола и еще раз прочитала его:

“Дорогая Калиста!

Мне стоило бы благодарить тебя за то, что ты вернула меня в нужный момент времени, но этого оказалось недостаточно. Я не смогла сделать ничего для того, чтобы остановить Лукеллеса и ту жестокую игру, которую он начал вести на кирацийском престоле. Тейвон мертв, и теперь твой муж считает себя полноправным королем, в чем я ему не перечу. И тебе не советую — впрочем, ты и так знаешь это лучше меня...

У нас еще есть надежда, и я ни за что бы не стала просить о помощи тебя, если бы мое время не подходило к концу. Знаю, что тебе тяжело будет мне довериться, но прошу — попытайся!

Джеррет чудом остался жив, и я лелею в сердце надежду, что это — особое предзнаменование для нас. Возможно, впереди нас ждет что-то страшное, и только Джеррет способен это остановить. Я не прошу тебя простить его, но умоляю ему помочь.

Ты знаешь Лукеллеса лучше кого бы то ни было. Не сомневаюсь, что ты найдешь способ отвлечь его, запутать или сбить с толку — в общем, сделать все, чтобы он не подозревал о нашем плане. Джеррет соберет в Кирации армию и поднимет новый мятеж. Не дай Лукеллесу узнать об этом раньше времени.

Ты можешь разозлиться на меня за эти слова, но у меня нет другого выбора. Я понимаю твои чувства, знаю, как ты ненавидишь нас за то, как мы с тобой поступили, но ничуть не меньше я уверена в том, что ты любишь Кирацию и желаешь ей счастья.

Лукеллес — наш общий враг. И только вместе мы сможем его победить.

Твой муж отправится в Анкален послезавтра — Джеррет к тому моменту уже будет на пути в Кирацию. Нас ждет тяжелая и безумная зима. Прочитав это письмо и мой краткий рассказ о том, что произошло здесь, в монастыре Двух Лиц, ты ни на шутку испугаешься. Знай — я боюсь не меньше твоего. Уничтожь это письмо, как только прочтешь.

Наверное, мне больше нечего тебе сказать. Осталось только самое главное:

Я верю в тебя.

Твой ветувьяр, Ремора”

Принцесса понимала, что послание написано отвратительно, но ничего лучше она придумать так и не смогла. Руки у нее тряслись от волнения и страха, голова болела, а мысли неслись в разные стороны, не давая полноценно задуматься ни о чем.

Она судорожно свернула исписанный с двух сторон пергамент (на одной было письмо, а на другой — разъяснение, что успело произойти, пока Калисты не существовало) и спрятала его в конверт. Это, конечно, не спасет ее, если кто-то зайдет в комнату и возьмет письмо со стола, пока она будет без сознания, но все равно лучше, чем ничего.

Ремора глянула на часы — до заката еще оставалось время, но идти к Джеррету снова она не собиралась. Все слова уже сказаны, нечего повторять их еще раз и выворачивать наизнанку и без того израненную душу. К тому же, принцесса чувствовала, что если она не вернет Калисту сейчас, то буквально через пару часов ее тело само потребует этого с помощью тошноты и слабости.

Пусть лучше у Калисты будет побольше времени разобраться во всем, что успело произойти. Ремора надеялась, что у нее не опустятся руки, как только она прочтет письмо.

А ведь был еще какой-то подлый голосок, который нашептывал принцессе о том, что Калиста могла и не захотеть им помогать. Что, если ей понравится быть королевой Лукеллесовой Кирации?

Нет, если бы Калиста хотела бы их предать, она не вернула бы Ремору, не написала бы ей письмо, не помогала бы пробраться в Анкален. Она ненавидела Лукеллеса гораздо больше, чем они все вместе взятые.

Калиста сделает все, чтобы уничтожить его. Главное, чтобы она не перестаралась и не погубила тем самым себя и всех остальных.

Но это от Реморы уже не зависело.

В ее комнате стояла гробовая тишина. Селин куда-то запропастилась, хотя Ремору даже радовало, что девчонка не висела у нее над душой, пока она писала письмо. Ничего, вернется и сама объяснит все Калисте, не маленькая.

За окном выл ветер. Он гнал по небу тяжелые осенние тучи, похожие на снеговые, и было в этом что-то жестокое и первобытное, похожее на жизнь, в которой они теперь оказались.

Ремора откинулась на спинку кресла и закрыла глаза. В голове и в душе было совершенно пусто. Она не надеялась ни на что, даже на встречу с Эйдемом. Неизвестно, что с ним стало после того, как она сделала его палачом.

Больше никаких мыслей не было. Не открывая глаз, Ремора наконец отпустила себя и прошептала:

“Пусть лик мой явит себя, что сокрыт под кожей в глубине меня”.

*

Селин понимала, что глупо было оставаться с ним. Она променяла относительную безопасность, пусть и рядом с озлобленной на нее леди Реморой, на новую неизвестность, бездну, в которой ее снова ждала жизнь в постоянном страхе. Она снова станет обузой для Флетчера, бесполезным человеком, которого необходимо беречь и защищать, но разве у Селин остался хоть какой-то выбор? С такой раной адмиралу ни за что не добраться до корабля. Бросить его — означало обречь Кирацию на правление человека, который был столь же омерзительным, сколь подлым и жестоким.

Флетчер несколько раз спасал ей жизнь. Теперь Селин спасала жизнь ему.

Девушка не понимала, как все случилось — возможно, адмирал действительно имел какую-то демоническую силу, что позволила им выскользнуть из замка, а может быть, на их стороне были сами боги.

Это было самым удачным совпадением в ее жизни. Когда Селин вывела ослабшего от потери крови Флетчера из замка с помощью одного из входов для слуг, что вел на задний двор, там не было стражи. С одной стороны охрана заднего двора монастыря действительно была пустой растратой людей, но с другой — именно благодаря такому упущению они с адмиралом смогли сбежать.

И все же дальше им предстояло самое трудное — спуститься в город. Монастырь располагался на горе, а поэтому все дороги, что вели к нему, представляли из себя крутые и узкие каменные тропы — по таким опасно ходить даже со здоровыми ногами, но Флетчер держался неплохо. Может, из-за общества Селин, а может, потому, что адмирал понимал всю необходимость преодоления этого пути, он упрямо продолжал идти вперед, не позволяя девушке ему помогать. Несколько раз они останавливались, чтобы сменить повязку на ране — к концу спуска платье Селин было изорвано в клочья, но кровь так и не желала останавливаться.

Флетчер слабел с каждой минутой, а им еще предстояло добраться до пристани.

— Только не в город, — Прохрипел адмирал, — Там меня могут узнать.

Путь в обход был гораздо дольше, но Селин не стала перечить — им действительно не стоило попадаться на глаза всем подряд.

Адмирал указал направо, в сторону раскидистых полей. Они лежали несколько внизу, и вопреки близкому расположению гор, казались ровными, как стол.

— Но вдруг мы не успеем? — Нахмурилась девушка.

Флетчер поглядел на небо:

— Солнце сядет часа через два. Успеем.

Она вновь доверилась ему, и снова им улыбнулась удача. Вряд ли такое везение было добрым предзнаменованием, но пока оно позволяло, грех было им не воспользоваться.

Поле, лежащее прямо за городом, оказалось не слишком большим. Летом здесь наверняка выращивали зерно для монахов, а сейчас, поздней осенью, здесь осталась лишь опустевшая земля с безжизненной пожухлой травой. Идеально ровный клочок земли опоясывала раскисшая от дождей узкая дорога, по которой медленно катилась запряженная старой клячей крестьянская телега.

Селин не успела сообразить, что происходит, как Флетчер поглубже натянул капюшон и захромал к повозке. Девушка устремилась за ним.

— Эй, добрый человек! — Окликнул крестьянина адмирал.

Тот остановил свою клячу и оценивающе оглядел Флетчера с ног до головы:

— Чего тебе, сын божий?

Он принял его за монаха. Селин поежилась от напряжения — она не понимала, что задумал адмирал, но он явно придумал какую-то ложь, чтобы заставить крестьянина помочь им.

— Его Величество приказал доставить эту девицу в порт и совершенно позабыл про нас, — Голос Флетчера, уставший и хриплый, внезапно стал гораздо мягче, — Должно быть, вино ударило ему в голову или богам угодно послать эти испытания для моей грешной души... Помогите нам, добрый человек, и зачтется тебе благодеяние сие.

Крестьянин, седой и морщинистый старик, озадаченно потер бороду, а потом поглядел на Селин:

— Это что ж за девица такая будет?

Флетчер освободил девушку от необходимости отвечать:

— Прислужница королевы Калисты. Послание везет.

Селин испугалась, что старика смутит ее рваное платье, но крестьянина, видимо, убедила ряса Флетчера и его витиеватые церковные речи. Он махнул им садиться в скрипучую телегу, и кляча тронулась с места.

Текли минуты наполненного страхом молчания. Селин избегала смотреть на Флетчера,

а ему с его раной и вовсе было не до девушки.

— Простите меня, Селин. За то, что втянул вас в это, — Вдруг пробормотал адмирал, поудобнее устраивая свою ногу на связках старой прелой травы.

Девушка не хотела смотреть ему в глаза. Теперь ей казалось, что она перешла черту, сделала шаг, пути назад после которого уже не было. Она связала себя с Флетчером. И жалеть об этом почему-то не получалось.

Теперь ей казалось, что сегодня она совершила самый смелый поступок в своей жизни. Все эти годы она боялась и не могла решиться на что-то ради того, чтобы сегодня остаться с ним. Обречь себя на новый страх и опасности, но при этом выбраться из склепа, в котором она провела всю жизнь.

Сегодня она выбрала настоящую жизнь, а не существование в душной комнате со своими страхами, не прозябание в грязи, не подчинение чьим-то приказам, будь то жестокий камарил или холодная принцесса.

— Я сама сделала этот выбор, — Наконец ответила она. Крестьянин при всем желании не мог услышать их заглушаемый ветром шепот, — Теперь я с вами.

Колеса телеги мирно скрипели, пока лошадиные копыта сражались с грязью на дороге. Мимо проплывало опустевшее поле и тяжелое серое небо. Селин не сводила с них глаз, боясь посмотреть на Флетчера. Чем он сочтет ее слова? Как их воспримет?

Но адмирал молчал. Неужели он не мог найти, что сказать?

Селин осмелилась посмотреть на него, и тут же с ужасом осознала, почему Флетчер не ответил. Он был без сознания.

Девушка испуганно потянулась к нему, лежащему прямо на связках травы. Грудь адмирала мерно вздымалась, повязка на ноге насквозь пропиталась кровью, и Селин прикрыла ее краем его плаща, чтобы крестьянин не заметил рану и ничего не заподозрил.

Возможно, ей стоило привести Флетчера в чувство, но девушка решила дать ему немного отдохнуть. К тому же теперь, когда он был так близко, к ней с новой силой вернулось ее прекрасное наваждение — это глупое предательское чувство, что разливалось теплотой в груди и заставляло ее чувствовать себя по-настоящему живой.

Флетчер был бледен, как смерть, но Селин надеялась, что его жизни ничто не угрожает. Они залечат его рану раньше, чем доберутся до Кирации — она почти не сомневалась.

Сомневалась девушка в том, что ждет их там, за морем. Жизнь или смерть? Могла ли Селин позволить себе хотя бы крошечную надежду на то, что Флетчер чувствует к ней то же, что и она к нему? Она видела его улыбку, чувствовала прикосновение его пальцев на своей руке, а его взгляд...

Эти мысли были невыносимы. Особенно рядом с мыслями о смерти.

— А знаете, я не рассказала вам кое-что, — С грустной улыбкой прошептала Селин Флетчеру, который никак не мог ее услышать, — Я люблю петь. И мне говорили, что это единственное, в чем я действительно хороша.

Девушка и сама не знала, зачем она это рассказывает. В ее голове тут же всплыла старая мамина колыбельная, но петь ее она, естественно, не стала — не привлекать же внимание крестьянина, которого они обманули!

— Когда-нибудь я спою вам. Или вместе с вами, — Добавила она.

Флетчер никак не реагировал. Лицо его было спокойным и умиротворенным — самым неправильным и самым прекрасным одновременно. Если бы Селин знала, что он все слышит, она бы никогда не сказала ничего подобного.

Она любила его, и это было ее тайной. Быть может, завтра их не станет, и эта тайна уйдет в могилу вместе с ней — какая разница!?

А раз у нее была одна тайна, то можно украсть и вторую. Не получить, не найти, не придумать, а именно украсть.

Селин склонилась над Флетчером и медленно прижалась к его губам своими. Ветер трепал ее волосы и обдавал осенним холодом, но девушка не чувствовала ничего, кроме теплых и сухих губ. Лишь мимолетное прикосновение — испуганное и легкое, но самое сладкое и желанное на свете. Это трудно было назвать поцелуем — о поцелуе обычно знают оба — но девушке хватило и этого.

Свидетелем ее кражи была только осень. И вряд ли она имела что-то против.

Никому не будет приятно, когда тебя всю жизнь тычут лицом в твое уродство. Когда с детства ты только и слышишь, что ты недостойный, недоделанный, неправильный, никчемный. Кто-то может подумать, что такого не бывает.

Но Иллас Орледар жил так сколько себя помнил. Все вокруг напоминали ему о том, какое он ничтожество.

Но его уродство и болезни не мешали юноше оставаться наследником эделосского престола. И, как бы отца это не злило, он ничего не мог с этим поделать — королева не смогла родить ему больше сыновей, а дочь оказалась еще хуже Илласа. Поэтому Вайлону Орледару пришлось смириться с неизбежным и продолжить унижать единственного сына, словно он мог стать от этого здоровым и сильным.

При этом, отец действительно продолжал верить, что однажды Иллас станет похожим на него. Вот-вот, еще чуть-чуть, он еще немного посмотрит на армейскую жизнь, на конский навоз и замученных долгими переходами солдат, и все встанет на свои места. Если бы все было так просто..!

Иллас не был своим отцом хотя бы потому, что в его голове было хоть что-то, кроме войны, попок и шлюх.

Сейчас он сидел в роскошном отцовском шатре, на стуле, что стоял поодаль от королевского стола. Все верно — наследнику стоило присутствовать на советах, но и не следовало мозолить отцу глаза и лишний раз напоминать, каким ничтожным уродом был тот человек, которому достанется “великое королевство”.

Илласа никто не замечал — для отцовских советников он был не более, чем мебелью, причем, самой бесполезной. Юноша был этому рад — к нему никто не навязывался, не пытался влезть в душу или прочесть его мысли.

За ужином к королю присоединились уже осточертевшие Илласу люди — глава камариллов Биркитт Даирон, генерал Теферс, местный герцог Кунк (редкостный лизоблюд) и еще парочка ничего не значащих командиров, желающих произвести впечатление на Его Величество. Стол ломился от разнообразных блюд и вин разных сортов. Иллас искренне не понимал, почему во время военного похода нельзя было устраивать трапезы поскромнее, тем более, когда простые солдаты сидят на серой безвкусной баланде.

Видимо, это тоже было не его ума дело. Впрочем, как и все остальное, если верить отцу. — За скорое начало великой войны! — Воскликнул отец, поднимая кубок с вином.

Собравшиеся радостно загоготали, поддерживая тост, раздались чьи-то похабные шутки о том, что эделосская армия сделает с Кирацией, и вся компания заливисто расхохоталась.

Ничего необычного. Всего лишь один вечер из множества.

— До границы осталось всего ничего, — Гордо заявил генерал Теферс, не успев пережевать набитое в рот мясо, — Ох и “обрадуются” кирацийцы!

— Это да, — Откликнулся герцог Кунк, сверкая длинным носом.

Отец закашлялся. Иллас сжал пальцами колена, чтобы скрыть то, как трясутся руки. Во время волнения его трясучка становилась в разы сильнее, чем обычно, поэтому слуги могли заметить неладное.

Кашель перешел в хрип. Иллас на мгновение прикрыл глаза, потом снова распахнул. Вокруг короля уже собралась большая часть его обеспокоенных советников.

— Подавился, как есть подавился! — Заявил кто-то.

Когда человек задыхается, он издает престранные звуки. Иллас видел это пару раз у своего мастера-лекаря, который обучал его медицинскому ремеслу и науке — тогда это даже испугало его, но сейчас юноша испытывал смутное удовлетворение от того, что все шло по плану.

— Лекаря! Позовите лекаря!

Кто-то из слуг бросился прочь из шатра, поднимая в лагере тревогу.

— Его Величеству плохо!

Иллас старался лишней раз не шевелиться, но, видимо, неудачно шевельнул больной ногой, на что она отозвалась резкой болью. Юноша поморщился, через силу возвращаясь в реальность. Спины советников плотно сомкнулись вокруг короля, и из-за них Иллас не мог ничего увидеть.

Впрочем, он прекрасно знал, что сейчас происходит с королем. Он хрипит, хватается за горло, пытается вдохнуть ртом воздух, но все тщетно. Лицо его наливается кровью, а глаза грозятся вылезти из орбит. Все так, как и должно быть.

Постепенно хрипы стихают. Лекаря все еще нет, советники чуть расступаются, и Иллас видит короля лежащим лицом на столешнице. Рядом с ним опрокинутый кубок с вином и раскученная тарелка. Глаза распахнуты.

— Нет! Ваше Величество!

Биркитт приложил ладонь к шее короля, и через пару секунд поднял глаза на остальных:

— Он мертв.

Иллас понял, что больше ему здесь делать нечего. Опершись на трость, он тяжело поднялся со своего места и совершенно незамеченным выскользнул из шатра. Позже он скажет, что у него случился приступ от увиденного, и советники поверят в это, потому что никто из них даже не смотрел в его сторону.

Ни в еде, ни в вине яда никто не найдет — потому что гораздо проще отравить посуду, особенно, когда у короля есть любимый кубок. И жертв будет меньше...

Иллас медленно шел по лагерю, волоча за собой больную ногу. В ночной мгле он видел горящие костры и факелы, силуэты людей, палаток и лошадей — пока еще мирные и спокойные. Скоро здесь все обратится в хаос.

По его вине.

Из королевского шатра выбежал кто-то из слуг. Он несся вперед, выкрикивая каждому встречному “Его Величество мертв”, и лагерь медленно, но верно заражался паникой. Она переходила от человека к человеку, тишину наполняли крики, и даже костры, казалось, загорались ярче, освещая холодную осеннюю ночь.

Принц не заметил, как добрался до одного из шатров на краю лагеря. Здесь все еще царило спокойствие, хотя отсюда было отлично слышно печальные вести.

— Молодец, братец. Хвалю, — Раздался из-за спины спокойный голос.

Иллас медленно развернулся. Над ним возвышался обыкновенный солдат — хорошо натренированный, высокий и стройный, не то, что тощий перекошенный болезнью Иллас. Если бы не изрытое оспой лицо, Ровилт и вовсе был бы красавцем — это ведь о таком сыне мечтал всю жизнь король Вайлон?

Но тогда почему он отрекся от него? Мог ведь сделать бастарда Ровилта своим наследником и гордиться им, сколько душе угодно. Но нет — Вайлону, видимо, нравилось унижать Илласа и говорить ему о том, как он ничтожен.

— Теперь за отречением дело не встанет... — Довольно протянул сводный брат и, когда Иллас ничего не ответил, настороженно добавил, — Ведь так?

Юноша кивнул — в свете факелов Ровилту было нетрудно это увидеть.

— Да ты не переживай, я не наш с тобой папаша, я добро помню, — Брат плюхнул руку ему на плечо, — К тому же — куда я без твоих мозгов? Будешь у меня советником, братец. Не отвертись!

Иллас не чувствовал себя живым. Он смотрел на кричащий лагерь, понимал, что завтра ему предстоит принять власть перед всеми этими людьми и тут же передать ее Ровилту, но ему казалось, что все это происходит с кем-то другим.

И все-таки пылающие в ночи костры были прекрасны. Почти так же, как свобода.

Больше книг на сайте - Knigoed.net